

**ПО ИТОГАМ ОБЛАСТНОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА**

**ДОРОГИЕ
МОИ
СТАРИКИ**

**Курган
2017**

Книга “Дорогие мои старики” создана по итогам областного литературного конкурса, проводимого под руководством Управления культуры области, при поддержке областной газеты “Новый мир” и городской газеты “Курган и курганцы”, районных газет, областного культурно-выставочного центра, Комитета по печати и СМИ области и по инициативе Курганской областной писательской организации.

Конкурс проводился с 1 марта по 1 октября 2016 года. В нем приняло участие 92 человека из 20 районов области и города Кургана. В данную книгу вошли произведения и материалы 71 автора и шести членов Союза писателей России.

14 октября 2016 года в Курганской областной универсальной научной библиотеке имени А.К. Югова были подведены его итоги, определены лучшие работы, награждены дипломами и ценными подарками победители и благодарственными письмами все участники.

Произведения членов Союза писателей России не оценивались.

Книга издана по заказу и на средства
Правительства Курганской области

СЛОВО О САМЫХ БЛИЗКИХ

Спросим себя: к кому мы обращаем свой взгляд, когда нам трудно? А когда добились чего-то очень важного и нужного? Конечно же к ним - папам, мамам, дедушкам, бабушкам. С ними с детских лет мы делим все свои проблемы, заботы и чаяния. Именно близкие люди в далекие годы смазывали зеленкой наши ободранные коленки, вытирали разбитые при различных обстоятельствах носы, собирали в школу, ругали нас за двойки, давали советы нам - юным влюбленным, провожали и встречали из армии...

И везде, и всегда рядом с нами была мама... Пусть не в буквальном смысле слова, но - рядом. Участием, волнением, заботой. Она видела и чувствовала нас через расстояния, присылая волнующие телеграммы или позвонив по телефону: “У тебя все в порядке...” И мы, уже что-то напортачившие и накуролесившие, смущенно отвечали: “Да, мама, не волнуйся, разберусь, отвечу...” А сами, потрясенные ее ясновидением, тут же рвались исправлять ошибки.

Отец... Суровый и справедливый, доступный и указующий, умеющий и советующий. Как много мы почерпнули из общения с ним. Строгать и пилить, рыбачить и охотиться, скакать на лошади и дорожить сказанным словом. Будто и не было тех лет, а уже и седина в его бороде, встает - опираясь на тросточку, провожает - до порога...

А самые старшие, бабушка и дедушка? Сказки и фронтовые медали, былички и реальные рассказы о войне, наука посадки и наука уборки... Дыхпние старины, голос истории.

Как это близко и дорого человеку думающему, уважающему тех, от кого потянулся и твой корешок. Жизнь будет вечной, если род не угаснет. Но нужна память, уход, соприкосновение душами и сердцами. Эти целям и служит данная книга. В добрый путь!

Владимир БАБИН,
начальник Управления культуры Курганской области

БОЛЬШОЙ УРОК ДЛЯ МЛАДШИХ ПОКОЛЕНИЙ

Дорогие земляки! Перед вами чистая как родниковая вода, нежная как дуновение ветра, прекрасная как цветок, мощная, как угловой камень, книга о наших отцах и матерях, дедушках и бабушках... О старшем поколении.

Сказал так - и дрогнул мой голос. Дрогнул потому, что всегда испытываю душевный трепет, когда вижу пожилого человека, когда обращаю внимание на скромную бабушку, сидящую рядом в автобусе и опустившую расслабленно изработанные, с крупными венами, руки. Боже! Сколько же они пережили! Образно говоря - эти руки - СУДЬБА многих поколений русских по сути людей, по крупицам собиравших нашу державу, нашу Родину.

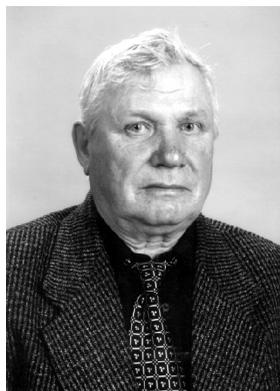
И не вина старшего поколения в том, что многое из того, что построили их не знающие устали и прекрасные рабочие руки, пошло на распыл. Наш народ удивителен в своем долготерпении, он не может предать ни память о своих предков, ни подрастающую поросль. Он верит в вас - свою смену на этой земле. Быть может, именно вам суждено осуществить его великую мечту - все же построить такое государство, которое воистину будет заботиться о своей истории, о своих родовых корнях.

Мне же, как организатору проведения конкурса, не стыдно представить эту книгу людям, сказавшим добрые слова благодарности и восхищения в адрес своих близких. Пусть она будет нашей общей хоровой и громкой ПЕСНЕЙ в честь тех, кто завоевал нашу воинскую славу, пахал землю, выращивал хлеб и создавал наше Отечество. Служил и работал, работал и служил...

Владимир ФИЛИМОНОВ,
организатор проведения конкурса

**АКСЁНОВ
НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ**

Родился 18 декабря 1938 года в селе Митино Кетовского района в крестьянской семье. Автор ряда сборников стихов и прозы. Печатался в журнале «Урал», альманахе «Тобол». Работал разнорабочим в колхозе, учителем в школе, слесарем, заведующим мастерской, заведующим сельским клубом. Дважды лауреат литературной премии губернатора области. В Союз писателей России принят в 2005 году.

Уже три года на его малой родине проводятся Аксеновские костры - воистину народный литературный праздник. Имя поэта присвоено местной библиотеке.

МАМИН ХЛЕБ

Господи, как время пробежало,
И какой прошел я долгий путь!
Времени безжалостное жало
Мне с утра сегодня колет грудь.

Помню нашу ветхую избенку,
Где качались тени в полумгле,
Где катал я младшую сестренку
На чужом горбатом костыле.

Мама поздно с поля приходила,
Раздевалась прямо у стола,
На залавок грустная садилась
И делила хлеб, что сберегла.

Сберегла под мокрою фуфайкой,
В пиджаке с отцовского плеча
В тряпочку завернутую пайку –
Дорогую четверть калача.

Долго-долго мы с сестрой жевали,
Мы умели хлеб тогда ценить,
Мы его по крошке отрывали
И боялись крошку уронить.

За окошком дождь осенний капал,
Заунывный ветер пел в ночи.
И шептал я тихо: папа, папа!
Рядом с мамой лежа на печи.

Мой отец тогда погиб под Тверью,
Он в атаке яростной умолк.
А под утро перед нашей дверью
Выл тоскливо одинокий волк.

Шли невзгоды черной полосой,
Но жилось бездумно и легко.
Детство-детство, бедное, босое,
Как ты оказалось далеко!

Комом подступают к горлу слезы
Да рукой горячей лоб измят:
Нет и мамы, только три березы
Над её могилкою шумят.

Многое ушло из жизни ныне,
Но к добру не стал я глух и слеп.
И всегда я помню, как святыню,
Сбереженный нашей мамой хлеб.

СКАЗКИ

Я помню: вечер над селом,
Метель куда-то в санках едет.
А в нашем доме за столом
Уже сидят кружком соседи.

Огонь в печи жует смолу,
И кошка спит в трофейной каске.
Мой дед, присевши на полу,
Опять рассказывает сказки.

Коптит тесемка в ночнике.
А речи льются все напевней
И об Иване-дурачке,
И об украденной царевне.

Рисует медленный рассказ
Картины давнего, былого.
И очаровывает нас
Простое дедовское слово.

И даже бабушка не спит.
Не спят ни взрослые, ни дети.
А за окном сибирский ветер
Тихонько ставнями скрипит.

О ПЕСНЯХ

Бородатый сказочный кудесник,
В жизни мало видевший добра,
Выпив, дед мой пел на лавке песни
С вечера до раннего утра.

Сядет он, ладонь приложит к уху,
Грудь упрячет в бороду свою,
Скажет: “Спи, любезная старуха,
Ну, а я немножко попою”.

И поет про ранешние были,
Про любовь (да мало ли всего).
Каждый раз соседи приходили
Слушать песни деда моего.

Умер он, худой и суетливый,
И лежит давным-давно в земле:
Деда нет, а песни деда живы,
Их поют все так же на селе.

Пусть мала была природы мерка,
Людам отпустив недолгий век,
Песня, как материя, бессмертна,
И бессмертен в песне человек.

МАТЕРИ

Я поклонюсь родному саду,
Бельё и мыло захвачу,
На грузовик попутный сяду
И в неизвестность укачу.

Уеду в степь и в жизнь другую,
Уйду искать судьбу свою.
А ты останешься, тоскуя,
В зеленом солнечном краю.
Сгорит зари последний лучик,
Замолкнет ржание коня.

И будет горестно и скучно
В деревне нашей без меня.

Присядет сонный август к стогу,
Ты будешь слышать голос мой,
Смотреть на пыльную дорогу
И тихо звать меня домой.

Ты за калитку выйдешь, встанешь,
Вздохнешь устало, тяжело.
И покачнется черный ставень,
Как перебитое крыло.

НАШИ МАМЫ

Светлой памяти наших матерей:
Ефросиньи Архиповны и Анны Ивановны

Не знамениты наши мамы,
Но достославны их дела.
Через трагедии и драмы
Их жизнь сурово провела.

Всё было: радости и муки,
Жгло солнце, страх несла гроза,
Болели темной ночью руки
И горько плакали глаза.

Обновы редко примеряли,
А роскошь видели во сне,
Мужей безвременно теряли
На адской огненной войне.

По-русски с нищим и калекой
Делились хлебом в трудный час.
И на последние копейки
Обуть-одеть старались нас.

Родных и близких хоронили,
От слез теряли красоту,
Но в чистых душах сохранили
До самой смерти доброту.

БЕРЕЗЫ

Сестре Вале

Как быстро выросли березы
За нашей речкою в лесу!
Иду туда один, и слезы
В глазах прищуренных несусь.

В лесу мы многое творили:
Ловили пескарей в реке,
Потом из них уху варили
В солдатском узком котелке,

Клубнику дружно собирали,
Ночами спали, как в раю,
И каждый день в войну играли,
Чтобы помочь отцам в бою.

Березки маленькими были,
Зато не трогал их топор.
Они с годами нас забыли,
А мы их помним до сих пор.

Душа заходится в истоме,
Я признаюсь тебе, сестра:
Ты вспомни старый дедкин домик
На склоне сельского бугра.

Вилась от дома вниз дорожка,
Вела за речку, через лес.
Я так любил смотреть в окошко
На дали, полные чудес.

Возился дед с тележной осью,
Чинил её на сквознячке,
А наша бабушка Федосья
Шла тихо с ведрами к реке.

Дымили терпким дымом бани.
И над землей издалека
В безбрежном синем океане
Спокойно плыли облака.

АКШИНЦЕВА
Оксана Анатольевна

Родилась в 1968 году в деревне Мокрушино Мишкинского района. Окончила Кировскую среднюю школу и торгово-экономический техникум. Одно из самых ярких ее увлечений - сбор материала по истории семьи. Мама многодетной семьи. Проживает в селе Кирово.

МОЯ ЛЮБИМАЯ БАБУШКА

Хотелось бы рассказать о своей бабушке - Андрюшиной Варваре Спиридоновне родившейся 1 января 1925 года, уроженке деревни Мокрушино, которая всю свою жизнь проработала в колхозе им. Кирова.

Начала она свою трудовую деятельность в четырнадцать лет, еще до войны. Семья была многодетная, жили бедно, отец умер рано, так как с Германской войны пришел больным и протянул недолго - сказались контузия, отравление газами и тяжелые годы немецкого плена. Пока отец был жив, они с детьми пасли коров, сеяли свое поле, потом вступили в колхоз. В свои юные годы бабушка работала на прицепе сеялки. Мужики в деревне говорили: «Учитесь, девки на тракторе, нас скоро на войну заберут, а вы будете за нас работать». Девчонки смеялись: «Да что вы, какая война!» Но все вокруг чувствовали - беда неминуема.

И вот грянул сорок первый! Забрали на войну двадцать четыре красивых и здоровых мужчин, а вернулись четыре калеки. Пришлось ей, подростку шестнадцати лет, управляться с тракторами.

По рассказам бабушки первые трактора были довольно необычные. Некоторые даже топились деревянными чурками, которые

вначале нужно было заготовить. Слушая бабушкины рассказы о тракторах, я все-таки не очень себе представляла, видя с детства «Кировец», «Беларусь» и гусеничные, на которых работал отец. И вот, когда я, уже взрослая, жила в Кургане, мы с ней гуляли по парку, разговаривали. Оглянувшись, я вдруг увидела, что бабушки нет рядом... Нашла я её в конце аллеи: она плакала и гладила трактор, стоящий на постаменте: «Ну, здравствуй, мой родной!» Я оторопело смотрела: маленький, неказистый, без кабины, весь железный (даже сиденье), а вместо гусениц круглые, железные колеса с шипами. На боку надпись «СТАЛИНЕЦ». Так вот он какой! Представив себе, как в нем трясло, на этом железном сиденье, как продувало ветрами со всех сторон, я поняла, какие муки приходилось терпеть шестнадцатилетней девчонке. И еще меня поразило то, как она смогла разглядеть этого трудягу, найти его в темноте парка, как будто оба ждали этой встречи.

Работали в войну с утра до ночи, выходных не было. Если опоздал на пять минут - «враг народа». Трактор сломался - «враг народа», а МТС в Кирово, почти тридцать километров пешком за запчастями и быстренько обратно - чинить, пока не осудили. Денег колхозникам почти не давали, вдобавок постоянно собирали на Госзайм. Кучи облигаций хранились у бабушки в шкафу, пригодившиеся только для игрушек внукам, так государство свои долги так и не вернуло. Голод в войну был страшный - хлеба не было. Давали паек, пекли хлеб из болотных корней – жабрея. Лепешки пышные, белые, но пить после такой еды нежелательно - ноги отнимались. «Идешь-идешь - ноги отнялись, посидишь около дороги, подождешь, пока кровь от ног отхлынет - и дальше пойдешь, - ведет свой рассказ бабуля. - Жили возле озера, где птицы дикой много было, наберешь утиных яиц, завернешь в узелок из тряпицы, положишь в радиатор, пока круг пашешь, они уже испеклись».

Но все рассказы не были похожи на жалобы, она во всем находила позитив. «Мы в тылу хоть и голодали, и работали, как проклятые, зато всех этих страхов не видели!» – рассуждала она про

бомбежки, концлагеря, зверства фашистов и линию фронта. Считала, что им несказанно повезло! За труд во время войны бабушка награждена медалью «За трудовую доблесть».

Подросло послевоенное поколение, мужчины сменили женщин-трактористок. Но работы хватало всякой. Только на моей памяти бабушка была кладовщиком, телятницей. Все у неё получалось хорошо и на совесть. Если кладовщик - то никаких недостатков, если телят выращивала - как своих. Мы с сестрой часто пропадали у неё на работе, помогали как могли: носили ведерки с молоком, сено. Самое интересное начиналось, когда наступало время кормления телят из большой бутылки с черной резиновой соской. О каждом забота как о ребенке.

А еще Варвара Спиридоновна работала «учетчицей». Частенько с утра она брала нас с сестрой на конюшню. Мне это место всегда казалось чудесным, здесь же находилась кузница, где подковывали лошадей, пахнувшая пропотевшей конской сбруей, на стенах висели хомуты и подковы; в деревянных бочках – солидол и много чего очень интересного для пятилетнего ребенка. Лошадки перебирали своими мягкими губами в кормушках, изредка поднимая голову, фыркая и мотая гривой. Бабушка красивая, статная, сильная заходила в загон, выбирала понравившуюся её лошадь, накидывала узду и вела за собой, ловко и умело запрягала в повозку, тщательно проверяя на прочность всю упряжь. Затем садилась на облучок (а мы с сестрой уже знали свое место в бричке), шелкала кнутом: «Н-но, пошла!» Лошадка быстро и резво бежала, помахивая хвостом. Мы забирались далеко в выкошенное поле, где бабушка доставала большой странный прибор, похожий на большую букву «А», и начинала ходить с ним по стерне, вымеряя, считая и что-то записывая в тетрадь. На боку у неё всегда болтался коричневый кожаный планшет, который я часто видела в военных фильмах про офицеров. Если вспомнить крутой нрав Варвары Спиридоновны, то и наган в кобуре на другом боку ей тоже был бы к месту. В этом планшете хранилось все необходимое, включая клу-

бок бечевки с красными метками, ими обмерялись скирды сена. А мы с сестрой во время замера сидели в душистом сене, выкопав там нору.

Еще одна работа бабушки - заведующая сливкоотделением на станции по приемке молока. Её постоянно выбирали в народные депутаты. Такую должность нужно было заслужить уважением односельчан.

Пенсия для бабули наступила неожиданно. В колхозной конторе, поднимая документы, сообщили : «Вот, Варвара Спиридоновна, у вас до «тракторного» стажа не хватает три месяца, тогда бы Вы пошли на пенсию в пятьдесят лет». И предложили ей отработать этот срок. Была осень, бабушка на гусеничном тракторе пахала зябь, а я бегала к ней на поле не столько для того, чтобы принести нехитрый обед (хлеб и молоко), а чтобы посмотреть как она это делает. Да! С железным конем она управлялась не хуже чем с живым!

Невольно задумываюсь, сколько мыслей пробежало в ее голове во время пахоты, сколько терпения, выносливости, трудолюбия в характере.

На пенсию проводили торжественно, в колхозном правлении. Вручили медаль «Ветеран труда» и радиолу. Помню, как бережно доставала из шкафа бабуля этот нехитрый музыкальный агрегат, включала и раздавалось: «Ах, Арбат, мой Арбат... ». Её глаза лучились радостью и гордостью.

Мы всегда гордились ей. Не имея образования (всего четыре класса) она писала с ошибками, всю жизнь прожила в деревне, но сколько мудрости, такта, умения вести себя в обществе и аристократизма в ней было! Очень красивая, высокая, с длинными черными косами, уложенными под платком, почти до самой смерти не седела и не старела, а её глаза всегда излучали доброту. Хотя жизнь никогда не баловала, достойно и стойко переносила испытания, преподносимые судьбой. Родила и воспитала двоих детей: дочь Александру и сына Анатолия. И если дочь ничем не

огорчала, то с сыном было сложнее... Сноха попалась непутевая и нам, своим внукам, бабушка заменяла мать. Жила нами и для нас, отдавая нам все: любовь, заботу, ласку, была и бабушкой, и матерью, и другом. Для нас это был самый родной и близкий человек, со всеми радостями и горестями мы бежали к ней. Бабушка никогда нас не «воспитывала» нравоучениями, просто жила, много трудилась, никогда никого не обсуждала, ни с кем не ссорилась. Мы все с ней делали вместе и на покосе, и в огороде, и по дому, своим примером давала огромный урок трудолюбия. Я не помню, чтобы бабушкины руки не были чем-то заняты, не помню её спящей днем. Вязала, ткала, пряла шерсть, шила. И сколько же нужно было терпения, чтобы и внучат обучить всему этому рукоделию.

Вечером перед сном мы с нетерпением ждали сказки. Надев очки, бабуля начинала читать вслух книги, и теперь я понимаю, что вместе с нами она открывала для себя прекрасный мир книг, ведь раньше ей некогда было читать. И уже повзрослев, помню читающую перед сном свои любимые книги бабушку. С детских лет мы, её внуки, знали, что день рождения этого родного человека - дело святое. Как бы ни праздновался Новый год, но первого января все родные приходили поздравить именинницу - и без внуков праздник не обходился.

Любимая, дорогая бабушка никогда не жила для себя. Вначале для детей, затем для внуков, ещё и правнуков успела понынчить. Прожила честную, достойную и красивую жизнь и нам её очень не хватает. Я писала от своего имени, но под этими строчками без сомнений подпишутся и мои сестры Ирина и Наталья, моя тетя Александра Федоровна.

АЛЕКСАНДРОВА
Валентина Сергеевна

Студентка 2 курса Мишкинского профессионально-педагогического колледжа.

Руководитель работы - Онучина Светлана Васильевна

МОЯ СЕМЬЯ
В ЛЕТОПИСИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Каждый человек, ныне живущий, имеет свои корни, родителей, бабушек-дедушек, множество предков, живших до него. Кто-то гордится тем, из какого рода он происходит, а кто-то может и не знать историю своей семьи, считая ее несущественной для жизни самого человека.

Почему необходимо знать историю своей семьи? Почему так важно как можно лучше знать генеалогическое древо, историю жизни своих родителей и их родителей, и не только прямых предков? Что полезного мы можем почерпнуть из фамильного древа своей семьи? Каждый человек прокладывает свой жизненный путь **сам**, опираясь на те сведения, которые были получены от родителей, бабушек, дедушек.

Каждый из нас – это звено цепочки, где наши предки – это прошлое, а дети, в широком понимании этого слова, – будущее.

Великая Отечественная война – испытание для нашей Родины, самая страшная в истории человечества война, где подвиг нашего народа действительно был подвигом во имя Родины, ее независимости, счастья будущих потомков. Сколько трагедий она при-

ШАПКИН

Михаил Федорович

несла в жизни людей, сколько цепочек от поколения к поколению разрушила...

Нет в нашей стране семьи, которой не коснулось безжалостное крыло войны. Семья Александровых, проживающая в селе Карачельское Шумихинского района, также не стала исключением: мои прабабушка - Какшарова (в замужестве Шапкина) Анна Фёдоровна и прадедушки – Шапкин Михаил Фёдорович и Александров Фёдор Яковлевич - внесли свой вклад в священное дело Победы над фашизмом.

Мои прадедушки со стороны мамы, Александровой (в девичестве Летуновой) Надежды Александровны также воевали, но о них, к сожалению, отсутствует информация и в книге Памяти по Курганской области, и в книге Памяти по Шумихинскому району. Для того, чтобы восстановить историю жизни семьи моей матери во время Великой Отечественной войны, мы обращались и в местный краеведческий музей, однако информация и там отсутствует.

Для меня очень важно знать историю семьей, как со стороны отца – Александрова Сергея Витальевича, так и со стороны матери – Александровой Надежды Александровны. Я являюсь продолжательницей рода, я будущая мать, и в свою семью я возьму родословную всех своих предков - это семей Шапкиных, Александровых, Какшаровых, Летуновых.

Сегодня старейшим членом семьи со стороны отца является

ШАПКИНА
Анна Федоровна

моя бабушка, Галина Михайловна Александрова, жительница села Карачельское Шумихинского района. Именно она сейчас и может рассказать нам, 7 внукам и 3 правнукам, историю жизни и трудовой деятельности семей Шапкиных и Александровых.

Сейчас в нашей большой и дружной семье уже есть поколение 21 века – Егор – шести лет, Соня – двух лет и Лена – шести месяцев. И

только от нас зависит, насколько полно мы передадим им истории наших предков, которые жили в начале 20 века, внесли свой вклад в дело Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов.

Из рассказа моей бабушки, Галины Михайловны Александровой, 20 июля 1945 г.р.: *«В годы Великой Отечественной войны наша семья проживала в деревне Котлик Шумихинского района. Наш отец, Шапкин Михаил Федорович, 23 сентября 1918 года рождения был призван в Советскую Армию в 1940 году. В этом же году по причине тяжелого ранения в грудь был комиссован в город Курган. В годы войны работал на объединённом Гомельском и Курганском машиностроительном заводах – Уралсельмаш.*

Наша мама, Шапкина (Какшарова) Анна Фёдоровна 31 ян-

Одна из наград моей прабабушки

варя 1921 года рождения с 1939 года и по окончанию войны работала на тракторе (колесником)».

Окончание войны было встречено с нескрываемым ликованием. Людей переполняли чувства облегчения, гордости и надежды на лучшее будущее. Советские люди осознавали, что именно они внесли решающий вклад в разгром фашизма.

Возвращение к мирной жизни требовало восстановления промышленного и сельского хозяйства, увеличения посевных площадей, ликвидации беспризорности. В деревнях оставались почти одни женщины и старики, которым нередко приходилось пахать на коровах.

Мой прадед, Шапкин Михаил Фёдорович, не принимал участия в Великой Отечественной войне, серьёзное ранение, которое он получил в Советско-Финляндской войне 1939-1940 гг., приносило мучения до последних дней его жизни. Михаил Фёдорович ушёл из жизни 11 сентября 1948 года в возрасте 30 лет.

В семье осталось трое детей, у моей бабушки было две сестры – Людмила и Валентина, которые выросли достойными людьми.

Из рассказа моей бабушки, Галины Михайловны Александровой, 20 июля 1945 г.р.: *«Для получения образования мы в любую погоду ходили за 10 км от дома в школу села Малое Жужгово. Наша мама не боялась никакой работы, была телятницей, дояркой, пастухом, поваром. Все силы отдавала она для нас. Труд нашей мамы отмечен Правительственными наградами. Ушла из жизни 13 ноября 2011 года в возрасте 90 лет».*

АЛЕКСАНДРОВ
Федор Яковлевич

Семья моего деда состояла из 4 человек: родителей - Фёдора Яковлевича и Анны Зиновьевны и двух сыновей – Василия и Виталия. Отец моего дедушки, Фёдор Яковлевич, мой прадедушка по линии отца, родился в 1911 году в деревне Береговая. Призван в Советскую Армию в 1941 году. Рядовой. Воинская часть под номером полевой почты 47502. В 1942 году пришло извещение, о

том, что пропал без вести. В марте 1943 года пошёл в последний бой. Дальнейшая судьба Фёдора Яковлевича неизвестна.

Когда человек исчезает, множество близких ему людей – прежде всего членов его семьи – живут в мучительной неизвестности. Исчезновение людей приводит к появлению двух типов пострадавших: с одной стороны, сами пропавшие без вести, с другой – их родственники, которые то впадают в отчаяние, то вновь испытывают надежду, живут в неопределённости и горе, и порою ждут известия десятилетиями.

Главное, что необходимо нам – это узнать, что случилось с пропавшим без вести, и если его уже нет на этой земле, иметь возможность должным образом почтить память.

Наша семья старается не допустить, чтобы о Фёдоре Яковлевиче забыли. Для того, чтобы получить какие-либо сведения, мой дед Виталий Фёдорович обращался в редакцию телепередачи «Жди меня», но ответа так и не получили.

Великий русский полководец Александр Васильевич Суворов

говорил: «Война закончена лишь тогда, когда похоронен последний солдат». И если следовать мудрому изречению, то Великая Отечественная война для нас будет закончена, когда поисковыми отрядами будет найден последний солдат, погибший во время боевых действий времен Великой Отечественной, и который будет похоронен.

Время неумолимо. Оно стирает в памяти многое из того, что мы называем историей. Уходят годы, уходят люди, и очень скоро не останется ровесников, живых свидетелей событий Великой Отечественной войны, о которой мы лишь можем догадываться. История своей страны интересна для каждого человека, но насколько интереснее изучать её по прошлому своей семьи! История сразу становится ближе и дороже, ведь вместе с родными людьми мы прослеживаем путь страны и своей семьи.

Рассказы моей бабушки, Галины Михайловны Александровой, которая, как и Победа, в этом году отмечает 70-летний юбилей, сблизили нас, научили задумываться. Я многое узнала о прошлом моей семьи и теперь мне будет, что рассказать детям. Нашей работой мы хотим показать, как важно знать историю семьи в трагические моменты для нашей Родины. Пока живы наши дедушки и бабушки, мы обязаны узнавать, как жили они в трудные, непростые годы для нашей Родины. Успевайте поговорить с ними, чтобы потом не было мучительно больно, оттого что не успели сказать «Спасибо!» за то, что выдержали, не пали духом, за то, что дали жизнь своим детям – нашим родителям!

Из чего складывается история? Каждый прожитый нами день наполнен самыми разными событиями, и мы являемся живыми свидетелями будущей истории, ведь сегодняшний день уже завтра станет ее достоянием. Чем дальше отстоят от нас исторические события, тем, ярче высвечивают их смысл и значение.

УРОКИ ГРАМОТЫ КРЕСТЬЯНКИ

В течение ряда лет я изучаю историю жизни моей мамы Анны Григорьевны Шулеповой, в девичестве Коневой. С историей развития образования знакомилась не только по архивным материалам, но и с большим интересом записала талантливое повествование о шести годах обучения в трёх школах Далматовского района крестьянской дочери Нюры Коневой, моей будущей мамы. Она с благодарностью вспомнила имена своих учителей. Рассказала какими качествами они обладали, как относились к главной своей обязанности - обучению детей.

Как развивалось образование на малой родине Нюры Коневой?

В селе Нижний Яр церковно-приходская школа была открыта при храме Рождества Пресвятой Богородицы (дата не установлена. Обучение в школе было платное. Детей школьного возраста насчитывалось 218, а обучалось только 59. Преподавал сын священника Алексей Владимирович Матвеев.

С 1870 года, когда в Шадринском уезде открылись земские учреждения, стали строиться новые школы. Начальные школы открылись в сёлах: Ключи (1872 г.), Кривское, Широково (1874 г.), Крутиха (1876 г.), Белоярское (1880 г.), Нижний Яр (1892 г.).

**Сверху - церковь Рождества Пресвятой Богородицы. с. Нижний Яр.
1924 год**

**Снизу - земская школа села.
1896 год**

АРАНОВСКАЯ
Надежда Фёдоровна

Родилась 23 сентября 1945 года в селе Тропино Далматовского района. В 1962 году окончила Уральцевскую среднюю школу. С 1962 по 1966 годы училась в Шадринском государственном педагогическом институте. Работала учителем, в комсомоле, заведующей детским садом. С 1987 по 2001 год - начальник отдела культуры Далматовского района.

Здание Нижнеярской школы было одноэтажное на каменном фундаменте, крытое железом. Классных комнат - 12. Прихожая - 18 квадратных метров с двумя окнами. Земству в строительстве школы помогло население. Примерно после 35-летней эксплуатации здание школы сторело. Сторож выгреб из печи раскалённые угли и оставил в ведре без присмотра.

Уже в 1930 году в селе Нижний Яр было построено новое двухэтажное кирпичное здание школы. Строительством руководил Николай Григорьевич Долгих.

Спустя много лет о здании школы мама скажет так: *«Зданье-то школы неприлично выглядело... Какот квадрат. Окна какито большие...»*. Таков был язык тех лет, перенесенный в годы нынешние, своеобразный, но живой и истинно народный.

Мама моя, Анна Григорьевна Конева, в замужестве Шулепова, родилась в 1924 году в селе Нижний Яр. Крещена в церкви Рождества Пресвятой Богородицы. В семье православных крестьян, Марии Яковлевны и Григория Степановича Коневых, из семерых детей она была четвёртым ребёнком, старшей из сестёр. В 1933 году у неё появилось желание учиться. В первый класс Нижнеяр-

ской начальной школы мама пришла сама. Ей было девять лет.

Вот что о школьном периоде вспоминает мама: *«От нашего дома до школы росстоянъ было два с половиной километра. Тогда стояли холодные зимы с трескучими морозами. Замерзала, пока до школы добегала. Одежи доброй-то не было. Драная фуфайка по наследству да ботинки по кому достанутся. В семье была небольшая зингеровская швейная машина, только не на ножках. Так школьные сумки, с двумя ручьями из лоскутков, мама шила сама мне каждый год. Она шила нам и одёжу из своих сатиновых юбок, которые были у неё из девушек. Из пяти полос юбки выходило два девичьих платья и две парнишечьих рубахи. Не было никаких гамаш, никаких чулок. Фасоны-то не выбирали. Родители держали овес, поэтому варежки и носки были чисто шерстяны. Нашим учителем с первого по четвёртый классы был Андрей Дмитрич Кузнецов.*

В школе мы занимались на втором этаже. Каждно утро с учениками двух классов учитель проводил гимнастику. В классе робят было много - 25-30 человек. Росли дружными. Парты стояли в три ряда. Наш класс от другого был разгорожен дощатой стеной и большими дверями. На праздники двери раскрывали, получался большой зал. Проводились утренники, посвящённые 1 Мая, 7 ноября, Новому году. Наш класс по праздникам выступал в старом клубе. Пели все желающи. Помню пели вот таку песню, названья не помню».

И запела... Интернационал. *«Вставай проклятьем заклеймённый весь мир голодных и рабов. Кипит наш разум возмущённый и в смертный бой идти готов...».* Пела серьёзно. До сих пор знает все куплеты.

Мама бесконечно удивляет меня своей памятью. Рассказывает: *«В школе я училась отлично. За примерно поведеньё и успешну учёбу меня награждали кажну четверть разными подарками: атласными ленточками, коробками карандашей,*

шкатулками... За партой я сидела всегда с мальчишками. Они баловались, я помогала поддерживать дисциплину. В школе была отдельна комната, как вроде красного уголка. В ней мы играли в пешки. Осенью, со второго класса, мы ходили убирать картошку в колхозе. Пашни были у Теченки. Километров девять мы пробегали туда и обратно. Кто с ведром, кто с лопатой. Мальчишки, кто постарше, копали. А мы собирали в вёдра, из вёдер ссыпали в большие плетёные корзины. Тяжело было, а чё поделашь? В обед нас кормили похлёбкой с картошкой. Платили или нет за питанье-то, я не знаю. Похлёбку нам варила техничка, котора жила в маленькой комнате на первом этаже школы. Она ишшо и печки топила, и полы мыла в школе. Забыла, как её звали. Домашнё заданье выполняла всегда сама. Мне некому было помогать. Образованья-то ни у кого не было в семье. Вечером, если в избе становилось темно, зажигали лампу-мигушку. Стекла на ней не было.

Я дружила с Маней Зараменских, Нюрой Кузнецовой, Дусей Кашеваровой, Настей Зайковой, Дусей Парадеевой. Эти подружки были наши краянски. Часто после школы мы с ними забегали в церковь. Там бабы зерно ветрогонили. А мы на стенах рассматривали божественны рисунки. В краю играли в прятки, классики, шаровки. В Благовешонье-то с подружками уже скакали на досках. Задушевной моей подругой была дочь председателя колхоза, Павла Григорьевича Парадеева, Лиза. Бойкя была».

На мой вопрос: «Трудно жилось? Наверное, часто болели дети в семье?» - мама ответила: «В детстве тифом хворала. Тогда не толькё всех наших ребят тиф-от перебрал, даже тятю. Одна мама не хворала. Она вот за нами и ухаживала. У меня шибко волосы выпадали. Мама укоротила их. Я начну шабаркать по голове-то, так они сыпались прямо на пол. Волосы-те опеть потом выросли. Хороши были, чёрные, вились, как у мамы.

КОНЕВА
Анна Григорьевна,
15 лет, 1939 год

Больше не хворала, хоть и жили голодно-холодно. Всё пережили. Видно, Бог хранил.

Я с детства знала всю работу. Каждно лето, когда заканчивалась учёба, с мамой ходила робила на седьмой участок. Он относился к овощесовхозу. Приходилось робить, хоть каку-нибудь копейкю получить. Одежу ко школе нову купить. Некогда было потягаться-то.

Мама рано вставала. Надо было ей с хозяйством управиться, печь истопить, хлеб состряпать. В семь-то часов мы уже выбегали из дому-то. От Нижново Яру до седьмого участка - семь километров. Надо было вовремя прибежать, без опозданья. На седьмом участке поля заливные. Почву предварительно вспахивали под капусту, боронили и прикатывали. А потом маркировали деревянным маркером. Это была палка длиной 4 метра, со штырями, высотой 30 см. Штыри располагались друг от друга на расстояньи 70 сантиметров. Это чё-то было вроде граблей. Парнишок-то не было на огороде. Я ездила верхом на лошаде. Чё-то мне доверяли, видно, серьёзна была кака-та. Проедешь в одну сторону, а потом поперёк. Получался квадрат. Робота была распределена так: одни копали лунки в углах квадрата под капусту, други разбрасывали рассаду капусты в лунки, третьи уже садили. В обед ели то, хто чё с собой принесёт. Мама брала бутылку молока и

кусок хлеба. То и ели. Мы, как подростки, робили по шесть часов, взрослые — по восемь. Раньше отробимся и убежали в лес собирать разну съедобну траву. Потом вместе со взрослыми убежали домой. Собранну зелёнку (пучки, гранаты, медунки, лебеду, листья боярки) мама толкла, не было ить мясорубок-то. Добавляла охвосьё (отходы от зерна) и стряпала лепёшки. Так и выросли на зелёнке».

Я спрашиваю: «А вы что, муку сэкономили?», на что мама сердито ответила: «Чё наэкономишь? Не по один год муку-то выгребали. Зерно выгребали. Семья в зиму-то ни с чем оставалась. Иногда тятя осенью прятал зерно-то, в мешках зарывал в землю на огороде. Так и спасались. После капусты я ишшо на седьмом садила лук-севок. Рукам больно было, заусенисы-то задирались. Лук-от надо было углублять в землю руками. В семье все робили, деньги зарабливали, везде свой горб подставляли, помогали маме с тятей, совесть-то была!».

После успешного окончания начальной школы в родном селе маме предстояла учёба в другой школе. Требовались документы. «Надо было метрики. У робят нашего класа ни у кого их не было, все документы сгорели при пожаре в сельсовете. Мне мама сказала, что надо бежать в Долматово и там их получать. От Нижнево Яру до Долматово лесной дорогой было двенадцать километров. В город я побежала одна, хто со мной побежит? Да тогда все бегали пешком. Загс находился во дворе милиции. Я зашла в кабинет. Там сидел мужик. Наверно, это был начальник, не знаю. Он спросил: «Когда ты родилась?» Я ему ответила, што я родилась в 1924 году осенью, так мама мне сказала. И вот в 1937 году, в возрасте тринадцати лет я получила метрики, в которых записали только год рожденья. Маме показала этот документ. Она сказала: «Ты родилась на третий день после Дмитриева дня. День рождения я отмечала 8 ноября. Когда и почему мне записали в паспорте 25 сентября, я не знаю».

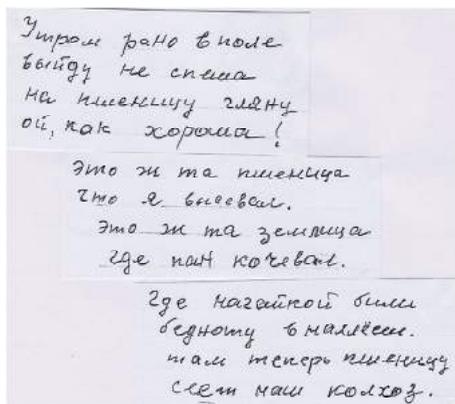

Юго-западная башня монастыря, в которой располагалась школа.

Все выпускники Нижнеярской начальной школы, мамы одноклассники, пошли учиться в Крутихинскую семилетнюю школу. А мама, по воле бабушки и дедушки, дальнейшее обучение продолжала в Далматовской средней школе, которая располагалась на территории недействующего тогда Свято-Успенского Далматовского мужского монастыря. Дети 5-6 классов учились на втором этаже юго-западной башни.

«В классе было печно отопленье-то, тепло топили, - говорит мама. - Из бумазейки (фланель), рябиньково света было моё школьное платье. Мягкое, тёплое было. Мама мне его покупала. Зимой носила валенки. Лопотину мне мама тоже сама шила, на голове шалюшку небольшу носила. Книжки нам выдавали бесплатно. Писали в тетрадках ручками с пёрышками. Пёрышко с шишечкой, вроде бы, называлось «рондо», а без шишечки было с номером “86”. Я очень любила литературу. На лыжах бегали. Кто свои лыжи приносил, кто казённые одевал».

Мама до сих пор помнит стихи тех далеких лет, рассказывает без запинки. Я попросила её написать стихотворение (названия она не помнит), чтобы увековечить почерк 90-летней труженицы тыла. Они перед вами...

Широковская школа. 1930 год

После окончания шести классов Широковской семилетней школы мама вернулась в родное село Нижний Яр. Ей уже шел пятнадцатый год. Дальше учить дочь у родителей возможности не было. Во Всесоюзную пионерскую организацию имени В. И. Ленина мама не вступала. Не вступала и в ряды Ленинского комсомола, потому что *«не разрешил тятя, он был обижен на власть»*. В 1939 году нищенское существование семьи Коневых на мамином дальнейшем образовании поставило точку. По этой же причине за шесть лет обучения крестьянке пришлось сменить три школы.

«Вот плохо, што мама с тятей не отправили меня с учениками моего класса учиться в семилетню Крутихинску школу. Через день-два бегала бы домой за едой. Может, я там и закончила бы семь-то классов. Хоть бы како-то образованье получила выше. В Далматово-то техникум был. В Каменске, а потом в Катайское на учителей учили. Любила я литературу», - сказала она с сожалением в голосе.

Любовь к литературе и русскому языку у мамы остались и сейчас. На 92-м году жизни она с удовольствием читает наизусть хрестоматийные стихи того периода, стихи Пушкина, Лермонтова. Знает более 20 стихотворений. Свои переживания о теперешней жизни излагает даже в своих стихах:

**Встреча через 80 лет
подружек Анны Шулеповой
и Елизаветы Парадеевой**

Не ходит по пашне
Ни трактор, ни кляча.
Не пашется пашня
Не так, не иначе.
Не сеют на пашню
Ни рожь и ни просо.
Растет там бурьян
человечьего роста.

Февраль 2013

Рассказывает стихи и на немецком языке.

Принятые документы в 1931 году позволяли детям бедняцких семей всё-таки закончить семилетнее образование. Но никто из руководителей Нижнего Яра даже не поинтересовался, почему Нюра Конева, успешная ученица, покинула школу?! Так весной 1939 года уроки грамоты крестьянской дочери Нюры Коневой, к сожалению, закончились.

Летом 1939 года семья Коневых, не пожелавшая вступить в колхоз, погрузила на две телеги своё имущество, детей, привязали корову к телеге и с малой родины Нижний Яр выехали на центральный участок совхоза «Уралец» (ныне Дубрава). Взрослые члены семьи нашли работу в совхозе. В совхоз разнорабочей приняли и мою пятнадцатилетнюю героиню.

Трудное детство Нюры закончилось. Началась нелёгкая девичья трудовая жизнь. Желание стать учителем литературы в школе осталось несбывшейся мечтой. Прожив нелёгкую жизнь, Анна Григорьевна осмыслила драматизм жизни сельских тружеников-

крестьян, не сумевших получить специального образования, образования, как одного из главных опор жизни человека. Нищенское существование да проклятая Великая Отечественная война круто изменили судьбу девочки-крестьянки. Судьба Нюры Коневой, мамы моей, как зеркало, отражает трудности всех крестьянских детей в получении образования.

«Не довелось мне получить образованье-то выше, так всю жизнь робыла и робыла, наравне с мужиками. Сколь её роботы-то прошло через мои руки! Вот уж и до 92 лет дожила! Никак не думала, что столь проживу. Видно, буду жить сколь Господь мне припишет. Я Бога-то из уст не отпускаю. Он мне помог и вас всех поднять. Вот вы все четверо получили вышшо образованье. Хоть легче проживите, не как мне досталось. Робыла, а чё заробыла? Один горб. Чё вот поделашь?» - с грустью подвела итог своему повествованию труженица тыла, трактористка в 1945 году награждённая медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.», Анна Григорьевна Конева-Шулепова из деревни Дубрава Далматовского района.

Какая же большая жизненная сила была заложена в мамином поколении, устремлённом любой ценой получить образование, не имея ни питания, ни одежды, поколении, которое отслужило своей Родине честным трудом и чистой совестью.

Низкий им всем поклон и уважение! Храни их, Господь!

* * *

Для весенних весёлых ветвей
Корни более чем родня...
Берегите старых людей
От обид, холодов, огня.

За спиной у них – гул атак,
Годы тяжких трудов и битв...
Но у старости – ломок шаг
И неровен дыханья ритм.

Но у старости – силы не те.
Дней непрожитых мал запас...
Берегите старых людей,
Без которых не было б вас!

Людмила Татьяничева

БАБИНОВА **Любовь Александровна**

Родилась 16 июня 1983 года в селе Тамакульском Далматовского района. С 1989 года по 2000 год училась в Тамакульской средней школе. В 2000 году поступила в Шадринский государственный педагогический институт на факультет «Изобразительное искусство», который окончила в 2005 году. С 2007 года работает педагогом дополнительного образования в Далматовском Доме детского творчества. Руководитель объединения «Радуга творчества».

За свою педагогическую деятельность неоднократно награждалась почетными грамотами. Лауреат районного конкурса «Учитель года» в 2010 году.

МОЯ СЕМЬЯ

Самое дорогое, что есть у человека - это его семья. Это близкие и родные люди, те, кого мы любим, с кого берём пример, о ком заботимся, кому желаем добра и счастья.

В июле 2016 года в селе Новосельском Далматовского района Александр Афонасьевич и Инесса Николаевна Мылгасовы отметили свою “бриллиантовую” свадьбу - 60 лет совместной жизни. Этот знаменательный день они отпраздновали в кругу своих детей, внуков и правнуков – собралась вся многочисленная семья, а также самые близкие друзья.

Но вовсе не таким легким и радостным был жизненный путь юбиляров: и долгие годы совместной жизни, и, особенно, детство Александра Афонасьевича и Инессы Николаевны пришедшаяся на, пожалуй, самые тяжелые времена в истории страны.

Великая Отечественная война принесла нашей стране много горя, бед и несчастий. Много пришлось пережить труженикам тыла и детям войны.

Почти каждую семью затронула своей черной рукой война. Не

**Александр Афонасьевич и Инесса Николаевна
Малтысовы. 1956 год**

обошла она стороной и нашу семью. Бабушка и дедушка – это поколение детей, чьё детство и молодость были искалечены проклятой войной. Хотя им не приходилось воевать, но как тяжело было им в голоде, холоде и нищете. Их детские годы пришлись на времена горя и лишений.

В деревне Параткуль родился 26 ноября 1936 года в крестьянской семье Мылласов Александр Афонасьевич.

Моему дедушке Саше шёл пятый год, когда началась Великая Отечественная война. Хорошо запомнил маленький мальчик тот момент, когда мама Анастасия Михайловна взяла крепко его за руку, и они вместе бежали по дороге, а мама кричала: «Война началась, война началась!». В деревне повсюду слышался плач и

крики людей. Сколько лет прошло, а всё стоит перед глазами село в годы войны.

В первый день войны повестка пришла отцу Мылласову Афонасию Лукаяновичу, а через несколько дней забрали на фронт брата Павла. Брата Михаила отправили учиться в ФЗО, сестру Александру, только-только ей исполнилось 16 лет, после месячных курсов учебы, посадили на трактор. Все военные годы работала на тракторе, пока не пришли с войны мужики. В семье Саня была за отца, помогала матери по дому. Весь тяжёлый, изнурительный труд лёг на женские и детские плечи. Они сеяли, пахали, жали, косили, обеспечивали фронт хлебом.

Мать каждый день ждала писем с фронта, но они приходили очень редко.

В памяти дедушки сохранилось множество детских впечатлений, связанных с военным периодом. Всегда постоянно хотелось есть. Дети мечтали не о сахаре, а ...о соли. Её экономили, выменивали у спекулянтов, отдавая последнее. Зимой основной едой становился картофель. Из брюквы, моркови делали «парёнки» и ели их вместо конфет. Весной выгаивала мёрзлая картошка. Появлялась трава – семья переходила на «подножный корм» – корни трав, саранки. Летом варили суп из лебеды, крапивы, щавеля, листьев капуста и свеклы. Осенью собирали грибы и овощи.

Саша помогал матери: возил дрова, зимой сено, весной вскапывали огород, садили картошку. Однажды нашли в огороде золотое кольцо, сколько было радости. Кольцо продали, купили сеть, ловили рыбу, кормили всю большую семью и своим уловом делились с соседями. Трудно приходилось всем в военные годы.

Весна 1945 года... С фронта возвращались солдаты. Среди мужчин в деревне часто встречались инвалиды – кто слепой, кто на костылях, кто без руки. Отец и братья вернулись с фронта в родное село только в 1947 году. Большой путь по дорогам войны прошёл Афонасий Лукаянович, был тяжело ранен и контужен. Павел вернулся с войны с осколком железа в лёгком, так и прожил с ним

всю жизнь.

Александр любил вспоминать своё детство. Семья была дружная, трудовая. Его родители, вырастившие восьмерых отзывчивых, добрых детей. Они их не баловали, но окружали любовью. Мать, Анастасия Михайловна, была человеком очень мягким, добрым и мудрым. Отец, Афонасий Лукаянович был строгим, но справедливым. Встаешь на рассвете вместе с отцом, пройдешься по росистой траве, сходишь на рыбную ловлю или в лес за грибами и ягодами. За день везде нужно успеть. Афонасий Лукаянович был хорошим пимокатом, катал валенки. К нему приходили даже из соседних деревень. За работу ничего не брал, знал, что люди живут бедно. Анастасия Михайловна хорошо шила, к ней часто приходили, заказывали одежду. В деревне семью Мылгасовых очень уважали, приходили к ним за советом, они никогда ни кому не отказывали. Двери их дома были распахнуты для любого. Жили небогато, но дружно.

В селе Новосельском родилась 25 июля 1938 года в семье сельского учителя бабушка Опаркина Инесса Николаевна.

Прадедушка Опаркин Николай Михайлович родился в 1913 году в деревне Бор Калининской области. После окончания средней школы в 1934 году по партийной путевке был направлен в Далматовский район в Новосельскую школу учителем 4 класса, днем учил детей, а вечером взрослых на ликбезе.

Правлением колхоза был написан приказ: «Всем членам колхоза после работы посещать школу и учиться грамоте». Бабушка Анастасия Федоровна была неграмотная, поэтому пришлось идти в школу. Здесь она знакомится с учителем Николаем Михайловичем. Это был удивительной души человек. Всегда аккуратен, подтянут, исключительно тактичен. Девушка Анастасия была очень красивая и добрая. Молодые люди полюбили друг друга и поженились.

Каждое утро, уходя на работу, он для Настеньки в тетради напишет буквы и она за день должна записать всю тетрадь, но ей

**Мой дедушка -
Опаркин
Николай Михайлович**

не хотелось. Она всю тетрадь запишет своей фамилией и всегда ему говорила: «Я умею расписываться, а остальное мне ни к чему».

Благодаря своему мужу - учителю Анастасия знала все буквы, умела считать и писать.

Жили молодые очень счастливо. Николай Михайлович был членом партии и куда партия его направит, туда он и ехал.

В 1937 году перевели его заведующим в Ярковскую начальную школу. С 5 августа 1939 года работал в Уральцевской школе учителем начальных классов. 5 февраля 1940 года получил направление в Красную Армию. В июне 1941 года направили на фронт в качестве младшего лейтенанта в должности политрука.

В каждом письме он писал прабабушке Анастасии Фёдоровне: «Береги дочку Инночку и сыночка Вовочку». Последнее письмо было отправлено из Лиепая. В декабре 1941 года она получила известие с фронта: «...пропал без вести».

Анастасия Федоровна осталась в годы войны одна с малолетними детьми: Инне шел второй год, а сыну Володе – четвертый. Приходилось одной поднимать детей. Работала на ферме телятницей, возила сено, пилила дрова. Труд был бесценен. Она отдавала работе всё, не считаясь со временем. По дворам собирали яйца, молоко, шерсть – отправляли на фронт.

Жили плохо, недоедали. На всю жизнь запомнилось постоянное чувство голода. Есть хотелось всегда! Всё в то время испытали: и голод, и нищету. Ходили с матерью выдалбливать из мерзлой земли мороженую картошку – тем и питались. Носить тоже было нечего. На ноги наматывали портянки и надевали лапти. Одним словом, выживали, как могли.

После войны прабабушку Анастасию Федоровну, так как она умела считать и писать, пригласили работать поваром: составляла меню, высчитывала до копейки стоимость каждого блюда.

В послевоенные годы колхозники за свою работу ничего не получали, спасало их подсобное хозяйство. В семье была корова, которая кормила детей, но каждое крестьянское хозяйство обязано сдавать мясо, молоко, яйцо, шерсть. В 1948 году колхозникам было «рекомендовано» продать государству скот. Из семьи Опаркиных забрали корову и в голодные годы семья осталась без коровницы. Всё вынесла на своих плечах Анастасия Федорвна.

Годы идут, а так хочется прислониться к сильному плечу и этим плечом оказался Кузьма Емельянович. Они переезжают жить в деревню Параткуль. Инне приходилось очень трудно, потому что отчим был очень строгий, вредный, иногда её бил. После школы ей идти домой не хотелось. Она рано начала работать, жила в няньках, а когда закончила семь классов, стала работать на ковроткацкой фабрике в селе Вознесенское - три километра от деревни Параткуль.

Инна в жару и мороз, в дождь и пургу спешила на работу. Работала добросовестно, блестяще освоила профессию ткачихи. Бабушка говорила: «Работа на фабрике очень ответственная, кладёшь лист с рисунком перед собой и нужно быстро-быстро навязывать на струны-нити узелки шерстяной пряжи, и ковер растёт незаметно. Был дан план: за месяц сдать два ковра. Не сдашь, не получишь премию».

Инна была комсомольцем и с первого дня начала активную деятельность. Вела большую общественную работу, была пред-

седателем цехового комитета профсоюза. Её выбрали бригадиром, в бригаде было 30 человек. Своим мастерством она охотно делилась с другими ученицами. От коллектива участвовала в спортивных соревнованиях, ездила в город Курган на велогонки.

Шел 1956 год. Весна. Этот день на всю жизнь запомнился Инне. Вся молодежь деревни собралась на праздник «Проводы русской зимы». Из окна своего дома она увидела красивого парня с добрыми глазами, который стоял в стороне и не был похож на остальных, Инна с первого взгляда влюбилась в него. Парнем оказался Мылласов Александр Афанасьевич скромный, работающий. Работал скотником в колхозе. Молодые встречались каждый день. Первое время Инна жила в Вознесенке на квартире, а когда познакомилась с Александром, он после работы встречал её и провожал домой.

В июле 1956 года сыграли свадьбу. Инне было 18 лет, Александру – 20 лет. Инна вышла замуж в большую семью, тринадцатая по счету. Жили в маленьком домике. Семейная жизнь молодых была нелегкой. Жена стала уговаривать мужа переехать в другой дом. От колхоза «Фрунзе» им дали свой домик.

22 марта 1957 года у молодых родилась дочка. Из воспоминаний прабабушки Анастасии Федоровны: «Утром я побежала в Вознесенку узнать в больнице - родила или нет Инна, по дороге встретила Сашу, он накладывал в сани сено из скирды. Говорит: «Узнаешь, кто родился, а на обратном пути я буду тебя здесь ждать». Бегу обратно, радуюсь, а Александр меня уже ждет, спрашивает: «Ну, кто родился?». Я говорю: «Девка». А он так протяжно: «Де-в-ка». Очень ждал мальчика, а родилась девочка».

Назвали дочку Еленой. Выбирая имя ребенку, родители хотели выразить в нем свои желания, мечты. Елена – имя сказочное, одарено дарами природы – быть непременно счастливой, светлой и сияющей.

С рождением дочери Инне пришлось перейти работать с ковроткацкой фабрики в детский дом для эвакуированных детей кла-

довщиком в селе Параткуль. Кладовщик подчинялся директору детского дома, которая была «нечиста на руку», она могла зайти в кладовку, взять то, что ей понравится. Инна была молода и не могла ничего ей сказать. И вот настал день ревизии, у Инны была большая недостача, она заикнулась, что всё это взяла директор, но та отказалась, и ей пришлось самой за всё платить.

После увольнения из детского дома Инна и Александр переезжают в Свердловскую область в рыболовный поселок Индра, там работал брат Александра Михаил. На Индре Александр ловил рыбу, а Инна вместе с женщинами собирала на болоте клюкву. На большую землю летали на вертолете.

Но такая жизнь была в тягость, поэтому решили ехать жить на родину Инны в село Новосельское, которое расположено у озера Большой Теренкуль. В селе они купили маленький домик у самого озера.

В ноябре 1962 года в семье родилась ещё одна дочка - Тамара, а в феврале 1964 года на свет появился сын Николай, назвали его в честь прадедушки.

Семья разрасталась, маленький дом стал тесен, поэтому возникла необходимость в строительстве большого дома. Самое счастливое воспоминание из жизни бабушки и дедушки, когда перестраивали заново свой дом. Строили дом всем миром, по очереди помогая друг другу.

Александр устроился на работу в совхоз «Уралец» разнорабочим, возил волокуши, ставили прицепщиком у тракториста, выучился на механизатора, получил трактор. Немного найдется людей, которые раз и навсегда выбирают для себя профессию, пусть даже и тяжелую. Поле – рабочее место тракториста. День и ночь на работе. Много тонкостей и хитростей знает он в своём деле. В селе невозможно жить без трактора. К нему часто обращались односельчане за помощью: то вспахать огород, то привести сено, то вывезти урожай с огорода. Он никогда не отказывал в помощи.

Двадцать лет он проработал механизатором. Всегда был в пер-

вых рядах. И за добросовестный труд был награжден медалью «Ветеран труда». От профсоюза выделили вне очереди машину, она им очень пригодилась, когда учили детей.

Инна поменяла много профессий: повар, продавец, начальник отделения связи. Заочно окончила среднюю школу. После выхода на пенсию продолжала работать начальником отделения связи, обслуживала три деревни, знает всех своих подопечных в лицо. Почтальон на селе – это главный человек, его ждут с нетерпением. Инна всегда вежлива, терпелива и понимающая к клиентам. За свою многолетнюю и добросовестную работу была награждена переходящим знаменем социалистического соревнования Министерства связи СССР, почетными грамотами и ценными подарками. Награждена медалью «Ветеран труда».

Она всё успевала: и по дому, и с детьми, и на работе.

Моя бабушка - хранительница домашнего очага, заботливый ангел, её сердце - неиссякаемый источник чудес. Как только хватает у неё сил и терпения?!

Бабушка очень жизнерадостный и веселый человек, но при воспоминаниях о прошлой нелегкой судьбе у неё выступают на глазах слёзы. Не зря говорится, что трудности закаляют. Люди того поколения, прошедшие через войну, голод и утраты, стали крепкими, стойкими и сильными.

Дедушка и бабушка служат для нас авторитетом, всегда жизнерадостные и нам есть с кого брать пример трудолюбия и верности делу.

Как измерить жизнь? Прожитыми годами? Или тем, что успел создать, отдать людям?

Александр Афонасьевич и его жена Инесса Николаевна не имели возможности получить ни высшего, ни даже среднего образования. Все премудрости наук постигали в повседневной трудовой жизни. С годами, подсказанное жизнью, сложилось семейное правило – это учение, труд и честность. Без учения не достигнешь умелого труда, а без труда и настойчивости не добьёшься успехов в

**Бриллинтовая свадьба супругов Малтысовых.
2016 год**

учёбе. А честность – это как лицо человека. Так, не мудрствуя лукаво, и воспитали своих детей.

Работы в семье хватало всем – и старшим, и младшим, по их способностям и по правилу: один за всех и все за одного. Такой порядок не раз выручал семью.

- В доме с детства ребята справлялись с любой работой – и с мужской и с женской, - рассказывает бабушка Инна. – Жизнь всему научила, трудностей хватало.

Два хороших человека, душевных и искренних, верных и любящих, воспитали своих детей, просто молчаливо влияя на них добротой и силой личного примера. Нелегкая жизнь не очерстила их, наоборот – отточила природную доброту и внимание к детям. Ребята привыкли слушаться с первого раза и отца, и мать.

Никогда бабушка и дедушка не ссорятся, хотя вместе уже 60

лет. Во всем согласны, но главное слово все-таки за бабушкой, так уж повелось в семье. Дедушка хоть и выскажет своё мнение, а поступит так, как она советует. А если ушла куда, он сам не свой, всё беспокоится, пока не вернется.

Теперь Александр Афонасьевич и Инесса Николаевна на пенсии, но без дела не сидят. От всех неприятностей, от всех забот можно найти только одно избавление – работу. Работа – это главное в их жизни. Продолжают обихаживать свой приусадебный участок. На небольшой площади аккуратные грядки, кусты смородины, малины, яблони, цветы, которые растут буквально во всех уголках сада. Цветут они с ранней весны и до поздней осени.

Сил хватает на всё, ведь к работе они относятся не как к тяжёлым обязанностям, а с любовью и выдумкой. Жить в селе им очень нравится.

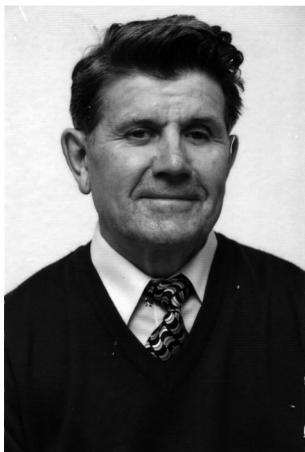
«Выйдешь - сразу за огородом озеро, рядом лес, грибы и ягоды, - говорит Инесса Николаевна, - а красота кругом какая!»

2016 год знаменателен тем, что 26 ноября Александру Афонасьевичу исполнится 80 лет.

Семейному счастью Мылтасовых не смогли помешать никакие невзгоды. Александр Афонасьевич и Инесса Николаевна прожили большую трудовую жизнь, воспитали трёх детей, которые подарили им семь внуков и шесть правнуков.

Сегодня юбиляры всем довольны, бодры и жизнерадостны, словно и нет за их плечами всех тех бед и трудностей, которые пришлось преодолеть. Вместе они со всем справились. И как приятно слышать из их уст: «Только под конец жизни мы нормально и зажили. Дети и внуки всегда рядом, живут «по соседству», часто звонят и приходят в гости. А нашей пенсии сегодня даже хватает на то, чтобы материально помогать им».

Муж и жена – одно целое. Мир и покой в семье зависит от обоих. Именно в такой семье дети растут счастливыми.

БАЛАШЕНКО
Николай Иванович

Родился в 1939 году в городе Могилёве. В 1956 году по комсомольской путёвке работал на стройках Комсомольскана-Амуре. Закончил Минский индустриальный техникум. В Курган приехал по распределению. Работал мастером-преподавателем в училище № 5, прорабом, начальником участка на стройках Курганской области и города Кургана.

Стихи писать начал в школьные годы. Осознанно и серьёзно отнёсся к своему творчеству в начале 60-х годов, занимаясь в клубе поэзии, которым руководил поэт Алексей Еранцев. Член Союза профессиональных литераторов России с 2002 года. Печатался в альманахе «Тобол», журналах, газете «Курган и курганцы». В 2000 году вышел его первый сборник стихов - «Начало», затем сборники стихов «Признание в любви» (2004 г.), «Листопад» (2007 г.), «Времена» (2009 г.).

ДОЛЮШКА ЖЕНСКАЯ

Вьюга ставни обрывает,
Ночь в окно глядит.
А в избе одна седая
Женщина не спит.
У божнички тихо плачет...
На плечах жакет.
Печь не топлена, так значит
Силушки уж нет.
Муж ее в колхозе, в доме
Рук не покладал,
А на днях, родимый, помер -

Свет немилым стал.
Слезно думает старушка,
Как же дальше жить?
Прохудится коль избушка,
Кто придет чинить?
А когда весна настанет -
Огород копать?
Столько сил ей не достанет...
Помощь надо звать.
Может быть, позвать соседа?
Нечем заплатить...
За всю жизнь в деревне с дедом
Не смогли скопить.
Беспросветны думы бабки
У конца пути:
Взять, да все раздать остатки,
По миру пойти.
Скрипом душу надрывает
Ставень за окном.
У божнички свечка тает
Замерзает дом.

ПРОЩАЛЬНОЕ

Вот и все!
Не поможет и водка.
Мамы нет!
Это как приговор.
Телефонный звонок,
как военная сводка.
В трубке всхлип...
И замолк разговор.

Вот и все.
Одиноко и пусто.
На душе,
только слезы и грусть.
Я сжимаю виски,
пальцы сводит до хруста
И в сознании звучит:
не вернуть, не вернуть...

Вот и все!
Ты прости меня, Мама,
За поступки мои,
где я был виноват.
Ты прости и прощай.
В горле спазмы упрямо
не дают говорить.
Сердце - будто набат.

Как слова подобрать,
чтоб доступно и просто
Мог любой прочесть
откровенья в словах?
Чтобы Маму любить
мы могли до погоста,
А не после него,
задыхаясь в слезах.

БЕЛОКРЫЛОВ
Михаил Владимирович

Родился 18 апреля 1986 года в Кургане. Закончил КГУ по специальности “журналистика”. 8 лет работает в средствах массовой информации Курганской области, сейчас – региональный корреспондент Российского информационного агентства “Накануне.РУ” в Кургане. Пишет музыку и стихи к собственным песням.

* * *

Любви достойна только мама,
Мой самый близкий человек!
Ты так всегда переживала
За мой крутой по жизни бег.
Любви достойна только мама!
Как можно дольше будь со мной,
В моих мечтаньях светлых самых
Всегда твой образ неземной.

Припев:
Жизнь, жизнь подарила мне ты
В месяц апрель, где весною цветы.
Луч солнца в твой дом заглянул,
Жизнь, жизнь подарила мне ты,
Мне не хватает твоей теплоты,
В ласке твоей бы сейчас утонул!
Жизнь, жизнь подарила мне ты.

Любви достойна только мама!
Пойми, я все тебе прощу.
Прости и ты меня за драмы –
Их столько внес я в жизнь твою.
Любви достойна только мама!
Прости за слезы твоих глаз,
Грехи я на ступенях храма
Пытаюсь замолить сейчас.

Припев:
Жизнь, жизнь подарила мне ты
В месяц апрель, где весной цветы.
Луч солнца в твой дом заглянул,
Жизнь, жизнь подарила мне ты,
Мне не хватает твоей теплоты,
В ласке твоей бы сейчас утонул!
Жизнь, жизнь подарила мне ты.

Любви достойна только мама
За слово доброе: “Сынок”,
За нежность фраз и слов упрямых,
За счастья в детстве островок.
Любви достойна только мама,
Тепло свое тебе дарю.
Всегда с тобой я буду рядом,
Я Бога за тебя молю.

Припев:

БИКСУРИНА
Залия Рафаиловна

Пенсионер. Место работы - библиотека. Место рождения и место жительства - село Сарт-Абдрашево Сафакулевский район. Председатель совета ветеранов Сарт-Абдрашевского сельсовета. В 2004 году выпустила сборник «Стихи свои преподношу Вам в дар». К 90-летию Сафакулевского района вышел второй сборник стихов «Запах хлеба».

ОТЧИЙ ДОМ

Ворота скрипнули знакомым с детства звуком,
Давно я в отчем доме не была...
И вот сегодня теплым летним утром
Спешу сюда, забросив все дела.

Здесь у крыльца Дружок встречает лаем,
Признает за свою, пропустит в дом.
А я с тревогой двери открываю:
Уж не болеют ли, и все ли ладно в нем?

Там теплый хлеб, прикрытый полотенцем.
Я облегченно дух переведу.
Ведь улыбнется мама мне навстречу
И я уверенно через порог шагну.

Наш старый дом! Причал и остановка.
По тихим комнатам пройду я не спеша.

Здесь сердцу милая, простая обстановка.
И снова в детство возвращается душа.

Вновь со стены открытым ясным взором
У тех воспоминаний находясь в плену,
Я на себя из юности далекой
Со школьной фотографии взгляну.

Там старенький диван со сломанною ножкой,
Застелен одеялом лоскутным.
Я отдохну и посижу немножко
Ведь только здесь цветные сняты сны.

Как жаль, что быстро пролетели годы
И наша жизнь на месте не стоит.
В делах, трудах, заботах и тревогах
Состарились родители мои.

Отец и мать со мной сегодня рядом
Морщинки-лучики вокруг усталых глаз.
Как хорошо, что теплым добрым взглядом
Они всегда ведут по жизни нас.

ОДИНОЧЕСТВО

В Дом для престарелых я пришла на укол. Раньше здесь была участковая больница, но в годы перемен ее закрыли. Долгое время помещение пустовало, но потом провели ремонт и в настоящее время здесь дом для престарелых и больных людей. Сейчас вечер, медпункт закрыт. Спасибо девчата-медсестры иногда выручают, не отказывают...

- Посиди немного, - сказала медсестра, - отдохни.

Я присела в коридоре на лавочку. Жизнь здесь идет своим чере-

дом. В актовом зале слышен телевизор. Многие жильцы прогуливаются по коридору. Из кухни доносятся вкусные запахи - скоро ужин. Неподалеку сидят бабушки, о чем-то беседуют. Их здесь много, постоянно подвозят. Они охотно идут на контакт с местным населением, рассказывают о своей жизни, о детях, внуках. И когда я думаю об этих детях... "Не суди!" - всякий раз проносится в голове, но никогда, даже в мыслях, я не могла себе представить свою маму в стардоме.

В голове шумит, и я закрываю глаза, а когда открываю, вижу перед собой одну из бабушек.

- Что, дочка, плохо тебе? - заглядывает она мне в лицо.

- Да укол больной, ничего, уже лучше, - отвечаю я и с интересом разглядываю ее. Маленького росточка, худенькая, с удивительно большими, в пол-лица, глазами, она больше походит на ребенка, чем на старушку.

"Не наша..." - отмечаю я про себя и спрашиваю, откуда она приехала. Бабуля называет деревню в одном из районов области.

"Как же спросить, как она здесь очутилась? Неужели никого у нее нет?" - думаю я.

Но она сама заводит разговор.

- И поят, и кормят, и ухаживают, спасибо, и врачи дежурят (имеет в виду медсестер), но совсем плохо одной.

Оказывается, муж у нее умер. Домик совсем развалился, вот и пришлось сюда определяться.

- А дети? - осторожно спрашиваю я. - Дети у вас есть?

- Есть, две дочери и сын, - поспешно отвечает она и опять жалуется на одиночество, на соседок по палате.

- А дети? - мягко, но настойчиво повторяю я свой вопрос.

- Дети, дети, а что дети, - торопливо начинает она. - Одна дочь замужем - муж, дети, живут со свекровкой. Куда я еще?

- А другая дочь? - не отстаю я.

- Другая в городе. Угол снимает. Сама живет как "на берегу под лодкой".

Только я хотела спросить ее о сыне, но бабуля меня опередила:

- А к сыну я сама не пойду, - горестно махнула она рукой.

“Все понятно”, - подумала я и поднялась, пора идти. Она спустилась со мной по лестнице, а затем проводила до двери.

- А с какого вы года? - спрашиваю я ее на прощание.

Она называет год рождения. Сердце у меня в груди бьется раненой птицей и к горлу подкатывает комок.

- Мама моя с Вами одногодка... была, - говорю я и берусь за дверную ручку.

А потом оглядываюсь, и мы долго и молча смотрим друг на друга. И мне очень хочется ласково и нежно погладить ее по голове.

Ведь я без мамы, а она без детей.

БОЧКАРЁВА
Светлана Владимировна

Родилась 10 сентября 1963 года в Кургане. Учитель английского языка в МБОУ «Гимназия №19» г. Кургана. Награждена Почётной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации (2011); присуждена учёная степень кандидата философских наук (2012); автор 50 научно-методических работ.

Печатала свои стихи в журнале «Ямальский меридиан», в сборниках «Стихи ямальских поэтов», в альманахе «Золотая строфа», на портале «Стихи.ру.» За участие во Всероссийском конкурсе «Педагогические инновации-2008» ей вручена медаль «Вдохновение». Награждена Литературной премией Губернатора ЯНАО в номинации «Краеведение» (2012); участник Ямало-Ненецкой конференции писателей Ямала (20-23 ноября 2012).

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

...И май приходит каждый год,
И этот праздник в сердце - песней!
Иду туда, где есть огонь,
Что вечен болью человеческой...

А рядом плиты встали в ряд,
И черной краской буквы строим –
Слагаясь, Памятью кричат
И колокольным звоном-болью!

...И каждый год с утра в тот день
Старушка к Вечному приходит,
Садится и с одной из плит
Свой разговор опять заводит:

«Сыночек, как ты там? Шепни, –
И гладит имя, пальцы – дрожью, –
А я всё жду, меня пойми,
Одна осталась, так тревожно...

Ты хочешь знать дела мои?
Прибавка к пенсии, Ванюша...
Да цены, чтоб их, чуть моргни,
Всё скажут...Старую не слушай!

Ты видишь, сколько здесь людей?
Святой ведь праздник – праздник сердца!
...Вот, нат-ко, рюмочку испей
Да закуси, спекла я хлеба.

Я посижу здесь, вспомню всё,
Как ты родился в бурю снежну,
Как ты пошёл к тому крыльцу,
Отец где, царствие небесно...»

Она сидит на той плите,
Где имя сына болью вечной...
Солдаты гибли на войне,
А матерей согнулись плечи....

Я подошла, цветок – огнём.
«С победой, бабушка, возьмите...»
Она: «Ванюшка, глянь, цветок....
Спасибо, милая». «Простите!»

Она: «Ванюшка, жди меня,
Скоро увидимся, сыночек,
И я спрошу, как ты погиб,
Какою пулей изурочен...

Озябла что-то я ... Пойду....
От плит так холодно, – и встала. –
Ну, до свиданья...», – и слеза
На буквы чёрные упала.

И я сдержать их не смогла,
И боль её в душе пылала...
Ты раны бередишь, война,
Ты повторяешь всё сначала!

МОЖЕТ БЫТЬ

Может, есть созвездие Любви?
Старики живут там, словно боги,
и не просят нищие земли,
и не топчут барские пороги...

Там улыбки светлые царят...
Там танцует в такт воспоминаньям
старомодных фраков, платьев ряд,
оживают юности желанья...

Им немного нужно – лишь любовь,
осознание нужности кому-то,
одобренье тёплых, нежных слов
в перекрёстные судьбы минуты....

В то Созвездье дети иногда
будут прилетать как можно чаще,

И тогда вечерняя звезда
снова вспыхнет светом настоящим...

Хочется поверить: есть оно –
Мирное созвездие прошедших
по земле... Распахнуто окно ...
Прошепчу: «Им помощи, волшебник»!

А пока послушай стариков,
посмотри в глаза их. С ними вместе
размышляй о таинстве миров...

...И в Созвездии родится песня...

МАМА

Много мам на свете белом,
Но у каждого она одна....
Мама, ты всегда на месте первом,
Мама, ты, как воздух, нам нужна!

Мама, ты для нас не постареешь!
Мы в глаза родные взглянем вдруг –
Лаской и теплом ты нас согреешь,
Ты – наш самый лучший, верный друг!

Хочется расправить все морщинки
на твоём лице, расцеловать,
и смахнуть случайные слезинки,
и здоровья много пожелать!

За обиды попросить прощенья,
и, забыв печали, долго жить!

Новых лет, удачи и терпенья
Для тебя у Бога попросить!

Ты устала, мама, сядь поближе,
и давай, как прежде, говорить...
Пусть в окошко ветер с воем свищет,
Ничего ему не изменить!

Расстояние немного значит,
Сердце километры не заметит.
Мама, ты не можешь жить иначе,
Нет сложнее должности на свете!

Мама, ты для нас – награда Бога!
Мама, ты нам столько отдаёшь!
Пусть же будет долгою дорога,
по которой с нами ты идёшь!

БУЧНАЯ
Татьяна Дмитриевна

Член литературно-художественного клуба «Катайск» при газете «Знамя».

Родилась и выросла в селе. Двенадцать лет работала бухгалтером в совхозе, двадцать лет кассиром на железной дороге. Творчеством начала заниматься после выхода в 2008 году на пенсию. Поэзию любила всегда. Печаталась в литературных альманахах, выпустила сборник «Любовь и женщина».

МЫ ЖИЛИ У БАБУСИ

Вот, говорят, все мы родом из детства. По сути так и есть. Мое детство прошло в деревне. Насколько я знаю, все мои предки были деревенскими жителями.

Родилась я в 1953 году. Прошло еще совсем мало времени после окончания Великой Отечественной войны. Живы были еще многие ее участники.

Мой отец – Кузнецов Дмитрий Федотович ушел служить в армию 19 сентября 1939 года. 22 июня 1941 г. началась война. Он стал ее участником. Вернулся домой после Победы в 1945 году.

В июле 1940 года родился мой брат, мать в войну осталась с ним одна. Хорошо, что ей помогали отец и мать. В послевоенные годы жилось трудно и в городе, и в селе. Детских садов в деревнях почти не было.

Мои родители были сельскими учителями, много приходилось им заниматься и общественной работой на селе. Так что я и мой брат с сестрой, а также двоюродные братья и сестры часто оставались под присмотром бабушки и дедушки по материнской линии: Тройниных Егора Семеновича, 1896 года рождения, и Пела-

геи Алексеевны, 1897 года рождения. Бабушку мы звали почему-то Палагией. Я запомнила их уже старенькими. Дед продолжал работать конюхом в огородной бригаде колхоза д. Черемиски, а бабушка хозяйничала дома. Вот о ней я и хочу рассказать.

Сначала в памяти возникает дом, в котором жили дед с бабой. Срублен он был из толстых сосновых бревен и разделен на две половины: горницу и кухню. Окон было много, выходили они на восток и юг, поэтому в комнатах всегда было светло. Посреди горницы рос огромный фикус в деревянной кадке, а на окне цвела чайная роза. Отапливался дом старинной печью, а еще в горнице был камин.

Быт устраивался по всем правилам того времени. В хозяйстве были огороды, корова, телята, овцы, куры, гуси, собаки и две кошки. Как бабушка со всем этим управлялась - можно только удивляться. При всем этом, регулярно с ними жили еще и мы – внуки, которых было восемь человек.

Кормилицей в доме была, конечно, печь, которая топилась каждый день. Только в 60-е годы у них появилась электроплитка со спиралью. До конца 50-х в деревнях электричества не было. Хорошо помню то время, когда на улицах устанавливали столбы, ручной дрелью сверлили толстые бревна, чтобы провести в дома электрические провода. Пока света не было, управляться по хозяйству приходилось с помощью керосиновой лампы.

Баба Палагия просыпалась самой первой, зажигала ламу и топила печь. Когда мы просыпались, спали тогда на печи или полатах, у нее уже был приготовлен завтрак. Бабушка постоянно стряпала. Причем пекла она не только пироги, но и хлеб. Закваску она всегда называла «мел» и хранила ее в глиняном горшочке. Иногда соседки приходили к ней, чтобы занять закваски для хлеба.

Уму непостижимо, как она сохраняла все припасы, не имея привычных для нас холодильника и морозильной камеры. Не помню, чтобы у нее в доме испортилось что-нибудь из продуктов. Молоко разливалось в глиняные кринки и остывало в сенях на столе, при-

крытое льняной скатеркой. В горшочках сквашивалась простокваша. Бабушка всегда снимала с них сверху сметану только деревянной лопаткой, а остальное ставила в печь и варила творог.

Мне очень нравилось пить горячую сыворотку с золотистыми корочками. Творог был самостоятельным блюдом со сметаной и сахаром или сметаной, зеленым луком и солью. Ну куда теперешним йогуртам до тех простокваш и творога?

С удовольствием мы ели и куриные яйца, которые собирали в глиняные корчаги, пересыпали золой и хранили в голбце, так они лучше сохранялись на зиму.

На полках хранились в мешочках сушеные грибы, горох, бобы, различные ягоды и травы.

Дед рыбачил на речке-старице и часто приносил домой карасей или линей. Кошки ходили с ним. Для ловли он использовал сети и плетеные ловушки-«морды». Летом рыбу жарили на сковородах в топящейся печи или сушили к зиме. Хранили ее в вязанках, подвешенных на стенках повыше, чтобы кошки не грызли.

Возле печи был откидной столик для разделки теста, кадушка с водой и несколько лавок с занавесками, под которыми по весне гусыни выпаривали цыплят. Они сидели в корзинах с соломой и щипали нас за руки, когда мы хотели почерпнуть квас из корчаги.

Бабушка была отличной хозяйкой и мастерицей в приготовлении различных блюд из обычных домашних продуктов. До сих пор помню вкус ее пирогов, шанежек, шей, похлебок и киселей, которые она варила из сушеных ягод. В доме во всем был порядок. Сколько же труда и терпения на это требовалось! Когда она только отдыхала?

Бабушка учила нас ткать половики и холсты. Ткацкий станок у нее стоял в чулане. Мы садились вокруг и следили за ее работой. Баба Палагия имела прекрасно шить, для этого у нее была машинка «Зингер». Моя мать рассказывала, что шитье у бабушки всегда было крепким и аккуратным.

Надо сказать, что дед и баба приучали нас ко всякой работе в

доме и огороде. Мы помогали им ухаживать за скотом и птицей. За хорошую работу дед поощрял нас полосатыми семечками, которые насыпал в стакан из мешка на печке или давал 5 копеек на кино.

Как и все дети, мы шалили и шумели, даже озорничали. Наверное, Пелагея Алексеевна очень от нас уставала. Помню, как один раз она легла на лавку у окна, скрестила руки на груди, прикрыла глаза и сказала: «Согрешила я грешная», а потом замолчала. Мы думали, что она умерла и плакали: «Баба, не умирай, мы будем тебя слушаться...» Она ответила: «Ну ладно». На этом воспитательная работа была окончена. Ни она, ни дед никогда на нас не кричали и не били. Правда здоровенная вица всегда лежала на лавке на видном месте, мы на нее поглядывали с опаской. В переднем углу висят иконы. Бабушка говорила нам: «Боженька все видит...» И мы примолкали.

Летом ходили в лес за грибами и ягодами. Особенно любили собирать “глубяну”, так называемую полевую клубнику. Ягод всегда было красно на поляне, трава низкая и их было хорошо видно. Отовсюду слышалось пение птиц, в траве мелькали бабочки, мотыльки, кузнечики и другие букашки. Природа своей жизнью радовала нас, детей. Глубяну ели досыта прямо на поляне, не забывая набирать и в корзинки. Бабушка нас хвалила. Собранное потом сушили толстым слоем на протопленной печи. Запах был необыкновенный! Такое не забывается.

Иногда баба Палагия водила нас с собой в деревенский магазин, она называла его «лавкой». Деревня была большая и идти приходилось далеко. По пути отдыхали на скамеечках возле домов, иногда на них уже сидели знакомые. Теперь меня удивляют пустые улицы наших сел. Здоровались со всеми людьми, которые встречались нам на пути. Так было положено. При этом мы очень стеснялись и даже краснели, особенно когда на нас обращали внимание.

Сколько было забот, связанных со стиркой и мытьем. Когда было

ТРОЙНИНА
Пелагея Алексеевна

тепло, бабушка мыла нас в бане, а зимой – на печке в корыте. Мы помогали ей носить воду и дрова. После мытья она расчесывала нам волосы, чтобы они не путались, смазывала их репейным маслом из стеклянной бутылочки и заплетала косички. Белье баба Палагия всегда стирала в корыте.

От постоянной работы у нее часто болели руки, ноги и ступни. Лечила она их, натирая возле теплой печки одеколоном. В глубокой старости часто кашляла, сказывалась простуда.

Всего не расскажешь, но память хранит прекрасные картины! Например, нашей обязанностью было провожать утром гусей на реку-старицу. Мы открывали ворота и шагали впереди, а гуси с гусятами топали за нами, но завидев воду, обгоняли, махая крыльями и теряя перья, с гоготом забегали в реку, начинали плавать и нырять. Вечером мы приходили на берег и звали их: «Тига, тига, тига...» Сначала их не видно, а потом подплывают, выбираются из воды и, тяжело перебирая лапами, плетутся домой спать. А вместе с ними навстречу закуту и дому идем мы. Там у палисадника с кустами дикой цветущей мальвы поджидает нас бабуся. Ощущение покоя, радости, красоты жизни от этой картины не покидает меня до сих пор.

Все эти детские впечатления помогали мне жить и преодолевать трудности, горести, которые неизбежны в нашей жизни. Моей дорогой и любимой бабушке Тройниной Пелагее Алексеевне я посвятила стихотворение «Из детства»:

*В тот яркий день сосульки свисли с крыши,
В снег падала капель,
А ветер меж ветвей почти не слышен.*

*Стою я на крыльце оттаявшей избушки,
На солнце шурю глаз и на носу веснушки.*

*Совсем тепло и вкусно пахнет снегом,
Растает и исчезнет, будто не был.*

*Гусь одиноко бродит у сарайки,
Шипит и шею тянет на хозяйку.*

*Гусыня же его у печи под скамейкой,
Меж занавесок тоже шея змейкой.*

*Вот выпарит цыплят и будет королева,
Гусь станет охранять,
С поклонами шипеть и всех пугать
Направо и налево.*

*...Все удивляюсь, как воспоминанья
Живут так долго в глубине сознания.*

*Гляжу на первый тепленький денек
И вспоминаю бабушкин порог.*

БЫКОВ
Виктор Андрианович

Родился 30 октября 1940 года в селе Чистое Щучанского района в семье крестьян. В 1948 году пошел в Чистовскую семилетнюю школу, а 1958 году окончил среднюю школу №1 г. Щучье. Вместе с аттестатом зрелости получил удостоверение шофера-профессионала и стал работать в местном колхозе.

С 1959 по 1962 год проходил воинскую службу в рядах Советской Армии. Вернувшись домой, вновь

стал работать в Чистовском колхозе «Победа» шофером.

В 1968 году после окончания ВУЗа работал в колхозе инженером по технике безопасности, председателем профсоюзного комитета, заведующим машинно-тракторной мастерской, заместителем председателя колхоза. Общий трудовой стаж – 42 года. В 2000 году вышел на пенсию.

БАЛЛАДА О МАТЕРИ

Давно уже на белом свете
Угас в твоём окошке свет,
Уж повзрослели наши дети
В тревоге промелькнувших лет.
Уж заросло травой место,
Где домик ветхий наш стоял,
Где промелькнуло наше детство,
Где есть начало всех начал.
Но не забудутся вовеки
Твои родимые черты,
Как не смыкав ночами веки,

Меня выхаживала ты.
Как в час лихой, когда шрапнелью
Отцов косило на войне,
Ты, наклоняясь над колыбелью,
Негромко песни пела мне.
Как ты рассказывала сказки,
Обняв меня своей рукой,
А я, закрыв от страха глазки,
Лежал ни мертвый, ни живой.
И сколько жить на свете буду,
Сколь мне судьбой отведено,
Я никогда не позабуду
Твое душевное тепло,
Твою заботу и вниманье,
Твою нелёгкую судьбу,
Твое огромное старанье
И беспросветную нужду,
Твою распахнутую душу,
Твое желанье всем помочь,
Уменье ближнего послушать,
Себя, где нужно, превозмочь.
Всю жизнь была ты вся в работе,
И днем и ночью на ногах,
Всегда в нужде, всегда в заботе,
Всё ты держала на плечах.
И каждый день, чуть свет вставая,
Стирала, стряпала, пекла,
Из года в год не уставая,
Свой крест нелегкий ты несла.
Но никогда не унывала,
Не уповала на судьбу,
Своим теплом нас согревала
И в дождь, и в холод, и в пургу.

А дождь и холод, между прочим,
Тебе бывали нипочем.
Ты раздвигала сумрак ночи
Своим натруженным плечом.
Сама голодною бывала,
Но при возможности любой
Для нас всегда приберегала
Краюшку хлеба с лебедой.
И даже в час, когда бранила
Порой за шалости меня,
В крутых словах твоих сквозила
Забота нежная твоя.
А если, как порой случалось,
К нам приходили гости в дом,
Ты словно вся преображалась
В нехитром убранстве своём.
И ты сама в минуты эти
Такою радостью цвела,
Как будто не было на свете
Счастливей доли, чем твоя.
И лишь когда сгущались грозы
А мир бледнел, как полотно,
Ты, не сдержав ночами слезы,
В подушку прятала лицо.
Но утром бодрою вставала,
Как будто не было беды,
Вновь нас кормила, одевала
И на поля спешила ты.
Оставив нас в своей избенке,
Сама до сумрачной поры,
Одна на тощей лошаденке
Пахала жирные пласты.
А после сеяла и жала,

Чесала лён, холсты ткала,
При керосинке выстилала
Филёнок чудных кружева.
На сенокосе с мужиками
Стояла ты в одном строю,
А перед сном пред образами
Склоняла голову свою.
Да только Бога ты просила
Не облегчить свою судьбу,
А чтобы Небо нас хранило
И отвело от нас беду.
Но все ж судьба не пощадила,
Накрыла горем с головой,
И ты двух дочек схоронила,
Оплакав горькою слезой.
Но как бы сердце не сжималось,
В печали некогда скорбеть,
Ведь шесть детей с тобой осталось
И всех их надо обогреть...

...Прошли года. Мы повзрослели,
Обзавелись семьей своей
И внуков подарить успели
К великой радости твоей.
Жизнь понемногу направлялась,
Страна вставала из руин,
И лишь забот не убавлялось,
Как в голове твоей седин.
Теперь ты внуков согревала
Своей горячею душой,
Опять пекла, опять стирала,
Забыв про отдых и покой.

К себе не требуя вниманья,
Забот не зная о себе,
Ты до последнего дыханья
Трудилась с нами наравне.
Мне пред тобой свои колени
Давно бы надо преклонить,
Без ложной скромности и лени
Тебя за всё благодарить.
Произнести слова признанья,
Прижаться трепетно к груди,
Как в детстве, затаив дыханье,
Сказать негромкое: прости
За то, что светлых дней не зная,
В послевоенный трудный час,
Нужду и горе познавая
Ты всё же вырастила нас...
Но что-то мне всегда мешало,
Тех слов простых не находил
И лишь когда тебя не стало
Твой славный путь я оценил.
И долг сыновний выполняя,
Я повторяю вновь и вновь:
- Прости меня, моя родная,
За запоздалую любовь!

ВАЛЕЕВА
Танзиля Фаатовна

Живёт в с. Сафакулево Курганской области. Окончила среднюю школу, Курганский государственный педагогический институт. Работала учителем в Сафакулевской средней школе. Стаж работы 42 года. Отличник народного образования. Ныне пенсионер.

Руководитель поэтического клуба
“Вдохновение”.

ДОРОГИЕ МОИ СТАРИКИ

Конечно, самые близкие нам люди - это наши родители. Они нам дали не только жизнь. Мы унаследовали от них цвет глаз, волос, походку, черты лица, привычки, характер. Моим родителям Фаату Сабирьяновичу и Зифе Гиниятовне 87 лет, а живут они вместе уже 68 лет!

А началось это очень давно: 1946 год, село Сафакулево, районный сабантуй. Парень, мой отец, обратил внимание на красивую девушку с длинными волосами. Девушка с увлечением следила за конными скачками. Парень подошёл к ней, представился. Так они познакомились. После были свидания, любовь. В 1948 году сыграли свадьбу, создали семью, которой уже 68 лет. Я горжусь своими родителями. Они нас многому научили, дали всем пятерым детям образование, сейчас помогают советами. Сколько труда, мудрости, терпения они вложили в нас!

Детство и юность моих родителей пришлись на тяжёлые военные и послевоенные годы. Они были учениками и находили возможность и учиться в школе, и работать в колхозе: сажали, пололи овощи и дома, и в колхозе. Заготовливали дрова для школы. Жили

в нищете: не хватало одежды, книг, тетрадей. Девочки вязали носки для фронтовиков. А отец с мальчишками часто забирался на крыши вагонов поезда, ездили в город, меняли продукты на одежду. Конечно, рисковали, некоторые срывались с кры-

ши. Всю тяжёлую работу в колхозе выполняли ещё не окрепшие мальчишки. В сёлах держали коз, коров, ловили рыбу. Летом заготавливали сено и для себя, и для колхоза, грибы, варенья, часто сушили ягоды, так как не было сахара.

И вот День Победы, который так ждали! Вернулся дед Сабирьян после окончания войны. Он защищал Москву, освобождал другие города. После войны работал в колхозе, был председателем сельского совета. Много рассказывал о войне. Я запомнила его рассказы об обороне Москвы, о том, какие были жестокие бои под нашей любимой столицей. У них с бабушкой Диной было шестеро детей, всем они дали образование, привили трудолюбие.

Милые картины детства... Я помню многое из того далёкого времени. Помню деда Гинията, отца матери, участника первой мировой войны. Это был старик крепкого телосложения. Его зеленоватые глаза выхватывали самое главное, значимое, многое замечали. Я его побаивалась: он не любил детские шалости. Меня покоряла его нежность к жене Марзии, нашей бабушке, за которой он трепетно ухаживал, часто кормил с ложки. Бабушка ослепла, ничего не видела. Мама мне объяснила: «Она ослепла, так как много плакала: не вернулся с войны её сын Гатият, он пропал без вести». Кстати, до сих пор о его судьбе ничего неизвестно. А другой сын, мой дядя, вернулся инвалидом, пуля засела в груди, её не трогали врачи, говорили: опасно. Я помню его, у него была одна рука искривлённая. Несмотря на эти увечья, он трудился

извозчиком в колхозе, держал хозяйство. Ловко орудовал он покалеченной рукой, запрягал лошадь, на которой возил грузы для колхоза. Давно его нет в живых, остались одни воспоминания.

Картины детства всплывают, не дают покоя... Весна, но ещё не растаял лёд на озере. Вот мы с двоюродной сестрой встали на льдинку весной, поплыли. Интересно, конечно, но вскоре упали в холодную воду. Нас с трудом спасли. От родных крепко попало. Нас переделали, натёрли тело водкой, затопили баню. Там окончательно простуда была изгнана из наших хрупких тел. Всегда я сама учила своих детей не ходить по тонкому льду, сейчас внукам не устаю повторять. Картины детства, как кадры из киноленты, мелькают передо мной.

Вот мама меня, нарядную, провожает в школу в первый класс. Первый урок, первый звонок. Первые оценки. Школа - это остров детства, где раскрываются таланты, воспитываются личности. Я благодарна всем учителям, которые меня учили.

К школе у меня особенная любовь, ведь я выбрала профессию учителя, проработала 42 года в школе. Родители учили нас всему: как вести хозяйство, стирать, мыть, белить, доить коров, ухаживать за птицей, животными. Мы посадили прекрасный сад. Родители выполнили свою миссию отлично. У нас есть два учителя, врач, инженер, техник. Отец был землеустроителем, инструктором райкома, агрономом. Был долгие годы председателем колхоза «Кызыл Маяк», а затем колхоза «Красная заря». Под его руководством были построены школы, детский сад, фермы, квартиры, профилакторий в сёлах Мансурово, Карасёво. Он является Почётным гражданином Сафакулевского района. Награждён орденом «Знак Почёта». Помню, как хорошо жили колхозники. Колхоз

каждый день по 20-30 машин зерна отправлял на элеватор осенью, во время уборки. Приезжали на помощь студенты, военные во время уборочной кампании. У всех была работа. А сейчас все уезжают в города. Сёла опустели. Есть, конечно, фермеры. Их мало. Отцу думается, что нужно создавать объединения фермеров. Он огорчается, что селян оторвали от земли. А ведь, когда сёла крепкие, крепко и государство. Мать работала в школе учителем начальных классов, затем в детском саду воспитателем. Оба являются ветеранами труда.

До глубокой старости родители держали хозяйство. Только в 75 лет расстались с коровой. Мать наша плакала, не представляла себя без коровы. Отец разговаривал с коровой, гладил её, старался хорошо кормить. Прошли годы, пришлось расстаться и с коровой, и с овечками. Они, родители, радовались и радуются нашим свадьбам, счастью, огорчаются, если у кого-то возникают трудности. Радуются внукам, правнукам, которых бесконечно любят. Дети живут в разных местах: в Сафакулево, Челябинске, Коркино, но часто приезжают, навещают их. Я поражаюсь мудрости, стойкости своих любимых родителей.

Родительский дом, где живут близкие люди, тянет добрыми огнями, особым магнетизмом. Мы знаем: здесь всегда нам рады, дадут добрый совет, всегда поддержат. Пусть живут подольше на этом свете наши самые милые, самые родные старики. А мы припадём, когда нужно, к этому роднику, чтобы получить заряд мудрости, жизненной энергии! Когда живы родители, кажется, что есть какой-то незримый оберег, который охраняет от негатива, от необдуманных поступков. Каждый раз, прежде чем сделать что-то, я мысленно спрашиваю: «А одобряют ли это мои родители?»

Спасибо, родители, за каждую минуту счастья, за каждый миг доброго отношения, общения с вами. На вашем примере мы старались воспитывать своих детей - ваших внуков. Надеюсь, что семена добра, которые вы посеяли в нас, дадут добрые всходы, и ваши внуки так же бережно и мудро будут воспитывать своих детей - ваших правнуков.

ВЕРТКОВ
Михаил Григорьевич

Родился 23 ноября 1949 года в селе Кодское Шатровского района. Окончил школу и Петуховский техникум механизации и электрификации сельского хозяйства. В должности техника -электрика работал в колхозе «Путь к коммунизму», затем в Шадринском отделении энергосбыта по Шатровскому району. Женившись, переехал в Тюмень. Служил в армии, после работал на разных должностях. С 1995 года начал писать стихи. Состоял членом Исетского литературно-поэтического клуба «Родник». Печатался в Исетской районной газете «Заря», в Шатровской районной газете «Сельская новь», газете «ЗОЖ» в рубрике «Творческий клуб». В 2002 году вернулся на постоянное место жительства на родину – в село Кодское. Пенсионер. Ветеран труда. С 2011 года является членом поэтического клуба «Истоки» при Кодской сельской библиотеке.

* * *

Соберусь в дорогу и приеду к деду.
Он давно схоронен (пухом пусть земля!)
Он уже не встретит праздника Победы,
Посижу тихонько у могилы я.

О войне припомню дедовы рассказы
И наполню чарку, и поставлю тут.
Им в живых остаться не было приказа,
Но они в народной памяти живут.

ВОЛОКИТИН
Александр Иванович

Член литературно-художественного клуба «Катайск» при редакции районной газеты «Знамя». Бывалый охотник и рыбак. Наблюдательный и эмоциональный по натуре человек, автор книги «Рассказы охотника» (2016, второе издание). Печатается на страницах газеты «Знамя» и в литературных альманахах.

НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

Летом 1943 года наши войска, сломив сопротивление немецких войск, перешли в ширококомасштабное наступление по всем фронтам. Потери в живой силе были огромны. Прифронтовые госпитали были заполнены до отказа тысячами раненых бойцов, кого можно было транспортировать, отправляли в глубокий тыл для лечения.

В середине июня в Катайск, на железнодорожную станцию, прибыл пассажирский состав с ранеными. Наша небольшая сельская больница тут же заполнилась бойцами, но большая часть солдат все же остались лежать на вокзале, ожидая распределения. Главный врач больницы Кирпищиков обратился в райком партии с предложением о расселении раненых бойцов по домам сельчан. Председатель уличного комитета Третьяков Максим Иванович в сопровождении медсестер обошел все дома, согласовывая с хозяевами, сколько раненых они смогут принять. К нам привезли четырех летчиков. Молодые парни были измучены долгой тяжелой дорогой и незаживающими, гноящимися ранами. Сопровождающая их медсестра передала матери лекарства, бинты, сопроводительные документы, объяснила, что нужно делать в первую очередь и ушла на вокзал. Ночью опустевший эшелон ушел обратно к линии

фронта, чтобы забрать новую партию из полевых госпиталей.

У нас была хорошая большая баня. Мы перенесли солдат в чистый предбанник, натаскали воды, истопили баню и одного за другим вымыли их и перебинтовали заново. Мать, вместе со старшими сестренками, поливала засохшие, почерневшие от крови повязки теплой марганцовой водой и потихоньку отдирала их от воспаленных загноившихся ран. В основном раны были на руках и ногах. Ребята отчаянно бились с фашистами, сбивали немецкие истребители и сами падали на землю, едва успев выброситься на парашютах из горящих в воздухе самолетов. В то трудное время своих лекарств у нас не было, а те, что оставила медсестра, быстро закончились. На бинты пошли рубашки, простыни полотенца, а вместо лекарств – настои трав, топленное коровье масло, да листья репья, капусты, которые привязывали к ранам.

Первые дни всем нам было очень трудно: раненые стонали, метались во сне от высокой температуры и воспаления. Мы не отходили от них ни днем, ни ночью. Перевязывали кровоточащие раны, поили, кормили с ложечки, а так как ни один из них не мог самостоятельно, о мне как мужчине, приходилось подставлять горшки, ведра и потом все выносить во двор днем и ночью. наших летчиков закрепили с питанием к маслозаводу, который в то время был расположен на высоком берегу реки Исети, по левую сторону от спуска к ключу. В дальнейшем там разместилось общежитие педучилища.

Я каждый день ходил на маслозавод за молоком, сливками, творогом, иногда давали немного сыра. Потом бежал за хлебом в отдельный магазин, где отоваривалось начальство, в этом здании сейчас расположено нынешнее общество охотников. Даже во время войны снабжение летчиков продуктами было превосходным. После того, как я получил все продукты раненым, мне нужно было отстоять очередь за хлебом по карточкам для своей семьи. Магазин для всех сельчан был расположен по улице Советской. Сейчас в этом помещении находится Православная церковь. В лучшие дни на восемь человек семьи я получал булку хлеба на день, иногда и того меньше, все зависело от того, что было добавлено в

этот «пластилиновый» хлеб. И так целый день на ногах, к вечеру усталый и голодный возвращался домой.

Первое время, когда летчики сильно болели, им было не до еды, и нам немного перепадало от их пайка. С каждым днем здоровье ребят улучшалось. Чистый воздух, хороший уход и регулярное полноценное питание делали свое дело. Молодые организмы перебороли все невзгоды. Вскоре они стали с костылями передвигаться по дому, самостоятельно выходить во двор, на улицу. У нас при доме был небольшой огород, так что свежие овощи подавались к столу регулярно.

Один за другим ребята покидали наш дом. Дольше всех лечился Николай Ставицкий, но и он, немного подлечив свои раны, пошел в военкомат к военкому Парилкову и стал требовать, чтобы его отправили на фронт, но медкомиссия долго не разрешала ему ехать на фронт. В конце концов, он также отбыл на передовую. Первое время от всех ребят регулярно приходили письма, в которых они благодарили нас за заботу и хорошее отношение к ним. Нашу мать они называли «милая наша, родная мама». Нам с ними нелегко было расставаться, так мы к ним привязались, привыкли. В конце ноября, холодным осенним днем, почтальонка принесла нам в дом похоронку. Мы все сильно испугались, мать побледнела, дрожащими руками взяла похоронку, думая, что она о нашем отце. Но прочитав, узнали, что похоронка была на нашего раненого летчика – Михаила Журковича, который героически погиб в воздушном бою в небе над Белоруссией. В его полевой сумке были наши письма с катаяским адресом, поэтому похоронку и отправили нам. Мы горько заплакали о нем, а мать вложила в конверт похоронку и отправила по адресу в Белоруссию матери Михаила, к тете Тане.

В 1943 году нас у матери было шестеро, да еще с нами жила сирота, племянница Лида, ей было одиннадцать лет, старшей сестре Анне шел пятнадцатый год, а младшей Нине два года. Мать работала оператором на инкубаторной станции и выкручивалась с нами, как могла. Ей предлагали сдать нас в детский дом, который открылся в селе Шутино, но она никого не отдала, хотя в это вре-

мя даже взрослые пухли от голода и умирали, когда теряли хлебные карточки. Мне же повезло, я ни разу не потерял ни одной их них. В тот год был неурожай, мы с небольшого огорода накопили всего тридцать ведер картошки, на такую огромную семью. Мать продала дом, мы уехали в деревню Кораблеву.

Каждый день ждали от отца весточку, но письма с фронта приходили редко. Сначала он воевал на Карело-Финском фронте, после снятия блокады с Ленинграда его перебросили на Украинский фронт. Мать писала отцу, что живем плохо, мерзнем и голодаем, но все это было зачеркнуто военной цензурой, так что он не знал истинной правды о нашей суровой жизни в тылу.

В 1944 году отца сильно контузило, вместе с пулеметом завалило землей от разорвавшейся рядом бомбы. После боя медсестра увидела сапог, торчащий из-под завала, потянула его на себя и почувствовала, что солдат живой. Солдаты-друзья откопали своего пулеметчика и отправили в госпиталь. Войну отец закончил в Венгрии, где тяжелораненый лечился на озере Балатон. Когда очнулся от тяжелого ранения, то первое что услышал, как поет пчела, залетевшая в палату, а у раскрытого окна на подоконнике стоял большой букет алых роз.

Мы ждали отца с фронта, и каждый день бегали на станцию к проходящим воинским эшелонам, война уже закончилась, а отца все не было. К тому времени мы снова вернулись в Китайск и жили в маленьком домике по улице, названной в послевоенные дни именем Александра Морозова. Сейчас там построены корпуса теплиц насосного завода. Мать работала в «Заготзерно», старшая сестра Аня училась в городе Шадринске. Мы ходили в школу, жить стало немного полегче. Отец вернулся внезапно, когда его никто не ждал. Мы играли с ребятами на поляне, и я увидел высокого солдата с самодельным чемоданом в руках возле нашего дома. Это и был отец.

Так в конце июля 1945 года закончилось наше тяжелое, полное тревог и ожидания, голодное, холодное, военное детство.

ГАЛУШКИН
Александр Алексеевич

Родился в 1948 году в селе Сафакулево. В 1966 году закончил 11 классов Сафакулевской средней школы. Служил в армии. В 1977 году закончил финансово-экономический институт в городе Челябинске. Работал экономистом в Сафакулевском отделении Госбанка, заведующим центральной сберегательной кассой, председателем районной плановой комиссии, последние тринадцать лет на-

чальником районного узла связи.

В настоящее время пенсионер. Многие его рассказы печатались в районной газете "Трудовая Слава".

РОЖДЕННЫЕ В СССР

Часть I

И прошлое проходит предо мною

Река времени - одна, но течет она для каждого по-разному.

21 декабря 1942 года, участвуя в боях на Волховском фронте, наш отец, Галушкин Алексей Алексеевич, был тяжело ранен и контужен. Через девять месяцев, пройдя госпитализацию, медицинская комиссия признала его негодным к дальнейшей службе в армии. По прибытии домой, отец устраивается на работу инспектором бюджета в Сафакулевский райфинотдел, а с сентября 1946 года его переводят в отдел соцобеспечения старшим бухгалтером. На этой должности он работает до февраля 1955 года и по состоянию здоровья уходит на другую работу.

Четыре года отец возглавлял районное общество охотников, и с

февраля 1959 года переходит на работу в Сафакулевский райпотребсоюз на должность товароведа по книге. Работа отцу понравилась, и он с большой охотой увлекся новой должностью на целых десять лет.

На первый взгляд работа товароведа казалась монотонной и неинтересной, тем более считалась она совсем не мужской. На практике же оказалось все с точностью да наоборот. Согласитесь, если не вкладывать душу из любой работы ничего путного не получится. Но наш отец был настроен оптимистически и достиг здесь совершенства, являясь примером на всю область. Но это будет много позже, а пока рутинная работа и общественные нагрузки, которые навешивают на тех, кто везет сей воз.

В 1962 году Сафакулевский район объединили со Щучанским. Штат работников Сафакулевского РПС передали щучанцам. В течение двух лет отцу пришлось работать товароведом на два района. При шестидневной рабочей неделе три-четыре раза приходилось добираться на работу в город Щучье на автобусе. Поездки доставляли много неудобств из-за отсутствия на то время дорог с твердым покрытием.

Однако с этим приходилось мириться. В 1964 году район выделился, и все встало на свое место. Начался новый расцвет в жизни села Сафакулево и населенных пунктов района. Строились новые магазины, улучшалось снабжение товарами, в том числе и книжной продукцией.

В стране велась четкая идеология: СССР является самой читающей страной в мире. Это не красные слова. Художественная литература не задерживалась на книжных полках, и постоянно на неё имелся спрос. Кстати, средняя стоимость одной книги составляла в пределах от 50 копеек до рубля. Детская литература стоила копейки, учебники от 20 до 40 копеек за штуку. Учебники в книжном магазине приобретались в основном для учащихся райцентра, а периферия приобрела их в школах. По заявкам школ директора этих заведений получали учебники в книжном магазине.

Вся эта работа непосредственно ложилась на товароведа, и ответственность за снабжение школ он нес наравне с директорами школ. К этому процессу подключалось РОНО, райком партии, а колхозы и совхозы обеспечивали доставку учебников на своем транспорте. Во многих школах занятия велись кроме русского на татарском и башкирском языках, для чего имелись соответствующие учебники и пособия.

Часто проводились книжные ярмарки областного масштаба. Помнится, даже выезжали представители нашего района в город Копейск на книжную ярмарку, а также в город Шадринск, Шумиху, Курган. На ярмарках, делегации от районов, встречались с местными прозаиками и поэтами. У нас дома сохранилась книга с автографом, автором которого является Югов. В Шадринске на подобное мероприятие был приглашен дважды Герой Социалистического Труда Т.С. Мальцев. На ярмарке можно было договориться о покупке или продаже литературы с заинтересованными лицами.

Сафакулевский район, благодаря успешной работе по пропаганде и распространению книг, в масштабах области постоянно находился в передовиках. Товаровед по книге, наш отец, в числе первых был удостоен стать «Отличником потребкооперации» с вручением соответствующего Знака. За достигнутые успехи он был поощрен правом на приобретение мотоцикла «Урал» в 1965 году. В то время такую награду можно было приравнять только к достижениям передовиков сельского хозяйства.

Жизнь не стоит на месте. Торговля в потребкооперации развивалась вместе со страной. Появилась необходимость активизации торговли в райцентре. Так в сентябре 1970 года в Райпо (бывший РПС) появилось новое структурное подразделение «Универмаг». Конторой его стало помещение бывшего книжного магазина, а директором назначили нашего отца. Но это уже другая история.

2011 год

Часть 2

Каждому времени - своя романтика

Хорошее видится издалека, и навечно остается в памяти, тем более, если связано оно с близкими людьми. Рассказ мой о матери - Прасковье Ивановне, которая после окончания медицинского училища в городе Златоусте, в феврале 1942 года, волей судьбы оказалась в селе Сафакулево.

Первоначально трудилась она санинспектором в Сафакулевском райздрав отделе, затем фельдшером в райбольнице, медсестрой в средней школе, медсестрой-воспитателем в детских яслях, позже стала процедурной, операционной, старшей медсестрой в райбольнице. Два года отработав заведующей детским садом, и снова трудится старшей медсестрой в больнице.

Это так сказать трудовой путь в двух словах.

По прибытии в Сафакулево в феврале 1942 года, молодого специалиста поселили на квартиру, где по иронии судьбы до призыва в Красную Армию в сентябре 1939 года временно квартировал наш будущий отец - Алексей Алексеевич. Вернувшись с фронта после тяжёлого ранения, отставной боец с костылями под мышками встретился осенью 1943 года с нашей будущей матерью, а в апреле 1944 года они поженились.

Молодожёнам выделили комнату в ведомственном доме по улице Кооперативной, а в 1951 году родители, имея троих детей, перешли в свой домик, построенный по соседству. По рождаемости детей наши родители выполнили пятилетку за три года, а в 1952 году добавился ещё один ребёнок, ставший четвёртым.

Наши родители всю жизнь прожили в Сафакулево. Со временем обзавелись своим домом, который, кстати, до сих пор не рухнул. Постоянно держали корову, занимались огородничеством, имели большой фруктовый сад. Ко всем занятиям относились с душой и приобщали нас к нелёгкому крестьянскому труду с детства.

Однако такое воспитание в послевоенные годы считалось нормой и ни у кого из подрастающего поколения протеста к деревенскому труду не вызывало. Несмотря на то, что мы были мал мала меньше, матери приходилось работать вскоре после рождения каждого очередного ребёнка. Это тоже было нормой, да и семейный бюджет постоянно нуждался в пополнении. Зарботки тех времён были несравненно малы, хорошо, что потребительская корзина - изобретение нашего времени, а тогда сравнивать было не с чем, а в магазинах не густо. Конечно, сказывались послевоенные трудности, и люди мирились.

В конце пятидесятых годов мама снова работала медсестрой в школе. Забота о подрастающем поколении считалась важной государственной задачей. Медсестра школы наравне с профилактикой заболеваний лечила детей и учителей. Помнится такой случай. Среди урока нашей учительнице стало плохо. Нужного лекарства в медпункте не оказалось. Меня с уроки отправили домой с запиской нужного препарата. Одна из сестёр дала мне таблетки, но когда я передал их в материнские руки, то по выражению лица понял, что это не то. Тем не менее, выпив таблетку, учительница вскоре почувствовала себя лучше и продолжила уроки.

Повзрослев, стал замечать, что мать обладала некоторыми психотерапевтическими способностями, наделённая ими от природы. Детей своих и внуков лечила от грыжи, сглаза. Нарывы, порезы, ожоги, простуды, растяжение связок лечила народными средствами. Уколы больные переносили намного легче, если их ставила тётя Паня. Так звали нашу маму.

В пятидесятых годах прошлого века самой распространённой болезнью среди детей после цыпок были педикулёз и трахома. Для сведения, цыпки - это потрескавшаяся кожа на руках или на ногах, кровотокающая и очень болезненная. Название простонародное. Излечивались цыпки просто: следует хорошо промыть конечности в тёплой воде с мылом и смазать мазью или кремом. Трахоме, благодаря государственной поддержке, в районе излечили к

Дети на оздоровительной площадке райбольницы

началу шестидесятых годов. В конце пятидесятых в Сафакулево ежегодно в летние школьные каникулы открывали трахоматозно-оздоровительную площадку, где собирали больных трахомой детей. Прасковья Ивановна работала там заведующей и непосредственно лечила это гнойное глазное заболевание.

После школы мама снова трудится медсестрой в райбольнице. Прошла там все сестринские должности: процедурная, операционная, старшая, диет-сестра. На операциях приходилось бывать не только в рабочее время, но и вызывали ночами. Нередко из операционной сестры превращалась в донора.

Должность старшей медсестры - это особая веха трудового пути нашей матери. Здесь воплощались её организаторские и профессиональные способности в трудовую деятельность, совпадающие с чертами характера.

Помнятся материнские дни рождения. Посиделки всегда переходили в хоровое пение под сопровождением балалаек. Женщины

исполняли бессчетное количество песен и частушек. Петь могли допоздна, но наступала пора доить коров, кормить семейства. На мой взгляд, подруги собирались на торжество не ради застолья, а скорее всего, попеть сообща, утешить душу. Традиции чествовать именинников в дни рождения сохранились в среде ветеранского ядра до самых последних дней жизни.

В июне 1977 года мать с почестями проводили на заслуженный отдых, но она ещё в течение двух лет продолжала работать в коллективе, ставшем ей и многим её подругам второй семьёй.

Незаметно пролетали годы. Мы, дети, повзрослели, разъехались, учились далеко от дома, служили в Армии, обзавелись своими семьями. Родители тем временем заканчивали свой трудовой путь на производстве, обрастали внуками. Каждое лето на месяц-другой дом бабы Пани превращался либо в детский садик, чуть позднее - в пионерский лагерь. За стол порою приходилось садиться в два захода. Ночной приют разросшееся семейство находило на летней веранде и на сеновале. Комары кусали, конечно, зато как было весело и романтично.

Конечно, состарившимся родителям детская беготня и шум доставляли определённые хлопоты и дискомфорт, но они ни разу не посетовали на трудности. К счастью споров и недоразумений никогда не возникало, и большая заслуга в этом принадлежит хозяйке дома. Надо отметить, что семейная жизнь наших родителей была не такой уж безоблачной. Отец наш, получивший на фронте тяжёлое ранение и контузию в декабре 1942 года, в течение долгих лет мучился головными болями. По заключению медкомиссии вынужден был в 1955 году оставить бухгалтерскую работу. Однако подрастающее семейство вынуждало родителей идти на самопожертвование. Проблема во что одеть и чем накормить такую “гвардию”, становилась главной на долгие годы. Постоянные житейские трудности сказывались на здоровье матери.

В 1966 году, после долгих колебаний, мать дала согласие временно поработать заведующей детским садом. Временная рабо-

та растянулась на два года и стоила ей здоровья. Однажды, когда она шла на работу, мотоциклист сбил мать. Длительное время она пролежала без сознания, выздоровление же затянулось на долгие месяцы.

С марта 1968 года мама снова работает в райбольнице до выхода на пенсию, отдав медицине 37 лет. Умелые руки матери до последнего дня жизни не знали покоя. После работы и в выходные дни занималась огородничеством, была замечательным кулинаром, увлекалась рукоделием, оставаясь заботливой матерью и бабушкой.

Родители при жизни успели порадоваться многочисленным внукам и внучкам. Прожили совместно 46 лет и 7 месяцев, оставив о себе самые добрые воспоминания. После отца мать прожила ещё более шести лет. Находила дела в доме и огороде, внуков поили молоком от своей бурёнки. Матери не стало в марте 1997 года, она не дожила до 73 лет трех месяцев.

Матушкины последователи из числа молодых медработников до сих пор с большой благодарностью вспоминают её уроки, дорожат опытом наставницы, полученным в стенах старой больницы.

И последнее. От нашего дома до больницы расстояние примерно в километр. Сходить на обед, накормить своих чад - непростая задача. Поэтому наша мать никогда не была полной, она многое успевала. Хорошо ладила с соседями, почти всех их рано или поздно лечила. Кстати, мамыны сёстры Ольга и Анна тоже были медработники. Мама положила начало династии медиков. Старшая дочь Лидия в 1971 году, окончив Омский медицинский институт, до сих пор работает по специальности. Внучка Оксана окончила медицинское училище, хотя к тому времени уже имела высшее педагогическое образование. Есть желание перенять эстафету и у правнуков. Да сбудутся их мечты!

2008 год

ГОРЧЕНЁВА
Марина Викторовна

Ей 41 год. Всю жизнь живет в Макушино. Здесь же живут ее родители и сёстры. У нее двое замечательных детей. По образованию - бухгалтер. Работает в отделе социальной защиты района. Профессия Марины Викторовны связана с цифрами и отчетами, а самое главное с людьми и как раз с пожилыми. Но стихи про маму - самого дорого человека.

МАМОЧКА!

Любимая, родная, ненаглядная!
Подарила жизнь не одному - пяти!
Пусть говорят, что глупость безоглядная,
Ведь пятеро детей - с ума сойти!

Мы знаем, помним, как ты уставала,
И спать хотелось ночью, утром, днем.
Нам жизнь свою годами отдавала.
Нам части не вернуть и впятером!

Прости за седину и за морщинки,
Что пролегли лучами возле глаз,
За каждую хрустальную слезинку
Прости, пожалуйста, любимая, всех нас.

Спасибо за твоё тепло и за заботу,
За то, что нянчишься и с нашими детьми,
За бесконечную домашнюю работу
Без отпусков, отгулов, выходных.

И как порою хочется вернуться
Домой, к тебе, в наш старый-старый дом,
В твои ладони головой уткнуться,
Вдохнуть их запах, забывая обо всём.

И вновь, как в детстве, как давно когда-то,
Не думать о заботах и проблемах, ни о чём,
Стать беззаботно, сказочно богатой
Лишь от того, что есть наш дом и ты, родная, в нём!

ДЕГТЯРЕВА
Ольга Викторовна

Родилась в г. Богданович Свердловской области 20 июля 1962 года. Проживает в селе Ичкино Шадринского района. Работает в Ичкинской средней общеобразовательной школе учителем начальных классов. Стихи пишет с 1973 года. Есть короткие рассказы и сказки. Принимала участие в районных конкурсах чтецов, печатались в «Шадринском курьере», «Ваша выгода».

«ЗДРАВСТВУЙ, МАМОЧКА!»
(открытое письмо)

Здравствуй, мамочка! Я долго думала и решила написать тебе это письмо. И пусть мы живем с тобой на соседних улицах и встречаемся каждый день, я всё-таки напишу. Потому что с каждым днём, становясь старше, я отчётливо понимаю: мама у человека одна, никто её не сможет заменить. Наверное, я почувствовала это ещё 38 лет назад, когда написала о тебе стихотворение. Ведь ты помнишь его? Впервые я прочитала его на какой-то игре. По моему, это был КВН. Тогда мы получили высший балл за домашнее задание. А ты всё обижалась, что я тебя не пригласила на игру. Не сердись. Хочешь, я тебе прочитаю его сейчас?

*О тебе я песен не писала,
Не слагала для тебя стихов,
Милых рук теплом не согревала,
Не шептала благодарных слов.
Не писала ласковых я писем.
Ты недели, даже месяцы ждала.*

*Я домою являлась слишком редко,
Ты встречала, сидя у окна.
Я училась, «двойки» получала,
Ты шептала: «Не балуйся, дочь».
Я уроки часто пропускала,
Ты, вздыхая, уходила прочь.
Я училась, ты не досыпала,
Я влюблялась, - вовсе не спала,
В беды попадала – выручала,
Уезжала – ты меня ждала.
Как за всё тебе я благодарна!
Ты всегда со мною: в радость, в грусть...
Ты прости за всё меня, родная...
Быть такой, как ты, всегда мечтаю...
Никогда я от тебя не отрекусь.*

Как это было давно! Эти стихи я написала, когда училась в 8 классе. Это было 24 октября 1977 года. Последние строчки никак не получались. Я никак не могла выразить свои чувства словами. Только спустя 30 лет, когда я была сама уже трижды мама и трижды бабушка, при очередном чтении стихотворения эти строчки возникли в моей голове. Я спокойно записала их и удивилась, как всё просто и сложно.

Просто и сложно. Два коротких слова. А можно сказать наоборот: сложно и просто. Именно такой была твоя жизнь. Простой и сложной. Хотя почему была? Она и сейчас у тебя – простая и сложная. В наше время, наверное, по-другому и быть не может. Ты согласна со мной?

Помнишь, когда на экранах телевизоров стали транслировать телесериал «Капитанские дети», ты вдруг сказала: «А я ведь тоже капитанская дочка». И сразу же в моём сознании возникли детские воспоминания, как ты всегда с гордостью говорила: «А папка у нас был капитаном». И ещё, после встречи с жителями села Понькино (теми, кто хорошо знал твоего отца), ты всегда улыба-

ешься, потому что многие из них говорят: «Как ты на Петра Ивановича, на отца своего похожа». Ты и сейчас часто смотришь фотографии и шепчешь: «Я на папку больше всех похожа». А всего вас – пять, четыре сестры и один брат, и все вы – капитанские дети.

Ты родилась в октябре далёкого сорок первого. Я помню, как ты рассказывала об этом: «Папка уже был на фронте. Он, по-моему, ещё и на финской у нас был. Дядя Андрюша (папкин брат) пришёл из клуба и спросил у мамы:

- Где?

- На полатах. Опять девчонка, третья.

Дядя Андрюша взглянул на меня, взял топор, изрубил большую деревянную кровать и истопил печку. А потом уж от папки с фронта письмо пришло, а в нём на листе большими буквами было написано: «НЕЛЯ». Это так меня папка велел назвать. Откуда он это имя взял, не знаю. Может, кого знал с таким именем, а может просто услышал и понравилось».

Знал бы дедушка, сколько путаницы принесёт тебе это имя! И как только тебя не называли: и Неля, и Нелли, и Нэла, и Нэлли, и даже Элеонора. А сколько путаницы с документами! «Зато папка придумал!» - говоришь ты, повздыхав и поохав.

А ещё ты рассказывала так: «Я не помню, почему, но папка был во время войны дома. Может, в отпуск, может, после ранения. Как я его боялась! Как я хотела, чтобы он уехал из дома! Он был для меня чужим. Крыльцо у нас было высокое. Помню, по ступенькам полы шинели вниз движутся, а я радуюсь, что он уезжает наконец-то. Мама с девками плачут, а я радуюсь. Глупая была, маленькая, года три, наверное».

Конечно, ты привыкла потом к отцу, и дороже его никого у тебя не было. Училась сначала в Понькинской, а потом в Красномыльской школе. В любую погоду бегали напрямик, через леса, каждые выходные, а неделю жили у родственников. «Прибежим в школу в резиновых сапогах, снимем их под партой, греемся. А через несколько часов опять на холод в резине». Вот они откуда

все твои болезни и напасти, от военной и послевоенной поры. Да и выросли-то вы на Барнёвке и Исети. А сколько рыбы съели? Ведь Белоярская ГЭС как раз в это время...

Всю свою жизнь ты гордишься своим отцом, гордимся дедом и мы. Твой старший внук много знает о своём прадеде. Часто он говорит: «Наверное, я всё-таки буду военным». Вот тебе и твои рассказы...

Мама, а помнишь, как во втором классе я рассказывала о тебе на уроке (было домашнее задание), а в конце ляпнула: «А в школе мама моя не училась!» Валентина Васильевна так долго смеялась! Теперь-то я знаю, что ты окончила 10 классов, поступила в Катайское педучилище с младшей сестрой Валей... Доучиться тебе из-за материального положения не пришлось. Позднее, когда уже я родилась, ты окончила курсы при Шадринском пединституте. Всю свою жизнь ты посвятила педагогике: работала в детском саду няней, затем воспитателем, преподавала в школе в начальных классах русский язык и литературу, была воспитателем группы продленного дня, в школьном интернате. А как часто мы вспоминаем город Новочебоксарск! Ты работала при ЖЭКе, занималась с детьми, живущими в ближайших домах: ходили на Волгу, лепили из глины, рисовали, смотрели диафильмы... Сейчас-то мы понимаем, что это были первые шаги работы детских коммун при ЖЭКах. А в трудовой книжке стоит смешная фраза «подсобный рабочий». За 35 лет педагогической работы у тебя столько благодарностей, Похвальных грамот. Ты награждена медалью «Ветеран труда» и знаком «Отличник просвещения». И мы гордимся с тобой. Это ты привила любовь к детям, уважение к труду педа-

гога. Ты проработала 23 года в детском саду, из них 14 – рядом с тобой была я, на одной группе, в одном детском саду. Это ты научила меня всему. Когда детский сад закрыли, я пришла в школу. Мои младшие сёстры, твои дочери, работают в детских садах воспитателями. Две твои старшие внучки получили высшее образование педагогов изобразительного искусства, третья - учителя истории. А старший внук нынче заканчивает университет и станет преподавателем-организатором ОБЖ. Это ли не продолжение семейной династии? И всё это благодаря тебе, мамочка.

Я часто встречаю твоих учеников. Они до сих пор узнают меня и вспоминают кареглазую девчущку, которой они заплетали косички. Но всегда, в первую очередь, они спрашивают: «Как Нэлли Петровна?» Они до сих пор помнят, что твой день рождения в октябре, помнят, какие ты любишь цветы. Я знаю, ты до сих пор хранишь поздравительные открытки своих учеников, часто пересматриваешь фотографии и вспоминаешь о них. И теперь уже твои правнуки знают, как вы собирали макулатуру, ходили в поход, выискали газету....

В этом году у тебя будет «маленький» юбилей – 75. Семь плюс пять – двенадцать. Именно столько исполнилось в этом году твоим самым старшим правнукам, а летом столько же исполнится твоему младшему внуку. Мы, конечно же, вновь будем шутить и поздравлять тебя с «двенадцатилетием». Но я точно знаю, что вновь услышу: «Угадай, кто сегодня мне позвонил?» или «Угадай, кто сегодня был у меня в гостях?». Хотелось бы и мне, чтобы дети, с которыми я занимаюсь сейчас, вспоминали обо мне с такой же теплотой и любовью.

Спасибо тебе за всё, родная. Прости, если бываю не права. Крепко тебя целую.

Твоя дочь Ольга.

P.S. Не сердись, что письмо получилось «открытым», но я очень хочу, чтобы все знали, какая ты у нас замечательная. Под этими словами подпишемся все мы: три дочери, восемь внуков и пять правнуков.

ДЕМИДЕНКОВА
Татьяна Анатольевна

Родилась 5 ноября 1975 года в селе Сафакулево. Окончила Сафакулевскую среднюю школу. Живёт и работает в родном селе.

На стихи Татьяны Демиденковой написана песня «Молитва». Её произведения печатаются в районной газете «Трудовая слава».

* * *

Старушка сидела у храма,
Спокойной казалась на вид,
Она не роптала, молчала,
Хоть сердце рыдало навзрыд.
Тайком утиралась платочком,
Стыдясь всем слезу показать.
И Бога молила-просила -
Смирение в жизни ей дать.
Холодные, серые стены,
Она никому не нужна,
Случилось с ней так, что на свете,
Свой век доживает одна.
Никто не придёт, не позвонит,
Не спросит, здоровье-то как?
Промёрзлая, хмурая осень,
Пугающая тишина,
Среди миллиона прохожих,
Она сиротливо одна.

Проснувшись, старушка с рассветом,
Спешила к церковным вратам.
Свой лучик надежды и света
Она обретала лишь там.

МАМА

Я нарисую, мама, твой портрет,
Морщинок мелких сетку возле глаз,
Улыбку нежную, любимое лицо,
Мы так похожи, мамочка, на вас.

Я нарисую мамины глаза,
Они искрятся радостью за нас,
В них доброта, любовь и красота,
И нет дороже, мама, твоих глаз.

Я нарисую волосы твои,
Их седина чуть-чуть посеребрила.
Ты воспитала нас в своей любви,
В твоих руках - божественная сила.

Да, мама - есть у каждого из нас,
Но нет на свете ближе человека.
Вы ангелы, хранители детей,
Ведёте нас по жизненному веку.

ДОМОЖИРОВ **Александр Яковлевич**

Родился 4 сентября 1940 года в селе Елошное Лебяжьевского района. Окончил среднюю школу, техникум механизации и электрофикации сельского хозяйства. Работал в Якутии начальником районной инспекции гостехнадзора. Служил в армии, прошел путь от рядового до старшины. Окончил военное училище. Служил на Дальнем востоке, в Уральском военном округе, за границей. После увольнения в запас работал на инженерных и преподавательских должностях, руководителем предприятия, в органах местной власти. С декабря 1973 года постоянно живет в г. Макушино. Ветеран труда, инвалид первой группы с полной потерей зрения.

Одиннадцать лет назад, после потери зрения стал писать стихи, рассказы и статьи. Публиковался в различных сборниках. Активно сотрудничает с областными газетами «Новый мир», «Наш голос» и районными газетами, разовые публикации были и в центральных газетах. В честь юбилея Победы краткий вариант повести «Поколение негибаемых» записан на звуковой диск, выпущенный областным управлением культуры и специальной библиотекой имени Короленко.

ДЕД СТЕПАН

Мой дед по линии отца Степан Поликарпович был партийцем, так в селе называли коммунистов. Старший сын Пётр умер в болезни, средний - мой отец - Яков погиб на фронте, младший Анатолий уже после войны служил в Германии. Дед с бабушкой Морьяной жили вдвоём на краю села. Может быть, по церковным бумагам бабушка была записана Марьяной или Марианой, но в селе она была известна, как Марьяна, ещё ходили слухи, что она поповская дочь.

Дед Степан воевал с колчаковцами, обороняя родное село. Рассказывали, что когда он ехал на санях, артиллерийский снаряд попал в повозку, разнёс её в щепки и контуженного, но оставшегося в живых деда, уцепившегося за упряжь, обезумевшая лошадь галопом утащила в село. После контузии у деда Степана тряслись голова, руки, он с трудом передвигался, опираясь на палку.

Я часто навещал дедушку и бабушку, а на Пасху всегда оставался у них ночевать. Тогда в каждой сельской избе в переднем красном углу были божнички, на которых стояли иконы, а у бабушки стоял ещё и огарок свечи, которую она зажигала в божественные праздники. Всю пасхальную ночь бабушка Моряна молилась, а мы с дедом смотрели и слушали её.

В годы войны и первые послевоенные годы не было гонения и притеснения верующих, иконы были даже в избах коммунистов, гонения и дальнейшее разрушение веры началось уже в хрущевские времена.

Дед Степан часто рассказывал мне об освобождении Зауралья от колчаковцев, смелости и стойкости односельчан и всегда пел песню, как под частыми разрывами гремучих гранат сражался отряд коммунаров, как они попали в плен, их повели на расстрел и заставили копать себе могилу, но они и смерть свою приняли с честью, как настоящие герои.

Дед Степан, возможно, и не сознавая этого, воспитал меня с детских лет в любви к родному краю, обязанности защищать его, жить общей жизнью с другими людьми и своей страной.

Я до сих пор с любовью и благодарностью вспоминаю моего деда и бабушку.

ЕФРЕМОВА
Надежда Викторовна

Родилась и выросла в городе Шумихе. Закончила Курганский государственный педагогический институт, факультет русского языка и литературы. Работала в школах, в детских садах. Живет в Кургане, на пенсии. Печаталась в ряде журналов, газет и коллективных сборниках.

ОСОБЕННЫЙ ДЕНЬ

Вся семья собиралась у деда 9 Мая. Это была семейная традиция: праздник-то какой! Еще накануне дед волновался:

- Хоть бы не разболеться завтра...

- С чего тебе разболеться-то, - недоумевала сердито бабушка.

Дед и сам знал, что не с чего: слава Богу, здоров, по хозяйству все сам делает, по больницам не ходит. Но все-таки что-то его беспокоило:

- Не знаю, Николай-то придет или нет, поди уж помер.

Бабушка сердилась: чего гадать-то, но молчала: не мудрено, ежели и помер, за восемьдесят уже, да и ранения дают о себе знать.

Весь предпраздничный вечер проходил в хлопотах: в избе убрали, баню топили, мылись, бабушка Анна квашню заводила...

Утром 9 Мая уже часам к восьми запах пышных пирогов и шанег заполнял весь дом. «О, богатство-то какое!» - хлопотала вокруг выпечки бабушка, смазывая пироги и шаньги гусиным перышком, смоченным в масле. Такое «богатство» бывало на столе, когда ждали гостей. А уж в этот особенный день как-то особенно и гостей ждали, и вообще все было необычно и торжественно.

Дед, как всегда к этому часу уже наработался, с хозяйством управился: кур и собак накормил, напоил, в огороде покопался, умылся, сидел у печки, курил и ждал приглашения к столу.

- Рубаха-то чистая у меня есть? - спрашивал некстати, видимо, все еще беспокоясь о чем-то.

- Да, неуж-то нет! – взрывалась вдруг жена, всплескивала руками и быстро направлялась в горницу. Она выносила пиджак, брюки, рубашку, молча показывала деду и вешала на веревку перед глазами. Костюм купили лет пять назад на школьном базаре. А что? Костюм школьника как раз пришелся впору. «И дешево, и сердито», – приговаривал хозяин. Что ж, все готово, рубашка чистая. Дед докурил:

- Ну, давай уж поедем, а то опоздаю.

- «Опоздаю», - передразнивала сердито бабушка. Вообще, она была очень строгой, даже суровой, и дедушка ее побаивался, особенно когда выпьет «не к делу».

- Время - восемь, ему - к одиннадцати, - ее строгость оправдывалась, - «опозда-а -ю», - ворчала она потихоньку, но на стол собирала.

- Так, пока поем, пока умоюсь, оденусь... - добродушно оправдывался дед.

- «Оде-е-нусь», три часа будешь одеваться, - бабушка говорила так уже по привычке, и дед, казалось, ее совсем не слушал, но все-таки, видимо, слушал, потому что лукаво улыбался уголками губ и глаза его блестели от удовольствия: и рубаха чистая-чистая, и ботинки вымыты, у порога стоят, ну, а пироги и шаньги! Одним словом - праздник!

И вот стоял он в костюме, в орденах и медалях. Бабушка долго хлопотала вокруг него, что-то поправляя и отряхивая. Дед от такой чрезмерной заботы краснел и от удовольствия глупо улыбался.

- Чего улыбаешься? Иди уж, - наконец отпустила Анна мужа все так же строго, - да смотри там...

- Ладно, - от всей души обещал солдат, видимо понимая, о чем она предупреждала.

Обычно дед приходил часам к трем, навеселе, с цветами:

- Ребята еще не пришли? – спрашивал с порога.

- Рано, к четырем обещали, - отвечала бабушка, принимая цветы и подарки.

- Хорошо нас поздравили, мать, - рассказывал дед, раздеваясь, - мы с Николаем немного выпили. Я полежу пока, - он ложился и тут же засыпал - сказывалась бессонная ночь.

Отчетливо становилось слышно, как идут «ходики». Бабушка садилась у окна и пристально смотрела на дорогу: она ждала детей и внуков.

И на этот раз все было, как всегда: и костюм, и шаньги... Вот только с праздника дед вернулся сам не свой: Анна увидела в окно, что он не идет, а как будто бежит, спотыкаясь.

- Ой, батюшки, - екнуло у нее сердце. Она выбежала во двор, отворила калитку. - Чё ты? - пристально заглянула в лицо мужа.

- Да ни чё я... Колька помер, - выдавил дед, тяжело опускаясь на крыльцо, и он расплакался, как ребенок, всхлипывая и вытирая слезы тыльной стороной ладони.

Бабушка заплакала молча, она стояла перед дедом раскачиваясь, прикрывая рот рукой.

- Ребята еще не пришли? - спросил дед сквозь слезы.

- Нет, - последовал короткий ответ.

- Налей мне, а то так давит, так давит, спасу нет. Я там выпить-то не смог, да и с кем? – снова запричитал дед.

- Пойдем в избу: прохладно тут.

Они зашли в дом, дед выпил и немного успокоился. Он присел у печки, закурил, смотрел на тлеющие угольки, и унесла его память далеко-далеко, может быть в сорок первый, а может - в сорок пятый. Бабушка села у окна, она пристально смотрела на дорогу.

А меня моя память все чаще уносит к маленькому ухоженному домику с крашеными наличниками, где в палисаднике росла огромная яблоня-дичка. Зачем эта дикарка хозяевам? А цветет весной уж очень пышно и долго, и кормит голодной лютой зимой всех окрестных воробьев своими невзрачными плодами. Наблюдали дедушка с бабушкой за птицами из окна и радовались.

ЗАТЕЕВА
Дарья Евгеньевна

19 лет, студентка 4 курса Курганского
областного музыкального колледжа им.
Д. Д. Шостаковича.

* * *

Мамочка, моя милая мама,
Боль в душе подавляя,
Скажу лишь, что я живая.
Я живая, я подъезжаю.

Такси. Аэропорт. Вокзал -
Я рядом.
Слезы с моего лица рукой стираешь,
Мама, ты ведь и так всё знаешь...

Мы без слов просидим сутки,
Завтра опять эти чертовы маршрутки,
Суета города, быстротечность времени,
Хочется остановиться хотя бы на мгновение.

Ну, а пока:
Я дома, и ты рядом,
Мой дом, где мама.

* * *

Знаешь, папа, я вовсе не взрослая,
Видишь, какие глупости вытворяю.
Юность и молодость – дело хорошее,
Это вы с мамою мне даровали.

Помнишь, папа, как в детстве
В колыбели ты меня убаюкивал,
Сердце у тебя сжималось до боли,
Понимая, что это измеряется лишь минутами.

Без тебя очень плохо, папа,
Без тебя я скитаюсь в сомненьях.
Я, как якорь, одна в берегах,
Не справляюсь с буйным теченьем.

Я добьюсь всего, чего хочется,
Я исполню наши желания,
Пап, ты мне верь,
Я сдержу свои обещания!

ЗАХАРОВА
Наталья Героевна

Родилась в 1958 году на восточном участке БАМа. Печатала стихи и рассказы в газете “Пионерская правда”. Работала в газетах Дальнего Востока, Зауралья, Тюменской области. После ухода на пенсию занялась поисковой работой, делая акцент на судьбах побывавших в плену и пропавших без вести советских воинов. Живет в Мокроусово.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДИПЛОМ КОНКУРСА
“За глубокое раскрытие темы”

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

В моем семейном альбоме бережно хранится старая фотография: на толстом картоне стиля ретро начала 20 века мой прадед - Павел Михайлович Гологузов и его жена (моя прабабушка) - Александра Герасимовна (в девичестве Дубровина). Оба уроженцы деревни Пивишное. Прадеда я не знала. В период коллективизации новая советская власть объявила его пособником общинно-патриархальных устоев за отказ вступать в коллективное хозяйство, отобрав все домашнее имущество и недвижимость, отправила в ссылку. Так Александра, в неполные 28 лет лишившись жилья, осталась без мужа, с единственной дочерью Марией на руках, выжившей в двадцатые годы просто чудом.

- Почему у тебя, баба Саня, больше не было детей? - задавала я ей свой наивный вопрос. И она мне отвечала, что рожала шестерых, да они почему-то умирали во младенчестве. - Вот только Мария и жива, - повторяла каждый раз со вздохом.

Мне с детства знакома история жизни Александры с Павлом.

Но тогда я, несмышлениш, не могла даже уразуметь: почему прадед не вернулся после ссылки домой, ведь он так любил прабабушку! Почему она была вынуждена скитаться по чужим углам, не имея своего, но имея при том многочисленных родственников, как со своей стороны, так и со стороны мужа..

Александра Герасимовна умерла в 1980 году в возрасте 86 лет. Многие ее рассказы о старине врезались в память, и я их часто вспоминаю, глядя на тусклый снимок моих родителей.

- Деревня наша, - рассказывала баба Саня, - была большой когда-то, имела две улицы. Одну называли Дубровинским краем, так как все дома заселяли дальние и близкие родственники одного корня - Дубровиных. Был еще Буковский, Василенковский края, там жили однофамильцы. В деревне имелся лабаз из красного уральского кирпича лапушинского богатея, склад (там впоследствии в годы Советской власти устроили артельное зернохранилище, а затем местный магазин). Жили дружно, работали на полях сообща.

Я любила слушать ее байки во время работы. Принесут родители два-три ведра лесной клубники (глубеники, как говорили старые люди), нам - задание. Наутро уйдут взрослые в лес, а мы с Александрой Герасимовной в тенечке на скамеечке "чистим" ягоду, обрываем зеленые плодоножки. Тихонько вспоминает прабабушка былые времена, рассказывает глухо, как будто самой себе. Я с жадностью внимаю...

- Пошли мы с девками летом семнадцатого года по глубенику. Идем к болотам лесной дорогой, весело нам, хохочем. Вдруг слышишь топот копыт. Оглянулись с опаской. На вороном всадник в черном развевающемся плаще, так медленно скачет. Не торопится. Испужались мы. В сторонку отбежали, а он на расстоянии, не приближается. Мы быстрехонько обратно в деревню. Всадник за нами. Мы убабрыаем шаг, он круче догонят. Тут одна из девок лапотки скинула и с ноги на ногу перебросила их, видать, знала о поверье. Другие девки-то босиком, побежали. Не стало слышно

Прадед - Павел Михайлович Гологузов и его жена (моя прабабушка) - Александра Герасимовна (в девичестве Дубровина).

топота. Оглянулись. Пуста лесна дорога. В деревню пришли, старикам поведали. Они хором: “К очередной войне”. А вслед, осенью, революция грянула...

Венчалась Александра Дубровина в шестнадцатилетнем возрасте в Лапушинской Богородицкой церкви. Павлу тогда было 19. Статный, голубоглазый, русоволосый крестьянский сын Михаила Ивановича

Гологузова подавал надежды по счетной части.

- Дружил с арифметикой, - говорила бабушка. - Местный богатей его счетоводом к себе на хозяйство приставил. Жили молодые сначала с родителями, а затем разрешил хозяин лес строевой из бора напилить на избушку. Помогли родные его раскорчёвывать, вывезли. Домишко строили вдвоем. День - на хозяйских работах. Вечером - строительство. Дом и теперь стоит на въезде в деревню, круглый, приземистый. Живущие в нем чужие люди не ведают, что построен он на века руками моих прародителей.

- После новостройки скинула я ребеночка. Видать, не по силам оказалось мужское занятие, - вздыхала баба Саня.

Революция. Помещик с многочисленным семейством быстро

куда-то уехал. Дед занялся хлебопашеством. Имелась на дворе корова, лошаденка, птица разная водилась. К тому времени, в 1918-м, родилась моя бабушка Мария, единственная из уцелевших детей. В годы НЭПа участились конфликты между зажиточной частью и бедной поселенчески-переселенческой, которые перебрались из центральных губерний России: кто-то в поисках лучшей доли, кто-то по причине боязни свершившихся октябрьских событий. “Поселенцы” - так их презрительно называли старожилы - приживались в окрестных деревнях с трудом, а лавина революционных преобразований все же нашла и их в глубинке. Крестьянские общины начали распадаться, создавались первые артели, давшие впоследствии начало колхозам.

...В метрической книге Богородицкого прихода нашла скромную запись рождения в 1919 году младенца Николая в семье Павла и Александры Гологузовых. По всей вероятности, это был их последний ребенок. Он умер в возрасте двух месяцев и похоронен на приходском кладбище (сейчас на этом месте находится поле общества с ограниченной ответственностью)

После НЭП, а в наших краях свершилась быстрая национализация земли государством. В артели сбивали людей силой, доходило до крови.

Деду пришлось тайком зарезать весь крупнорогатый скот, оставив лишь коровенку да лошадь, и перебраться на станцию Лебяжье. Но прожили они там недолго.

В одну из февральских ночей на возке волисполкома подъехали к дому Гологузовых. Хозяина забрали в чем был. Александру с дочерью на руках выгнали из дома, дав лишь одеялко и рогожку:

- Живите пока в овине, - сказали напуганной до смерти Александре. - Благодарите Бога, что по этапу вослед за своим не пошла...

Прадед улыбкой успокаивал жену, успев шепнуть, что обязательно вернется... Но этого не случилось. Потом мне рассказывала бабушка Маша, как вернулся с Камчатской каторги односельчанин Семен Дубровин и передал: мол, видел Павла на острове сре-

ди каторжан. Одних грузили на баржу для переправки на Большую землю, других - с нее. Земляки успели перекинуться парой слов. Павел тогда крикнул, чтобы Семен передал родным, что пока жив.

На свою малую родину прадед не вернулся. Где-то пропал, будто и не было человека. А впереди бабу Александру ждали голод в годы Великой Отечественной войны, “хождение в няньки”, безрадостная старость. Не избежала работ в колхозе за палочки-трудодни, против чего восстал когда-то ее муж, оберегая личное подсобное хозяйство как оплот крепости семьи, символ выживания на деревне. Жили после Гологузовы в Тетерье, Семискуле, где родилась моя мама. А затем снова вернулись в деревню Пивिशное. По ряду причин, Александра ушла нянькой в семью, ставшую всем нам впоследствии близкой. Всю свою нерастрченную тоску по многолетнему материнству она отдала детям другой семьи. И дети были уверены, что она - их родная бабушка, лишь годы спустя они узнали правду.

Я помню старенький деревянный чемоданчик-ларь прабабушки Александры. Изнутри он был оклеен дореволюционными газетами, этикетками Екатеринбургского чайного дома, открытками ангелочков. Баба Саня в нем хранила мятные пряники, леденцы, угощая ими нас, детей. Она и в старости время от времени его открывала, подолгу рассматривала фотографии, где с прадедом снята на фоне помещичьего дома. Подолгу глядела баба Саня и на более свежие снимки, где сфотографирована вместе с девчонками, которых подняла на ноги в практически чужой семье в военные и послевоенные годы. Они до конца ее жизненных дней навещали и не забывали свою няньку.

...Проезжая мимо деревенского кладбища у дороги, по которой приходится часто ездить в командировки, вижу зеленую оградку. Там - мои корни, моя прабабушка Саня, благословенная Александра.

Я НИЧЕГО НЕ ЗНАЛА О ВОЙНЕ

Оказывается, это действительно так. Работая с документами, пересмотрев их тысячи и тысячи в Государственном Курганском архиве, на сайте Министерства обороны, других поисковых сайтах в поисках о без вести пропавших по просьбе их родственников, как-то не задумывалась о том: где воевал мой родной дед? Каковы были его фронтовые дороги? Какими путями он шел и какие совершал поступки? Тем более, что на фронте был по рассказам моей бабушки Марии Павловны, совсем немного, всего год с небольшим. И надо такому случиться, что, начав работу по своей родословной, возникла необходимость поднять этот пласт.

Мама вспоминала о своем отце, Федоре Александровиче Коркине с тенью грусти, рассказывала, что была еще маленькой, когда его призвали на войну. Но она помнит этот день, как в составе маршевой роты бодро шагала по пыльной дороге новобранец к районному центру - месту сбора мужиков. На большаке оставалась толпа деревенских баб, голосивших каждая по своему мужу, брату...

До этого они жили по специфике специальности деда, в разных деревнях нашего района. К примеру, мама родилась в селе Семикуль, а ее брат Александр – уже в Шелепово. Почему семья переезжала так часто, родительница моя не смогла пояснить. Не интересовалась до поры и я. Но по-видимому, всему свой срок. Пришел он и до меня. Сделала запросы в медицинский и Подольский архивы.

Ответ на запрос о возможных наградах деда – Коркина Федора Александровича, если таковые и были - превзошел все ожидания. Оказалось, что мой дед был представлен к награждению медалью «За отвагу» и к ордену «Красная звезда»... Кто же он такой, мой прародитель? Откуда родом? Стала узнавать на основе документов в архиве.

История одной лишь ветки моей семьи такова. Федор Александрович Коркин был родом из Макушинского района. Рано лишившись

родителей, которые умерли в 1918 и 1919 годах, он состоит на постоянное у своих родственников, можно сказать, работает у них в хозяйстве. Через 2 года устраивается трактористом в сельхозартель. Затем, судя по архивному документу - автобиографии при вступлении в партию - приезжает в Мокроусовский район. Здесь повстречал мою бабушку Марию и женился. Жили в Семискуле, Шелепово, Могильном, затем перед войной - в Утичьем. Работал шофером, так как к этому времени обучившись на курсах, имел права. А что такое шофер в конце тридцатых годов? Первый парень, как и гармонист, на селе! Работал в районном «Райпотребсоюзе», ездил по хозяйствам. В областном партийном архиве нашла подтверждение, что в составе председательствующего на собрании партячейки в 1937 году, в Шелепово, требовал от коммунистов бдительности в работе и выполнения директив областного комитета партии, хотя еще не был принят в партию, а только являлся кандидатом. Такова была жизнь и политика в стране, и он, по всей видимости, свято верил в победу коммунизма и в светлое его будущее.

Мама вспоминает: «Жили бедненько. Порой в печке, кроме картошки в чугушке, ничего не было. Хорошо, хоть на дворе корова. Приедет вечером тятенька с полей, чугунок достанет с загнетки, сядет за стол и зовет нас с братом, мол, идите поужинать, зайчик гостинцев прислал из леса. Мы подбежим, а он нам по бокалу молока в кружках да по картофелине в руку даст, на лавку заставит сесть. Сидим, жуем, смотрим во все глаза – какой-токой гостинчик зайчик передал? Как поедем, отец вытаскивает из холщовой сумы букет веточек с клубникой, нам подает».

Вкус лесной ягоды остался светлым воспоминанием о детстве у мамы. Вкуснее клубники из рук отца, она, как призналась, не помнит больше. «Иногда отец принесет брату красивую замысловатую коряжину, похожую на человечка, рассказывает мама. - Мы с ней вместо куклы играем несколько дней да зайчика вспоминаем»...

Перед войной работал Федор Коркин на машине – возил с полей

**Мой дед -
Коркин
Федор Александрович.
1944 год**

урожай, отправлял его на станцию Лебяжье. На него была наложена бронь как на водителя, но по заявлению в военкомат передают дедовскую старенькую грузовую машину «ЗИМ» молодым паренькам, а его отправляют на курсы танкистов при Московском гар-

низоне от Копейского танкового училища. По окончании курсов, Федор Александрович на короткий срок попадает в запасной полк, стоящий под Москвой, а затем вместе с 31-й гвардейской стрелковой - на передовую. В наградном листе написано, что служил мой дед с апреля 1942 года в составе 37-го гвардейского стрелкового полка 31-й гвардейской стрелковой дивизии на Западном фронте. Судя по истории Великой Отечественной войны, Западный фронт – это московское направление. В Википедии есть статья о 31-й гвардейской стрелковой дивизии, где говорится, что она в составе 10-й, 16-й (с апреля 1943 – 11-я гвардейская) армий участвовала в Московской битве, в наступательных и оборонительных боях под Жиздрой и Кировом, в Орловской, Белорусской, Гумбинненской и Восточно-Прусской наступательных операциях.

К июню 1942 года дивизия совершает марш, ведет бои в районе города Жиздра и переходит к обороне. В феврале 1943 года начала наступательные бои под Жиздрой. После чего передислоцируется и 12 июня 1943 года переходит в наступление на Карачев на Орловском направлении, где ведет бои до 6 сентября 1943 года.

Данные из наградного листа на Федора Коркина подтверждают справочный материал : «...дважды легко и один раз тяжело ранен... командир отделения... 6 марта 1943 г. , исполняя обязанности старшины роты, во время боя за населенный пункт Верхнее Ошково (правильно – Верхнее Ашково Жиздринского района Калужской области) и Пырники Смоленской области, с группой своих бойцов уничтожил до 30 немецких автоматчиков, просочившихся в тыл роты, за что был представлен к правительственной награде – медали «За отвагу». Но по причине ранения и убытия в госпиталь, награду не получил. 12 июня 1943 года во время наступления немцев в районе Дубно Орловской области, тов. Коркин огнем из станкового пулемета отразил 5 контратак немецких цепей. Во время боя был тяжело ранен. За боевые действия на фронте, проявив при этом отвагу и мужество, достоин к представлению правительственной награды – орден «Красная звезда».

После госпиталя моего деда комиссовали по полной ввиду тяжелой контузии. Мама помнит его возвращение, как войдя в дом, он высоко-высоко подкинул вверх своих детей, и его черные глаза повлажнели...

Дома он устраивается на работу шофером Уполнаркомзага, его принимают в 1944 году в партию. Я нашла в областном архиве учетно-политической документации анкету на деда и рекомендации партийцев по принятии его в ряды ВКП(б). Меня удивило, что одну из рекомендаций ему дал секретарь райкома партии Наговицын. Значит, дед был с ним знаком. Но к сожалению, трагическая случайность обрывает его жизнь сразу после войны. Фотографироваться мой дед не любил, единственный снимок, сделанный для документа, остался как память о нем. И еще ряд документов, отсканированных в архивах нашей области о его коротком, но славном жизненном пути...

...Оказывается, я действительно ничего не знала о войне...

ДАНИЛОВА
Ольга Геннадьевна

Родилась 21 ноября 1948 года в поселке Лебяжье. Окончила Курганское училище культуры, библиотечное отделение. Работала в Лебяжьевской центральной библиотеке на различных должностях, пройдя путь до директора. После выхода на пенсию пять лет работала научным сотрудником в районном краеведческом музее. Всю жизнь сотрудничает с районной газетой «Вперед», где и по сей день публикуются ее материалы. В период работы в библиотеке публиковалась в московской «Библиотечной газете», в профессиональном журнале «Библиотека». В сборнике «Читаем. Учимся. Играем.» издательство «Либерея – Бибинформ» г.Москва так же были опубликованы мои сценарии «Солдатами не рождаются», «Не исчезай мое село», «Коса – девичья краса».

В настоящий момент собирает и систематизирует материал о своих родных, для своих детей и внуков, чтобы знали и хранили память о своих предках.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДИПЛОМ КОНКУРСА
“За глубокое раскрытие темы”

НАГРАДЫ ГОВОРЯТ О МНОГОМ

Скоро мы вновь будем отмечать день Победы. Я хочу рассказать о человеке, фамилию которого ношу уже почти полвека. Это Данилов Илья Данилович, мой свекор. Человек непростой, трудной, интересной судьбы. Родился Илья Данилович на Волге, в небольшой деревеньке недалеко от города Чебоксары. В семье был девятым ребенком, последним. Вскоре родители умерли. Рос и воспитывался в семье старшей сестры. Так что в детстве по-

ДАНИЛОВЫ
Илья Данилович
и Ирина Борисовна.
1941 год

знал все. Жили очень бедно, голодно. Спасал большой сад. Как он вспоминал, порою по несколько дней, когда не было хлеба, ели одни яблоки. Всю жизнь для него вкуснее яблока не было фрукта. В армию был призван в 1935 году, службу проходил в г. Кронштадте. И уже там решил, что свяжет свою жизнь с военной профессией.

После окончания службы он сразу поступает учиться в Московское Военное авиационно-техническое училище или сокращенно МВАТУ. В 1940-м успешно заканчивает учебу и по распределению для дальнейшего прохождения службы едет в г. Ашхабад. Там встречает свою будущую жену, верную подругу на всю жизнь - Ирину. Через год 31 мая 1941 года у них родится первый сын Виталий, а через 21 день начнется страшная война. Воинскую часть, где проходил службу Илья Данилович, сразу же отправляют на фронт. Он редко что-то рассказывал о войне, говорил, что воевал, как все. Нам удалось найти его характеристику, данную ему командиром истребительного авиационного полка и наградной лист на орден Красной Звезды от 5.08.43 г.: «За время пребывания на фронте Отечественной войны в составе 659-го Истребительного авиационного полка обслужил 550 боевых вылетов. Эскадрилья провела 150 воздушных боев, было сбито 38 самолетов противника. Технически грамотно эксплуатирует самолеты. Беспредельно предан своему делу. В трудных условиях, зимой, в мороз, готовит самолеты к боевым вылетам, работая днем и ночью, не жалея

ДАНИЛОВ Илья Данилович

своих сил, добивался своевременного выхода самолетов на боевое задание. Восстановил 30 самолетов. Проявлял находчивость, инициативу и требовательность для своевременного восстановления спец. оборудования на самолетах ...». В военной жизни Ильи Даниловича был еще один необычный момент. Ему довелось встретиться с французскими летчиками из эскадрильи Нормандия – Неман, так как самолеты у них были советские, то и обслуживание было в основном силами советского технического состава. Всего за годы войны Илья Данилович был награжден орденами Красной Звезды и Красного Знамени, двумя медалями «За боевые заслуги» и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.». В мирное время так же неоднократно награждался медалями. После войны продолжал службу в городах Тула, Серпухов, где родился второй сын Владимир, а затем Стерлитамак, (там появилась на свет младшая дочь Татьяна). Всю жизнь рядом с ним разделяя радости и горести, непростой быт, была его любимая жена Ирина Борисовна. Вот она - судьба военного, трое детей и все родились в разных городах. И их жизнь тоже разбросала далеко друг от друга. Виталий - в Одессе, Татьяна - в Благовещенске, а мы с Володей - в Лебяжье.

Илья Данилович очень любил природу, особенно лес. Часто ходил с нами за ягодами и грибами. Был просто счастлив, когда мы взяли дачу. С того момента последние десять лет своей жизни можно сказать, что он жил в Лебяжье. С первыми теплыми солнечными лучами уже в конце марта он приезжал к нам, открывая дачный сезон. А уезжал обычно в конце октября. Всегда привозил с собой свой военный костюм и неизменно шел 9 Мая на митинг,

познакомившись уже со многими лебяжьевскими фронтовиками. Илья Данилович очень любил наш поселок. И хотя его жизнь прошла по городам, в душе он навсегда оставался деревенским пареньком из волжской деревеньки. Он был с большим чувством юмора. Однажды добирался к нам сначала самолетом до Челябинска. Прилетел рано утром, а поезд к нам только вечером. Я заранее дала ему адрес своей старенькой тети, чтобы ему день не сидеть на вокзале. А вот тетю предупредить не успела. Приехал он по указанному адресу и стал объяснять, что да кто. Не открывают дверь, и тут он, как пароль, произнес: «Открывайте! Лебяжье приехало!» Дверь распахнулась мгновенно. Они познакомились и проговорили весь день. А тетя всегда вспоминала, какой это был простой и душевный человек. Свекор всегда говорил: «Лебяжье - моя вторая родина. Здесь живет мой сын, родились внуки, а теперь уже и правнуки, есть и праправнук». С большой любовью и уважением я всегда относилась к Илье Даниловичу. Один из героев фильма *Офицеры* говорил: «Есть такая профессия – Родину защищать». Так вот, все мы его дети, внуки, правнуки считаем, что Илья Данилович с честью и достоинством выполнил свой долг перед Родиной. Об этом говорят его награды, полученные им как в годы войны, так и в мирное время. В день Победы, 9 Мая он, вновь пройдет в колонне вместе с нами в составе Бессмертного полка.

МЕДСЕСТРА ЭВАКОГОСПИТАЛЯ

Война... жестокое, страшное время. Чем она дальше отодвигается во времени, тем ближе подступает ко мне, проходит через мое сердце и душу. Наверно потому, что сама я из послевоенных сороковых, стала мудрее, выросли дети дочь и сын, пятеро внуков, правнук. А я все чаще вспоминаю годы детства, рассказы пришедших с войны фронтовиков, слезы о погибших, воспоминания о тяжелых испытаниях, выпавших на долю и тех, кто воевал

фронте, и тех, кто оставался в тылу.

Нет в России дома, который бы не опалила, не обожгла своим черным крылом Великая Отечественная война. Почти в каждой семье живут свои воспоминания, не раз пересказанные и бережно хранимые. Двадцать моих близких родственников сражались на фронтах, шестеро из них погибли. Из четырнадцати вернувшихся живыми сейчас рядом с нами уже нет никого. Время неумолимо.

Я не коснусь сегодня мужчин, и погибших, и вернувшихся живыми, и работавших в тылу. Все они с честью прошли ту войну, имеют множество наград. Мой рассказ пойдет о маме, о том, как она пережила войну, как через ее судьбу прошло военное лихолетье. **Моя мама Валентина Ивановна Андреева** не была на фронте, не слышала выстрелов и бомбежек, но она тоже сражалась, сражалась в тылу, спасая жизни раненым бойцам.

В 1935 году она заканчивает курсы медицинских сестер, становится военнообязанной, вступает в профсоюз работников медико-санитарного труда Урала и Западной Сибири. Работает медсестрой, выходит замуж, а в 1940 году 7 октября родилась дочка Галя. Казалось, вот оно, счастье. Да нет, война разделила жизнь на две части: до и после.

В нашем поселке Лебяжье был сформирован эвакуогоспиталь №3761, который начал принимать раненых с 26 августа 1941 года. В числе первых 28 медсестер, которые начинали работать в госпитале с первого дня, была и моя мама Валентина Ивановна Анд-

реева. Мама начинала старшей медсестрой, занимала эту должность около года, находясь почти круглосуточно с ранеными. Затем она переходит в палатные медсестры, которых почаще отпускали домой. Ведь там оставалась в зыбке, нередко одна, крошечная дочка Галя, которой на день открытия госпиталя было всего 10 месяцев. Мама прибегала домой, кормила ее, пеленала, и, немного отдохнув, вновь бежала в госпиталь к раненым бойцам. Она долгие годы помнила многих по фамилиям и именам, много рассказывала о каждом. Поэтому и в моей памяти они живы до сих пор.

Самым большим горем, ударом как для мамы, так и для всех сотрудников госпиталя была первая смерть. 30 января 1942 года умер лейтенант Алеша Карпов. У нас в семье долго хранилась фотография, на которой мама и еще три бойца, один из которых Алеша. В дальнейшем эта фотография была передана в школьный музей.

О том, насколько трудно было работать в госпитале, написано немало, а если у тебя еще и грудной ребенок, то это подвиг. Именно так я могу оценить мамин труд в годы войны. Скольким раненым бойцам была спасена жизнь! Кто-то вернулся после ранения домой, кто-то вновь на фронт, и в этом была частица маминого труда, терпения, душевной теплоты. Было очень трудно, не хватало медикаментов, бинтов, которые постоянно приходилось стирать.

Мама вспоминала, с какой надеждой раненые бойцы, особенно тяжелые, смотрели в глаза, умоляли помочь, спасти. Как их боль и страдания проходили через ее душу и сердце.

К сожалению, за период работы эвакогоспиталя с августа 1941 года по сентябрь 1944-го умерло 52 воина от тяжелых ран. На Лебяжьевском кладбище есть братская могила, где они и похоронены. О мамином милосердии, доброте, великодушии говорил и то, что она не забывала погибших. Одним из моих самых ранних было именно воспоминание о посещении братской могилы. Начало 50-х, мы с мамой стоим у этой могилы, она плачет, вспоминая

каждого похороненного здесь бойца и протягивает подошедшим женщинам два кусочка сахара - рафинада помянуть их, больше у нас ничего не было.

Всю жизнь она приходила сюда, на эту могилу, а с нею и я. А спустя годы уже сама привела сюда своих детей и внуков. Мама не уставала повторять: «Ведь у них здесь никого нет, ни родных, ни друзей, поэтому не забывайте про них». Сегодня есть, чем помянуть, но я всегда беру с собой и несколько кусочков сахара-рафинада. Это осталось в сердце навсегда.

Мама награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.». После войны работала медсестрой в районной больнице, а затем перешла также медсестрой в детский сад «Ладушки». Мама очень рано ушла из жизни. 5 февраля 1964 года ее не стало. Здоровье было подорвано еще в войну: и недоедание, и недосыпание, и неимоверная физическая нагрузка.

О работе нашего госпиталя неоднократно писала районная газета «Вперед», есть очерки в книге «Помни войну» (эвакогоспитали Зауралья), в сборнике «Зырянские чтения» (материалы Всероссийской научно-практической конференции), а так же в книге Юрия Агафонова «Белые ангелы». И во всех публикациях есть строчки о моей маме. Она была веселая, жизнерадостная, старалась не показывать, как ей порой бывало трудно и тяжело. Очень любила цветы, особенно астры. Как будто чувствовала, что рано уйдет от нас. Мы бережно храним открытку, подписанную маминой рукой в декабре 1954 года, на которой астры. На обороте такие слова: «Храните эти астры и помните, как я их любила».

Нас у мамы три дочери: Галя - довоенная, а Светлана и я, Ольга, родились после войны. Пять внуков, девять правнуков и один праправнук. Моя светлая, добрая мама! Мы все трепетно бережем память о тебе. Мамино имя продолжает жить в нашей семье: первая ее внучка, моя дочь - Валентина. И все мы гордимся тем, что наша мама, бабушка, прабабушка, прапрабабушка Ва-

лентина Ивановна Андреева, медсестра эвакогоспиталя №3761, тоже внесла своим трудом маленькую частицу в общую большую Победу над врагом.

ОБ ОТЦЕ, О ГАЗЕТЕ

В год 85-летнего юбилея нашей районной газеты «Вперед» мне бы хотелось рассказать о своем отце **Андрееве Геннадии Марковиче**, который был одним из тех, кто стоял у истоков ее создания. В те далекие годы многое в стране делалось впервые, в том числе - и газета. Нужны были свои кадры. В 1935 году папу приглашают работать в редакцию на должность литературного работника или как сокращенно называли литработник. Не хватало знаний, опыта и в 1936 году его направляют в областную партийно-газетную школу при Челябинском обкоме ВКП(б). Там он проходит учебу на курсах газетных работников и в начале 1937 года получает удостоверение, где есть перечень сданных на экзамене дисциплин: русский язык, литература лекционная, география и т.д. Напротив каждого предмета – оценка – хорошо. Я беру в руки подшивку газеты именно за 1937 год и пролистываю по сентябрь. Практически почти в каждом номере идут небольшие заметки за подписью «Г. Андреев». О чем писал он тогда? Да обо всем, насколько возможно было в то непростое время. Об отчетно-выборных комсомольских собраниях, о работе Лебяжьевского элеватора, о ходе уборки, о сдаче хлеба государству и о том, что райсовет по делам физкультуры и спорта при райисполкоме организовал кружок шахматистов и производит запись желающих учиться

шахматной игре, и что он сам успешно осваивает эту игру.

С мая 1940 года папа - уже заместитель редактора. В этой должности ему пришлось поработать совсем недолго: через год начинается Великая Отечественная война. Уже в первом военном номере газеты за 23 июня 1941 года на первой странице папина статья «На защиту Родины идут добровольно». А уже в начале осени коллектив провожает на фронт своего редактора Лаврентия Прокопьевича Немцева, который 9 сентября 1941 года пишет свой последний приказ за № 27: « Выбываю в продолжительную командировку в действующую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию – и на основании решения бюро районного комитета ВКП(б) от 8 сентября с.г. все дела редакции и полномочия редактора передаю тов. Андрееву Г.М.». А следующий приказ за №28 пишет уже папа: «На основании решения бюро РК ВКП(б) от 8 сентября 1941 г. я, Андреев Геннадий Маркович, приступил к исполнению обязанностей ответственного редактора газеты « Колхозное Знамя».

Первые тяжелейшие месяцы войны. На фронт ушли два родных папиных брата. Старший, Александр, погибнет при освобождении Польши в 1944 году. Младший, Венедикт, вернется домой после Победы с боевыми наградами. Папина душа тоже рвалась туда, на фронт, где были братья, но по здоровью не проходил. В то тяжелое время ему было доверено руководить редакцией и типографией. Он вспоминал: « Задача районных журналистов военного периода заключалась в том, чтобы совместно с партийными организациями в тяжелых военных условиях мобилизовать трудящихся района на успешное выполнение планов производства и сдачи государству сельхозпродуктов, на оказание всесторонней помощи фронту. Газета выходила под лозунгом «Все для фронта! Все для Победы!» Сотрудникам редакции тоже нелегко было работать. Транспорт был единственный – лошадь. Большинство колхозов не имело телефонной связи с районным центром, работники редакции зачастую шли туда пешком, целыми днями находились в пути, но их это не страшило. Говорили: « На фронте тяжелее, надо –

сделаем». Газета стремилась более полно информировать трудящихся о положении на фронте. Во второй половине ночи мы по радио принимали сводки Совинформбюро, а уже утром они были опубликованы в газете». Все сотрудники редакции самоотверженно трудились в годы войны. Папа в числе первых в районе в ноябре 1945 года был удостоен медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945г.г.».

После Победы он еще до декабря 1953 года работал редактором, до избрания его секретарем райкома КПСС по зоне Камышинской МТС. Это было время освоения целинных земель. Семья переезжает в село Арлагуль. И на этом участке работы, как вспоминал папа, было сложно и трудно. За работу на целине отец был награжден орденом «Знак Почета», медалью «За освоение целинных земель», медалью ВДНХ, где он побывал в составе делегации Курганской области в 1955 году.

Осенью 1956 года мы возвращаемся в Лебяжье. Папа вновь в редакции - заместителем редактора - и работает там до мая 1962 года, а затем его переводят в аппарат районного комитета КПСС, где он трудился до выхода на пенсию.

Трудовой стаж у папы без малого 50 лет, из них почти четверть века - работа в редакции: литературным сотрудником, заместителем редактора и двенадцать лет - редактором. Он никогда не порывал связи с газетой. Все годы любил районку, с нетерпением ждал выхода свежего номера. Особенно в последние годы, когда

**Андреевы Геннадий Маркович и Валентина Ивановна с дочерьми:
Галина, Светлана, Ольга. 1956 год**

тяжелая болезнь практически приковала его к постели и ограничила непосредственное общение с людьми. Он вчитывался в каждую строчку, на полях делал для себя какие-то пометки, записи. Газета была для него любимым делом его жизни. И он всегда говорил: «Если б снова начать, я бы выбрал опять бесконечные хлопоты эти», так поется в известной журналистской песне. Одними из последних слов, написанных им на полях газеты, были: «Главное, ребята, сердцем не стареть», так же строчки из не менее известной песни. Он пришел в газет молодым пареньком, было ему тогда 18 лет. Видимо, его сердце до последнего дня оставалось молодым, чего он желал и нам. Мои самые ранние воспоминания детства связаны с газетой, с редакцией, где я часто быва-

ла. Отец был для меня примером всю жизнь. И порой в детстве, когда кто-нибудь спрашивал: «Ты чья будешь?» - гордо отвечала: «Андреева». И если слышала в ответ: «А не Геннадия ли Марковича, редактора, дочка?» – громко подтверждала: «Да!»

Многие годы на улицах райцентра я здоровалась с женщиной старше меня и она неизменно говорила: «Здравствуй, Оля!» Однажды я спросила у нее - откуда она знает мое имя. Вдруг в ответ прозвучало: «Так ты же младшая дочка Геннадия Марковича Андреева, редактора. Я всю войну почтальонкой работала, почту носила и в редакцию, и к вам домой». Я на мгновение замерла, меня как будто окатила теплая волна далекого детства. Этой почтальонкой была труженица тыла Мария Григорьевна Моторина.

Для меня наша газета «Колхозное Знамя», а затем «Вперед» - родная. Выписываем ее всю жизнь и с нетерпением, как когда-то отец, ждем свежий номер. Сама я многие годы сотрудничаю с газетой, где публикуются мои статьи. А в 2010 году я стала лауреатом премии имени Л.П. Немцева на лучший материал патристической тематики.

Люди старшего поколения, те, с кем мой отец пережил войну и первые послевоенные годы, почему-то до последних дней называли его уважительно - Редактор.

ТОЛЬКО ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ

В семье моих бабушки и дедушки Парасковьи Ивановны и Марка Евдокимовича Андреевых было три сына. В 1929 году Марка Евдокимовича не стало, и пришлось Парасковье Ивановне одной растить мальчишек. А было тогда Александру - семнадцать, Геннадия - двенадцать, Венедикту - девять лет. Тяжело пришлось, и голодно, и холодно, но подняла она своих сыновей. Выросли молодцы – гордость матери, красавцы.

Александр отслужил срочную службу в г. Биробиджане в кав-

лерийском полку. Вернулся домой, стал работать на почте. Вскоре женился, родились две дочки: в тридцать восьмом - Тося и в сороковом – Люба. Геннадий в 1935-м приходит работать в районную газету. Тоже женится, а в 1940 году у него появляется дочка Галя. Осенью этого же года провожают на срочную службу Венедикта. Он попадает на Черноморский флот. То есть в 1940 году в большой семье Парасковьи Ивановны три радостных события: рождение двух внуков и проводы на службу Венедикта. Осуществилась его мечта служить во флоте.

Но вот она, страшная война, разрушившая всё. В начале сентября 1941 года Александр уходит на фронт. Венедикт, проходивший срочную службу в морской бригаде Черноморского флота близ Новороссийска, уже в первый день войны узнал, что такое бомбежки и обстрелы. Геннадия назначают редактором районной газеты «Колхозное знамя».

Братьев Александра Марковича, Геннадия Марковича и Венедикта Марковича Андреевых в посёлке знали и помнят многие. О Венедикте, легендарном разведчике Черноморского флота, не раз писали районная и областные газеты. Есть и книги Юрия Стрехнина «Про отряд Бороды», Алексея Чхеидзе «Записки дунайского разведчика» и др. А вот о старшем брате, Александре, за все годы не было написано ни строчки. Он погиб на фронте в июле 1944 года. Долгие годы все его родные по крупицам собирали о нём различные сведения, документы, письма, делали запросы. И

вот сегодня, собрав всё воедино, я попытаюсь рассказать про **Александра Марковича Андреева**, моего родного дядю, жизнь которого в 32 года оборвала война. Мне не суждено было его увидеть, я родилась после войны. Смотрю на его единственную, сохранившуюся фотографию ... Александр родился 12 сентября 1912 года в деревне Желтики. Он был одним из первых комсомольцев, первым научился водить трактор и с гордостью проехал на нём по деревенской улице. Семья перебирается в Лебяжье, и Александр начинает работать на почте. Он становится известным, уважаемым человеком в райцентре, депутатом сельского Совета. Сохранилось удостоверение о том, что Александр Маркович Андреев избран депутатом в Лебяжьевский сельский Совет депутатов трудящихся Лебяжьевского района Челябинской области от Лебяжьевского избирательного округа №11. Подписано председателем окружной комиссии Русаковым и секретарём Рыбиной 25 декабря 1939 года.

Всё в жизни у него складывалось удачно. Хорошая семья, любимая жена Нина, две малышки – дочки. Да только война распорядилась по своему. Александра призвали и отправили на фронт. Там он попадает в окружение и с июля 1942 года продолжает воевать уже в десантно-партизанском отряде имени 25-летия Октября Смоленской области. Кстати, в этом же отряде воевали пионер-герой Марат Казей и его сестра.

В то время Александр долго не имел возможности отправить домой письмо, и родные уже начали думать о самом страшном, не погиб ли он. Старшина Александр Маркович Андреев в партизанском отряде был политруком взвода. В июле 1944 года шли ожесточенные бои на границе с Польшей, где и произошло соединение партизанского отряда с частями 2-го Белорусского фронта.

Перебираю ветхие пожелтевшие листочки документов, которые удалось сберечь дочерям. Вот справка, выданная Лебяжьевским райвоенкоматом Андрееву А.М., что он согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года призван по

мобилизации в Красную Армию 8 сентября 1941 года. Два удостоверения подтверждают, что мой дядя действительно с 9 июня 1942 года находился в партизанах, а уже через 4 месяца стал политруком взвода десантно-партизанского отряда.

Следующая справка от 9 марта 1943 года о том, что Андреев А.М. за боевые действия в тылу врага и командование десантно-партизанским отрядом им. 25-летия Октября представлен к правительственной награде – ордену Красной Звезды. Два временных удостоверения за № 309142 и № 089069 говорят о том, что гвардии сержант Андреев Александр Маркович 23 сентября 1943 года был награждён медалью «За отвагу», от 29 января 1944 года – орденом Славы 3-й степени.

Есть среди документов справка от 22 февраля 1944 года о том, что «гвардии сержант Андреев Александр Маркович действительно находится на военной службе в действующей Красной Армии в составе воинской гвардейской части №20719 в должности старшины разведывательного взвода».

Вместе с удостоверениями и справками родным была выслана и боевая характеристика на политрука взвода гвардии старшину Андреева Александра Марковича. Привожу часть текста: «Товарищ Андреев, работая политруком взвода в десантно-партизанском отряде им.25-летия Октября, показал себя сильным политическим руководителем, умеющим хорошо организовать партийно-политическую работу в подразделении. 15.01.1943 года во время боевой операции взвода под руководством т. Андреева был сделан налет на вражескую автоколонну. В результате боя было подбито пять автомашин и семь мотоциклов, уничтожено шесть солдат и офицеров противника. Товарищ Андреев пользуется хорошим авторитетом среди бойцов и командиров...».

В конце июля 1944 года войска 2-го Белорусского фронта, разгромив Брестскую группировку и освободив Брестскую крепость, вышли на государственную границу и начали освобождение Польши. Разведчики всегда шли впереди. При выполнении оче-

редного задания 26 июля 1944 года командир отряда разведчиков Александр Маркович Андреев погиб. Его товарищи считали, что похоронили своего командира на советской земле. Они несколько километров несли его тело на руках и думали, что вышли на территорию Брестской области. Но как потом оказалось, это была территория Польши: Варшавское воеводство, Медженский район, село Заковолье. Позднее он был перезахоронен в братской могиле города Седлец.

Последней весточкой об Александре Марковиче стало письмо его фронтового друга: «Здравствуйте, уважаемая Нина Ивановна. Спешу сообщить Вам, что 26 июля 1944 года погиб Ваш любимый муж Саша, геройски сражавшийся с немецкими варварами. Саша навечно останется в памяти наших бойцов и командиров. Мы беспощадно мстим врагу за гибель нашего командира Андреева Александра. Саша погиб в атаке: Брестская область, Медженский район, деревня Заковолье. Я, Скаба Фёдор, лично сам похоронил Сашу в хорошем месте. На этом я заканчиваю своё письмо. До свидания, Нина. Писал верный друг Саши. Полевая почта 01837. Скабе Фёдору».

Прошло уже 72 года с тех пор, как геройски погиб А.М. Андреев. Но он не забыт. В Кургане живут его дочь Люба, а также трое внуков, шестеро правнуков и праправнуки. Пока жива память о нём, Александр Маркович продолжает жить среди нас.

Весной мы вновь будем встречать День Победы, как и миллионы других людей. Мой дядя Саша тоже мечтал встретить этот светлый праздник, но как сказал Владимир Высоцкий «... только он не вернулся из боя...». Но он вернулся, он пройдёт вместе с нами в Бессмертном полку.

ЗАЯЦ
Елена Васильевна

Родилась 20 июня 1965 года в Тургайской области Республики Казахстан. Окончила в 1983 году Семипалатинский геологоразведочный техникум по специальности «Поиски и разведка месторождений полезных ископаемых». С мая 2003 года работает в районной газете «Звериноголовские вести» в качестве обозревателя. Освещает аграрную тему, люди села, социальную тему.

В ЕЕ ДУШЕ ТЕПЛА ЗАПАС

- Ой, вы знаете, какая я богатая! У меня шесть внуков, одиннадцать правнуков и Танюша с Алёшенькой - уже праправнуки. И всё это от наших с Никандром Ивановичем двух дочерей и сына.

С этих восторженных слов начался наш разговор с Фитиной Антониной Николаевной из с.Круглое. Накануне праздника мы побывали у нее в гостях.

- Прожили мы с ним душа в душу, - продолжает свой рассказ героиня. - Он меня заметил после войны в 46-ом, и сразу засватал. 23 февраля сыграли очень скромную свадьбу, время-то было тяжёлое, послевоенное. И умер мой Кан (так она его называла) ровно через шестьдесят лет день в день - 23 февраля.

При общении с ней даже мысли не возникло назвать её старенькой бабулей, больше хочется сказать женщина в возрасте. Несмотря на свой 91 год, она сохранила чувство юмора, прекрасную память, молодецкое здоровье. Говорили мы с Антониной Николаевной очень долго. Она постоянно вспоминала свою жизнь, военное время: - Перед моими глазами, как сегодня, босая мама, а на

улице холод, брат Коляша (младший из пяти детей) босиком в стужу прибежит в школу, наденет плохонькие носочки, ножонки под себя подберёт ... а учиться надо.

- Да так не только у нас было, - говорит Антонина Николаевна. - Всем тяжело было. Тятю забрали на фронт на второй год войны, пропал без вести где-то Латвии или Литве, никто так и не узнал. А в это время в тылу, в родной деревне Редуть, женщины и дети ковали Победу ударным трудом. Мне, как самой старшей в семье, работать приходилось много - метали копны, возили сено, пололи картошку, выращивали овощи. С девчонками в паре пахали на быках, потом доверили коней. А разве хватит наших сил, чтобы их запрячь!? Парни успокоили: "Не тушуйтесь, будем пособлять". На конях ездили за соляжкой для тракторов за многие километры на станцию Юргамыш. Зимой в ночь соберёмся с подружкой Паней Шишкиной, самим страшно, а что делать, всем нелегко было, горючего то навозить надо и в Редуть, и в МТМ в Каминку. ... Приедем на станцию, голодные и мы и кони, а кормить не чем. На санях бочка, которую ещё и караулить нужно, чтобы не украли. Страху натерпишься, голод одолевает, коней жалко. А кто, если не мы, будет ездить!

Вспоминает Антонина Николаевна, как в их редутскую церковь Свозили на хранение зерно, чтобы посеять в следующем году. Но находились такие, кто воровал его. В семье Тони мама воспитывала детей жить в честности и помогать людям. И до сих пор она готова помочь любому, чем сможет:

- Сделаешь добро и вроде, крылья за спиной вырастают для других добрых дел, - говорит наша героиня. - Это сейчас меньше от меня помощи, дети, внуки ругают, чтобы ничего не делала, а я украдкой, пока нет дочери дома, то травы свиньям нарву, то курочек покормлю, ну, гусей пасу - это мне полностью доверяют. Как же без работы, говорю я им, сидя на одном месте, я и заржавею. Пока помочь могу, буду шевелиться.

Во время войны Антонина Николаевна закончила вместе с подружкой курсы трактористов. И были они первыми участницами на

посевной - пахали, сеяли, технику ремонтировали. Потом Антонина выучилась на воспитателя и работала с детворой в Редути.

Вдруг, беседуя, наша героиня замолчала... О чем подумала, что вспомнила, не поведала, а только продолжила рассказ про свою юность военную, трудную, но такую вечную:

- А как мы бежали к радио в деревне, слышав Левитана! Проклятая война. Сколько горя, сколько потерь! Фашисты пришли отнять наши родные поля, леса, пашни! Да мы же из покоя веку на земле-Матушке работаем, не покладая рук. Она же всегда была и будет только нашей кормилицей. Мы в годы войны на ней, как на поле боя, бились, и победу одержали в муках и голоде, как наши мужики в ратном бою, громя фашистов. А немцы не знали, видимо, какие мы выносливые и сильные духом родной земли.

Пережив тяжелые военные годы, Антонина Николаевна желает только одного, чтобы ее дети и внуки никогда не узнали тягот войны. Каждый день она благодарит Бога, что дал ей такую большую семью: - Вот ради кого наше поколение подвиги совершало. Им бы не утратить доброту в столь тяжёлое время.

Очень скучает она по своей родной Редути. Сейчас там живут с семьями сын Николай и дочь Фая. Антонина Николаевна частый гость в их доме: - Сын живет у самой церкви, так я на неё наглядеться не могу. Выйду за двор, встану напротив неё, хоть и разрушенной уже за многие годы, но такой величавой, и плачу. И каждый раз вспоминаю, как в тридцатых годах, когда мне было лет шесть, в Вознесение - наш престольный праздник, Батюшка всех позвал на последнюю службу. Тогда началось гонение на церковь и служителей. Помню, я тогда причастилась, он всех благословил, попрощался и в ночь с матушкой и двумя дочерьми отъехал из деревни.

Слушая Антонину Николаевну, удивляешься, она пережила такое время, но ни на кого не держит зла и обиды. Это может только настоящая русская женщина из глубинки. Преданная жена, любящая мать, лелеющая внуков бабушка. А секрет её долголетия, думаю, даже и не в том, что она до сих пор, как сама говорит, по утрам делает физкультуру на свежем воздухе, а в широте и простоте её души деревенской, человеческой, женской.

Судьбой своей она довольна, благодарна ей за все тягости и радости, и сегодня в своих молитвах она просит только одного - чтобы Бог хранил ее родных и близких. Чаше люди тянутся к душевному теплу, но свое не отдают, а у нее тепла запасы, и она делится им, когда его кому-то не хватает.

В СЕМЬЕ БАРМАКОВЫХ ЕСТЬ ЧЕМ ГОРДИТЬСЯ

Звериноголовский район является Родиной многих выдающихся людей - профессионалов своего дела. Среди них спортсмены, педагоги, врачи, но опорой села всегда были и остаются простые сельские труженики. В гостях у одного из таких людей Бармакова Капаша Бекмагамбетовича из д. Жаворонки побывал и наш корреспондент. В этом году он отметил свой 80-летний юбилей.

В доме Бармаковых нас ждали с нетерпением, не успели выйти из машины, за воротами послышались звуки шагов - кто-то подходил к калитке бодрым быстрым шагом. К удивлению, в распахнутой двери появился аксакал в красиво расшитом национальном головном уборе и с приветливой широкой улыбкой на лице пригласил в дом. В гостеприимстве казахам не занимать - посреди зала был щедро накрыт достархан, в комнате витал запах свежего ароматного чая.

К нашей встрече Капаш Бекмагамбетович подготовился заранее, не только накрыл стол, но и приготовил все грамоты, благодарственные письма, дипломы, которых у него за сорок пять лет официальной трудовой деятельности накопилось огромное количество, и до этого дня их давно уже никто не тревожил.

Не без гордости они с супругой Насыль Ашимовной достали красный бархатный вымпел, вышитый золотой тесьмой "Лучшему животноводу", увешанный значками и медалями: - Это ещё не все медали, - поясняет жена, - их было гораздо больше, наверное,

дети или внуки заиграли. Тем временем, Капаш Бекмагамбетович достал из шкафа забытый кубок. Исследуя переходящую награду из далеких советских времен, стали читать выгравированные надписи: “1985 год - Бармаков Капаш”, “1986 год - Сафрони С.Ф.”, “1987 год - Акимов И.А.” и наконец “1988 год - вновь Бармаков К.Б.”:

- Через три года переходящий кубок Трудовой славы победителя межрайонных соцсоревнований вновь вернулся ко мне, - с гордой улыбкой указывает пальцем на гравировку Капаш Бекмагамбетович и продолжает:

- А потом всё начало потихоньку разваливаться, соревнования стали не модны, и эта награда так и осталась у меня на долгую память.

По словам ветерана труда, он всю жизнь живёт в Жаворонках, но родился в уже исчезнувшем с лица земли хуторе Калиновка, что был в 10 километрах от с.Отряд-Алабуга. В его семье было три сестры и он. Детство было нелегкое, чтобы прокормиться, необходимо было работать, тем более мать одна воспитывала детей.

- Мы тогда детьми были, работать официально нельзя, - вспоминает наш герой, так мы с мальчишками поили быков, пока все обедали, мы их распряжём и на водопой гоним. Этим и зарабатывали на овсяный хлеб в полевой столовой. Бригадир поварам говорил, что мы заработали, надо мальцов накормить. Были и голодные годы, когда собирали мороженую картошку и для детей пекли из неё оладушки. До сих пор во рту стоит вкус этих овсяных лепёшек и оладий. И тогда, и сейчас говорю, ничего вкуснее в своей жизни я больше не ел!

Капаш Бекмагамбетович вытер накатившуюся от воспоминаний слезу и продолжил:

- В школу ходили зимой на лыжах в Отряд Алабугу. Жили тогда с нами эвакуированные. Был у меня друг Пётр, делили с ним одни валенки на двоих, носили по очереди или по-дружески уступали

тому, кому они были нужнее. В 1950 году мы с мамой переехали в Отряд. Закончив 6 классов, пошёл помогать родственнику пасти овец, на быках возили на Ферму №1 солому с полей. Так день за днём выполняли различную работу.

Официальный трудовой стаж начался у Капаша Бекмагамбетовича 10 января 1953 года. В трудовой книжке запись № 1, дальше только переводы по Ферме №1 и в совхозе Буревестник. Листая, показывает последнюю запись №7 от 1 декабря 1998 года: “Уволен по собственному желанию в связи с уходом на пенсию”.

- А куда мне метаться было, - отмечает он, - это родина моя.

День за днем нелегкие трудовые будни, но пора и о собственной семье подумать:

- Как то в начале зимы поехал к Казахстан в Ленинский район к тётке в гости, - вспоминает Капаш Бекмагамбетович, - там и заметил скромную, работящую семнадцатилетнюю кызым. По приезду домой, сговорились с братом, поехали и украли девушку из родительского дома. Помню, на улице был сильный буран, и её мать крикнула нам в след: “Только не заморозьте дочь”. А я в ответ: “Не заморозим, не бойся”, - спешно закутал ее в тулуп и усадил в сани.

Вот так и оказалась Насыль Ашимовна в Курганской области в доме Бармаковых с матерью и сестрой мужа. Родились в их семье четыре дочери и два сына. Сейчас с ними живет их младший сын Асан, их главный помощник и опора. Всю жизнь членом их семьи была старшая сестра Капаша Роза. Она в семье всегда была главной и самой уважаемой. Вместе они прожили 54 года, поэтому для семьи Бармаковых её два сына считаются тоже родными, а их дети, внуки и правнуки любимы наравне со своими.

В 28 лет Капаш окончил курсы тракториста. Работы было много, везде и всегда трактор был востребован: метал сено в стога, зимой доставлял на ферму воду для питья отар, коров и лошадей, возил молоко с ферм, в перерывах дрова из делян, по ночам возил зерно, ещё и односельчан постоянно выручал. По душе ему была

работа на колёсах. Тем более в распутицу трактор - самое лучшее средство передвижения.

Как то предложил ему директор совхоза Дементьев взять зимой истощённую отару овец. Не хотелось Капашу менять стального коня на овец, тем более они в таком состоянии. Но директор поставил негласный ультиматум: “Раз не хочешь с овцами выручить, так и сиди без работы вообще”. Так просидел наш герой дома восемь дней, было время подумать, решил рискнуть и попробовать себя в столь ответственном деле. Что и вызвало лояльность директора. Тогда-то молодой семье от совхоза дали дом, в котором и живут они по сей день.

С благодарностью вспоминает Капаш Бекмагамбетович помощь Шалгенбаева Казбека, он был в то время управляющим на ферме, помогал как словом, так и делом. Утепляли кошары, возили корма, по времени выдавая овцам. Зима прошла в заботах о подопечных. И в мае достиг овец составил больше 1000 голов.

- На следующий год меня директор прямо - таки заставил принять маточную отару, - вспоминает труженик, - мне и самому стало интересно. Набрал бригаду из надёжных людей. Все трудяги добросовестные. Но глядя на проходящие мимо трактора, душа болела, хотелось вместе с механизаторами в поле на извоз. Но как теперь бросить то, во что вложено столько сил?!

Капаш был старшим чабаном. На нём лежала вся материальная ответственность за сохранность и состояние закреплённого овцепоголовья, а также материальных ценностей, находящихся в бригаде. В работе он всегда проявлял усердие, главное - было желание работать. Всех овец он всегда пересчитывал лично, проверяя ушные номера и бирки, делая их опись. Регулярно проверял состояние здоровья всех овец путем общего осмотра. В обязанности старшего чабана так же входило осмотреть и принять все имеющиеся корма на кошаре с указанием их количества. Важным было следить за так называемыми производственными помещениями и их обустройством. С годами всё больше узнавал нового в

зоотехнии и ветеринарии. Участвовал в зооветеринарных мероприятиях. Ветеринары постоянно оказывали необходимую помощь и советы в работе. Этим всем нужно было заниматься, чтобы достичь отличных результатов в социалистических соревнованиях, которые в то время проводились ежегодно.

Благополучие отары и получаемая от неё прибыль во многом зависит от опыта и квалификации работников, а зоотехники-селекционеры тогда были замечательные и опытные. Бригада Капаша Бармакова неоднократно занимала призовые места и не только по показателям шерсти, но и по привесам, количеству полученных ягнят. Об этом говорят многочисленные грамоты “Лучший по профессии” за настриг с одной овцы по 5,3 кг и 2,5 кг в чистом волокне, за получение по 123 ягнёнка на сто овцематок бригадой с Михайловым Евгением Михайловичем и Мерзоевым Якубом Магомедовичем, “За победу в межсовхозных соревнованиях” и многие другие. Труд овцевода всегда был очень тяжёлым и хлопотным, но передовику с годами это стало в удовольствие. И за это старший чабан имеет награды. Самая для него памятная - это серебряная медаль за достигнутые успехи в развитие народного хозяйства СССР от Главного комитета ВДНХ СССР. В 1990 году ему вручили в областном центре медаль за трудовое отличие. В том же году и тоже в августе знак “Ударник XII пятилетки”.

Как говорит Капаш Бекмагамбетович, это все просто значки и бумаги, но за этими “просто значками и бумагами” столько лет упорного и трудоёмкого труда, бессонные ночи, подорванное здоровье. Дети в детстве помогали отцу в работе, но никто не пошёл по его стопам, да и хозяйство со временем развалилось, о чем очень переживает наш герой. Но надеется и верит Капаш Бекмагамбетович, что когда-то люди поймут, что овце-водство может и будет приносить доход, если подойти к делу со всей душой, огромным желанием и ответственностью. Ведь во все времена главные профессии на селе - это механизатор и животновод.

ВМЕСТЕ 55 ЛЕТ

55 лет совместной супружеской жизни в народе известны, как изумрудная свадьба, символом которой считается изумруд - камень очень красивый, дорогой и в то же время редкий. Именно из-за ценности и редкости такого камня, отношения людей, проживших в мире и согласии друг с другом столько лет, сравнивают с его особенностями.

4 февраля Евгений Павлович и Лидия Александровна Сазоновы из с.Бугровое отметили супружеский юбилей. В канун праздника вместе с главой Бугровского сельсовета Ириной Камышевой мы побывали у них в гостях. Хозяйева встретили нас с теплотой и гостеприимством.

Двери дома Сазоновых всегда открыты абсолютно для всех. Большой двор даже снежной зимой содержится в порядке, выметен, как говорится “под метёлку”, ничего лишнего его не захламляет, калитки, ведущие на скотный двор, аккуратно прикрыты. А там, за этими калитками, владения главы семьи Евгения Павловича, который, по словам супруги, пропадает на подворье со своим хозяйством и день и ночь. Беспокойство хозяина мы заметили еще с порога. Торопливо он все-же начал рассказ о своей жизни, а мысли его в тот момент были где-то далеко, как потом оказалось - в сарае, где начали ягниться овечки, а их в хозяйстве около сотни. Узнав о таком деле, задерживать его мы не стали, поблагодарив за беседу, отпустили по своим важным делам.

- Да, он такой всю жизнь, - поясняют зашедшие в гости сноха Светлана и сельский фельдшер Ася, - Сколько его знаем он всегда так - забежит, присядет у стола, наскоро поест, а то и просто чаю попьёт, и бежит в сарайки, - там же хозяйство!

- Это сейчас мы держим только куриц, поросят, да овец,- говорит Лидия Александровна, - А раньше ещё и четыре коровы держали, свиноматок, птицу, сорок пять лет наш двор наполнял гусиный галдеж. Ну а как же потомственному озернинскому казаку

без коня?! С самого начала нашей семейной жизни во дворе были кони. Вот и сейчас есть один - для работы, но больше для души, внукам очень нравится верхом прокатиться.

За своих двоих сыновей родители спокойны, и довольны, что у них хорошие снохи, замечательные три внука и внучка, теперь растут и прелестные правнуки. Александр и Виктор, воспитанные в любви к труду, семейным ценностям, казачьим традициям, малой Родине, передают теперь этот жизненный устав и своим детям.

А зарождалось это всё много-много лет назад, когда в 1938 году в селе Озёрное у казака Сазонова Павла Ивановича и его супруги Марии Ивановны родился седьмой ребёнок - сын Женя. Всего в их семье было четыре сына и четыре дочери. Отец большого семейства пропал без вести на фронте в Великую Отечественную войну.

- Не вернулись тогда и три дяди со стороны матери и отца, - говорит Евгений Павлович, - Я до сих пор вспоминаю, как в День Победы вся деревня плакала, кто от горя, кто от счастья. Не забывается и по сей день послевоенный голод, до самого пятидесятого года, непосильный детский труд на заготовке сена в колхозе.

Опустив глаза, наполнившиеся слезами от воспоминаний, Евгений Павлович, глубоко вздохнув, продолжил: - Да, тогда было нелёгкое время, но мы выжили, благодаря непосильному труду и вере в лучшее. Из родного села и не было мысли уезжать, работал в колхозе на заготовке сена, дров. В 1959 году окончил годичные курсы тракториста, мне доверили “Беларусь”, много лет работал на уборке зерновых и сенокосе.

Скромно с улыбкой вспоминает, что тогда норма была скосить зерно с девяти гектаров, а он со своей удалю молодецкой сорок два гектара обработал! Передовик, симпатичный чубатый казак с волнистыми волосами, возглавлявший комитет комсомола колхоза, как мог он не понравиться восемнадцатилетней девушке Лиде, приехавшей из села Бугрового на танцы в озернинский клуб. Тут-то и встретились их взгляды. И вот она, любовь с первого взгляда. Буквально через несколько дней в дом Коловых Александра Егоровича и Натальи Яковлевны пришло письмо на имя их дочери из с.Озёрное. Суть письма - сваты едут! Тогда Лида и опомниться не успела, а Женя уже тут как тут с сестрой и двумя зятями. Посчитали гостей, обговорили все нюансы, назначили день свадьбы - 4 февраля. Отец Лиды в то время работал конюховодом в колхозе, так ему разрешили запрячь самых лучших коней да ещё во всём праздничном обмундировании, красочно с колокольчиками, а сани устелили коврами.

- Отыграли свадьбу. Гости разъехались, - вспоминает Лидия Александровна, - Мы остались с Женей одни в их родительском доме. И тут только поняла, что замуж вышла. И в слёзы - родители домой поехали, и я хочу с ними! А Женя обнял меня, вытер слезинки с глаз, и говорит - не плачь, всё у нас будет хорошо.

Вот, как словом, так и делом - бывало всё в их совместной жизни - ухабы и мягкие тропинки, гладкие дороги, тяжёлые повседневные будни, и счастливые мгновения. Жизнь пошла своим чередом. Завели хозяйство. С разницей в три года родились сыновья. Глава семьи постоянно был на работе. На Лидии был дом, огород, хозяйство. Тяжело ей приходилось одной и любящий муж, взвесив всё, согласился на переезд в родное село жены, оставив родовое гнездо казака. Так, в 1967 году купили в с.Бугоровое дом, где и живут по ныне, завели ещё больше хозяйства. Тесть взял Евгения к себе в помощники на конюшню в колхоз. Вот тут-то казак получал огромное удовольствие для души! А когда подросли сыновья, и они пропадали с отцом, управляясь с конями. А уж домашнего красавца все вместе обхаживали с искренней любовью.

Позже отец семейства работал трактористом, бригадиром в тракторной бригаде, затем много лет заготовителем и всегда его работоспособности можно было только удивляться. Любовь к земле, сельскому хозяйству, животным ему передалась по наследству. А Лидия свою любовь к животным разделяла между домашними и колхозными питомцами, когда устроилась работать ветеринарным санитаром. Видя её привязанность к животным, трудолюбие, усердие, председатель колхоза настоятельно направил ее в г.Катайск на учёбу в СПТУ-14, единственное в то время училище, которое готовило зоотехников и ветфельдшеров за один год.

Тяжело было Лиде принять решение, но не отступила - год пролетел не сказать, что незаметно, но очень интересно и познавательно. Она с такой кропотливостью изучала науки зооветеринарии, что преподаватель Л.Тараскина тогда написала о ней в куртамышскую газету.

С 1976 года у ветфельдшера Лидии начались трудовые будни. Работы было немало, ведь в те времена поголовье КРС и овец в колхозе исчислялось тысячами. И так в общей сложности 42 года между домом, работой, и частными подворьями, ведь она никому

не отказывала и до сих пор не отказывает в помощи. К каждому четвероногому пациенту у нее свой индивидуальный подход.

Семью Сазоновых в селе уважают и отзываются о них только с теплотой. Они никогда не откажут в помощи просящему. Лидия Александровна - очень добрая и душевная женщина. К ней всегда идут со своими бедами и переживаниями. А у Евгения Павловича и мужчины и женщины часто просят совета в мужских делах.

Супруги Сазоновы - скромные и работающие люди. Всю жизнь они трудились во благо своих детей, во благо родного края. Неоднократно за свой труд награждались грамотами, а Евгений Павлович является Ветераном труда. Удостоверение и медаль ему вручили еще в далеких 60-х годах. Тогда он прикрепил медаль к пиджаку закадычного друга со словами: "На, носи на здоровье". И с тех пор про награду забыл. И только недавно через районный архив Лидия Александровна восстановила все документы, за что от мужа претерпела замечание. Вообще, Евгений Павлович, человек строгий, и с детьми и с супругой. Да и казацкая кровь дает о себе знать. Ведь того, что заложено генетически, не выбросить из души и жизни. Недаром заслуженный работник культуры РФ Леонид Саверский, создавая свою книгу об обрядах, повседневной жизни и праздниках русского народа "Русский дом" приехал именно в семью Сазоновых и на века запечатлел казацкий народный быт в мелованных иллюстрациях.

То, что они вместе пронесли сквозь годы теплоту отношений, взаимопонимание, уважение и заботу друг о друге и о своей семье, говорит о многом! Это и есть настоящая любовь, которая их объединяет уже 55 лет. Здоровья вам, уважаемые Евгений Павлович и Лидия Александровна, благополучия и семейных радостей. Берегите друг друга ради детей, внуков, правнуков и просто тех, кому вы нужны и кто в вас нуждается! А для нас всех вы будете примером для подражания, примером крепкой семьи.

ИСТОМИНА
Надежда Яковлевна

Родилась в Макушино в 1950 году. После окончания школы поступила в Курганский пединститут и стала учителем физики. Проработала в Макушино учителем 38 лет. Выйдя на пенсию в 60 лет, собрала стихи, написанные «между делом» в сборнике «Отражение». Печаталась в районной газете «Призыв», областной газете «Новый мир», альманахе «Тобол», в коллективных сборниках.

«Я женщина.21 век», в коллективных сборниках «Спасительный свет», «Времена года», «Свободная поэзия Зауралья», «Наследие 2015», «Подвиг во имя Победы.» «Страна любви»

«У КАЖДОГО СВОИ ВОСПОМИНАНИЯ»

Когда я вспоминаю отца, то первое, что приходит ко мне - это его чувство спокойной уверенности, вдумчивости. Поразительным было его умение в любой непростой ситуации (мне-то казалось: мир рушится!) разложить все «по полочкам», проанализировать и принять единственно правильное решение. Что это было: природный ум, житейский опыт? Повзрослев, я поняла, что за его спиной незримо стояло величайшее испытание, из которого он вышел с честью и достоинством. Это испытание войной!

И целое поколение, ставшее поколением победителей, очень хорошо знало, что в жизни бесценно, а что просто в цене. Мы, родившиеся после войны, росли, жили рядом с победителями. Сейчас их осталось так немного... Но не должны рваться ниточки памяти по равнодушию или чьему-то злему умыслу. Иначе быть беде...

Вместе со старшим внуком Петром мы изучаем боевой путь его прадеда по красноармейской книжке. Ковтун Яков Савельевич был призван в Красную Армию в январе 1942 года Макушинским райвоенкоматом. Имеет орден Красной Звезды за освобождение от немецко-фашистских захватчиков и бандеровцев родной Украины, орден Отечественной войны 1 степени за форсирование Одера в Висло-Одерской операции, медаль «За Победу над Германией». Трижды ранен.

Ищем в Интернете воспоминания и документы, фотографии о тех военных операциях, в которых он участвовал. И перед глазами вновь встают картины того, о чем рассказывал отец...

Так оно и было. И блестящий танковый прорыв в тыл к немцам перед Одером с нехваткой горючего, когда приходилось сливать его из двух баков в один, чтобы преследовать врага (очень оторвались от основных сил). И пустые, внезапно оставленные немцами населенные пункты (еще печи топились). И маскировка танков от летающих низко над головой немецких «рам» срубленными яблонями. И мрачный в ледяной крошке Одер с протянувшимися к крепости Штейнау заминированными мостами.

Это было накануне форсирования реки. Об участии отца в этой операции говорит наградной лист (фронтовой приказ) из архива ЦАМО на сайте «Подвиг народа». Описание подвига во втором наградном листе (орден Отечественной войны 1 степени): «Т. Ковтун за время боев на 1-м Украинском фронте проявил мужество и отвагу. В боях за овладение водным рубежом р. Одер экипажу Ковтуна была поставлена боевая задача первыми пойти через

мост. Мост был заминирован, что угрожало жизни. Противник вел интенсивный огонь. На правой стороне находилась артиллерия противника и засевшая в траншеях и домах пехота с фаустпатронами. Как только танк перешел за мост, т. Ковтун начал вести бой с превосходящими силами противника. Огнем из своей пушки он уничтожил: арт.батарею, мин.батарею противника и до 100 солдат и офицеров противника. Танк т. Ковтуна был подбит, а он ранен»...

Об этом мое стихотворение.

ПАМЯТИ ОТЦА

Отец в день этот досвету вставал.
Задумавшись, бродил по тропкам сада,
Курил на старой лавочке в ограде
и будни фронтовые вспоминал.

От Одера совсем недалеко
подбитый танк, и только двое живы.
Два факела вниз катятся с обрыва
к воде, а пули строчкой по реке.

И то, что это был последний бой,
он понял лишь в палате медсанбата.
Открыл глаза: свои вокруг ребята.
Да, ранен, обгорел, но ведь живой!

Но будет с той поры врываться в сны,
тревожа сердце майскими ночами,
Окрашивая праздники печалью,
незабываемая боль войны.

А солнце разливалось в синеве,
и отступала утренняя свежесть.
В бутонах яблонь
мирно зрела нежность,
И мирно пели птицы о весне.

Отец, достав отглаженный костюм,
торжественно готовился к параду:
Военные привинчивал награды,
врученные из экипажа двум.

Когда колонной ветераны шли,
и музыка, и люди умолкали.
Изранены, больны, они шагали,
так, будто вновь Победу нам несли.

На солнышке сияли ордена,
и в такт шагам медали чуть звенели...
Но каждый год бойцов ряды редели –
их догоняла все-таки война.

Отец мой умирал от старых ран.
Он помнил только прошлое,
так вышло...
Порой он самых близких забывал,
но называл по имени погибших.

Так значит, это забывать нельзя,
и надо, чтоб об этом внуки знали,
Чтобы всегда у Вечного огня,
в их честь знамена наши опускались.

На сайте «Подвиг народа» можно найти сведения о своих близких, участвовавших в Великой Отечественной войне и вернувшихся с фронта, об их наградах, а также описание их подвигов. Сведения о погибших размещены на сайте «Мемориал».

Помните...

И еще стихи про наше старшее поколение...

ДОЛГ

Прожитое в детстве отзывается
в сердце растревоженном моем.
В снах в туманной дымке появляется
среди яблонь старенький наш дом.

Словно улыбаются окошечки
в синеньких наличниках резных.
Пробегу тропиночкой немножечко,
обниму любимых и родных.

Папа, мама... проступило прежнее.
Вижу их улыбки и глаза...
Тешу себя призрачной надеждою...
Сон уходит - по щеке слеза.

В детстве день казался долгим-долгим,
жизнь как Вечность представлялась мне.
Все не так. О неоплатном долге я
думаю в бессонной тишине.

Дан мне шанс как матери, как бабушке,
долг отдать. Я проживаю вновь,
детство всех моих кровинок-лапушек.
Им, как вы мне, отдаю любовь.

БАБА СНЕГОВАЯ

Бабе Паше

Снеговик и я! Потешна фотография из детства.
...я дышу-дышу в ладошки, чтобы чуточку согреться.
Коробом в снегу штанины. В валенках подстыли ноги.
В дом! Замерзшими губами: “Ббба-ба!”- всхлипну на пороге.

Расстегнув моё пальтишко, скинув мокрый полушалок,
бабушка меня из плена ледяного вызволяла.
...у трубы на жаркой печке я горячий чай глотаю.
Снизу слышится ворчанье: «Неслухмянница какая!»

На верёвке у полатей снаряженье мое сохнет.
Без внимания остались наставления и вздохи.
Сквозь прищур гляжу на лампу, радужным играю светом.
Кто-то в голову целует: “Слава Богу, жару нету.”

Так бывает, слишком поздно цену счастья понимаем.
...сплю счастливая, мне снится моя баба снеговая.

КАЛИНИНА
Надежда Андреевна

Родилась в 1958 году в с. Кирово Мишкинского района. Окончила Курганский государственный педагогический институт в 1979 году. 37 лет трудового стажа в Кировской средней школе, Отличник народного просвещения.

ЧТОБЫ УСПЕЛИ...

Военные фотографии моего отца Киранова Андрея Михайловича... На них ему чуть больше двадцати: щегольски надета пилотка с красной звездочкой, гимнастерка под ремень, заправленные в сапоги галифе. Рядом друзья, Павлик и Гена. И неизменная улыбка! Знал ведь, что красив, молод. Закончилась война. Жив. Пожалела судьба. А пока служба продолжается в Германии. Долгих семь лет.

Среди фотографий нет тех, где отец шел в атаку. Почему, задаю себе вопрос и сама же отвечаю: некогда было позировать, рядом рвались снаряды, гибли друзья, с которыми ночью, согревая друг друга, ждали рассвет.

Но щемит мое сердце, когда я смотрю на обратную сторону этих бесхитростных снимков. Только на ОДНОЙ дате, имена друзей. На других - белое пятно... Как же так?! Кто мне, внукам, правнукам расскажет эти маленькие истории жизни солдата той страшной, долгой войны?

Папки (так я его всегда звала) не стало 19 мая 2009 года: встал, пошел, упал и умер. Но до этой трагедии была целая жизнь. Моя и его. Какими мы бываем глухими и слепыми, не осознавая того, что потом-то ничего вернуть уже будет нельзя. Некого будет

спросить. Раньше видела же я эти фотографии, но ...Время не повернешь вспять.

Раскладываю фото перед собой. Вот передо мной младший сержант, на груди - медаль «За отвагу». Награжден за оборону высоты под Калугой. Именно об этом событии потом будет песня «На безымянной высоте».

А вот уже красуется орден Славы 3 степени. Интересна история этой награды: она нашла своего героя в 1952 году.

«Где же вы теперь, друзья-однополчане..?» - любил отец напевать. Здесь на снимке два друга, но самого близкого, Гриши Цирикова, нет. Разбросала их война. Так и не пришлось встретиться, хотя несколько раз отец ездил на встречи с однополчанами в Могилев, в Москву. 29 ветеранов, и ни одной фамилии на обратной стороне.

Не растерять бы то, что осталось...

1946 год... Германия... Этот молоденький солдат на снимке – мой папка?! Фотография отретуширована, ведь она была отправлена маме, на родину, где не был 3 года. Пусть смотрит и гордится сыном. И сейчас я понимаю, что это еще мальчишка. А у этого пацана «Служебная книжка», в которой читаю: «Первое звание «ефрейтор» присвоено 19.10.1944 г.»

Год на войне. 18 лет. Первое место службы - 12-й запасной стрелковый полк, 2-я минометная рота, заряжающий. И этому заряжа-

ющему 17.09.1944 г.-первая награда. А еще ему выданы пилотка (1шт), шинель(1шт.), сапоги(1 пара), портянки(2шт.) вещмешок, автомат ППШ № 6057. Страница «Участие в боях и походах» рассказывает об участии в боях за г.г. Могилев, Осовец, Остроленко, Швед, Ангермюнде.

Славный путь. Было ли страшно на войне, спрашивали его? «В Бога не верил, но когда смерть смотрела в глаза, просил: «Боженька, помоги!» Но ни одной сигареты не выкурил, ни разу

не выпил положенных перед боем 100 граммов. В бою голова должна быть трезвой».

Отца уже нет. Но есть еще те, кто может на чистой стороне фотографии написать. Надо только успеть.

...А на меня с портрета смотрит девятнадцатилетний солдат, освободивший свою страну и пол-Европы, смотрит и молчит. Как же так, папка?

Бабушкины посиделки

КАЛУГИНА
Нина Ивановна

Родилась в Каргапольском районе. Состоит в творческих объединениях «Светлые поляны» р.п. Каргаполье и «Катайск». Печаталась во многих сборниках р.п. Каргаполье и г. Катайска, в местных районных газетах. Выпустила свою книгу в 2011 году «Дорогой жизни». Все, что есть хорошего в жизни, – научила ее бабушка. Ей она и посвящает свое стихотворение.

*Моей любимой бабушке,
Предеиной Наталье Васильевне, посвящается*

Бабушку Талю я очень любила,
Помню о том, что она говорила:
«Внучка моя, ты скорей подрастай,
В мире огромном людей уважай.

Землю люби, наслаждайся природой,
Будь же довольна любой погодой,
Пташек люби, насекомых, зверей.
Видишь бескрайнюю ширь всех полей,

А на полях рожь, пшеница растет,
Вон уж комбайн по ниве ползет,
Хлеб береги, крошки птичкам отдай,
Наша земля-то Божественный рай.

Хоть на дворе стоит летний зной,
В лес сегодня пойдем мы с тобой.

Там на полянах клубяну найдем,
Может, ведерки с верхом наберем.

Вдруг и грибочки нам попадут.
Тихо в лесу, такой в нем уют...»
...Сколько дорог по лесам исходили,
Много о чем мы с ней говорили.

Хоть это было очень давно,
Но в моей памяти только одно:
Бабушка жизни меня научила,
Очень она нашу землю любила.

Доброй была, работающей, веселой,
В жизни моей настоящей Основой.
Всех уважала в округе людей,
Внуков любила, любила детей,

Всем и во всем помогала,
Жизнь прожила так кажется мало,
Хоть и девятый десяток ей шел,
Жизни урок – до сих пор не прошел.

Я по ее законам живу,
В жизни прекрасное все нахожу.
Мирное небо над головой,
Но не хватает бабули порой.

КАРАСЁВ
Александр Анатольевич

Родился 12 февраля 1972 года в селе Введенское Мишкинского района. Свои первые стихи начал писать в раннем детстве, играя в сочинительство.

Окончил Мишкинское педагогическое училище и педагогический институт по специальности “учитель начальных классов”. Служил в армии, после нее - в органах внутренних дел. Получил высшее юридическое образование. Побывал в горячих точках. Подполковник в отставке. Работает директором Мишкинской средней общеобразовательной школы.

Печатался в районной газете «Искра», в сборниках «Не спеши Россию хоронить», «Клюбви строкою прикоснуться» (Мишкинский литературный клуб «Родник»), «Родные просторы» (к 85–летию со дня образования Мишкинского района). Вместе с братом Русланом выпустили в свет книгу «Невероятный мир глазами простого милиционера». Любимые поэты: Эдуард Асадов, Андрей Дементьев, Александр Пушкин, Сергей Есенин.

ОТЦУ

Среди слов, что оберегают в стужу,
Что живут в биении сердец,
Есть одно – оно врачует душу,
Ёмкое и важное – отец!

Любящий отец и строг, и чуток,
С ним в любви растут и дочь и сын,
Для детей своих без всяких шуток
Папа - самый главный из мужчин.

Он во всём пример для подражания,
Сын стремится стать таким как он,
В выборе предмета обожанья
Дочерям свой папа эталон.

Он всегда поддержит и поможет,
Он вселит уверенность в себе.
Все свои победы в жизни сложив,
Видишь роль отца в своей судьбе.

Поклонись отцу пока с тобой он,
Не пугайся самых громких слов.
Слёзы горя, все слова – пустое,
Стоя у могил своих отцов.

Ты успеешь сказать ему спасибо,
Благодарных не жалея строк,
Мудрости и сил его хватило,
Чтоб тобою сын гордиться мог.

КАРЛЫКОВА
Ольга Юрьевна

1972 года рождения, учитель начальных классов МКОУ Куртамышского района “Долговская СОШ”. Проживает в деревне Сорокино. Увлекается сбором краеведческого материала об истории села Жуково. Начала работу по составлению своего генеалогического древа, сбору материалов, фотографий своих родственников. По материнской линии узнала историю своей семьи до прапрапрадеда.

МОЙ ПРАДЕД

Мой прадед Логинов Константин Степанович - участник трёх войн – империалистической, гражданской и Великой Отечественной.

Он родился 8 января 1894 года в деревне Назаровка Куртамышского района. Выходец из бедной крестьянской семьи. Босоное детство прошло в деревне Назаровка, где окончил в 13 лет 3 класса церковно-приходской школы. Имел царскую грамоту за отличные успехи в учебе. После пошел пасти свиней, чем был доволен: пастуха хорошо кормили и давали выходные.

В 16 лет женили на Евдокии, родился сын Павел.

Работал старшим подрядчиком и столяром в составе бригады по строительству домов.

Когда началась первая мировая война, многих жителей Долговки призвали на службу. И так, в возрасте двадцати одного года Костя был мобилизован царским правительством и отправлен в 1915 году на восточный фронт в Латвию. Где только не побывал молодой солдат – и в Брест-Литовске, и в Почине и др. Когда произошла Октябрьская революция, часть, где служил Констан-

тин с двумя братьями – Ильёй и Василием, была послана на Петроград, чтобы свергнуть Советскую власть. Но братья вместе с товарищами перешли на сторону Красной Армии. Теперь уже, став красноармейцем, он защищает Республику Советов на Восточном фронте в 1919 году - в районе Троицка, Челябинска, Миасса. Служил в 109 запасном пехотном полку, который стоял в Челябинске. В 1920 году – на польском фронте. Состоял в солдатском комитете. Был участником IX съезда РКП(б), который проходил с 29 марта по 5 апреля 1920

года в Москве, слушал выступления В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина, В. П. Милютина и других.

Боролись с белыми бандами до 1921 года и в этом же году был демобилизован и отправлен в Курган. Оттуда вернулся в родное село Долговку, где сначала работал писарем, потом был избран председателем волисполкома, был им с 1921 по 1923 годы.

Пока Константин воевал, жена его умерла от холеры, остался маленький сын. Второй раз женился в конце 1922 года. Жена Марфа была на 5 лет младше его. Привёл Константин новую жену в дом и познакомил её со своим шестилетним сыном, Павликом.

По характеру был он человеком обстоятельным, скуповатым на доброе слово, не особо разговорчивым. Выпивал редко, пья-

ным его никогда не видели. Родила Марфа мужу ещё четверых: сыновей Александра, Николая, Валентина и дочь Нину. Константин, как отец, был строгим и требовательным к детям, не терпел обмана и лени, был авторитетом для них во всём. Впрочем, таким он был и по отношению к другим.

Работали они с Марфой в Долговке, а жили в Назаровке с его матерью Натальей Фёдоровной.

В 1924 году срубил свой дом в Назаровке, потом перевезли его в Долговку. Константин был великим мастером: дом построит, рамы на заказ сделает, всё отремонтирует.

С 1929 года работал продавцом в магазине.

Участник установления Советской власти на селе. В годы коллективизации прадедушка – активный создатель колхоза в Долговке. В 1930 году Константин Степанович Логинов устраивается в Долговскую восьмилетнюю школу (ШКМ), в которой 7 лет проработал учителем труда (преподавателем столярного дела).

В эти годы он вступает в ряды КПСС. С 1936 года – секретарь партячейки, член сельсовета. Характеризовался коллегами как человек чистой души, ответственный, активно участвующий в общественной жизни.

Времена были сложные. По всей стране то и дело находили каких-то врагов народа, кого расстреливали, кого гнали в лагеря. За малейшую провинность сейчас или в прошлом грозила серьёзная кара. Константин заступался за всех перед милицией и партийными начальниками, самые нелепые доносы на односельчан просто рвал и не докладывал про них выше.

Вихореву Ивану Никоноровичу несказанно повезло. Он добросовестно трудился в колхозе, имел благодарности за отличный, честный труд. Его арестовали 28 марта 1938 году по доносу, как шпиона и диверсанта. Секретарём парторганизации в селе в это время работал мой прадед - Константин Степанович. По рассказам многих односельчан, он старался эти совсем уж нелепые доносы как-то нейтрализовать, чтобы не губить невинных людей.

Кто знает, что спасло Ивана Никоноровича: его явная невинность, заступничество партийного секретаря, или просто в рубашке он родился. Но дело в его отношении было прекращено в декабре 1938 года.

Хорошо, что не узнали, что Логинов уничтожал доносы, а то припаяли бы ему самому по полной. Но выплыло, что в Гражданскую войну Константин некоторое время служил в армии Колчака. Нашли и однополчан по пятому Сибирскому полку. Но то большое уважение, которым пользовался он в селе, сыграло свою роль. Нашлись люди, с помощью которых Константину Логинову удалось доказать, что в колчаковский полк его записали против воли, в боевых действиях он участие не принимал, так как болел тифом, а попав на фронт, сразу же, в первую ночь перешёл к красным. В НКВД поверили, но из партии всё-таки исключили.

После этого Константин ушёл из школы и устроился в детдом завхозом и кладовщиком.

Началась Великая Отечественная война. В 1941 году был призван старший сын Константина Степановича - Павел, который погиб в 1942 году в боях за город Ленинград. И в январе 1942 году прадед снова одевает шинель, берет в руки винтовку и защищает Родину. А в феврале 1942 года второй его сын Александр тоже отправляется на фронт. 3 марта 1943 года призван на действительную службу и средний сын Николай. Александр и Николай были не раз ранены, но продолжали воевать.

А дед Константин в 95-й дивизии при наркомате обороны прошагал пол-Европы – от Москвы через Польшу и до Берлина, вернулся домой с Победой. Интересно, что он выслал единственную фотографию с фронта своей жене Марфе с надписью «На долгую и добрую память своей любимой жене Маше в дни Отечественной войны. 6 мая 1945 года».

Из Наградного листа:

“Товарищ Логинов К.С. как бригадир рабочей бригады деревообделочного цеха мастерской склада отлично организовал работу

бригады по выполнению поставленных заданий и лично систематически перевыполнял производственные задания.

В декабре 1944 года и в январе 1945 года при выполнении складом ответственных заданий по восстановлению вышедших из строя понтонных парков, лично выполнял задания на 250-300% и добился 175% выполнения плана своей бригады.

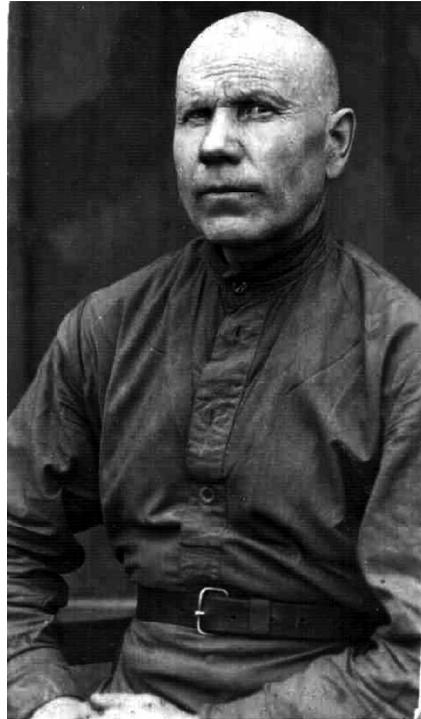
Достоин награждения медалью «За боевые заслуги».

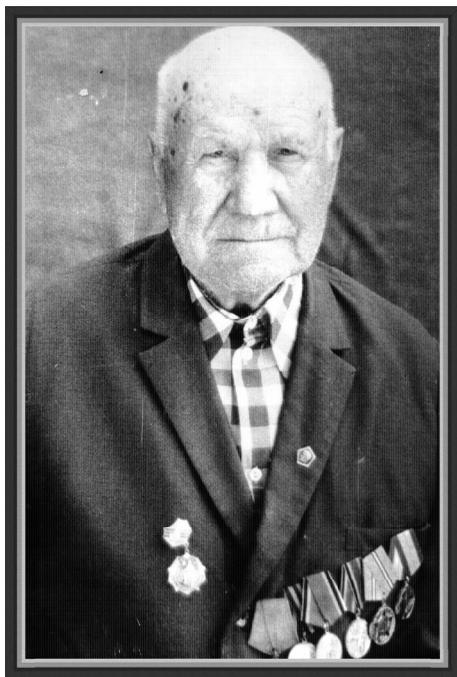
Прадед был награжден медалями: «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейными.

В 1945 году окончилась война. К концу года Константин пришёл с войны и сразу стал слать запросы в разные инстанции, чтобы узнать хоть что-то о судьбе своего сына, старшего сержанта Советской Армии Логинова Павла Константиновича. На все запросы приходил один и тот же ответ: ни в списках живых, ни в списках мёртвых не значится – пропал без вести около февраля 1942 года в боях под Ленинградом...

В 1947 вернулся домой Александр в звании младшего лейтенанта, в 1948 – Николай при медалях и орденах.

С 1946 года прадед работал в народном контроле, председателем ревизионной комиссии, заведующим нефтебазой в МТС, откуда и ушел на заслуженный отдых.

В 1960 году приезжал в гости его товарищ Дежуров, вспоминали, как они громили банды в Казахстане (крыша соломенная, Константин Степанович первый прыгал).

В начале 60-х годов жена Марфа Николаевна тяжело заболела. Она умерла в 1967 году на 68-м году жизни.

Младший их сын Валентин, выучившись, стал директором Долговской школы, очень любил свою работу. Позже работал в Челябинской физико-математической школе для одаренных детей.

Дочь Нина, выйдя замуж, занималась воспитанием своих детей, заготавливала лекарственные травы, грибы, ягоды, помогая мужу лесничему.

Сын Александр недолго работал счетоводом в Красноярской МТС, 20 лет проработал секретарём Долговского сельского совета, затем работал в колхозе «Урал» на нефтебазе, весовщиком на зерноскладе, сторожем в МТМ.

Сын Николай после войны сначала работал по найму: был он хорошим плотником, пимокатом, в общем, мастером на все руки. Потом устроился на работу в колхоз «Урал» и до пенсии работал там шофёром.

С 1983 года дед Константин был персональным пенсионером (получал 50, а стал получать 60 рублей).

После смерти жены привел в дом женщину из Пепелино. Она отправляла 80-летнего старика в лес за грибами и настаивала на оформление их брака официально. Прожили они с ним недолго, ее увезли обратно в Пепелино к дочери .

До старости у Константина Степановича был хороший слух. Перед смертью лежал, говорил, что ничего не болит, но плохо видел.

Умер 12 июня 1985 года от тяжёлой болезни в деревне Сорокино, проживая последние дни своей жизни в доме дочери Нины. Похоронен в селе Долговка Куртамышского района.

У меня хранится трофей прадедушки, доставшийся мне по наследству, который он привез из Германии в 1945 году - это швейная машинка «Зингер». Она в отличном состоянии, хорошо шьет, и дорога мне как память о прадедушке и о его славном боевом пути.

Записано в 2016 году правнучкой Карлыковой О.Ю.

**КИЛАНОВА
Тамара Петровна
с внуком Егором**

Родилась 10 сентября 1941 года в с. Рига Шумихинского района. После школы в 1963 году окончила физико-математический факультет Курганского пединститута. Работала учителем физики и математики в Коровинской школе, организатором по внеклассной работе и учителем физики в базовой министерской школе № 3 пгт. Быстровка в Киргизии. С 1978 года живет в с. Кирово Мишкинского района. Была участницей Всероссийских курсов старших пионервожатых в п/л «Орленок». Стаж преподавательской работы - 32 года. Имеет звания вожатого-методиста, «Старший учитель», «Отличник просвещения Киргизской ССР». Тамара Петровна имеет двух детей, внучку и двух внуков. Дочь закончила школу с золотой медалью и Московский пединститут. По специальности логопед, учитель русского языка и литературы. Сын после окончания Тюменской школы милиции прошел дороги войны в Чечне в рядах Курганского ОМОНа.

К 70- летию Победы у нее вышла книга «Дорогами нашей памяти», посвященная истории семьи.

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА В НОМИНАЦИИ “ПУБЛИЦИСТИКА”

НАДЕЖДЫ ТОНКАЯ СВЕЧА

Ушёл военной дорогой... Да так и не вернулся...

Надежды тонкая свеча не покидает меня - побывать на могиле отца, положить горсть земли от нашего дома, невзрачные полевые цветы, помолчать, попросить прощения... Да хотя бы просто рассказать о своей жизни.

Но где же эта братская могила? Действительно, где? Память постоянно стучит в висок, старые раны продолжают ныть... Что я

Справа - Новоселов Петр Семенович. 1941 год

знаю об отце Новосёлове Пётре Семёновиче? Только из рассказов мамы и бабушки, односельчан.

Мой отец - уроженец села Рига Шумихинского района. Когда начиналась война, он служил в Чебаркуле. Уже в июле со своими сослуживцами был отправлен на фронт, на оборону Москвы. А когда бушевала пурга, и стояли крепкие морозы, его убили 1 февраля 1942 года. Жизнь оборвалась. Сейчас мне столько лет, сколько нет его в живых. Я родилась тогда, когда война бушевала уже 80 дней. Он знал, что кто-то должен родиться. А мое имя – это имя, нареченное им. Не видели мы друг друга. Украдкой прячу слёзы, крепко сжимаю кулаки, глядя на ту самую похоронку Плачу, плачу от бессилия, от того, что не могу показать детям и внукам место захоронения отца. Его любили и уважали. Хоть он из бедной семьи, но был человеком одарённым: работающий, искренний, ответственный, надёжный. В свободное время играл на гармонии. Душа деревни, весельчак, излучал теплоту и ясность.

...Погиб с винтовкой в руках, как и полагается солдату. Может, патронов не хватило, может, просто не успел выстрелить...

Уже после войны маме пришло письмо от друга отца. Хоть какая-то весточка об отце... Из письма мама узнала, что отец был сапёром, минировали мост. Заминировали удачно, боевое задание выполнили. По возвращению зашли в деревню, где их покормили, обогрели. Возвращались на место назначения - и вдруг обстрел. Моего отца убили, а друга ранили. Впоследствии ему ампутировали ноги выше колен.

После войны я часто видела фронтовиков без ног, они передвигались при помощи рук на деревянных тележечках. Даже колёсики были деревянные, потрескавшиеся. Они пели, а им давали деньги.

Что думал мой отец в те морозные дни? Скучал по солнышку и рябине у дома?

Или может ему виделись берёзы и ромашково-васильковые полянки?

Явно его память несла домой. Он видел Победу, он хотел пахать, сеять и собирать урожай. Но жизнь внезапно оборвалась... Он защищал Родину.

На память нам остались несколько пожухлых фотографий из мирной, довоенной жизни да пожелтевшая от времени похоронка.

Вот оно - страшное лицо войны! Оно очень страшное! Грохот орудий, свист пуль, взрывы, крик матерей, плач детей... В ушах звенит...

Вот так я прикоснулась к памяти о моём отце Новосёлове Пётре Семёновиче.

ВОЙНА И ЖЕНЩИНА

*Ой, подружки,
Доля женская горька.
Как жить? Как жить?
Не знаю...*

Хоть не очень дружно, но напевно звучали эти слова песни за юбилейным столом, а голос тети Стюры яркий, какой-то лучистый, подхватил:

*- Из какого, из какого далёка
счастье наше, счастье наше
прилетает...*

Юбилярша - это наша мама -

Балина Анна Степановна, просто Нюра. А в гостях у неё такие же, даже старше её, подружки: Арина, Маня, Кланыя и ещё одна Нюра (фамилии ничего не скажут, а имена их истинные, наречённые с Божьей помощью).

По заказу мамы принесли незатейливые самодельные подарки: половичок, коврик, варежки. Меня лично удивил коврик, сплетённый из камыша. В послевоенные годы у нас в каждом доме были такие коврики. Это было 19 ноября 1997 года. Маме 80 лет, а я вижу, будто бы это было вчера.

Мама родилась в 1917 году и в три года осталась сиротой. Была неграмотной, но скромной, весёлой, порой острой на язык, работающей, трудолюбивой.

При подготовке к празднику мама очень волновалась. Потеряла сон. Утром встала рано, мне даже кажется, что она вообще не спала, а к 10 часам брат привёз всех тех женщин.

Господи! Кого я вижу! Ведь я помнила их молодыми, а тут я увидела их лица со «шрамами» от слёз, «шрамы» на руках от тя-

жёллой работы, «шрамы» на ногах, примерзающих к чуням (чуни - это военные галоши). И самое страшное - шрамы в их человеческих душах.

Женщины всю жизнь проработали в колхозе, не имея паспортов, работающих за «галочки» (трудодни), перенёсшие лихолетье войны. Теперь они не вовремя получают пенсии. А пенсии такие мизерные! Вопрос был один: «А с чего начислять пенсию?»

В войну работали практически бесплатно. Смотрела я на них, а сердце сжималось, укрывала платком уже свою седину и мысленно просила прощения у мамы и её подружек от себя и всей нашей страны. Государство забыло о наших деревенских женщинах. Похристиански надо бы встречать вдов, женщин, кормивших армию, города и детей, женщин, переживших войну. Снять бы шапки перед ними и отдать им поклон до самой Земли-Матушки, их кормилицы. Хотя, кто и когда заметит эти шрамы?

И вот - первый тост. С трудом достали мы «Кагор». Я была приятно удивлена, когда эти женщины подняли первый тост за хлеб и молоко - как святыням всех святынь. И теперь, где я не бываю, своим детям и внукам наказываю, что всё идёт от мамы и хлеба на столе.

Наша мама после войны работала в пекарне. В посевную пору, в страду выпекала по несколько центнеров хлеба. И всё делала вручную. Колола дрова, топила огромные печи. А какой был вкусный хлеб! И, когда к нам в колхоз приезжали гости - первые секретари райкомов, был несколько раз один из них - секретарь обкома КПСС Сизов, то всегда увозили с собой огромные булки и калачи, испечённые мамиными руками.

От пригубленного «Кагора» покраснелись мои милые подружки, и начались воспоминания:

- Помнишь, Маня, как ты в землю зарывалась, провожая своего мужа, а на руках осталось шестеро детей, младшей – Гале - был год. И все шестеро около тебя, тоже потерявшиеся, ничего не понимающие, но они тебя успокаивали. Вытащили мы тогда тебя из

вырывшей себе яму, еле в бане отмыли. А руки все в крови, смешанной с землёй и слезами.

Прикрылась тётя Маня платочком, как бы стыдясь за своё поведение. Вырастила детей, как бы там ни было, подняла их. Разъехались все, живёт сейчас одна. Зовут её дети к себе, а она одно твердит: «Нет, мои милые, старое дерево не пересаживают, не приживусь я там»,

- А помнишь, Ньюра, как ты пошла провожать Пётра, а его уже увезли на фронт. А ты была на сносях. (Я родилась в сентябре, когда бушевала война. А потом - похоронка).

- А помнишь, Стюра, как вы получили похоронку на Николая (это её брат). Был совсем молодой, а твоя мама всё у Бога просила сохранить его. Спросите у любого, как мать ждёт сыновей. Единственное, что погибшие сохранили - это молодость.

- Арина, вспомни-ка, как твои мальчишки ждали отца и не верили, что он пропал без вести под Москвой. Даже убегали с уроков немецкого языка, никак не хотели учить язык фашистов. И после войны были такие случаи, и даже оставались на второй год.

Воспоминания сменялись песнями, тут у Клани появилась бала-лайка, и вот стали они петь озорные частушки про Гитлера. Весёлые песни сменялись грустными:

*... Зачем ты, женщина,
Платком повязана?...*

А Стюра подхватывает первым голосом, делая песню более яркой, эмоциональной, пронзительной:

*...В платке судьба моя
Узлом завязана...*

Одна женщина из гостей сказала:

- Только утро начинается, а вот уже вечер, а я так мало сделала,

кажется, что ничего.

Эти слова могла сказать любая из этих женщин.

- А помните, бабы, как мы работали на тракторах-колёсниках?

Тут начались воспоминания и о других женщинах. Как трудно было поворачивать руль, чтобы пахать борозду, заднее место примерзали к сиденьям. А трудней всего было смотреть на мальчишек, сидящих на прицепе. Летела пыль, комки грязи от колёсника. боялись, что мальчишки уснут и попадут под плуг.

Со слезами на глазах вспоминали, как некоторые мальчишки убегали в Шумиху, чтобы уехать на фронт. Снимали их с поездов, грязных, голодных, оборванных и привозили домой. Дома было много работы.

Я долго не знала, что эти женщины работали в войну на тракторах. Узнала лишь в 9 классе. Работали мы на заготовке силоса, укладывали его по кузову машины. Все мокрые, холодно, вся одежда «колом» стоит от сока кукурузы. Самосвалов не было. Это было в 1957. Волокушей (это доска на цепях) с помощью колёсника силос в яму стаскивали, а потом мы, молоденькие девчонки, эту жутко тяжёлую доску втаскивали обратно в кузов.

Подъехали, а колёсник сломался. Тракторист молоденький, не может его завести. И слышу голос: «Позовите баб, кто на нём работал, это их «военный» друг». И, о, боже! - идёт мама и ещё одна женщина (к сожалению, имени не помню). Мама в то время работала в пекарне. Подходят, глядят его, о чём-то переговариваются, а с трактором разговаривают, как с человеком:

- Ну что, родненький? Устал? Мы тебе верим. Всю войну проработал. Работал честно, выручал.

А сами то с одной стороны зайдут, то с другой. Что-то делают. Столпились мы все вокруг них. И я увидела этих женщин другими, уже взрослыми глазами.

Сколько времени прошло, я не знаю. Но! Вдруг этот железный «конь» «зачихал», натружено запыхтел, задымил и заработал. А я, как сейчас вижу, стоят они около трактора, держа эту рукоятку,

которой нужно было крутить, чтобы завести двигатель. И до сих пор слышу: «Поработает он ещё немного. Износился. Устал. Всю войну прошёл». А эти женщины пошли уже на другие рабочие места. Мама пошла вытаскивать из печи пахнущие свежестью калачи, уже полученные из нового урожая.

А ведь эти женщины хотели, чтобы им пели соловьи в ночи. Не могли они порвать с прошлым. И каждая из них ждала своего посвоему. Не могли они поклониться земле, припасть к могильным холмикам. Не было и поминальных обедов. Низко склонили женщины головы, держа дрожащими руками гранёные стопочки, пригубили...

Мои руки тоже дрожали. В это время мой сын Иван похоронил друга, убитого в Чечне, а сам живой, но контуженый, раненый выписался из госпиталя. Но маме мы ничего не говорили, уж слишком она любила своих внуков и переживала за них.

И как скажет тётя Маня: «Как мы уставали, дома одни старики да дети, а кто постарше - то с нами на ферме, то на покосе... Как крутили тяжёлые решётки веялок, ребятишек-то замучили. Они вместе с нами пупы надрывали с этими плицами и пудовками».

Устали! Устали! Но каждый раз находили силы отбросить усталость. Надо было жить. Жить, кормить, одевать и учить. Вырастили, дети разъехались. Мой брат Виктор, сёстры Рая и Валентина уехали вместе с семьями строить БАМ. Они награждены медалями: «Почётный строитель БАМа» Там сейчас и живут.

Вспомнили они Виктора Дубынина. Когда приезжал в село, всегда привозил им сладкие подарки. Помнил и не забывал их, ибо его родители делили тяготы войны и послевоенные тяготы вместе с этими женщинами. Жили в соседях, помогали друг другу как могли. Гордились им, что он вырос в нашем месте, со слезами приходят поклониться, что он так рано ушёл из жизни. Благодарны, что он пригнал танк Т-10 в памяти о земляках погибших в войну.

- ...А помнишь, Нюра (это обращение к моей маме), как твоя Тамара привела в дом Ивана и сказала, что он - её папа, что он пришёл с фронта?

Мне было три года. У нас на видном месте висели три портрета: мамин, моего кровного отца Пётра Семёновича, погибшего под Москвой, и второго отца, не менее дорогого мне человека - отца Ивана Феоктистовича, рано умершего из-за полученных ранений. Он всегда говорил, что портрет кровного отца должен быть на видном месте. Он погиб, а я знаю, что такое война. А я всегда носила фамилию своего родного отца. Уже после войны родились два брата и две сестры. А мама стала дважды вдовой. И кто-то из женщин скажет, что мужики воевали не за ордена и медали, а за нас и наших детей.

Вспомнили, как зимними вечерами ходили в правление колхоза, перебирали вручную на семена пшеницу, рожь, горох при свете керосиновых ламп, сидя за длинными столами. Старшие помогали, а мы, младшие, сидели у печки, поджав ноги, завернувшись в фуфайки и слушали, как поют наши мамы. Заглядывались на быстрые движения их рук, В конце нам иногда перепадало по горстке пшенички. Я до сих помню, как медленно жевали пшеницу, высасывали этот живительный сок жизни.

Я помню, как мама однажды протравливала семена «дуством» (средство от вредителей), и вдвоём с одной женщиной отравились, лечились в Челябинске. Причина в том, что не было индивидуальных средств защиты.

Брат (он тоже был на юбилее), принёс баян. Наши гости пытались плясать, но ноги их не слушались. Потом пели под баян. В памяти слова одной из песен:

*Ветер сорвал листок
Закружило его, унесло,
И кружит, и кружит,
Как в речке челнок,*

*Словно в омут попал,
Потеряв весло.*

Но эти жизнестойкие женщины - Маня, Кланя, Стюра, Нюра и наша мама, как и многие другие женщины тыла, не уронили, не потеряли свои «вёсла». Что же помогало им? Что давало им силы? Наверное, оптимизм (хотя он и не знали этого понятия). Наверно, они старались не видеть морозящий дождь, радовались цветению сирени, горящим, хоть и горьким ягодам рябины, посаженных их сужеными.

Дожили они до дня Победы, сохранили детей. Не могли они не вспомнить, как встретили её. Верили! Ждали! Ждали долгожданную Победу. Но весть о ней была всё равно неожиданной. Кто-то услышал о ней в поле, кто-то на ферме, кто-то на птичнике. А вечером собрались около правления колхоза, накрыв поминальные столы незамысловатой едой, оставшейся с зимы. В глазах этих женщин увидела страницы военной и послевоенной жизни.

Вспомнили они, как полил сильный дождь, как бы оплакивая всех тех, кто не вернулся. Более 300 человек не вернулись в родные края, осиротив детей.

Вспомнили мои милые, как вместе с ребятишками (их ласково называли «фронтовичками») плясали под дождём, по лужам. Их радость Победы была утоплена в слезах. И, как всегда говорила тётя Кланя: «Выпивали горькое, а запивали слезами...»

А я с братом вышла на улицу, и в шуме ветра, и в отражении уже замерзающего озера видела и чувствовала слёзы радости и горя, невзгод и побед, слёзы падений и взлётов нас, детей войны, и моих односельчан. Наши прошлые дни - они незабываемы.

У всех этих женщин есть награды за трудовой подвиг в годы войны, юбилейные медали. У некоторых есть медали «За материнство», но они не получали достойных пенсий. А ведь как говорят: «Медаль за бой, медаль за труд из одного металла льют». У каждой из них был свой жизненный костёр - яркий, высокий, све-

тящий далеко-далеко, горячий-горячий! Но теперь он не вспыхнет - он залит войной. И всё-таки в их руках была ВЕРЫ ТОНКАЯ СВЕЧА...

Вот так я вам поведала историю нескольких женщин села Риги.

И на этом юбилее пролетела перед глазами вся их жизнь. Они вспоминали и вспоминали... Сами того не ведая, что это был итог их трудной дороги, опалённой войной.

И глупо было бы задать им вопрос: «Увидели ли они счастье?»

Да и вообще, какое оно - бабское счастье? Какое оно - маленькое или большое, чёрное или белое, а может, розовое? Какое? Сладкое, горькое или хмельное? Но точно не наивное, а может и нет? Но счастье они видели в своих детях, они всю молодость посвятили им, а жизнь отдали Родине. И видели они своё счастье в нас, и оно не было призрачным. Оно было живым. Они хотели, чтобы не было больше войн, чтобы не лилась кровь невинных, и чёрное её крыло не покрыло потомков...

P.S. Это была их последняя встреча. Все они нашли своё место в разное время в том, потустороннем мире. И над их могилками сегодня - черёмухи, шумит весенняя рощица берёз, яркое солнце на голубом небе и соловьиная песня ранним утром, которую они так и не успели дослушать. Вот и нам, пятерым маминым детям, уже не надо звонить, писать и ждать.

...Но, так хочется обнять хрупкую мамину фигурку и попросить совета и прощения...

КИСЕЛЁВА

Галина Николаевна

Родилась в 1949 году в Нижегородской (Горьковской) области. После окончания школы приехала в Курган, закончила Курганский строительный техникум, вышла замуж и осталась в Курганской области навсегда. Живет в с. Сычево Варгашинского района. Работала библиотекарем, директором Дома культуры, секретарем партийной организации в колхозе «Заря», председателем Сычевского сельского Совета. На пенсию учителем технологии и музыки. В 2014 году в Варгашах вышла ее книга «Журавлиный крик», в которой собраны стихи разных лет и разной тематики. До сих пор ведет активный образ жизни: пишет стихи и песни для вокальной группы «Ивушки» и сама поет в этой группе.

ОДА МАМЕ

Мамочка моя родная,
Ты солнца лучик золотой!
Всегда ты рядом, как живая,
Всегда беседую с тобой.

Не знали руки твои скуки,
Гимн надо петь твоим рукам,
Всегда хотелось мне в разлуке
Их приложить к своим губам.

Спала, приехав я, бывало,
А ты склонялась надо мной,
Моё дыханье замирало,
Волос касалась ты рукой.

Вязала, шила, вышивала,
Всё мне старалась передать,
Стихов и песен много знала
И я стараюсь не отстать.

Любила слушать я, ты пела,
Как ручеек звенит весной,
И спорилось любое дело,
Вдвоём начатое с тобой.

Было трудно, говорила:
«В жизни будет потрудней,
Надо приложить все силы,
А ну-ка, дочка, веселей!»

И цветы очень любила:
Ромашки, клевер, васильки,
Ты их с покоса приносила
От Пижмы – матушки реки.

Над клевером пчела жужжала,
В букете собирая сок,
А ты окно ей открывала,
Пускай летит в свой улей.

Пахло яблоками, хлебом,
Плыл из печки дух такой.
И зимою пахло летом
От Melissa медовой.

МАМИНЫ РУКИ

Мамы давно нет, мы с нею в разлуке,
Но помню я тёплые мамины руки.
Как гладили нежно, меня обнимали,
Когда на глазах моих слёзы дрожали.
Всех озаряла милой улыбкой,
Детские ссоры считала ошибкой,
Легко и привычно тут же мирила,
А дома вязала, варила и шила.
Безделия в доме у нас не случалось,
Светились глаза, если всё получалось.
Как я благодарна тебе, моя мама,
Хотя ученицей была я упрямой.
Уют создавали, не ведали скуки
Милые, добрые мамины руки!

МАМА

Мама родная, любимая, славная,
Для всех ты на свете самая главная,
Где надо подскажешь и словом согреешь,
Ты только одна это делать умеешь.

Тепло и уютно нам в доме родном,
Здесь детство осталось под старым столом,
Где книжки малышки на полке лежат,
Никто не тревожит семью медвежат.

И бережно мама с них пыль вытирает,
Погладит рукой, будто нас приласкает,

Посмотрит на фото, с улыбкой вздохнёт,
Быть может письмо почтальон принесёт.

А мы в суете забываем звонить,
И рвётся порой эта тонкая нить,
Но всё же однажды захочется нам,
Прижаться губами к любимым рукам.

И мы побежим брать билет в самолёт,
Всё мама простит нам, всё мама поймёт.
Летим мы и едем, мы мчимся опять,
Ведь главное к маме не опоздать!

КОЛЕСНИКОВ
Владислав Кузьмич

Родился 26 сентября 1942 года в селе Костыгин Лог Усть-Уйского района Челябинской (ныне Курганской) области. Он был пятым ребёнком в семье. Отец – Кузьма Фатеевич погиб на фронте в 1944 году. После окончания средней школы, успев поработать в совхозе прицепщиком, учётчиком и столяром, четыре года служил подводником в Военно-Морском флоте на Камчатке. После службы закончил заочное отделение Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства. Вся дальнейшая трудовая биография В. К. Колесникова связана с должностью инженера-электрика опытно-производственного хозяйства «Южное».

Щедрым родником литературного творчества Владислава Кузьмича стали родные края с её неброской, но милой сердцу природой, селом-тружеником. А лучшей школой для поэта и прозаика Колесникова является сама жизнь. Он хорошо знает радости и беды земляков. Владислав Кузьмич делится с ними стихами и рассказами, образно выражая своё отношение и чувства к прошлому и настоящему. Живет в Целинном районе.

ДАЙ НАВСТРЕЧУ НАМ РУКИ ТВОИ

Тихо в доме. Ты хлеб посадила
В разогретую русскую печь,
К своим курочкам в стайку сходила,
И пора б не надолго прилечь.

Но тихонько к окошку подходишь,
На дорогу с надеждой глядишь.
Не подъехал ли кто-нибудь к дому,
- Всё им некогда, – ты говоришь.

Примостишься с вязанием на стуле,
В думах дети, внучата, родня,
Молишь Бога, чтоб их не согнули
Горе-беды грядущего дня.

И болит твоё сердце о каждом.
Говоришь:
- Чем могу вам помочь?
Думай лучше, родная, о важном:
Как прогнать твои немощи прочь.

К воротам твоим кто-то подъехал,
Засветилися очи твои,
И болячки теперь не помеха,
Дай навстречу нам руки твои.

ПОСЛЕ ДОЛГОЙ РАЗЛУКИ

Так тревожусь и волнуюсь,
Заходя в наш старый дом,
У порога я разуюсь,
И подкатит к горлу ком.
Мама милая, родная
Поспешит навстречу мне.
И как прежде, обнимая,
Нежно хлопнет по спине.
А потом засуетится,
Словно сбросив двадцать лет.
Может, ты мне в детстве снишься,
Где и старости-то нет?
Скрылись лучики- морщинки,
Руки молодо снуют.

Ты одета по старинке.
В доме прежний наш уют.
Сколько лет сама я мама,
Под крыло твоё стремлюсь,
Непослушна и упряма
В своё детство тороплюсь.
После встречи расставание,
Я приеду, не горюй,
Оправдает ожидание.
На прощание поцелуй.

ДЕД И ВНУК

По асфальтовой дорожке
Катит вдаль велосипед,
На педалях внука ножки:
- Не догонишь меня, дед!
Дед счастливо улыбаясь,
Широко шагает вслед.
- Уж давно я не катаюсь,
И не молод, стар и сед.
А тебе душой и телом
Набираться сил, расти
И на этом свете белом
Не завянуть, а цвести.
Мир жесток коварством. Ложью,
Отравляет нам сердца,
Заглушает правду Божью,
Мутит разум без конца.
Славный мой малыш, бесценный.
Что там будет впереди?
Жизни путь твой современный
Боже, вечно сохрани.

СЛЫШУ ТЕБЯ, МАМА

Прикоснулись к моим волосам
Материнские, добрые руки.
И родная не верит глазам,
С губ срываются тихие звуки:

- Милый сын, отчего седина
На висках у тебя серебрится?
От печалей каких глубина
Продолжает в душе твоей биться?

- Мама, сердце своё успокой,
Годы след серебром отмечают,
И не ласковой, крепкой рукой
В жизни нас постоянно встречают.

- Забываю, что ты не малыш,
Сам дорогу себе выбираешь,
И заботы твои выше крыш.
Как и я, ты покоя не знаешь.

Заслонить и прикрыть я хочу
От жестокой судьбины собою.
- Слышу, мама, тебя и молчу,
В неоплатном долгу пред тобою.

КОМАРСКИХ (КЛЫЧКОВА)
Нина Александровна

Родилась 13 декабря 1948 года в г. Шу-миха. В 1973 году окончила факультет иностранных языков КГПИ. Работала учителем английского языка в г. Норильске Красноярского края. После выхода на пенсию по возрасту переехали с мужем на постоянное место жительства в г. Курган. Занимается родословными биографиями. На сайте библиотеки им. Югова, на сайте Зауральского генеалогического общества им. П.А. Свищева, в сборниках «Куртамышская генеалогия» (2012), «Куртамышане на фронте и в тылу» (2015), «Зырянские чтения» (2015 г.) размещены ее материалы.

ДОРОГИЕ МОИ СТАРИКИ....

*Посвящаю моим дорогим родителям
Александрю Львовичу и Марии Яковлевне Клычковым*

Живы родители — почитай, померли — поминай! (пословица)

30 лет назад ушел из жизни мой отец, мама пережила его на 10 лет. Не проходит и дня, чтобы мы с сестрой не вспомнили наших родителей в разговорах или в мыслях... Не можем понять нынешнюю молодежь, когда они обращаются к людям, подарившим им жизнь «ма», «па». Из-за стремительного ритма жизни или экономии времени, а может из-за неуважения к родителям или подражания кому-то, заменили они эти трепетные слова «мама» и «папа» на слоги?

У наших родителей были в обиходе обращения «мамонька», «тятенька», у нас — «мама», «папка», «тятя», «бабонька», «дедонь-

ка». Позже племянники наши стали употреблять слова «мамка», «папа», «бабя», «отец», «дед», «баба». Мой брат однажды сделал замечание сыну, когда тот обратился к нему «дед»: какой я тебе дед? Я твой отец, а дед я твоим детям...

Добрым словом хочу вспомнить и рассказать о моих родителях.

Мой отец – Клычков Александр Львович, 1908г. р., уроженец д. Дмитриевки Долговской волости Куртамышского района, был строгим, справедливым, молчаливым, наблюдательным человеком. Его образование – 2 класса. Тем не менее, много лет работал начальником столярного цеха в Шумихинском райпромкомбинате. При составлении отчетов о расходе материалов пользовался не только счетами, но и хорошо считал в уме. Беспартийный, всегда интересовался событиями, происходящими не только в нашей стране, но и за рубежом. После смерти генерального секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнева разложил на столе плакат с портретами членов Политбюро и анализировал как-то по-своему, кто будет генеральным. Среди кандидатов на этот пост он выделил Ю. Андропова, К. Черненко и М. Горбачева. Он оказался прав, возможно, ошибся только в очередности их пребывания на этом посту...

Был очень экономным, даже скуповатым. (став взрослой, я поняла почему). К концу своей жизни он скопил на сберкнижке 1500 руб. и распределил их так: 500 руб.- мне на свадьбу, 500 руб. - себе на похороны и 500 руб. - на похороны мамы. Его любимыми поговорками были: копейка рубль бережет, точнее счет –дольше дружба, деньги горы долбят.

В 1968 году папка ушел на пенсию по старости. На работе его попросили принести фотографию для альбома (не знаю, была ли продолжена эта традиция, но его фотография была самая первая). Несколько раз его приглашали «поучить» молодых специалистов, которые приходили на его место.

Был любознательным человеком, когда я уехала в 1973 году в Норильск, подарила ему книгу “По Енисею”. Он задавал мне мно-

го вопросов о жизни на Крайнем Севере, о Норильском металлургическом комбинате, о северной природе, о черной пурге, жесткости воздуха. Регулярно писал мне письма. Тексты его поздравительных телеграмм отличались от телеграмм других родственников. Он писал : "...пожелаем..." и подпись всегда была: "ваши родители Клычковы". Если папка просил кого-то отправить телеграмму нам, то я знала по тексту, что это не он лично её писал... Постоянно вел свой «Дневник погоды», анализировал его.

Во время новостей по радио садился к радиоприемнику и внимательно слушал. Интересовался не только новостями, очень любили мои родители слушать радиоспектакли. В то время часто транслировали «Свадьбу в Малиновке», «Грозу», «Мой бедный Марат». Они столько раз это слышали, что по голосу различали персонажей и знали что они скажут... Однажды подарила им пластинку с опереттой «Свадьба в Малиновке», так они её часто ставили и слушали, переживали и смеялись...

Если с мамой повздорят или поссорятся, мог молчать неделями. Я приезжала (во время учебы в пединституте) из Кургане каждую неделю, чувствовала, что они не разговаривают, и сразу говорила: "Будете молчать между собой - я развернусь и уеду назад". После этой фразы мир восстанавливался... Папка садился возле печки, курил свою «цигарку» (табак сам выращивал, заворачивал в клочок газеты махорку), готовил в печке для меня печеный картофель и , конечно, обсуждал какие-то новости, произошедшие за неделю. Если мама уходила за ягодами, он варил картофельный суп, от моей помощи отказывался. Помогал маме всегда стряпать пельмени (говорил почему-то «пермени»), строгал замороженное мясо, молол его на мясорубке, раскатывал сочни. Пока мы с мамой лепили пельмени, он кипятил воду и готовил уксус с перцем...

Боялся остаться один, пережить маму и всегда говорил, что без неё не будет жить. Отца парализовало 06.07.1986 г., пролежал три дня и умер девятого июля.

Папка очень любил песню:

*Раз полоску Маша жала,
золоты снопы вязала
Молодая. Эх, молодая.
Шел солдатик из похода
Девятьсот второго года
из Китая. Да из Китая...
Шел он, шел он, притомился
возле Маши становился:
дай напитокся. Дай напитокся.
Я б дала тебе напитокся,
Но тепла моя водица,
не годится. Ой, не годится.
Уж ты Машенька, Машочек,
Нет ли хлебушка кусочек?
Нет ни крошки. Ох, нет ни крошки...*

Я очень благодарна отцу за то, что он дал мне возможность получить высшее образование (единственной из шестерых детей), выделял мне из своей пенсии в 66 рублей ежемесячно 15 руб., когда я была студенткой. Он взял с меня слово, что, когда я выучусь на учительницу, обязательно буду работать по специальности. Свое обещание я сдержала, 29 лет работала учителем английского языка в Норильске.

Мамино любимое выражение: «Укуси любой пальчик – одинаково больно, так и материнское сердца болит одинаково за всех детей...»

После смерти отца в 1986 году, возвращаясь из отпуска, я оставила маме десяток конвертов, подписав их. Договорились мы с мамой, что она будет ставить крестик на листочке бумаги и отправлять его мне в конверте, а я буду знать, что она жива-здоро-

Мои родители

ва. (мама была безграмотная. Её в 50 лет обучали соседки – учительницы, выполняя программу «Каждому - начальное образование»). Рядом с ней оставались мои братья и сестра (нас шестеро), внуки и другие родственники, но мне очень хотелось писем **именно от** мамы, а не **со слов** мамы. Мои письма она читала сама, потому что я стала их писать крупными печатными буквами.

Каково же было мое изумление, когда я получила первое маминно письмо! Сначала я ничего не могла понять – «Здравствуй, дорогая мамочка! (у меня нет детей), с приветом к тебе...» Поняла, что она просто перепечатала мое письмо, как сумела, слезы хлынули, и плакала над маминным письмом я не один раз. Всего у меня шесть таких писем осталось.

Вспоминаю, как наша мама стояла у русской печи и на 3 сковородках пекла блины. А теста на блины заводила много – большое,

эмалированное ведро. Потому что все, кто шел мимо дома - дети, внуки - заходили к нам, и она обязательно поила всех чаем (в жаркие летние дни – квасом), угощала блинами или шаньгами. Очень любили мама за ягодами ходить, пирожки с вишней или клубникой лесной стряпать. Много, очень много воспоминаний о маме, о её доброте живет в сердце, но, как поет Олег Митяев в своей песне «Мама»:

*«...И как же мы бессильны пирожками с вишней
возвратить ту радость детства своего...»*

О тяжелых годах семьи во время Великой Отечественной войны мама вспоминала : «Саню (так она называла нашего отца – прим. автора) взяли в трудармию в 1941 году, у меня на руках осталось пятеро детей : старший сын Павлик (13,5 лет), Афоня (11,5 лет), Петя (6,5 лет), Ваня (3-х лет) и дочка годовалая Зоя. Работала я техничкой и рассыльной в конторе Шумихинского райпромкомбината, где до войны муж работал.

Бухгалтером в конторе была Елизавета Ивановна. Однажды она потеряла иголку для сшивания документов. Я мыла пол после работы, нашла её и отдала утром бухгалтеру. Она мне говорит: «Ой, Марусенька, какая же ты честная. Могла ведь выменять что-то для ребят за иголку, а ты вот мне её вернула...»

Как-то Ваня во время игры прыгнул неудачно и вывихнул ногу, пришла бабушка – соседка, вправить ему вывих. А он кричал от боли: «Лизавета Вавановна, вылучай...» Мама часто потом повторяла пословицу: «Бедному Иванушке - везде камушки».

Соседи, конторские старались хоть чем-то помочь мне накормить детей: трудно было с ними в то время. Ели вареные картофельные кожурки (очистки). Осенью, после первых холодов, ходили Петя с Ваней на поле картофельное и собирали мороженую, а иногда и просто гнилую картошку.

Когда окончилась война, прибежала утром соседка и стучит в

окно: «Марусенька, Марусенька, включай радио скорее, там передают, что ПОБЕДА!!!! Война окончилась!»

Моя сестра Зоя вспоминает: «Папка вернулся домой из армии с рюкзаком, из которого он достал кусочек хлеба – сухарик - и подал мне...»

Много было пережито моими родителями за 59 лет совместной жизни. Особо нашим воспитанием и заниматься-то было некогда: папка работал, мама вела домашнее хозяйство (почти всю жизнь держали корову, овец, кур), отец с братом Афоней и пчеловодством занимались. Наверное, главное, чему мы научились – уважать старших (не только родителей, но и братьев), трудолюбию. В детстве каждый из нас помогал по хозяйству: пололи картошку в поле, в огороде поливали грядки, воду приносили из колодца , старшие дрова кололи, складывали в поленницу, младшим надо было ранехонько занять очередь за хлебом. В послевоенное время в руки давали 2 булки хлеба, а семья была большая, приходилось Ване и Зое не раз в магазин за хлебом идти. Уходили в «дежурку» (так называли магазин в центре Шумихи, на ул. Кирова) в 5 утра, занимали очередь, шли досыпать на завалинку (напротив магазина была почта с завалинкой), потому что нельзя было уйти, иначе в очередь не пустят. Дети за ягодами в лес ходили, за грибами, помогали отцу на сенокосе – косили, сено переворачивали, чтобы высохло, в стога складывали и т. д. В стайке уборкой занимались (это была Ванина обязанность), скотину провожали утром в стадо, вечером встречать ходили. Все были приучены трудиться с раннего детства (все в 14-15-летнем возрасте начали на производстве работать).

Родителей почитали, слушали. Когда привозили дрова родителям, отец говорил Ване: “Звони Петру, пусть едет дрова колоть”. И тот приезжал. Родители зовут, помочь надо. Сестра Зоя жила тоже в Кургане, но приезжала регулярно к родителям, чтобы помочь по дому со стиркой, уборкой, побелкой.

После смерти отца мама два года жила одна в Шумихе, а по-

На этом фото все дорогие мои старики, в настоящее время нас (живых) всего 5 человек: автор статьи с куклой у мамы Марии Яковлевны; другая малышка – Тамара Макарова (Попова) на руках у моей тети, её бабушки Елизаветы; в первом ряду (сидят) слева - моя сестра Зоя Александровна; справа Валерий Иванович Клычков, наш двоюродный брат; в верхнем ряду - 3-я справа двоюродная сестра Ирина. Остальные - в нашей памяти навсегда.

Как права народная мудрость:

« На свете всё найдёшь, кроме отца и матери».

1951 год. Шумиха

том моя сестра забрала её к себе в Курган, мама прожила у неё 8 лет. Она была награждена двумя медалями Материнства 1 и 2 степени.

Мои родители покоятся на Шумихинском городском кладбище.

КОНДРАТЬЕВА
Светлана Васильевна

Родилась в 1961 году в Кургане. Закончила факультет иностранных языков Курганского государственного университета. Работает в Курганской областной универсальной научной библиотеке им. А. К. Югова. Является членом Российского Союза профессиональных литераторов. Печаталась в журнале «Огни Зауралья», в областных изданиях: «Люблю Отчизну я...» (2012 год), «Литераторы Зауралья» (2015 год).

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА В НОМИНАЦИИ “ПОЭЗИЯ”

СИЖУ НА ОБЛАКАХ И ВЫБИРАЮ МАМУ

Сижу
на облаках
и выбираю маму
По фотографиям,
по видео,
и так...
Смотрю
в глаза,
и действую
упрямо, -
Лишь
только ты
мне будешь мамой,
это так!

Хочу,
    чтоб песни
                колыбельные
                                мне пела,
Звала меня:
    «Мой зайчик,
                        мой котенок,
                                мой малыш»,
Учила быть
    веселым,
                добрым,
                        смелым,
Уроки
    со мной
                делала...
                        Услышь,
Услышь меня,
    моя родная мама,
Еще
    не ставшая
                мне мамой,
                        в облаках...
Я встречи подожду
    с тобою, -
                        самой, самой -
Любимой,
    любящей,
                красивой,
                        доброй,
                                славной,
До скорой встречи,
    моя милая,
                пока!

Пусть,
        сколько длится свет,
  из года в год...
В народах разных,
                        языках,
  и странах,
Звучит
        как матрица
                        Вселенной,
  мантра,
  код
Волшебное,
        простое слово
                        МАМА!

ПУЛЬСИРУЮЩАЯ ТОЧКА

Я точкой
        маленькой
                        внутри
Пульсирую
        слегка.
О том
        еще не знаешь
                        ты,
И жизни грань
        тонка.
Зародыш,
        сгусток,
                        лишь росток
Души,
        судьбы,
                        любви,

И биоимпульсов

поток

Внутри

твоей крови.

И маятник

ведет

свой счёт:

To be

or not to be*

Вселенский

выбор –

чёт-нечёт

Решает

быть – не быть,

Увидеть

солнца

яркий свет,

И неба

синеву,

Расти,

любить,

встречать рассвет,

И знать,

что я живу.

Но это позже,

а пока,

О том

не знаешь ты,

Я точкой

маленькой слегка

Пульсирую

внутри...

* быть или не быть

ЛЕТАЮЩАЯ МАМА

Далеко, в высоком небе,
Где-то в облаках,
Лайнер, словно белый лебедь
На моих руках.

Я несу его сквозь ветер,
Холод, дождь и зной,
Путь его пусть будет светел
И ведет домой.

Он летит над океаном,
Будь то день иль ночь,
В самолете этом мама, -
Все тревоги – прочь!

Обращаюсь я к Вселенной:
Огради от бед,
Неба голубого пленной
Мой пошли привет!

Ведь еще не знает мама, -
Через пару лет
Дочкою любимой самой
Появлюсь на свет.

ГОЛУБКОЮ БЕЛОЙ ЛЮБОВЬ...

*Марии и Михаилу, бабушке и дедушке, погибшему
в Великой Отечественной войне*

Лети, моя весточка, белой голубкой
Сквозь дождь, сквозь пространство, года,
Рассыплется время тончайшей скорлупкой,
Но образ твой в сердце всегда.

Ах, белой голубкой любовь моя рвется,
К тебе, мой любимый, родной,
Спасти, защитить...
Пусть вовек не прервется
Та нить, что связует с тобой.

Молитва-любовь, ты лети белой птицей,
Не зная преграды и тьмы.
Пусть с милым моим ничего не случится,
Живым пусть вернется с войны.

От пуль оградить, уберечь от ранений,
Я птицей незримой лечу...
Планета любви – венец божьих творений –
Такой видеть Землю хочу, -

Где нет той войны,
что разлукой смертельной
Пронзила полмира насквозь,
Где стон жен и вдов от тоски беспредельной
Не вторится эхом...
Где врозь
младенец и мать не страдают в разлуке,

Где ивы склонились над тихой водой,
Где к небу в мольбе не возносятся руки...
Родной, возвращайся с победой домой.

Из сотен боев, из тысяч снарядов,
Из множества дней – один миг все отверг...
Еще будет Победа и посмертно награда,
Но свет вечного неба в глазах синих померк.

Голубкою нежной к тебе, мой любимый,
Любовь моя рвется сквозь оковы времен,
В тот миг, где ты жив, мной и Богом хранимый,
Шепнуть,
что навеки ты в сердце моем!

РУССКИЕ ДЕВЫ МАРИИ

*Бабушке Марии, проводившей на войну мужа и сына,
получившей похоронку на мужа в начале войны, в 1941г.*

Растворилась судьба
на ладони
Тонкой нитью
узоров и схем,
И звезда
на твоём небосклоне
Знает тайны
твоих перемен.
Суждено тебе
было родиться
В деревушке
на восемь дворов,

И озёр
    голубая водица
Окропила
    дороги покров.
Пролетело
    короткое детство,
Васильковых рассветов
                                пора,
Революции, войны –
                                в наследство,
Раскулаченных судеб
                                канва...
Неспроста
    тебе имя Мария
Предназначено было
                                судьбой,
Тихо ангелы
    в небе парили
Над сыночком,
    что ринулся в бой.
И спасали Марии
    любимых,
Укрывая молитвой
    в пути,
Даже ангелы
    были не в силах
Оградить, уберечь
    и спасти.
Похоронки
    на мужа иль сына
Приходили
    почти в каждый двор,

И стонала
                                от скорби Россия,
Но давала фашистам
                                отпор.
Знает небо
                                над нашей Россией -
Что несла
                                в себе эта война,
И как русские девы
                                Марии
Защитили
                                планету от зла.

ПРОВОДИЛА СЫНА МАТЬ НА ВОЙНУ

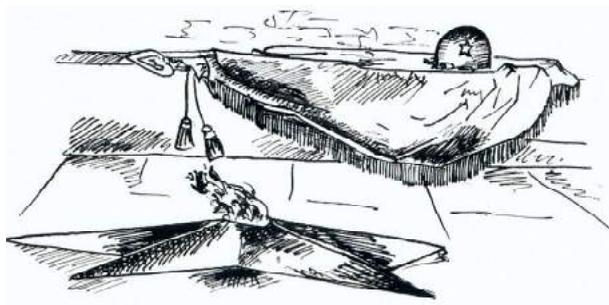
Проводила сына мать на войну
В том жестоком,
сорок первом году,
Погрузился целый мир в тишину, -
Проводила сына мать на войну.

А на следующий год по весне
Сын погиб...,
                                и вот уже на войне
Сын второй, и во вторую весну
Погрузился целый мир в темноту.

В сорок третьем пошел третий сынок,
Ни молитвы,
                                ни господь не сберег,
Погрузился целый мир в пустоту, -
Проводила сына мать на войну.

И в четвертом вновь,
и в пятом опять
Провожала сыновей снова мать,
Было пятеро сынов до войны, -
А теперь лишь пустота тишины.

Что ей звон победной весны?
Не вернулись сыновья
с той войны.
И не видит, и не слышит она,
Лишь святая в той душе чистота...

КОНОВАЛОВ
Леонид Александрович

Член Союза журналистов России, член Российского союза профессиональных литераторов, руководитель литературного клуба «Катайск» при редакции районной газеты «Знамя».

Родился в городе Катайске, закончил литературный факультет Шадринского государственного педагогического института. Печатается в районной газете «Знамя» с 1985 года, а также в областных газетах «Новый мир» и «Зауральский ветеран». Один из участников авторского коллектива книги «Катайск. Новые времена», «Край Исетский», «Трагедия 1952 года» и «Герои земли Катайской».

В декабре 2015 года получил Благодарственное письмо губернатора области за плодотворный труд, популяризацию классической современной литературы, участие в мероприятиях, посвященных Году литературы в России.

ОСЕНЬ НАДЕЖДЫ

Стояла дождливая осень. Уже несколько дней подряд моросил мелкий, надоедливый, холодный дождь. По стеклу, запотевшему и забрызганному мелкими капельками, стекали струйки влаги. Поэтому через окно размытыми и неясными очертаниями выглядели тоскливо голые деревья, многоэтажные дома, двор внизу с детской площадкой.

Кусты рябины и яблони-дички стояли красные от обильного урожая. Люди знающие говорили, что по народной примете зима ожидается холодной и многоснежной.

Он сидел одиноко за своим рабочим столом и смотрел задумчиво в окно. В такую непогоду на душе у ветерана было пусто,

неуютно, муторно. Делать ничего не хотелось. Перебрав бумаги, он стопкой сложил их на краю стола. Эта осенняя непогода все больше и больше угнетала его, обостряя тоску и боль. К тому же что-то шалило сердце, ныли раны, полученные на фронте.

Он отложил авторучку, глянул на незавершенные рукописи и снова повернулся к окну. Даже любимые книги не смогли отвлечь его от хандры. Третий год пошел, как он остался один. Ушла из жизни его верная жена, добрая помощница, мать его детей.

Иногда забывшись, ему хотелось по привычке позвать ее, но оборвавшись на полуслове, ветеран тяжело дышал, смахивая на-вернувшуюся слезу, плотно сжимал поддрагивающие губы. Он чувствовал, что так никогда и не сможет смириться с потерей жены, которой сейчас так не хватает.

Не стало того постоянного комфорта, внесенного ею, близкого общения, без которого он просто не мог обходиться. Все это выбило его из устоявшейся привычной колеи жизни. Душой он понимал: прошлого не вернуть, но ему сейчас так не хватало ее доброго слова, внимания и поддержки, в которой он очень нуждался.

Она знала все его слабости. Знала, где лежат его лекарства и как их подать мужу.

Боже, а как она готовила! Знала, что любил он, какие блюда нужны ему, понимала с полуслова. Размышляя у окна, он невольно удивлялся краткости человеческой жизни. Его жизнь прошла, пролетела, словно птица за окном.

Дети ... он не заметил, как быстро они выросли. Два малыша – крепыша погодки, а вот уже и школьники, вот разбитные юноши...

Конечно, в душе он признавал – работа сильно отвлекала его от семьи. Детям надо больше было уделять внимания, но прошлого не вернуть. В основном, с ними занималась супруга.

Сыновья выросли, выучились и превратились в высоких, сильных, уверенных в себе мужчин. Живут в большом городе, работают, женились на красотах-крялях, имеют своих уже детей, его внуков.

А он? Остался один. Редко навещают они своего отца-деда. При-

возят своих нарядных жен и таких милых, неугомонных, шумных внуков. Вот тогда для него это самый большой праздник.

В большом зале под яркой люстрой, за большим накрытым столом они все дружно сидели и разговаривали. Просили его надеть костюм с фронтовыми и юбилейными наградами. Он гладил головы внукам и был в эти минуты очень счастливым, любовался своими родными. Вот только такое случается редко. Конечно, папу сыновья звали с собой, но он всегда отвечал отказом. Даже не представлял себе жизни где-то там, в большом чужом городе. Свой небольшой, уютный, провинциальный городок он сильно любил. Здесь прошла вся его жизнь. Многие знали его, он был известен...

Еще долго он бесцельно сидел у окна. Детская площадка была сейчас пуста. Это летом на ней шумели, играли дети, рядом на скамейках сидели мамы и бабушки.

После обеда он читал газеты, отдыхал. Вечером решил прогуляться, не обращая внимания на дождь. Он уже несколько дней не выходил на улицу и, это угнетало и раздражало его.

В тесной прихожей у зеркала одел свой выдавший виды темно-серый плащ, шарф и кепку, взял в правую здоровую руку тросточку и по ступенькам маршевой лестницы спустился с третьего этажа вниз, вышел на улицу.

Порывистый, злой ветер водяной пылью ударил в лицо, поднял полы плаща. С трудом удерживая головной убор, он уверенно двинулся вперед, чуть прихрамывая на левую ногу. Вышел на главную улицу. По ней с включенными фарами бесшумно двигались автомобили. Прохожих было мало. По тротуару, мокрому от дождя, прошел до перехода, перейдя «зебру» двинулся к старому запущенному парку.

Среднего роста, седые виски, плотно сжатые губы, темные чуть с прищуром глаза, немного сутулая фигура – все выдавало в этом человеке натуру волевою, сильную. Его некогда красивое, открытое лицо с мелкими морщинками указывало на солидный возраст.

Через раскрытые ажурные, железные ворота он вошел в глав-

ную аллею. Здесь он любил побродить по тенистым аллеям летом, а осенью - по дорожкам, осыпанным желтыми листьями. Сейчас он двинулся так же не спеша к дальнему, тихому уголку старого парка. Под порывами ветра и дождя черные, корявые, голые ветки деревьев раскачивались, но он на это не обращал никакого внимания. Одинокий в этом парке он шел к своему любимому месту.

Тут на высоком обрывистом склоне под развесистыми кленами стояла старая скамейка, где можно было отдохнуть, вытянув ноги, поразмышлять. Отсюда сверху открывался прекрасный вид на западную окраину города, состоявшую в основном из домов и построек частного сектора. Виднелась и петлявшая между строениями речушка, густо покрытая ивняком и кустарником.

На горизонте за городом хвойный лес, а с севера высокая насыпь, полоска железной дороги и арочный мост, через который постоянно шли поезда, доносились гудки электровозов и шум проходящих составов.

Бывая тут, он ясно ощущал и отчетливо чувствовал могучий ритм жизни страны, в котором активно не мог уже участвовать. Подводило здоровье, старые раны и солидный возраст. И еще он заметил, что тут чаще вспоминаются прожитые годы. Особенно хорошо здесь было летом в теплые, длинные вечера. Интересно было слушать пение и веселое щебетание снующих по веткам пташек. Тут ему никто не мешал.

Между тем ветер стих, прекратился дождь. Начинало темнеть. Внизу в окнах домов появился свет, светлыми точками загорелись уличные редкие фонари. Ветеран сидел и провожал взглядом огоньки проходящих поездов. В голове роились воспоминания далекой юности. Его удивляло: до чего короткой была жизнь. Невольно перед глазами встал облик матери...

Мама... Тогда еще совсем молодая, в светлом платье. Такой он запомнил ее, когда он, вчерашний школьник, уезжал на курсы лейтенантов в город Свердловск. Это было в 1942 году. Шла война. Время было суровое... Гудок паровоза, плавный ход вагона, он,

крепко держась за поручень, фуражкой машет и провожает маму взглядом. Она одной рукой прикрывает глаза от солнца, другой в ответ машет ему и что-то беззвучно шепчет губами... Затем служба в Забайкалье, военный гарнизон в степном городке Борзя, а вот и фронт, бои на Украине, освобождение Молдавии...

И тут его воспоминания прервали голоса. Повернув голову, ветеран увидел молодых парня и девушку. Взявшись за руки, они шли сюда и о чем-то оживленно разговаривали, не замечая ничего вокруг.

Невольно он залюбовался ими, по-доброму завидуя их ослепительной молодости, беззаботности и веселому настроению. Одежды они были, как большинство молодежи, в красивые куртки. На голове у юноши была кожаная черная кепка, на девушке вязаная шерстяная белая шапочка и шарф. Остановившись перед незнакомцем, удивленно переглянулись.

- Здравствуйте! – довольно приятным голосом поздоровался паренек. Девушка добавила: «Нам это место тоже очень нравится. Здесь так хорошо и далеко отсюда все видно».

- Добрый вечер! Я отдохнул и сейчас пойду, - с готовностью встав, сказал он.

Видя его попытку приподняться, помогая себе тростью, они заторопились: «Нет, нет. Вы сидите, мы не будем вам мешать! Мы лучше пройдемся».

Развернувшись, они снова углубились в аллею, по которой пришли сюда. Он, пораженный их неожиданным появлением, этой приятной встречей с молодостью еще долго смотрел им вслед. Ему вдруг показалось, что произошла встреча с его собственной юностью, опаленную войной. Они такие молодые, непосредственные, красивые, и ему даже показалось, что он знает их уже давно.

Затем он поднялся и не спеша пошел к выходу. Неподалеку от ворот в свете фонаря снова увидел их. Как своему новому знакомому они весело помахали ему руками, прощаясь...

Прошло время, он снова приходил в этот парк. Дожди уже прекратились. Под ногами легкий ветерок шевелил подсохшие бурые

листья. Издали он видел знакомую, влюбленную парочку. От этих встреч с ними ему становилось как-то необычно легко. Он стал замечать, что плохое настроение, печаль уходят куда-то в сторону. Сердцем понимал: жизнь продолжается, нельзя быть пассивным, надо работать.

В этот вечер он гулял по парку раньше обычного. Снова сидел на своей скамейке. Вспоминал, как получил тяжелое ранение.

Это случилось ранним утром. Уже светало. Он, тогда старший лейтенант, проверял посты. Возвращаясь, шел по знакомой тропе, осталось спуститься в овраг, и тут раздался выстрел. Разрывная немецкая пуля, задев ветки рядом стоящего куста, взорвалась. Осколки вонзились ему в левый бок, зацепив руку и ногу. Офицерская кожаная сумка и плащ-палатка приняли в себя много осколков, но все равно ранение оказалось тяжелым. Затем были госпиталь, операции, долгое лечение. Медицинская комиссия признала его негодным к дальнейшей службе. Война для него закончилась, но старые раны дают о себе знать и сейчас...

Он посидел, отдохнул и медленно пошел к выходу. И тут на аллее снова встретил их. Они стояли и тихо переговаривались. Девушка держала в руках небольшой букет. Поздоровавшись, он хотел пройти мимо, но тут молодая девушка повернулась к нему. Ее лицо светилось улыбкой, она сказала:

- У нас сегодня такой счастливый день! Мы подали заявление в ЗАГС и скоро поженимся!

- Я рад за вас! Поздравляю, будьте счастливы! – бодро ответил ветеран.

И долго пожимал им руки, что-то говорил...

Он шел по городу и улыбался. Ему было хорошо. Думал о том, что жизнь продолжается не смотря ни на что. Завтра же он возьмется за свои незаконченные рукописи. Эта осень принесла ему надежду.

Надо жить, работать и верить в будущее.

КОСТЕНКО

Александра Алексеевна

Родилась 22 мая 1957 года в поселке Бытошь Дятьковского района Брянской области.

Окончила среднюю школу в селе Целинном Курганской области.

Работала поваром в детском саду. Вырастили с мужем двоих сыновей и дочь.

В настоящее время проживает в поселке Мичуринец Шумихинского района Курганской области, на пенсии.

МОЙ РАССКАЗ ПРО ДЕДУШКУ И БАБУШКУ

Я не люблю смотреть фильмы про войну, не могу читать книги. Наверное, это у меня на генетическом уровне от родителей, а вернее, даже еще от дедушки Пушкарева Василия Селиверстовича, прошедшего войну от первого и до последнего дня, и от бабушки Анны Константиновны. А вот рассказать есть что... Много раз слышала я эту историю от своих бабушки и дедушки, которые рассказывали ее нам, своим внукам, всегда в волнении и со слезами, помогая и дополняя друг друга дружно и ладно, как и все всегда делали.

Шел Василий домой. Тяжело давался каждый метр пути, но близкая встреча с семьей придавала сил, радовала. Залетали в голову и дурные мысли, но гнал их подальше. Надежда она и есть надежда. Но как не думать о плохом, если четыре года ни одной весточки из дома. Живы ли?..

Вот уже два года как войны нет, а Василий только-только из нее вышел. Слава богу, живой! Сядет отдохнуть, закроет глаза и вот

оно опять рядом.

Взрыв! Боли не почувствовал. Только тяжелая тишина. И все. Очнулся уже в больнице. Весь заштопанный. Губы спеклись от жары, во рту сучок сухой. Хотел что-то спросить, только вместо слов выдавился стон. Тут же подошла женщина в белом халате, взяла его за руку: «Слава Господу, очнулся!». Помочила тряпочкой губы. Василий жадно вдыхал влагу. Пить, пить дайте! Пошевелинулся, боль во всем теле. Огляделся вокруг. Понял, что лежит в госпитале.

После уже ему рассказали, как попал сюда. Память приходила какими-то обрывками. Документов при себе не было. Кто он и откуда? Когда закрывал глаза, яркая вспышка, гул и ничего больше. А потом стала возникать в видениях или во снах – сам не понимал – Нюрочка. Жена...

Вспомнил детишек. Пятеро! Три сына и две дочки. Живы ли? Хорошо, ничего не знал о том, что случилось с семьей. Вряд ли тогда бы...

Всю войну прошел. Были мелкие ранения, а тут, уже в Немегчине, когда ждали, что вот-вот войне конец, чуть самому конец не пришел. Гранату бросили вслед! Немчура поганая, не хотели сдаваться. Из-за каждого угла-бугорка в наших солдат летели гранаты, в спину стреляли, подлые.

После Василия перевезли в Крымский госпиталь долечиваться. Больше года там провалялся. С трудом заставили работать ноги, а левая так до конца жизни ныла — видимо, остался осколок. Из госпиталя несколько раз писал домой, но ответа не приходило.

Никто его писем не получал. Родной деревни уже не было — фашисты ее сожгли полностью. Жителей по лагерям, а молодежь в Германию на работы угнали.

Досталось и Нюрочке (так деревенские называли Аннушек) с детьми. Когда Василия на фронт забрали, она к отцу-матери в соседнюю деревню перебралась. А в Хацунь тем временем каратели нагрянули. Разогнали всех жителей по домам, подперли двери

кольями, бензином облили и подожгли. Живьем!..

Вся Брянская область под фашистом была. Спасались от немцев в лесах, жили в землянках. Партизанили. Помогали, кто чем и как могли. Молодых вылавливали и угоняли в плен. Так Нюра с детьми оказались в лагере, в Белоруссии. Гнали их туда поздней осенью пешком по грязи. Кто падал — пристреливали.

В лагере несчастных людей заставили раздеться, стариков, женщин, детей, и стали поливать из шлангов холодной водой — мыли «русских свиней». А ведь холодно было, снег уже пролетал! Потом принесли куски хлеба и стали кидать людям. Тут же ради забавы выпустили овчарок: кто быстрее кусок хлеба схватит. Собаки рвали людей на клочки. Так погибли у Нюры два старших сына. Младшенькие-то ближе к матери держались, вот и живы остались. Это был перевалочный лагерь. В нем людей сортировали. Евреев расстреливали на месте и сжигали в топках. Кого на работу в Германию определяли (в основном молодежь), а на остальных испытывали медицинские препараты.

Наконец пришли наши, и освободили заключенных. В лагере их оставалось всего несколько сотен. Людей, едва живых, находящихся в тяжелейшем состоянии, погрузили на подводы. Тогда-то вот и потерялась семилетняя Томочка, моя будущая мама. Трехлетняя Машутка на руках была, а девятилетний Ваня рядом держался. Осталось с Нюрой всего двое ее детей из пяти.

Люди все очень просили есть. Их кормили, но предупреждали, чтоб не ели много, да разве удержишься?! Тут же падали, мучились от спазм в животе, корчились и умирали. И съедали-то по чуть-чуть...

Добрались до родной деревни, посмотрели на голые печи, повыли, да что тут будешь делать? Жить-то надо! Вырыли землянки, в них и ютились первое время. Крапива, лебеда, мокрица, грибы, ягоды — выжили ведь!

Стали солдаты с фронта возвращаться. Кто какой раненый, а все равно — мужчины! Заготовливали лес. Надежды на то, что

**Мои бабушка и дедушка
Анна Константиновна
и Василий Селиверстович
Пушкаревы**

вернется Василий, у Нюры уже не было. Все, кто остался жив — вернулись. Привыкали жить втроем. Дома деревенские строили по очереди. Благо лес был рядом и много. Через год почти все уже семьи в домишках жили.

Осенью 46-го года в окошко землянки, где жили Нюра с детьми, постучали и попросили кусочек хлебца. Нюра вышла и обомлела: в худенькой девочке, что стояла ря-

дом с нищенкой, она узнала свою Томочку! Судьба смилостивилась над ней - вернула дочь. И женщина та тоже осталась потом у них на всю жизнь, звали ее Мотей, работала в сельской школе.

Василий к своей родной деревне подошел уже в сумерках. Собачонка чья-то подбежала, лает. Кто-то вышел на лай. Незнакомый. Разговорились, и мужчина проводил до Нюриной избушки. Прежде чем войти, Василий сел на приступок отдохнуть и унять разбушевавшееся сердце. Вышла девушка и, увидев его, заскочила обратно в дом: «Мам, там дядька сидит!».

Тут же вышли две женщины. Нюрочку-то как подкосило, даже и слова сказать не успела! Рухнула наземь тут же. Мотя выхаживала ее долго. Все, наверно, сказалось — и постоянный голод, и долгое ожидание, и порушенное здоровье.

Постепенно жизнь наладилась. Отстроенную деревню называли

Голожово (голое житье, значит, на голом месте). Люди разных национальностей - русские, украинцы, белорусы - населяли те места и жили очень дружно. Язык был смешанным, но все его прекрасно понимали. В первое время жили трудно и голодно, но весело, во всем помогали друг другу.

А потом и совсем хорошо стали жить. Пушкаревы отстроили новый дом. Народились у Василия с Анной внуки, затем и правнуки.

Когда началось освоение целинных земель, мои родители рванули в село Целинное Курганской области. Так Пушкаревы оказались в Зауралье и вся моя жизнь прошла здесь. От прежних брянских мест остались только детские воспоминания.

Чернобыль! Опалило землю-матушку. Большую часть Брянской области захватила та беда, невидимая глазом. Радиационные дожди. Крыши домов, трава, листва на деревьях стали коричневыми. Люди опять стали умирать раньше срока.

Василий пережил свою Нюру ровно на год. Лежат теперь рядышком в земле сырой. Всю оставшуюся трудовую жизнь проработали они в лесничестве и могли еще жить да жить. Чернобыль не дал.

Сейчас на месте деревни Хацунь стоит мемориал. Восстановили, сколько в каждом доме было жителей, взрослых и детей, всех поименно. Сколько людей проживало до войны, сколько погибло в оккупацию. Поставили часовенку. И каждому району — памятник.

КУДЕЛЬКИНА
Надежда Леонидовна

Родилась 18 февраля 1958 году в г. Каменск-Уральском. После окончания школы поступила в Шадринский педагогический институт на факультет иностранных языков. В 1982 году приехала на работу учителем немецкого языка в Шатровский район в село Камышевку, где проживает до настоящего времени. Проработала в школе 34 года.

В ДЕНЬ МАТЕРИ О МОЕЙ МАМЕ
КОРОЛЕНКО ИННЕ СЕРАФИМОВНЕ

Хорошо что ты ещё жива...
Хотя в нашей жизни всё не вечно.
И совсем седая голова...
Да и взгляд не весел, не беспечен...

Ты всё чаще смотришь в потолок,
Думая о жизни своей брэнной,
И твой взгляд становится далёк
В эти непривычные мгновенья...

...Люди! Берегите матерей!
В отчий дом почаще приезжайте!
И вас мама встретит у дверей...
Вы ей всё тепло своё отдайте!

Ну, а у кого другой расклад
И уже на небе ваша мама,

Помните её любимый взгляд
И шепчите: «Ты со мной!» - упрямо.

Очень грустным вышел этот стих...
Но здесь слово выкинешь едва ли.
Мамочка! За всё меня прости! –
Столько губ уж это прошептали!

И давайте дальше будем жить...
В этой жизни всё закономерно.
И судьбы крутые виражи
Я познала далеко не первой.

Посмотрите: небо за окном.
И сегодня светлый праздник мамы!
Мы на свете раз всего живём
И про мам концерт наш и программа.

КУДЮРОВ
Александр Владимирович

Родился 16 марта 1949 года в городе Кургане.

В 1977 году окончил юридический факультет Башкирского государственного университета

Работал старшим следователем УВД города Челябинска.

В настоящее время пенсионер МВД, проживает в г. Челябинске.

ВСПОМИНАЯ ОТЦА

В ноябре 2016 года моему отцу Кудюрову Владимиру Павловичу исполнилось бы 103 года...

С какого времени я помню своего отца... Сказать трудно. Может с того вечера, когда наша большая семья сидела за столом в своем доме, мне было года три-четыре. Я сидел у него на коленях. Мать достала из печки и поставила на стол большую сковороду с жареной картошкой. Вдруг из картошки вылез большой черный паук и побежал в мою сторону. Я испугался и убежал в комнату. Отец, успокоив, снова усадил меня на колени, потом, закинув, ногу на ногу стал качать меня на одной ноге, он любил это делать.

А может, с того солнечного майского дня, когда отец и я – первоклассник, стояли на вокзале ст. Шумиха и смотрели митинг в честь электрификации железной дороги.

Мне запомнился большой черный паровоз, украшенный красными флагами и плакатами, люди, выступавшие с него, новый электровоз, медленно тронувшийся с места и потянувший за собой длин-

ный состав вагонов, цистерн, платформ с грузом.

Отец был высокий представительный мужчина с военной выправкой. Владимир Павлинович, как бы многие сказали, был учителем от Бога, не случайно.

Его отец, мой дед, Павлин Павлович и мать, моя бабушка, Прасковья Антоновна были сельскими учителями. Павлин Павлович отработал в школе 60 лет с 1908 по 1968 год учителем биологии и химии. За свою просветительскую и образовательную деятельность был награжден орденом Ленина.

Детство отца прошло в селах Сладкое и Коровье Челябинского уезда (ныне Мишкинский район) в трудное для Советской власти время, разруха, голод, что закалило его характер, приучило к крестьянскому труду. После окончания педучилища отец работал учителем в начальных школах под Самарой, окончил Пермский пединститут. Затем вместе со своей женой Клавдией Андреевной, учительницей начальных классов, работали в сельской школе Малое Окунево Мишкинского района, где у них родились три сына: Владимир, Лев и Сергей, а после войны еще дочь Татьяна и сын Александр. Клавдия Андреевна получила звание и медаль «Мать-героиня».

В 1940 году отец был призван в ряды Красной Армии и участвовал в войне с белофинами. Во время штурма знаменитой линии Маннергейма, рискуя жизнью, вынес с поля боя тяжелораненого друга, ставшего впоследствии видным государственным деятелем Башкирии.

Отец рассказывал нам об этой войне. Особенно свирепствовали финские снайперы, скрывавшиеся в вершинах высоких сосен, их было трудно там достать. Был такой случай: он вместе с другими бойцами лежал в снегу на оборонительном рубеже перед атакой, над ним на ветке дерева висела его шинель, вблизи разорвался снаряд и осколком срезало половину шинели как бритвой, но он остался цел.

После финской войны отец получил звание офицера. Перед на-

чалом Великой Отечественной войны отец служил в Красной Армии в Молдавии, жил с семьей в г. Тирасполь. В июне 1941 г. после начала военных действий успел эвакуировать свою семью в г. Челябинск. Характерно, что ее затем приютил у себя Павлин Павлович и делил с ней все тяготы военного положения, когда все ресурсы шли на фронт. Мать рассказывала, он даже опухал от голода, варил сыромятный ремень, делал спички, рисовал карты, которые обменивал на хлеб, чтобы прокормить большую семью. Семью спасала своя корова.

Отец участвовал в Великой Отечественной войне с первого дня и почти до конца 1943 г., когда был отозван с фронта для преподавания в военном училище. Был награжден семью медалями, получил звание майора.

После войны отец продолжил преподавательскую деятельность в школах Курганской и Челябинской областей. Был директором

**Кудюров В.П. среди учителей Птичанской восьмилетней школы
(в первом ряду, третий слева).
1957 год, село Птичье**

**Директор школы Кудюров В.П.
среди учеников восьмилетней школы.
Село Хохлы, 1967 год**

школ в селах Хохлы и Птичье Шумихинского района. Последнее время перед уходом на пенсию в 1973 году работал директором Березовской восьмилетней школы Шумихинского района.

Всю свою жизнь отец посвятил народному просвещению, учительству. В какой бы школе он не работал, везде пользовался большим уважением учительского состава и своих учеников. Преподавал он благородные и нужные предметы – русский язык и литературу. Еще очень любил русскую зауральскую природу, может, поэтому и открыл в себе поэтический и писательский таланты. Неоднократно его произведения печатались в Шумихинской районной газете «Знамя труда», в которой он был внештатным автором, а также в областной газете «Советское Зауралье».

В 2003 году Самарским отделением «Литфонда» с предисловием члена Союза писателей России Николая Богомолова была из-

дана книга с избранными произведениями В.П.Кудюрова под названием «Сердце, которое любит...»

Всеобщее признание его поэтического и писательского таланта, то о чем мечтал отец, случилось, к сожалению, уже после его смерти в 1979 году.

Хотелось бы привести воспоминание об отце его ученицы, а в дальнейшем учительницы и директора Березовской восьмилетней школы Е.Г. Камышевой:

«Есть уроки, которые мы не можем забыть на протяжении всей жизни. Есть педагоги, чьи имена запоминаются на всю жизнь. К одним из таких я отношу своего учителя русского языка и литературы, директора Березовской восьмилетней школы Кудюрова Владимира Павлиновича. Своему предмету он стремился научить каждого, и подход к обучению был нестандартным, уроки всегда были интересными и эмоциональными. Он умело подмечал успехи каждого ученика. О ребятах, которые успешно осваивали материал, участвовали во внеклассных мероприятиях и олимпиадах, он говорил, что они идут к успеху «семимильными шагами». Владимир Павлинович был и хорошим воспитателем, умел чувствовать детскую душу, верил в каждого ребенка. И еще мне посчастливилось быть не только ученицей, но и коллегой В.П. Кудюрова. После окончания школы и пединститута я вернулась в родную школу учителем биологии. Владимир Павлинович вновь становится моим учителем и наставником. Я очень благодарна ему за то, что он многому меня научил, доверяя приобретение оборудования и учебно-наглядных пособий, часто отправлял в Курган на различные базы, говорил, что я должна всему научиться, как будто предвидел мое будущее. С 1982 года я семнадцать лет была директором нашей Березовской школы. Все, чему меня учил директор, мне очень пригодилось».

От себя добавлю: работая директором Березовской школы, отец уходил на работу рано утром, а приходил домой поздно вечером, отдавая всего себя работе. Любил, чтобы в школе и на ее терри-

тории было идеально чисто не валялось ни одной бумажки или другого мусора, сам участвовал в уборке школьной территории. Могу сказать, что отец был в меру строг, многие ученики, да и некоторые учителя побаивались его за крутой нрав и в то же время уважали, на этом держалась дисциплина в классе на его уроках, да и во всей школе.

Отец был не только хорошим школьным учителем, но и хорошим семьянином, воспитателем и учителем своих детей. Все его дети получили высшее образование и работали или работают по полученным специальностям. Лева стал доктором технических наук и работает профессором Самарской академии путей сообщения. Именно его заслугой является то, что произведения отца были напечатаны и стали известными. Меня он научил грамотно писать, практически без ошибок, помогал и в арифметике, алгебре и других точных науках. Как только у отца выдавалось свободное от работы или домашних забот время он брал меня с собой и мы шли на окраину Шумихи в лес на озеро, в котором он любил купаться. Любил он и красивые окрестности села Березово, которое он, шутя, называл «Райское», лес, в котором он отдыхал душой, озера, там он брал картины для своих стихов и рассказов.

Любил отец ходить и на охоту со своими сыновьями или братьями, а их у него то же было четверо: Сергей, Евгений, Анатолий и Виссарион, первые трое тоже были учителями, а Анатолий кроме того был также поэтом.

Отец резко реагировал на любые нарушения законов: воровство, обман и т.д. Старался их пресечь с помощью милиции, наказать виновных. Помню такой характерный для отца случай: мне было лет восемь-девять и мы с ним в Шумихе пошли в баню. На углу улицы Кирова торговала мороженица с лотком на колесиках. Отец дал мне денег, чтобы я купил себе мороженое. Но мороженица обманула меня со сдачей, так отец взял и привел ее в милицию вместе с лотком.

Можно еще много что рассказать об отце и вообще о роде Ку-

дюровых, но остановлюсь на этом. Заключить свой рассказ об отце я хочу его стихотворением «Родное поле»:

*Не маши мне лапой, елка
Не заманивай в тайгу,
Я березовые колки
В сердце с детства берегу.*

*Я родился на покосе,
Вырос в поле средь хлебов,
Загорелые колосья
Мне кивали из снопов.*

*Это поле русской славы...
Все его мы сыновья!
В бороздах его корявых
Жизнь посеяна моя.*

ЛУНТОВА
Лариса Афанасьевна

Родилась 6 августа 1937 года в д. Лугова Каргапольского района. Работала 20 лет в совхозе «Такташинский» бухгалтером центральной конторы. Затем 15 лет - агентом в Кировской участковой инспекции госстраха. Имеет звание «Ветеран труда».

ПАМЯТИ ОТЦА ПОСВЯЩАЮ...

Мой отец Томилов Афанасий Иосифович родился в д. Гаганово Мишкинского района в 1910 году. Он был старшим из пяти детей моей бабушки. В 1919-м у них погиб отец на войне с белогвардейцами, и всю опеку за детей взял их дед, мой прадед Марк. В деревне его все называли любовно дед Марковой, а детей – марковеевы. Он содержал семью сына и помогал односельчанам в годы войны, чем мог: подшивал валенки, ловил рыбу, долбил зимой прорубь на реке Миассе для всей деревни (воду тогда брали из речки), помогал вдовам по хозяйству. Вот так они с моей бабушкой подняли на ноги пятерых детей. Мой отец после учёбы в педучилище всю жизнь посвятил воспитанию детей. Работал учителем в деревнях Луговая, Туманово, Грязнуха, Гаганова.

А в годы войны, когда в деревню стали приходиться похоронки и известия о без вести пропавших, по просьбе родных писал запросы в различные военные ведомства, чтобы найти хоть какую-то нить о погибших или пропавших односельчанах.

Люди за это ему были очень благодарны, потому что в то время даже бумага и чернила были большим дефицитом, но он их выкраивал из своих скромных запасов.

А сразу после войны в д. Грязнуха (Заречная) открылся дошкольный детский дом имени «Жданова». Районное начальство по-

просило отца возглавить этот сиротский дом. Жил он в то время в д. Гаганова и ему каждое утро приходилось добираться через реку Миасс. Летом на лодке или вброд, зимой по льду спешил он к своим воспитанникам. Детский дом просуществовал 7 лет. Надо отдать должное государству: в то трудное послевоенное время сиротам уделяли большое внимание. Главное, что они были сыты, одеты, с ними занимались квалифицированные воспитатели, игрушки не были дефицитом. Детдом содержал своё подсобное хозяйство. Была даже лошадка, на которой работал добрый, ласковый старичок – любимец всей деревни – дед Моисей. Дети прямо льнули к нему, а он катал их на лошадке. Многие деревенские ребяташки с завистью смотрели на детдомовских, потому что жили в то время в деревне очень бедно, у многих не было отцов, матери с утра до вечера работали в колхозе за трудодни, за которые ничего не платили. Единственное, что отличало детдомовских детей от деревенских – у первых было всё, и еда, и одежда, и игрушки, но не было родителей, а вторые жили бедно, но видели материнскую ласку.

Все воспитанники в то время были дошколятами и навряд ли помнят тот дом, где они прожили 7 лет, ту деревеньку на берегу Миасса, всех воспитателей, заменявшим им мать.

Давно уже нет в живых моего отца. Я хочу, чтобы светлая память о нём сохранилась в сердцах тех, кто его знал и помнит его.

МАЛОЗЕМОВА
Любовь Петровна

Родилась 12 января 1973 года в г. Катайске. Закончила среднюю школу, получила высшее образование. Работает педагогом в МБОУ «СОШ № 1» г. Катайска.

Член литературно-художественного клуба «Катайск». Участница городских, районных, областных и региональных литературных конкурсов.

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО

*Не суди свысока ты о прошлом
В нём всей нынешней жизни исток.
Хоть давно уже стали мы взрослыми,
Но так хочется детства глоток.*

У меня было две бабушки: городская – Надежда Ивановна, мамина мама и деревенская – Мария Илларионовна, папина мама. С городской бабушкой я виделась каждый день, а вот в деревню мы ездили только по праздникам или выходным дням. Наверное, поэтому встречи с Марией Илларионовной были более яркими и запоминающимися.

В деревенской избе стояла большая никелированная кровать с блестящими бомбошками – один из символов богатства и благополучия того времени. Заправлять такую кровать было целым искусством. Вначале укладывалась огромное перина – приданое бабушки. На неё стелили простыню с подзором. В настоящее время вряд ли кто-то из молодого поколения понимает значение этого слова. Подзорник – вышивка или кружева, пришитые к краю про-

стыни, причём у каждой мастерицы имелись свои, отличные от других оригинальные узоры. Чем красивее и изящнее они были, тем богаче считалась невеста.

Следом укладывалось несколько одеял – тонкое, толстое, из красного атласа и, наконец, самое любимое – лоскутное. Поверх всех одеял стелилось покрывало, но так, чтобы было хорошо видно подзорник. В изголовье кровати друг на друга в строго определённом порядке укладывались подушки. На самый верх, водружали самую маленькую думку. Всё это великолепие накрывали кружевной накидкой.

Прошло много лет, но я до сих пор помню мягкие и уютные разноцветные лоскутки. То одеяло я называла сказочным, потому что на каждый лоскуток у бабушки была припасена своя сказка с присказкой. Да и дед не уступал ей в сочинительстве, но предпочитал исключительно побасёнки – короткие юмористические рассказы.

На одеяле было несколько крепдешиновых и шёлковых лепестков от маминых праздничных платьев. От них исходил едва уловимый аромат модных в то время духов «Красная Москва». Глядя на них, я вспоминала шумные весёлые встречи, гостей и застольные песни. Фланелевые и ситцевые тряпочки от бабушкиного халата, казалось, пахли пирогами и варёной картошкой с ароматным укропчиком.

Мой дед, Григорий Петрович, никогда не курил, но пользовался нюхательным табаком, поэтому лоскуты, вырезанные из его рубах, терпко им пахли. Путешествуя по сказочному одеялу, я обнаруживала детские узоры. Это была вторая жизнь для платьев, из которых я выросла. Рядом с ними соседствовали вырезки из пелёнок, отслуживших верой и правдой моей младшей сестрёнке.

Бабушкино лоскутное одеяло – это кладёшь секретов и воспоминаний, живой родник чистой и светлой воды. С возрастом мы начинаем на многие вещи смотреть по иному, многое переоцениваем и открываем заново. В первую очередь это относится к наше-

му прошлому. Считаю, что без знания своих корней, традиций своего народа нельзя воспитать полноценного человека.

По роду своей деятельности я часто посещаю мастер-классы и выставки декоративно-прикладного искусства. И когда среди берестяного кружева или поделок из соломки мелькнёт лоскутное одеяло, душа моя замирает, и я мысленно возвращаюсь в своё беззаботное детство. Эти удивительные воспоминания, живущие в моём сердце, помогают выстоять в трудные дни, дают силы для творчества. Свой рассказ я закончу словами автора, наиболее точно отражающими моё настроение:

*Всё, что есть в нашей жизни хорошего,
От чего воскресает душа,
Вспоминаем из детского прошлого,
Что уходит от нас не спеша.*

МАЛОЗЕМОВ
Андрей Анатольевич

Родился 9 июня 1998 года в городе Катайске. В настоящее время учится на мастера ЖКХ. Собирает коллекцию фразеологизмов и оригинальных диалектов. Постоянный участник различных литературных конкурсов. Автор исследовательских работ, пишет короткие юмористические рассказы. Немного рисует.

О НЕЙ МЫ ДОБРУЮ ПАМЯТЬ ХРАНИМ

Бабушек, прабабушек и дедушек, воевавших на фронте или работавших в тылу, в нашей семье вспоминают не только в день Победы. Мама и папа часто рассказывают нам о них, ведь это очень интересно, потому что это история моей семьи. Моя прабабушка Ковригина Мария Дмитриевна не была на фронте, она трудилась в тылу, но я считаю, что она совершила не меньший, а может быть даже и больший подвиг.

Прабабушка родилась 6 июля 1910 года прямо в поле во время страды. Когда подошёл отец и увидел, что родилась девочка, то отпрянул от расстройства. Мальчики в селе ценились больше как работники и как возможность получения дополнительного земельного надела. Несмотря на все трудности, выпавшие на её детство, Мария выросла бойкой и смышлённой девочкой. Восприняла начало становления нового советского строя как своё родное дело. Она уже в 15 лет была пионервожатой и заводилой всего нового. Для вовлечения бедняцкой молодёжи в орбиту комсомола Мария принимает участие в организации художественной самодеятель-

ности и агрономического кружка. Как и большинство детей того времени, она окончила школу-семилетку, а в 1924 году вступила в члены Ленинского комсомола. Вместе со своими сверстниками переживает за все успехи и неудачи страны. В 1933 году Мария уезжает учиться в Свердловск в медицинский институт и в 1936 году заканчивает его.

В воскресенье 22 июля 1941 года, узнав о начале войны, прабабушка обратилась к секретарю обкома партии:

- Прошу отпустить меня. Я врач и моё место на фронте.

И вот решением бюро обкома врача Ковригину назначили ответственной за приём и устройство населения, эвакуированного из занятых врагом прифронтовых районов. С июля 1941 года по сентябрь 1942 года она работала заместителем председателя Челябинского областного совета депутатов трудящихся.

Работы в новой должности было много, она продолжалась почти круглосуточно. Днём и ночью встречали прибывающие эшелоны с эвакуированными детьми, а также поезда с ранеными и больными красноармейцами. Было очень тяжело, но Мария Дмитриевна не сдавалась.

Удивительно, что при всей загруженности она успевала ещё и писать статьи. Вот отрывок статьи, наиболее точно характеризующий её отношение к работе, меру ответственности.

«Здоровый ребёнок – радость матери и всех окружающих. Больной ребёнок – тяжёлое горе. Мы обязаны сделать всё, чтобы наши дети росли здоровыми и счастливыми. Это наш первый долг перед обществом и государством. Отцы и братья наших детей, героически защищающие Родину от подлых немецких захватчиков, должны быть спокойны и уверены в том, что мы здесь, в тылу, любовно сбережём каждую детскую жизнь, приложим все силы к тому, чтобы вырастить назло проклятым фашистам здоровых, счастливых советских детей».

Из архивных документов следует, что за первый год войны наша область приняла около 33 000 эвакуированных детей. Но я думаю,

что их было гораздо больше. Потому что учитывали только тех, кто прибыл с детскими учреждениями: интернатами, детскими домами и санаториями. Но невозможно было сосчитать тех детей, которые приезжали с мамами, с бабушками, просто знакомыми людьми.

Нам сейчас очень трудно представить, что чувствовали люди, сорванные с родных, насиженных мест. Из-за войны эти люди потеряли всё, что было нажито нелёг-

ким трудом, многие потеряли своих родных. Надо заметить – моя прабабушка была очень умной женщиной, она понимала, что детей надо не только накормить, обууть и одеть, но самое главное – отогреть душу и сердце. Нужно было окружить детей заботой, лаской, помочь им восстановиться.

Мария Дмитриевна знала, что зауральцы – добрые, отзывчивые, надёжные люди, поэтому она предложила брать эвакуированных детей в семьи. Люди поняли и поддержали её идею, таким образом, очень много детей обрели новые семьи. Не по приказу, не из корысти, а по велению сердца зауральцы брали в свои семьи приёмных детей. Именно в таких поступках в полной мере раскрывается богатство, красота и широта души наших земляков.

Судьба Марии Дмитриевны резко изменилась после её встречи с известным деятелем компартии Розой Самойловной Землячкой. Она была в то время заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР и предложила Марии Дмитриевне поехать в Москву: работать в Министерстве здравоохранения. Однако Мария Дмитриевна отказалась, сославшись, что фронт работы в Челябинске гораздо шире, чем работа в аппарате министерства. Когда

эта история дошла до Сталина, то последовало распоряжение о назначении Марии Дмитриевны Ковригиной сразу заместителем министра здравоохранения СССР. Так она в 1942 году в разгар войны вошла в сталинскую команду строителей нового социалистического государства. Всю свою жизнь она посвятила этому большому проекту.

За свою нелёгкую работу прабабушка была награждена орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного знамени, ордена Знак Почёта и пятью медалями. Также она имела почётное звание «Заслуженный врач РСФСР». А президент Польской Народной Республики наградил её Командорским Крестом ордена «Возрождения Польши».

В не менее трудные, послевоенные годы, когда надо было восстанавливать разрушенную страну, Мария Дмитриевна отдавала все силы и время любимой работе. С сентября 1942 года по декабрь 1950 года работала в Народном Комитете здравоохранения СССР в должности заместителя наркома по вопросам охраны здоровья детей

и женщин. С декабря 1950 по январь 1953 года работала в Министерстве здравоохранения РСФСР в должности министра.

С января 1953 года по март 1954 года работала в должности первого замминистра здравоохранения СССР, а с марта 1954 года по январь 1959 года в должности министра.

С 1959 по 1986 год работала в должности ректора Центрального института усовершенствований врачей.

Я очень горжусь своей прабабушкой, потому что она жила честно, работала не за страх, а за совесть, и делала всё возможное, чтобы помочь людям.

Умерла она в 12 марта 1995 года от перелома шейки бедра. Врачи ошиблись в начальном диагнозе, а потом было уже поздно.

Война принесла много горя и страданий. Оставила неизгладимый след во многих детских душах. Я уверен - что дети, эвакуированные на Урал, благодарны нашим землякам. Потому что время было трудное и тяжёлое, но они остались живы, а это самое главное.

Я всё больше понимаю, насколько сильным был наш народ, который в невероятно трудных условиях спасал детей. А спасённые дети стали достойными гражданами своей страны.

Память о тех страшных днях нам всем нужна. Наш долг помнить, что глубокая вера зауральцев давала им силы и мужество переносить испытания, выпавшие на их долю.

Низкий поклон вам, земляки, за мужество и благородство!

МАНАКОВА
Ольга Павловна

Пенсионерка. Ветеран труда. Стаж работы преподавателем русского языка, литературы и истории - 50 лет.

Проживает в г. Щучье.

Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ О СВЕКРОВИ

Мне захотелось рассказать о моей свекрови Манаковой Евдокии Васильевне из села Яланское Сафакулевского района.

С ней я познакомилась случайно в 1958 году. Училась я тогда в Курганском пединституте, жила на квартире. Однажды, придя на занятия, увидела за столом красивую, с длинной черной косой, женщину. Хозяйка квартиры меня с ней познакомила. Женщина мне рассказала о цели приезда (приехала она в больницу), расспросила меня о моих родителях, о том, кем я буду работать.

Закончился наш разговор её словами: «Ты мне понравилась, давай я тебя познакомлю с моим сыном. Он добрый, хозяйственный, сейчас живёт в Челябинске, учится в железнодорожном училище». На эту её просьбу я постеснялась ответить.

Через месяц получила письмо от её сына. Он написал: «Здравствуйте, незнакомая Оля! Извините за это письмо, но я бы хотел с вами познакомиться. Адрес Ваш дала мне моя мама. Она с вами познакомилась в Кургане, Вы ей очень понравились». В этом же письме он сообщил, что мама его умерла. На это письмо я отве-

тила. Стали с ним переписываться, несколько раз он приезжал ко мне на свидание в Курган.

В 1961 году, после окончания пединститута, я по распределению приехала работать в село Яланское, где до ухода из жизни в семье старшего сына Павла Ивановича жила Евдокия Васильевна. Анатолий тоже вернулся в это село, стал работать начальником радиоузла. В совхозе мы с ним сыграли свадьбу. Муж мне рассказал о том, как они с его мамой жили в годы войны.

Муж Евдокии Васильевны погиб в 1944 году, а в 1947-м – ещё одно большое горе. Она получила письмо из Владивостока, где в морфлоте служил средний сын Саша. Командир воинской части сообщил о его смерти от воспаления почек... «Смерть Вашего сына Александра Ивановича – большая для нас утрата, так как он был самый хороший общественный товарищ, показывающий образцы службы остальным матросам; но смерть вырвала его из наших рядов не стало среди наших матросов лучшего товарища... Весь личный состав нашей части горячо благодарит Вас за воспитание Вашего сыночка... Вы воспитали своего сына в духе беззаветной преданности своему народу... Личный состав в последнем прощании у гроба Вашего сына дал клятву быть примерным в дисциплине и учёбе, таким же, каким был Ваш сын Александр...»

Светлым радостным для Евдокии Васильевны был один из дней 1950 года, когда получила благодарственное письмо из воинской части за воспитание старшего сына Павла: «За время службы в Советской Армии старшина Манаков показал себя только с положительной стороны. Дисциплинирован. В обращении вежлив, с товарищами общителен. В быту опрятен. Трудолобив. Строевая подготовка хорошая. Школу авиационных механиков окончил с хорошими результатами... Спасибо Вам за такого сына!..»

Внук свекрови Сергей мне рассказал: «Когда я пошел в школу, баба Дуня встречала меня после уроков, кормила всегда чем-нибудь вкусненьким, покупала мне и сестренке детские книжки, про-

сила рассказать, о чём прочитала. А если я в чём-то провинился, не кричала на меня, спокойно говорила так, что мне было стыдно за такие поступки».

Рассказывали мне о Евдокии и её подруге: «Дунюшка для нас была во всех делах примером. В доме её всегда порядок, а какой стряпнёй она нас по праздникам угощала! Трудолюбивая была. Даже уже когда тяжело болела, косила сено для коровы и теленка. Когда мы ей говорила: «Тебе ведь тяжело уже косить», - ответила: - «Не хочу, чтобы моя корова и телёнок были голодны». Одна из её подруг мне сказала: «Жалко, что тебе с ней вместе пожить не пришлось, она бы тебе стала второй матерью».

Нам с мужем жалко, что наши сын и дочка не видели бабушку, но каждый год в родительский день они с нами приезжают в Яланское на кладбище, кладут цветы на её могилу.

МАСЛЯЕВ
Владимир Борисович

Родился 23 апреля 1957 года в г. Ня-зепетровске Челябинской области.

Трудовую деятельность начал в 1974 году монтажником железобетонных конструкций. После окончания машиностроительного института работал на производстве. По завершении учебы на историческом факультете Курганского государственного пединститута работал преподавателем, заместителем дирек-

тора, директором филиала нефтегазового университета.

Литературной работой занимается с 15 лет, научной – задолго до начала работы в высшей школе. Он - автор 5 книг прозы и поэзии, а также 4 монографий и учебных пособий для вузов, около 40 статей по социально-политическим вопросам, отечественной и военной истории. Им написаны и изданы около 250 стихотворений, 7 поэм, десятки рассказов, повести, а также романы «С осени до весны» и «Путь».

Составитель антологии «Литераторы Зауралья». Член Российского союза профессиональных литераторов с 2000 года.

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДИПЛОМ КОНКУРСА
ЗА ЛУЧШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ В ЖАНРЕ
“ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА”**

НИНА И НОННА

Бабушка моя, Нина Федоровна, и сестра ее, Нонна, любили проводить время не на лавочке у подъезда, не в очередях в магазинах или на рынке. Собирались на кухне, варили пельмени или пекли пироги. Потчевали родню.

Нина Федоровна Мергенева (в замужестве Масляева). 1926 год.

Пели под гитару (аккомпанировала бабушка Нонна), выпивали стопки по три-четыре, не больше. Отец обычно запевал «По диким степям Забайкалья», «Когда я на почте служил ямщиком...»

Казалось бы, обыкновенное дело: в те годы многие так и пели, и пили. Но надо было видеть бабушку Нину в лучшем ее платье (непрененно в лучшем, как и у сестры), с нарядными сережками, брошью. Заложив ногу на ногу, она медленно курила: папиросу держала на отлете, двумя пальчиками; красивые агатовые глаза весело блестели сквозь дым.

Когда она пела, я зачарованно слушал ее чудный, с руслановскими переливами, голос, и представлял ее молодой — со старой фотографии, где она, девятнадцатилетняя, в черном бархатном платье с вырезом на боку, томно выгнув легкий девичий стан, за-

мерла пред вечностью с загадочной полуулыбкой.

Как дым рассеялись ее лучшие годы, потому что пришлось они на время трижды проклятой Гражданской войны, нэпа, а затем — тотальной слежки, репрессий. Как дым разлетелись надежды: рожденная в образованной богатой семье, она в юности, к несчастью, заболела экземой: прекрасные руки до локтей покрылись язвами и никакие лекарства не помогали. Это закрыло ей дорогу в консерваторию; отвернулись презрительно все «выгодные» женихи. Любовь к ней сохранил только соседский юноша — красавец Алексей, сын бедного веревочника. За него она и вышла замуж, наперекор воле отца и матери. Когда ж, благодаря бабушке-знахарке, исцелилась она от экземы, карьеру певицы начинать было поздно: пришла пора детей поднимать.

Но она никогда не унывала. «Когда умру, - часто слышал я от нее, - вы не вздумайте плакать. Пейте, пойте, веселитесь. Тогда и мне лежать будет легче».

Бабушка Нонна судьбою своей распорядилась сама. В конце двадцатых она вышла замуж «за комиссара». Комиссар был большой «шишкой» в Курганском округе, любил власть, гулянки и женщин. Нонна же Федоровна, как-то застав его во грехе, пошла в «органы» и рассказала о некоторых махинациях изменившего супруга. Комиссара услали куда Макар телят не гонял, а Нонну Федоровну с малолетним сыном выселили из шикарного особняка. «Ну, чего ты добилась?» - напоследок будто бы спросил Нонну муж. - Пойдешь теперь куски собирать». Тревоги и невзгоды дальнейшей жизни быстро превратили гордую красавицу в незаметную сухонькую старушку.

Многое в отношениях отца и бабушки Нины мне было непонятно. Например, отец всегда к ней обращался на «вы». Когда ж я, сбитый с толку, стал «выкать» ему, то получил суровую выволочку.

Надо сказать, что нас с сестрой за общий стол никогда не пускали. Отец не признавал каких-либо наших прав слушать взрослые разговоры. Но иногда застолье начиналось без отца, который

поздно возвращался с работы. Тогда я “развешивал уши”.

Особенно хотелось знать, как все-таки в старину жили люди. Я все пытался представить бабушек молоденькими девчонками в школьных платьицах — и не мог. Неужели их живые глаза видели то, о чем мы узнавали только из книг? Верилось и не верилось.

- Мамаша, а правда, что Наташа Аргентовская с вами училась? - спросила бабушку Нину хлопотавшая у плиты мать.

- А как же, - бабушка Нина важно кивнула. Уголки ее губ опустились книзу: так она выражала неодобрение. - Аргентовские! Бедно жили. А гонору - как у дворян.

- Поляки, - в тон бабушке Нине живо вставила бабушка Нонна.

- Вот они при Советской власти и пошли в комиссары, — бабушка Нина зажгла новую папиросу, не спеша затянулась. - Лавр, брат Наташи, милицией в Кургане верховодил.

Я никогда не слышал, чтобы мои бабушки ругали Советскую власть. Наташа Аргентовская, соратница десяти первых курганских комиссаров, после победы над Колчаком была канонизирована: увековеченная местным скульптором, она застыла на месте взорванного Троицкого собора на постаменте с пачкой прокламаций в руке. Но у меня уже в детстве отношение к белым и красным было двойственным. Как все, восхищался Чапаевым, чуть не плакал, видя на экране момент его гибели, - и в то же время любовался чудесной выправкой офицерских рот, скошенных в бою под Уфой пулеметчицей Анкой.

- Бабушка, а когда белые взяли Курган, страшно было? — взволнованно спросил я из своего угла.

- Чехи пришли - тихо так стало. Они ведь порядок любили.

- Ну, а белогвардейская контрразведка?.. Расстреливали красных?

- Комиссаров похватали, - бабушка Нина с сожалением покачала головой. - Потом расстреляли их, жалко.

- А красные? - не унимался я. - Красные как Курган брали?

- Бой был, - сказала, отложив гитару, бабушка Нонна. - Бронепоп-

езд всю ночь от вокзала из пушек стрелял. А красные по нему - с Увала.

- Шрапнель по крышам гремела - как горох... - добавила бабушка Нина.

- А как красные в город вступали? - спросила мать.

- Помню, все конница шла. На Кировском мосту их хлебом-солью встречали. - Бабушка Нина нахмурилась. - А Смолин-миллионер от всего имущества отрекся. Все подарил Советской власти.

- А потом-то что началось! - голос бабушки Нонны тоже сделался невеселым.

- Начали они пировать, - подхватила бабушка Нина. - Плюш, ковры поволокли на конюшни, лошадям под ноги. По люстрам, по картинам давай из наганов палить. Потом вдруг спирт принялись в Тобол выливать... Дурь!

Голос бабушки Нины зло зазвенел, ноздри раздулись. По всему было видно: воспоминания задела что-то болезненное в душе.

Посмотрев на меня, с укором спросила:

- А ты что, мой золотой, ничего не ешь? Мясные пельмени не любишь. Тринадцать уж лет, такой парень... - Повернулась к матери, отрезала властно: - Лида, запусти вареников!

- А помнишь, Нина, как Смолин в театре спектакль остановил? - голос бабушки Нонны опять потеплел.

- Расскажите, мамаша, — попросила мать.

- Гуляли у Смолина купцы, - бабушка Нина затушила папиросу, приосанилась. - Долго гуляли, не один день. Потом Смолину говорят: мужская гулянка не в жилу, надо бы актрисок сюда. Смолин - приказчику: послать за актрисами! Тот поехал, а вернулся пустой: невозможно, мол, ваше степенство, спектакль в театре идет. Смолин: «Что?! Каждому актеру - по четвертной. Бери все пролетки, езжай!» И что вы думаете? Приехали тут же, как миленькие. Все побросали. Эдакие деньжищи!..

- А Смолин когда умер? — спросил я.

- При Советской власти. Спился да так зимой на улице и замерз.

- А ведь на всю Сибирь гремел! — добавила бабушка Нонна.
- Дедушка наш, казак Кузьма Мергенев, у него служил в кучерах. Смолин ему за беспорочную службу на старость пару лошадей с возком подарил!
- С этих лошадей и папочка наш в люди вышел, - пояснила бабушка Нина. - Техническое училище закончил. Завел каретно-оружейную мастерскую. А без образования-то не видать бы ему мамочки как своих ушей!
- Дед Кузьма добрый лошадиник был, - заговорила бабушка Нонна. - Лошкарь-конокрад к нему приходил советоваться насчет лошадей.
- С Лошкарями мы по соседству жили, на Гоголевской, - пояснила бабушка Нина. - Ох, и отчаянные головушки были! Помню, угнал молодой Лошкарь тройку. Въезжает на двор, а уже старый Лошкарь за ним на дороге следы замечает. Через четверть часа полиция мчится: видели лошадей? Ничего не видели, ничего не знаем. А то как же? Вся округа Лошкарей-то боялась. Полиция - к Лошкарям с обыском. Думаете, нашли? Как бы не так. И лошади, и пролетка как в воду канули! Говорят, у Лошкарей подвал был секретный.
- Молодой Лошкарь был красавец, - тихо и как-то особенно тепло проговорила бабушка Нонна. - И силач.
- Но уж Гриши Решетиикова пожиже, - решительно возразила бабушка Нина. - Тот знаете сколько съедал? - Глаза ее торжествующе заблестели: - Ведро блинов!
- Как ведро?! - ахнул я.
- Ведро, - присоанилась бабушка Нина. - И полведра воды выпивал!
- Пришел как-то раз Гриша к доктору, - бабушка Нонна возбужденно заговорила сквозь общий смех: - Говорит: «Доктор, у меня, кажись, в животе селитёр. Сосет!» Доктор дал пузырек с лекарством: пей, мол, по ложке два раза в день. Ну, ладно. На другой день глядь - Гриша идет: «Спасибо, доктор, вышел селитёр-от». -

«Да как же так быстро? А лекарство ты принимал?» - «Да я, - говорит, — враз всю посудину употребил, вот селитёр из меня и полез!»

- Это богатырь, - задумчиво проговорила мать.

- Богатырь! - подхватила бабушка Нина. - И папочка наш уважал его, Гришу.

- А он мало кого уважал, - сказала бабушка Нонна. - Характер был тяжелый, казачий. Помню, в двадцать восьмом, при нэпе, сотенными прикуривал: лучше, мол, все спалить, чем большевикам подарить за так!

- Как же мама ваша, Зоя Викентьевна, за него вышла? - спросила мать. - Она ведь дворянка была.

- Да, - бабушка Нина важно кивнула. - А отец ее был революционер, на каторге сгинул. Просил перед смертью другого каторжанина, Емельянова, быть опекуном дочки. Емельянов слово сдержал! Воспитывал он ее до шестнадцати лет, а как умер, его жена, ведьма, поскорее мамочку нашу - замуж. А она ещё несовершеннолетняя была, попа кое-как уломали, чтоб обвенчал.

- У папочки хоть характер тяжелый был, но руки золотые, - спешно вставила бабушка Нонна.

- Точно, - бабушка Нина встала из-за стола, принялась разливать чай. - Вон в комнате Борино ружье, папочка сам стволы полировал. И узорная насечка на стволах - тоже его. Охотник был заядлый! Он на охоте и левый глаз потерял...

- А помнишь, Нина, - бабушка Нонна суетливо взмахнула руками, будто опасаясь что-то забыть, - как папочка Тегерсену-датчанину несгораемый шкаф починил?

- Ещё бы! - бабушка Нина торжествующим взглядом поверх очков окинула застолицу. - Сломался как-то у владельца беконки, Тегерсена, в несгораемом шкафу замок. Открыть не могут. Ломать? Жалко: шкаф дорогой. - Бабушка выдержала паузу, добавила раздельно и веско. - А в шкафу - полмиллиона!

- О-о! - будто все это слыша впервые, выдохнула бабушка Нон-

на.

- Приехал Тегерсен к папочке, просит: Федор Кузьмич, помоги. Папочка не сразу, но все ж согласился. Привел его Тегерсен в свой кабинет. На столе - чего только нет: вина, закуски... Работай, Федор Кузьмич, никто тебе мешать здесь не будет. Два дня папочка сейф открывал. И что б вы думали? Открыл-таки!

Бабушка Нина с минуту молчала, будто бы вспоминая.

- Открыл и сидит, на деньги смотрит. Рассказывал потом: «Открыл и думаю: что если деньги забрать, шкаф закрыть, а Тегерсену сказать - не открыл, мол, замок?»

На кухне опять повисло молчание: рассказчица знала, когда и где сделать паузу. Нам же спешить было некуда.

- Нет, папочка никогда бы чужих денег не взял! – опять зазвучал твердый голос бабушки Нины. – А уж Тегерсен-то как был благодарен. Пятьсот рублей папочке отвалил!

- Да-а, - благоговейно протянула бабушка Нонна. – Здорово !

Я тоже понимал, что это здорово: ведь до революции корова стоила семь рублей.

- Папочку в городе уважали, – продолжала бабушка Нина, - и мамочку тоже. В наш дом при Советской власти никого не подселяли. Не уплотняли нас!

- Потому что комиссар на чердаке прятался от чехов, - вставила бабушка Нонна.

- Какой комиссар? – удивленно спросила мать.

- А в восемнадцатом году, - пояснила бабушка Нина, - красный-комиссар от чехов спасался, а мамочка пожалела, спрятала его на чердак. Жил так неделю, потом ночью ушел. И ведь жив остался, стал в Москве комиссарить. Когда начали в двадцать первом нас уплотнять, мамочка написала ему в Москву. Пришла оттуда бумага: дом Федора Кузьмича и Зои Викентьевны не трогать!

- Не знаю, - решительно сказала мать. - Я ведь помню Федора-то Кузьмича. Он и веселый бывал. А вы все - суровый, суровый...

- Да уж, поблажить папочка был мастак, - оживилась бабушка Нина. - Я лучше вам расскажу, как он был генералом. Будете слушать или нет?

И, не дав открыть нам рта, продолжала:

- Мамочкина родственница, актриса Чарская, была замужем за генералом. Жили они большей частью в Омске, а их курганский дом пустовал. На углу Ленина и Советской, где сейчас девятиэтажки, белый каменный дом помните?.. И кому пришла охота красоту такую снести? Стоял бы еще триста лет, ему б веку не было.

Я генеральшу видела всего раза два. Красавица! Артистка! - Бабушка на секунду прикрыла глаза, вспоминая: - Ах, видели бы вы ее, Господи Боже мой! Я тогда совершенным клопом была, когда она приезжала, а все как сейчас помню. Она - в амазонке, в цилиндре: талия как у осы, глаза черные, жгучие. У офицера, что с ней был, - шпоры серебряные: дзинь-дзинь... Да! Так вот, влюбилась она безумно в какого-то офицера. А когда он ее бросил, отравилась. Генерал вскоре тоже умер. Ну, раз прямых наследников не было, кое-что из генеральского дома досталось мамочке нашей. Как сейчас помню: привезли гардеробы ихние, в гостиной все это свалили. Тут и платья генеральши, и шубы ее, и военная вся амуниция: лента красная муаровая, эполеты (я все висюльками их играла), звезды, кресты – ослепнуть можно. Ну вот. Лежало все это, пылилось, да раз как-то Бог дал, пригодилось – для блажи.

Навещал нас частенько поручик, Карп Иваныч. Ездили они с папочкой на охоту; бывало, и выпивали. Как-то раз папочка, хлебнув, генеральский сюртук и надел - чтоб подивить Карпа-то Иваныча. А тот ну подобострастие разыгрывать, честь отдавал! Потом говорит: «Да вы, Федор Кузьмич, вылитый генерал! Айда на улицу, хоть городишко встряхнем!» Папочка нарядился, регалии нацепил – и на свет Божий. Идут с Карпом Ивановичем по Гоголевской к казармам. У папочки – борода лопатой, вид осанистый, море ему по колено. Тут им навстречу еще офицер. Папочка оробел, попятился. Но Карп Иваныч – тот сзади шел – не дал маху.

Вцепился в сюртук, держит «генерала». А офицерик-то встречный и сам не рад: встал столбом, ни жив от страха, ни мертв. И папочка не знает, что делать: то ли честь отдать, то ли так пройти. В общем, нахмурился он грозно, мимо прошел: хмель-то вылетел, жутко стало. Ну, да все равно - пошли в казармы!

Рассказ преобразил бабушку Нину: перебирая пальцами, изображала то одеяние прекрасной артистки, то золотую бахрому эпюлет. Ей стало уж тесно и за столом: вышла к окну; широко раскрытые глаза таинственно заблестели.

Бабушка Нонна смотрела на нее снизу вверх, слушала не дыша.

- Только папочка на порог, Карп Иваныч как закричит: «Встать! Смирр-на!» В казарме повскакали все, кто в чем был, а солдатик один блох искал. А как увидел «его превосходительство», вскочил – и во фронт. Предстал перед «генералом» во всей мужской красе: рожа рябая, глаза как рак выпучил, грудь колесом, кальсоны спали, все – наголе! Карп Иваныч пал на лавку, умирает - хохочет. А солдатик рот раззявил, воздух ловит и одно твердит: «Вашество, вашес-тво!» А Карп Иваныч ему с лавки: «Молчать, подлец!» Ну, удирали они из казарм огородами: полиция уж по городу «генерала» искала. Прибежал папочка домой весь ободранный. Мамочка как увидела его, руками всплеснула: «Феденька, голубчик, да что же это с тобой?!» А Карп-то Иваныч уж ей ручку целует: «Первое боевое крещение его превосходительства, Зоя Викентьевна, да-с!» Ну, и отметили они это «крещение»!.. Так-то блажили. Вот вам истинный крест, нисколько не вру. И Мария Петрова тоже помнит этот случай. Она меня пятью годами старше, она не даст соврать!

Бабушка умолкает; смотрит на меня через дым, улыбаясь светло и грустно.

...Пришел с работы усталый отец, и меня отправили спать.

Я долго ворочался, не мог заснуть. Не верилось: здесь, на кухне сталинской четырехэтажки, слушал живую, чудную старину...

Бабушки Нина и Нонна, воистину вы были последним обломком старого мира, от которого так и не отреклись.

ГОРЬКОЕ СЧАСТЬЕ

Матери моей, Антонине Александровне, посвящается...

Степные дали нижнего Поволжья,
По поймам небогатая трава,
Не скажешь прямо – наказание Божье,
И не найдёшь хорошие слова.

Палящий зной – нередкий гость в низинах,
А дождик – не охотник погостить,
Но всё равно край искренне завидный,
И счастлив тот, кто здесь намерен жить.

Белёные казацкие станицы
Повдоль привольных волжских берегов,
Земля рождает, только не лениться,
Вставай с зарёй и будь не бестолков.

Здесь райский сад у дома на усадьбе,
Плетистая арбузная бахча,
Здесь пышные играли в осень свадьбы,
Здесь чтили вкус и запах калача.

Паслись овец бессчетные отары,
Кипела стерлядь в сети неводов,
Полей пшеничных тучные гектары,
Подарки огородов и садов.

Советская безустальная жница,
Кормилица достойная страны,
На труд крестьянский только подивиться,
На пот сельчан с весны и до весны.

МАШНИКОВ
Михаил Александрович

Член Катайского литературного клуба при районной газете «Знамя». Выпустил 8 книг стихов. Принимал участие в региональных, областных, всесоюзных конкурсах, где был призёром и победителем. В настоящее время работает над новой книгой.

Отсюда мать моя своим крестьянским родом,
И может быть здесь б до сих пор жила,
Но острый меч тридцать восьмого года
Перерубил все мысли и дела.

Здесь все трудились до седьмого пота,
И были на столе мясные щи,
Должна кормить тяжёлая работа,
Не полежишь в крестьянстве на печи.

В глухую ночь в дом постучали бойко,
В окошко свет от фары «воронка»,
Открылась дверь, в тепло ворвалась «тройка» -
Карающая властная рука.

Отец «кулак», почти «шпион английский»
Был осуждён Советскою страной
На десять лет без права переписки,
И канул в мрак по «пятьдесят восьмой».

Семью силком в «скотинник» погрузили,
Втолкнули, словно пленников, в чулан,
Почти что месяц по путям возили,
Так мать моя попала в Казахстан.

Суровый край – метели да бураны,
Карагандийский угольный разрез,
Здесь пятилеток выполняли планы,
И люд рабочий нужен позарез.

Сестра скоропостижно умирает
От голода и холода в бреду,
Одной беды и горя не бывает,
Они, как право, ходят в поводу.

И вскоре мать растаяла, как свечка,
Не дожила до первых дней весны,
Не вынесло усталое сердечко,
Ушла в покои вечной тишины.

Два братика теперь на попеченье,
Пред девочкой загадка и вопрос,
Их, как сирот, везут на поселенье
В ближайший Осакаровский колхоз.

Трудилась, ребятишек поднимала
Всю долгую суровую войну,
Вот время долгожданное настало,
И мир пришёл в Советскую страну.

Мальчишки в ФЗУ пошли учиться,
Полегче стало в чуждой стороне,

Как хочется в кого-нибудь влюбиться,
И быть любимой хочется вдвойне.

Вот приглянулся молодой девчонке
Заезжий тёмно-русый паренёк,
И он её не обошёл стороной,
И на свиданьи подарил платок.

Их души и сердца соединились,
Любовь права, она берёт своё,
И вскоре молодые поженились,
Чему обязано рождение моё.

СТАРЫЙ САД

Отцу моему, Александру Артемьевичу, посвящается...

Этим яблоням лет пятьдесят,
Словно птицы года пролетели,
Раньше здесь был бушующий сад
В белой буйной июньской метели.

Мой отец был тогда молодой,
Посадил с чуть набухшею почкой
Двадцать пять корешочков с землёй,
Двадцать пять тонких гибких росточков.

Сколько лет, сколько вёсен и зим
Непогода чинила препоны,
И однажды, как призрачный дым
Зацвели в май кудрявые кроны.

Вот жужжит работяга-пчела,
За нектаром ныряет в соцветьях,

Медосбора пора подошла,
Миг желанный для тружениц этих.

Сколько радости в дом принесли,
Сказки мир в сердце малым ребятам,
Полетели на юг журавли,
Урожай уродился богатым.

Ничего мы не знали вкусней
Тех плодов золотистых и красных,
Я считал, что отец – чародей,
Раз творенья его так прекрасны.

Много лет приносили плоды
Эти кроны ветвистые разом,
В благодарность отцу за труды
Каждый ствол был душою обязан.

Но Урал есть Урал, что сказать,
Он морозами зимними волен,
Холод стал по зиме донимать
И скосил сад отцовский под корень.

Загубил, как разбойник стволы,
Из корней повыветривал души,
Летом стали деревья светлы,
Чахлый лист измождён и засушен.

Боль и скорбь в пострадавших глазах,
По лицу пробежали морщины,
Всё стихия смела в один мах,
Горько видеть такие картины.

Взялся он за топор, да пилу,
За дела по душе не простые,
Прикоснулся рукою к стволу,
Видит – снизу побеги живые.

Те, что стлались почти по земле,
Дали свежие спящие почки,
И на клейком зелёном крыле
Потянулись к рассвету росточки.

Садовод весь обрезал сушняк,
Раны варом садовым замазал,
И берёг чуть живой молодняк,
Как хрустальную хрупкую вазу.

Оживил их отец, отходил,
Поднялись вновь стволы с того света,
Этот сад старика пережил,
Так давно на Земле его нету.

Три ствола и сегодня шумят
В том саду упоительным летом,
А плоды ярким солнцем горят,
Несказанным лазоревым светом.

Вот и я уже сам трижды дед,
Отдыхаю в тени старых яблонь,
Как вкусны их плоды на десерт –
Память светлая доброю данью.

Я присутствие чую отца,
Ощущаю движение духа,
Вижу в зелени проблеск лица,
И дыханье доходит до слуха.

Колыхнёт ветер ветви порой,
Шевельнутся плоды ненароком,
И отец будто рядом со мной
За воздушным душистым потоком.

БАБУШКА МАНЯ

Я часто вспоминаю деревеньку,
Красивый и уютный уголок,
Там по скрипучим чистеньким ступенькам
Когда-то поднимался на порог.

Я открывал, немножечко волнуясь,
В потёмках сенок низенькую дверь,
И на плетёном коврике разуюсь,
Садился на бабусину постель.

И прослезившись, бабушка немножко
С улыбкой хочет что-то нам сказать,
Она нас видела идущими в окошко
И ей не терпится скорее нас обнять.

Обычный дом, тесовые ворота,
Ограда – плотный ивовый плетень,
И на цепи – бабулина забота –
Собака в будке коротает день.

Речушка здесь бежит у косогора
В густой тени ракитовых кустов,
Где прячется от солнечного взора,
И запах льётся полевых цветов.

Я в этой речке ниже по теченью,
Когда на омуте засветится заря,
Ловил с восторгом ради развлечения
Щурят на небольшого пескаря.

Гуляли куры мирно за оградой
И их хозяин, рыцарь и пастух,
В красивом ярком царственном наряде
Со шпорами породистый петух.

На грядочке огурчики прикрылись
От взгляда под шершавые листки,
А вниз к реке по пахоте спустились
Картофеля цветущие рядки.

Свекла, лучок, капуста и морковка,
То, без чего не полон огород,
Всё при труде, заботе и сноровке
Как на дрожжах у бабушки растёт.

У ней натруженные жилистые руки,
Да и походка стала тяжела,
Но и теперь ей вовсе не до скуки,
И до всего у бабушки дела.

Ещё рассвет не раскрывает очи,
И ярко блещут звёздочки в ночи,
Она не спит, она уже хлопочет
На кухне у хозяйюшки-печи.

Наложит дров, молитву прочитает,
Перекрестясь на образ на святой,

И печь свою привычно растопляет
Кручёною сухою берестой.

Над квашней что-то молча поколдует,
Подвигает ухватом чугунок,
И пламя в печке лихо затанцует,
А из трубы поднимется дымок.

Трещат дрова – резвей кружится танец,
Ликуют яркие шальные языки,
И на щеках у бабушки румянец
Нарисовали жаром угольки.

И на листочки, заблестев от смазки,
Ложатся булочки, ватрушки, пирожки,
Волшебница, кудесница из сказки –
Так ловко всё из-под её руки.

Когда плывут рассветные туманы,
Скрывая очертания кустов,
Я уходил с корзинкой за грибами
В седую глушь берёзовых лесов.

И там вдали с утра и до обеда
Наедине с природой, не спеша,
Я забывал про горечи и беды,
И только светлым наполнилась душа.

А дома бабушка достанет из чулана
Заветную записку и секрет,
И мне нальёт “зубровки” полстакана,
И всех зовёт садиться за обед.

И жжёт порою душу ностальгия,
Напомнив дом тот, речку и лесок,
Корю себя, что на её могиле
Я редко поправляю бугорок.

МИХАЩЕНКО
Мария Дмитриевна

Родилась в 1943 году в с. Ново-Георгиевка Петуховского района. Окончила среднюю школу в г. Петухово, поступила в КГУ на историко-филологический факультет. В 1966 году направлена на работу в Петуховский район. С 1971 года по настоящее время проживаю в г. Кургане. Трудовой педагогический стаж более 30 лет. «Отличник народного просвещения». В настоящее время на пенсии.

ЧЕЛОВЕК С ДОБРЫМ СЕРДЦЕМ И ЧИСТОЙ ДУШОЙ

Мне в жизни повезло: я выросла в полной многодетной семье, где было восемь детей. У меня были папа, мама, братья и сестры. Но всю жизнь я несу в себе незабываемый образ отца Елеси-на Дмитрия Ивановича. Он всегда со мною рядом. Его давно нет на белом свете, но мысленно я всегда советуюсь с папой. Отец - мой друг, советчик, самое авторитетное лицо. Чему научилась?

В детстве отец брал меня с собой в поле. Я видела, как он косит траву, заготавливает дрова, запрягает лошадь, собирает грибы. А когда мы возвращались домой, он рассказывал интересные истории - были о жизни прошлой, о людях с необычной судьбой. Папа был замечательный рассказчик и знаток истории.

Отец был мастер на все руки: всё в доме было сделано им. В деревне был прекрасным пимокатом, рыбаком, а притом ещё работал в колхозе. Если он что-то мастерил, я ему подавала инструмент, а когда подросла, творила уже вместе с папой. Делали игрушки, коляски для малышей. Первые лыжи он мне сделал сам. Санки тоже были сделаны отцом из подручного материала. Зимой на озере для всей деревенской детворы взрослые во главе с

отцом делали карусель, а на Пасху возводили качели. Как мы были этому рады! Отец научил меня делать мячик из коровьей шерсти, играть в лапту, «чижик» и другие народные игры.

Я благодарна отцу за то, что он привил мне интерес к знаниям, любовь к чтению. Когда я приходила из школы, папа не спрашивал, что получила, какую оценку, а говорил: «Ну, рассказывай, что нового узнала на уроках, чему научилась?» Я вставала на табуретку (так как была маленького роста, а хотелось походить на учительницу) и рассказывала всё, что узнала на всех уроках. Отец слушал меня внимательно, а сам в это время вязал рыбацкую сеть. Мне очень нравилось отчитываться перед отцом о своих успехах, уже тогда зародилась мечта - стать учительницей. Папа иногда помогал мне при решении трудных задач. Но делал это по-своему. Никогда не решал мне задачу, а говорил, что нужно хорошо усвоить условия задачи, разобраться со всеми данными, нарисовать схему, и вести расследование. Говорил: “Задача - это интересный ребус, разгадывай”. И я включалась в эту игру. Какую радость я испытывала, когда получала ответ! Не описать! Со временем я с любой задачей справлялась самостоятельно. Мне очень нравилось читать вслух, так как меня слушала вся семья: братья, сёстры и, а главное – отец.

Громкие семейные чтения стали в нашей семье хорошей традицией. Читала я, когда училась в школе, потом будучи студенткой пединститута. С удовольствием слушали русских и зарубежных классиков. Иногда летом у нас на лавочке возле дома собиралась хорошая компания: приходили соседи с детьми, обсуждали прочитанное, обменивались мнениями. Отцу особенно нравились произведения Шолохова.

В вечном труде

Папа работал в колхозе, кроме этого катал валенки, так как в колхозе работали за трудодни (палочками их называли колхозники). А деньги нужны были, чтобы нас всех собрать в школу, одеть,

обуть. Катание валенок - тяжёлый труд. Я видела, как уставал отец, хотелось ему помочь. Мы теребили шерсть, помогали делать заготовки, чистили пемзой готовые валенки. Отец ставил сети, ловил карасей. Мы вынимали рыбу из ячеек, чистили, солили, сушили. Вместе с родителями обрабатывали большой огород, выращивали овощи. С отцом работать было всегда радостно. Он никогда не подгонял, не ругал, не критиковал. Был всегда в хорошем настроении, с рассказами, прибаутками. Делал перерыв через 20 минут работы. Вместе пили чай, отдыхали. Появлялись новые силы и снова за работу. Отец был мастером на все руки.

Топить было нечем, делян не выделяли, дров не давали. Папа с матерью придумали делать «кiziaки» (это своеобразные кирпичи из перегоревшего навоза). Это был тяжёлый труд, «вонючая» работа, но зато зимой в нашем жилище было тепло и в хлеву была чистота. Для растопки собирали в лесу хворост и корчевали пеньки. Так и выживали.

Родители никогда от нас ничего не прятали: ни сладости (которые были в ту пору редкостью), ни деньги. Всё стояло на видном месте, но дети никогда не брали ничего без разрешения, ведь нам доверяли. Никогда отец меня не наказывал. Я по взгляду понимала, что папа чем-то недоволен и делала всё, чтобы это было как можно реже.

Ссылка отменяется

В конце 40-х годов в колхозах была такая мера наказания для тех, кто не заработал минимум трудодней – их высылали в ссылку. Моя мать к тому времени родила пятого ребёнка, все остальные были маленькие. Выработать норму она не могла. И вот сельский совет решил её выслать. Переживала вся семья. Отец написал письмо Сталину. Нам пришёл ответ на гербовой бумаге за подписью Сталина (я видела эту бумагу). Там говорилось о том, что никакой ссылке мать не подлежит и что ей нужно выделить няню. В ссылку мать не отправили, председателя сельского сове-

**Елесин Дмитрий Иванович
с супругой**

та сняли с работы. Правда, нянька в нашей семье не появилась. Отец был какое-то время председателем колхоза. На трудодни ему не разрешили выдавать зерно, люди голодали. Папа взял ответственность на себя и не дал колхозникам умереть с голода. Приехала милиция, его хотели арестовать. Но добрые люди предупредили его, он убежал в лес.

Скрывался, пока всё не утихло. С поста председателя его сняли.

У нас в доме всегда были люди, которым требовалась помощь. Отец мог составить заявление, жалобу, посоветовать, как поступить в той или иной жизненной ситуации. Всё это он делал совершенно безвозмездно. К нему тянулись люди и были ему благодарны. В последний путь его провожало почти всё село.

О любви к Богу

У нас в доме всегда висела икона Николая Чудотворца. К образу мы относились почтительно. Папа говорил, что Бог – это любовь к людям, уважение родителей. Нельзя брать чужого, обижать обездоленных, калек, бережно относиться к хлебу и т.д. Всегда в семье праздновали Пасху, Троицу, Рождество.

Отец никогда не завидовал более состоятельным людям, а тех, кто нечестным трудом нажил богатство, - презирал. Он часто употреблял такую поговорку: «Богачу-дураку по ночам не спится, бедняк гол, как сокол, поёт, веселится».

И правда, у нас в доме всегда было весело. Отец брал в руки гармонь, а мы все плясали и пели. К нам присоединялись и чужие

дети с нашей улицы. Летом возле нашего дома всегда былолюдно. Устраивались соревнования в силе и ловкости, бегали наперегонки, дети готовили номера художественной самодеятельности и выступали перед взрослыми. Взрослые были с нами и, конечно, мой папа.

Никогда я отца не видела пьяным. На праздниках взрослых он был весел: пел, плясал, но никогда не напивался, не скандалил, не любил пьяниц. Старался на них воздействовать: советом, иногда стыдил, призывал взяться за ум.

«Пусть люди похвалят»

Отец очень любил нашу маму. Когда они смотрели друг на друга, глаза у них светились от любви и нежности. Бывало и ссорились, но быстро мирились и обо всём забывали. Родители решали все семейные вопросы вместе. К нам требования предъявляли одинаковые. Если даже кто-то из них по отношению к детям был не прав, другой родитель не отменял решения. Отец никогда не хвалился своими детьми. Говорил: «Пусть чужие люди похвалят». Испытывал огромную гордость, если слышал эту похвалу от соседей, или читал в газетах о наших хороших делах.

Когда я выросла, у нас с отцом часто были дискуссии о жизни, о политике. Я с ним не всегда соглашалась, а зря. Он оказался во многом прав. Он говорил, что мои дети будут жить при капитализме, что СССР распадётся, говорил, что коммунисты побросают свои партийные билеты ради карьеры, образование будет платным, будет коррупция, чиновничий беспредел. Отец придавал огромное значение народному контролю. Он говорил, что пока не будет контроля во всех сферах, законы будут нарушаться.

С моим папой я делилась всеми девичьими секретами: в кого влюбилась, одобряет ли он мой выбор. Отец прямо не отвечал, но как-то исподволь доводил до меня мысль, что мой избранник хорош или ему есть над чем работать. Никогда на меня не давил, выбор был за мною. Моего будущего супруга он тоже оценил по

достоинству, как хорошего семьянина. Так и оказалось: мой муж прекрасный человек, хороший отец, заботливый и любящий супруг. С ним я счастлива вот уже 48 лет.

Мой отец был очень общительным человеком. Где бы он не появлялся: на улице, в клубе, в магазине, всегда находил повод для общения с людьми.

Обычно доброжелательный, с улыбкой встречал гостей у распахнутых ворот, баньку испопит, поставит самовар. В дом отца все приезжали с удовольствием: близкие и чужие люди. Все были обласканы, накормлены, уезжали с гостинцами. Внуки с удовольствием общались с дедом.

Все поступки отца вызывали у меня гордость и восхищение. А главное он научил меня любить окружающих, жить по совести.

МОРГУНОВ **Александр Владимирович**

Родился 8 апреля 1962 года в селе Бескарагай (в переводе с казахского – Пять сосен) на берегу Иртыша Лебяжинского района Павлодарской области Казахской ССР в семье первоцелинников. Детство прошло на берегах реки Волги в городе Астрахань. В 1968 году семья Моргуновых переехала в село Первомайское Мишкинского района. Здесь, в 14 лет, родились первые стихи. Всю свою жизнь посвятил работе на земле. Печатался в районной газете «Искра», в сборниках «Не спеши Россию хоронить», «К любви строкою прикоснуться» (Мишкинский литературный клуб «Родник»), «Родные просторы» (к 85-летию со дня образования Мишкинского района). В 2016 году вышел в свет сборник стихов «Я иду...». Любимые поэты: Н.С. Гумилев и М.И. Цветаева стали для Александра Владимировича маяками в кипучем море поэзии.

* * *

Мария! Сколько в слове этом
Живительных источников слилось.
Я стану Божьей милости поэтом -
Так много в нем по жизни обрелось:

Любви безбрежной, нежности и ласки,
Добра и Благодатного Огня,
Небесного, без тени приукраски,
Священного по сути для меня.

Спасибо, что от самой колыбели
Ты истоиво заботилась о нас,

А мы порою трепетно робели,
Услышав призывающий нас глас.

С поклоном припадаю, что взрастила,
Молитвами от бед уберегла.
Прости меня! Но ты уже простила
И в трудные минуты помогла.

Года прошли, и многие морщины
Легли к твоим слезящимся глазам,
И белой вьюгой ранние седины
Кружат по непослушным волосам.

Я знаю, как тебе живется, мама,
Тревожусь и надежду берегу,
Прости меня, родная, жизнь упряма,
Она - идет вперед, а я бегу

И в этой суете не замечаю,
Как долго крестишь ты меня вослед,
Как гостю, мне завариваешь чаю
И очень аккуратно режешь хлеб.

Ты любишь мне нахваливать варенье,
Но я опять спешу, как телеграмма,
А нужно лишь всего одно мгновенье,
Чтоб я спросил с любовью:
“Как ты мама?”

МУРЗИНА
Надежда Леонидовна

Родилась 6 января 1956 года в селе Мехонском Шатровского района. В настоящее время - учитель и воспитатель в Каргапольской школе 8 вида.

ГЕРОЯМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ -
ГЕРОЯМИ СТАНОВЯТСЯ

Бесконечно долго можно рассказывать о дорогих сердцу людях - о наших стариках. Память о них священна. Кто не чтит стариков, тот не уважает свой род, свои истоки – корни, тот, конечно, не уважает и себя как представителя рода. Значит, такого индивидуума не уважает род. Я много рассказывала и писала о своих родителях, о бабушках и дедушках, а сейчас мой очерк о моём свёкре - Мурзине Николае Ивановиче и свекрови Клавдии Ильиничне.

22 сентября 1924 года в крестьянской семье Марии Николаевны и Ивана Михайловича из деревни Бахарево родился долгожданный сын-первенец. В честь деда его назвали Николаем. Рос обычный деревенский мальчишка: худенький, подвижный, голубоглазый – весь в деда. Босоногое детство с многочисленными друзьями, с которыми играл в подвижные игры, бегал в лес за грибами и ягодами, рыбачил на реках Ик и Исети. С ранних лет родители приучили его к крестьянскому труду. Он умел косить траву, колоть дрова, ухаживать за домашними животными и огородом. Учился в Малышевской семилетней школе. С детства рос смышлёным мальчиком, поэтому учился легко. Особенно любил математику,

но математиком не стал. После тяжёлой болезни ушёл из жизни отец - Иван Михайлович, поэтому нужно было помогать матери и младшему брату Валентину. Окончил фабрично-заводскую школу в селе Мехонском. Стал токарем, но поработать не пришлось - началась война. Тогда Николаю только исполнилось семнадцать лет.

Год работал Николай на лесозаготовках в посёлке Барино.

18 мая 1942 года семьдесят призывников из Мехонского района отправили на сборный пункт в город Курган. Отправили в учебный центр в город Комсомольск Сталинградской области. Четыре месяца учился на пулемётчика, а затем фронт. Воевал в 971-м стрелковом полку 278-й стрелковой дивизии на Первом Украинском фронте. Освобождал города: Житомир, Сумы, Чернигов, Ровно, Киев. Форсировал Днепр.

Здесь, в Польше, на подступах к городу Бреслау совершил солдат свой последний подвиг. На высоте засели фашисты и беспрестанно вели обстрел. Их задача состояла в том, чтобы не дать русским войти в город. Николай Иванович повёл роту пулемётчиков по оврагу, который окружал высоту. Надо было с тыла зайти к врагам и их обезвредить. Пробирались ползком. Солдат заметил немецкий снайпер. С высоты забил миномёт. Мины летели низом по ползущим по оврагу пулемётчикам...

... Вот так в двадцать лет молодой красивый парень стал инвалидом. Он проявил недюжинную волю, но научился ходить на протезе. С рукою было легче: её не поднимать. Пластмассовые пальцы не сжать и не разжать. Год лечился солдат в Сочинском госпитале. Домой не хотел - боялся дома. Он думал, что никому не нужен калека. Военврач госпиталя сама написала письмо Марии Николаевне. Как рада была мать этому письму, ведь давно не было известий от сына. Она думала, что он пропал без вести. Сама мать поехала в Сочи за сыном.

Несколько лет работал Николай Иванович избачом в деревне. Познакомился с молодым пчеловодом - Клавдией Ильиничной

Мальшевой. Справили вечер. Зажили молодые мирком да ладком. Неутомимая, энергичная и боевая жена большую часть домашней работы взяла на себя. Николай старался, как мог, помогал жене. Научился одной рукой колоть дрова, косить траву, ухаживать за домашними животными и огородом. Появились один за другим два сына и дочь. Конечно, тяжело приходилось семье, но дети подрастали и помогали родителям. Завели пчёл. Продавали мёд и овощи. Возили в Тюмень, Шадринск.

Всегда было приятно смотреть, как трепетно и нежно относились друг к другу свёкор и свекровь. Я никогда не слышала оскорблений в адрес друг друга. Они были прекрасными родителями, воспитателями. Вырастили детей, всем дали образование, женили сыновей, выдали замуж дочь. Воспитывали не только добрым словом, но и личным примером. Авторитет отца и матери был очень высок. Николай Иванович - коммунист с большим стажем. Ни одно партийное собрание в колхозе не обходилось без него. Он всегда и на всё имел свою точку зрения - коммунистическую.

Для детей и земляков он навсегда останется героем. Как говорится "Героями не рождаются - героями становятся!" В 2007 году в возрасте 85 лет не стало замечательного человека, представителя многочисленного рода Мурзиных - Николая Ивановича Мурзина.

* * *

В кругу семьи всегда тепло,
Здесь мама-солнце рядом,
Похвалит, пожурит – легко,
Согреет нежным взглядом.

В глазах светится доброта,
В словах любовь, забота,
Про жизнь расспросит, как всегда,
Про деточек, работу.

Советы даст, как дальше жить
В семье мирком да ладом,
Да чтобы шишек не набить,
Мужьям быть просто кладом.

Внимали мы с сестрой всегда,
Ошибки исправляли,
Ведь мудрого проводника
Всем сердцем уважали.

Сегодня волос с серебром -
Даём советы сами.
Как колокольчика трезвон,
Тот мамин голос с нами.

ПАВЛЕНИНА
Валентина Ивановна

Родилась в 1935 году в с. Кирово Мишкинского района в семье служащих в тревожные тридцатые годы. Окончила историко-филологический факультет Челябинского педагогического института. По распределению 2 года работала в одной из школ Челябинской области. Более 20 лет отдано родной Кировской школе. Педагогический труд высоко оценен государством.

Она награждена знаками "Отличник просвещения РСФСР" и "Отличник просвещения СССР".

В зрелом возрасте начала писать рассказы и очерки. Все они увидели свет на страницах районной газеты «Искра». В 2005 году вышла книга Валентины Ивановны «Чистый источник».

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДИПЛОМ КОНКУРСА
“За глубокое раскрытие темы”

МАМА - МОЙ НРАВСТВЕННЫЙ УСТАВ

Человеческая жизнь словно река. То она спокойно, безмятежно течет среди берегов реальности, то пенятся бурлящие потоки, обрушивая целые волны страданий и горя, ломая и калеча судьбы.

Таким разливом страданий и жизненной стойкости одновременно представляется мне жизнь моей мамы. В ней, как в зеркале, отразилась нелегкая жизнь всего народа.

...Лучик солнца пробивается сквозь соломенное покрытие дома: многочисленная семья Лебецких летом спит на чердаке. Проснувшаяся Алеся ловит его рукой, прислушиваясь к возне аистов. Эти птицы любят гнездиться на крыше их дома, исправно принося в него детишек: вот уже восемь - мал-мала меньше.

Леса, топи да болота; подзолистые белорусские земли давали скудные урожаи ржи, о пшенице крестьяне и не думали. Пахотной земли мало, да и та принадлежала богатым. Отсюда ужасающие бедность и нищета. Мать всю жизнь вспоминала голодное детство и юность, сохраняя бережно- трогательное отношение к хлебу. А в хозяйстве только одна лошаденка, и, чтобы прокормить семейство, отец вынужден батрачить.

Ржаной, с примесью травы, хлеб, и тот большая редкость, которой цены нет. Горе и беды преследовали семью. Когда Алесе (Александра) было 8 лет, умерла мать, свирепая «испанка» (вирусное заболевание) унесла жизни шестерых детей. Чудом осталась в живых одна она. Отец не смог вынести такого горя, скончался от скоротечной чахотки.

Сирота в 10 лет мыла полы у обеспеченных односельчан, качала воду... и училась. Училась все время, несмотря ни на что! Ей удалось впоследствии закончить школы I и II ступени, т.е. получить среднее образование.

Начало первой мировой войны - новый поворот в миллионах судеб. Спасаясь от оккупантов, Алесь с небольшим узелком в руке ушла вместе с другими жителями с. Дятлово, навсегда покинув родные места.

Начались странствия нищей одинокой девчонки с судьбой перекасти-поля, подгоняемого волнами мировой и гражданской войн.

Сохранился любопытный документ, датированный 1915 годом. «Билет беженца», тот, по которому жила мама до 1918 года. Записи гласят, что Лебецкой Александре - 15 лет, семьи нет, сирота, ученица. Сделаны пометки о денежных пособиях, которые девочка иногда получала. Они слишком малы, чтобы можно было на них существовать. Голодать приходилось так, что порой ела пададь. «Путешествия» по Украине проходили от хутора к хутору, от города к городу. Нужно было жить...

Я восхищаюсь силой маминого характера, ее упрямством и стремлением победить жизненные трудности. Слушала вниматель-

но рассказы, наполненные, казалось бы, невероятными событиями. Но это было, было...

Теперь политики расценивают события 1917 года как ненужный для страны поворот. А как же люди, вращающиеся в том водовороте событий? Мама с благодарностью вспоминает комбеды (комитеты бедноты), где ее кормили, одевали, помогали выжить.

Все было: поездки на подножках вагонов, сон на вокзалах, где люди на глазах умирали от сыпняка... Но судьба хранила ее. Она так закалится в горниле скитаний, что почти никогда не будет болеть, отличаясь завидным здоровьем. Однажды, спасаясь от маховских банд, мама пристала к красноармейскому отряду. Ее зачислили на довольствие, выдали шинель, сапоги и поручили вести разъяснительную работу среди красноармейцев. При работе помогли неплохие, данные природой ораторские способности. В 20 лет вступила в партию, свято веря в светлые идеалы.

На дорогах гражданской войны встретила свою судьбу - красноармейца с Урала. Большое, сильное, красивое чувство свяжет их судьбу почти на полвека. Они смогли пронести его через все трудности и лишения.

Передо мной удостоверение об их браке, выданное Молочанским волостным исполкомом Украины от 23 июля 1921 года - частица далекого времени, осколок истории, долгое время хранившийся в семье.

Немного прошло времени после этой даты, как молодоженам пришлось расстаться: отец ушел воевать, а мама осталась работать в детском доме, ожидая мужа с войны.

И новые испытания их чувствам: они потеряют связь друг с другом. Отец заболел сыпным тифом и будет отправлен в тыл, в Москву. Мать не раз рассказывала, какого труда ей стоило найти след мужа, как добиралась в теплушках до города, до госпиталя в Лефортове, но именно в день ее приезда он был выписан и отправлен на родину - г.Чермоз Пермской области. Мать приехала на родину отца, найдя его тяжело больным: сказались 4 года войны,

сильная контузия, кроме этого простуда. Трудно было лечить в голод, разруху, находить лекарства и продукты питания.

Вынесла и это.

Страна поднималась из разрухи, налаживалась мирная жизнь. Родители учились. Мама, закончив курсы библиотекаря, работала в парткабинете при Свердловском обкоме партии. Но она мечтала о медицинском институте и поступила (сохранилась ее

тетрадь с записями). Отец был занят партийной работой, а мечтал о горной академии. Все мечты рухнули в одночасье: отца отправляют «поднимать село», укреплять партийные кадры при МТС. Вместо Свердловска с налаженной жизнью - деревушки Галкино, Воскресенское, переименованное в с. Кирово, должность секретаря райкома. Трудно жившим в городе разобраться в премудростях сельского быта. Им пришлось осваивать многие деревенские труды: ухаживать за животными, косить траву, доить корову...

У нас в доме всегда были люди, приходившие с разными просьбами к отцу. Честность, порядочность, скромность - черты поведения моих родителей. Всегда старались помочь другим, если могли.

Наступили тревожные 30-е годы, когда стало страшно работать из-за арестов и разоблачений «врагов народа». После переезда из Свердловска в Кирово, мать до ареста отца работала библиотекарем в парткабинете. Однажды произошло событие, которое

могло иметь трагические последствия: на стене парткабинета висели портреты «отца всех народов» и членов правительства. Поступило распоряжение снять портрет Егорова, признанного врагом народа. Рядом висел портрет Ежова, того всеильного владыки, по мановению руки которого тысячи людей отправляли в ГУЛАГ (впоследствии он тоже был расстрелян). По каким-то фатальным стечениям обстоятельств мама сняла портрет Ежова! Оплошность заметила не сразу, зато другие увидели. Пришлось пережить страшные дни, месяцы ожидания ареста. Но доноса в НКВД не последовало. Вокруг оказались порядочные люди.

А на пороге события 1941 года, круто изменившие судьбы людей. Несмотря на возраст, отец несколько раз подавал заявление об уходе на фронт, но получал отказ.

Сработал молот государственной машины, бьющей безжалостно. Верный сын партии был репрессирован после критического выступления на одном из заседаний Челябинского обкома партии.

Вместо фронта – тюрьма, вместо славной смерти защитника Родины – клеймо арестанта, позор и возможная гибель в застенках тюрьмы. Мама пережила и страх приговора к расстрелу, устояла перед ударом судьбы, которая в дальнейшем смилостивится над ней.

Скитания по организациям, выпрашивание самой грязной работы; отказ, издевательский смех чиновников... Сжалился над отчаявшейся женщиной заведующий больницей, она стала работать истопником, но хлебной карточки ей не полагалось. Скажете: у секретаря райкома не было муки? Сказки! Не было ни муки, ни денежных сбережений. Спасала картошка и буренка неконфискованная. Так мы выжили с пятью эвакуированными, которых мама пригласила жить к нам.

Два раза в год путь из Кирова в Курган. Пешком. Одна. Не зная дороги. Шла лесами, заходя для ночлега в селения. Шла, чтобы отнести отцу смену белья, немного сухарей, кусочек масла. Все это отнималось у отца, ему ничего не доставалось. Он опух от

голода и слабел с каждым днем.

Подвергая себя постоянной опасности замерзнуть или быть убитой, женщина шла в надежде увидеть дорогого сердцу человека, может быть, в последний раз. Да еще больная дочь на руках чужих людей. Сколько нужно мужества!

Борьба истинной любви с жестокостью и несправедливостью закончилась победой: отец был амнистирован.

Милая мама! Я вижу тебя, встречающую отца, когда его, распухшего, потерявшего способность самостоятельно передвигаться, чужие люди выносят из вагона. Ты, навзрыд плача, бросилась к нему, страстно обнимая, помогала нести к телеге. А затем борьба за жизнь. Выходила! Спасла!

Поздний ребенок, я росла очень болезненной, перенесла почти все инфекционные заболевания. Болела тяжело. Спасала неистребимая материнская любовь, любовь всепобеждающая. Открывая глаза, я неизменно видела ее лицо, иногда заплаканное, но всегда слышала успокаивающие слова, что скоро поправлюсь.

Часто она проявляла силу характера. Так случилось, когда после очередной болезни у меня было осложнение на почки. Месяц бессолевой диеты, несмотря на мои мольбы и плач. Помогла при воспалении легких. Кроме сульфидина, которого я не могла переносить, лекарств не было. Мама, совсем отчаявшись, намазала горчицей мою детскую простыню, обернула меня и держала в течение 15-20 минут, игнорируя мои вопли от боли.

Из-за состояния здоровья мною было пропущено много учебного материала, и мама заменила мне учителя. Много читали, иногда плакали над судьбами героев. Это нас очень сближало, согревало и давало силы жить.

Она пробовала возвратиться на работу в парткабинет. Возмущенная поведением одного из работников райкома, который тайком уносил книги из библиотеки, пополняя собственную, в открытом разговоре высказала правду несуну. И снова ушла на хозяйственную работу.

Да, старшее поколение - люди, беззаветно преданные своему делу. Что-то в восприятии ими событий, явлений общественной и частной жизни меняло их представление, но не исчезала вера в высокие идеалы.

Они были разные люди, мои родители. Мама более прагматичная, ироничная по натуре, властная, человек с сильным характером, и отец - очень добрый, деликатный в общении, романтик, большой оптимист. Я никогда не видела отца пьяным, сквернословящим, оскорбляющим мать. В семье царило спокойствие и взаимопонимание. Иногда родители спорили, но спор касался только каких-либо общественных вопросов.

Мама сумела стать для меня близким другом, с которым я могла делиться всем и с которым было всегда интересно.

Будучи уже пожилым человеком, она сохранила интерес ко всем происходящим событиям, прочитывая многочисленные газеты и журналы, которые выписывала наша семья. Она была очень интересным собеседником, свободно ориентируясь и в политических событиях, и новинках беллетристики. Готовясь к открытым урокам, я советовалась с ней и часто получала дельные замечания.

Настоящее счастье ощущалось при возвращении домой из поездок, при виде крыши дома моего. Я старалась никогда не грубить, но эгоизм все же был, эгоизм занятого человека. Мои личные неудачи приносили ей тоже огромные страдания. Не сумела создать маме спокойной, счастливой старости. Это горько сознавать. Да, я оставила интересную работу, благоустроенную квартиру, чтобы быть рядом с ней после смерти отца, т.к. мама не хотела уезжать от его могилы. Наотрез отказалась поместить ее в специальную клинику. В течение 4-х лет старательно ухаживала за ней, и теперь она звала меня мамой. Но это малая толика по сравнению с ее заботой и любовью.

Чем могу отблагодарить их, моих милых стариков? Только памятью и цветами, что ношу на могилы.

Я немногого достигла в жизни, но всегда спрашиваю себя: смог-

ла бы я сделать то, что мне удалось, если бы не мама, мой большой, настоящий друг, если бы не ее поддержка, постоянное ощущение ее духовной близости, помощи и счастья, что она рядом - умная, добрая.

Я поняла, что счастье человека все же в семье, и строить его надо вдвоем, но главная, ведущая роль за женщиной. О матерях так много сказано и так много принесено им горя...

Мы живем по нравственному уставу, данному нам матерями: каждое слово - или бальзам для души, или яд...

Спешите делать добро своим матерям! Они всегда ближе к детям, вся тяжесть жизни ложится именно на них, наших добрых матерей, умеющих любить, ждать, прощать и требовать.

Только требовательная любовь ярка и живуча; она ломает жизненные препятствия; ей, всепобеждающей, человечество слагает гимны.

О МОЕМ ОТЦЕ

Павленин Иван Николаевич родился 28 января 1895 года в г. Чёрмозе Пермской (Молотовской) области в семье рабочего. Основная профессия - слесарь. С мая 1909 по май 1915 работал учеником слесаря, машинистом парового подъема на Чермозском металлургическом заводе, затем в Мотовилихинском пушечном заводе. Вступил в члены РСДРП (большевиков) до Великой Октябрьской социалистической революции в марте 1917 года (после февральской).

В 1915-16 г.г. участвовал в двух общезаводских забастовках и подвергался аресту в декабре 1916 года.

После революции Иван Николаевич включается в активную партийную и агитационную работу среди рабочих, избирается в органы партийных групп. Он являлся одним из организаторов Чермозского рабочего Красногвардейского отряда, с которым был летом 1918 года направлен для борьбы против белого казачества, возглавляемого генералом Дутовым на Южном Урале, принимал

активное участие в подавлении кулацких восстаний в селах Верхнекамского края.

В декабре 1918 г. в период наступления белой армии Колчака на Пермь, отец по поручению Чёрмозского ревкома объездил ряд волостей для организации местных боевых дружин для отпора, восставшего против Советской власти 10-го Кавказского полка, выполняя разведывательную роль. Проникал в г. Пермь, захваченный армией Колчака, для выяснения обстановки на фронте и данных об оставлении г. Перми Красной Армией. Участвовал в боях на Восточном фронте против колчаковских войск и на Украине против разных банд (махновцев и др.)

Четыре года отец воевал за Советскую власть, с августа 18-го по июнь 1922. Заболевшего отца отправляют в госпиталь Лефортова в Москву. Вместе с серьезной контузией сыпной тиф уносит последнее здоровье. Отца демобилизуют из армии и он с трудом добирается до Урала – родного Чёрмоза.

С августа 1924 по февраль 1925 работает в г. Лысьва, Верещагино на партийной работе. Затем Пермь. С сентября 29 по апрель 30 - секретарь ячейки РКП(Б) механического цеха №3 Мотовилихинского машиностроительного завода. С 1930 по 1931 - помощник директора этого же завода.

С 1931 по 1933 – заведующий планово-производственным сектором, работает ответственным секретарем Уральского областного комитета профсоюза рабочих машиностроения.

Когда были созданы политотделы при МТС, отца отправляют в село. С мая 1933 по февраль 1935г. он начальник политотдела Песчанского МТС, Щучанского района Челябинской области.

С февраля 1935 по октябрь 1937 – заместитель директора по политчасти Кировской МТС.

С октября по декабрь 1937 г – второй секретарь, а с декабря 1937 по май 1942- Первый секретарь Кировского райкома.

Мало кто знал, что Первый секретарь райкома хорошо поет и играет на гитаре. Я была поздним ребенком, любимицей отца, и

он старался уделять мне внимание, пусть и редкое из-за занятости. Он делал «голубей» из газетной бумаги, и в обеденный перерыв шел со мной на пушку бора (мы жили недалеко). Там мы пускали этих голубей. Иногда, по вечерам устраивал для меня импровизированные концерты: цирковые номера с куклами и пением. У отца был приятный, красивый голос и он пел арию Торедора из оперы «Кармен», «Трансваль - страна моя...», русские народные песни и среди них любимую - «Славное море, священный Байкал»

С отцом мне было интереснее, чем с мамой. Я бегала за ним, как собачонка. Просилась сесть в машину, на заднее сидение и путешествовала с отцом по колхозам. Видеть новые места, новых людей было захватывающе интересно. Общение с отцом было счастьем, большим человеческим счастьем.

Он внимательно и заботливо относился к людям. Они приходили к нам домой и он, если мог, помогал им. Во время тяжелой болезни (рак легких) отец проявил невиданное мужество. Он никогда не стонал, не жаловался. «Тебе ведь очень больно, как ты терпишь», - спрашивала мать.

«Ничего, потерплю», - успокаивал он ее, глядя исхудавшей слабой рукой.

Когда началась война, отец неоднократно подавал заявление об уходе на фронт. Но получал отказы. Положение изменилось, когда

на одном из пленумов областного Челябинского обкома партии он выступил с критикой высокопоставленного лица. Прибывшая комиссия нашла недочеты в работе Кировской парторганизации. Отец был отстранен от занимаемой должности, переведен в с. Галкино, затем препровожден в с.Кирово. Предстал перед судом вместе с председателем райисполкома и агрономом, как преступник, не выполняющий свой долг перед Родиной.

Отец всегда был предан своему делу, верил в высокие идеалы власти, партии - и оказаться в тюрьме! Это была страшная трагедия для него и семьи.

Мы были отвергнуты обществом. Маме не давали работу нигде, детям запрещали играть со мной. Отец сидел в тюрьме завшивленный, опухший с голоду и болезней. Он не мог двигаться.

Но нашлись люди, знавшие отца, его прошлое, они писали письма в его защиту, требовали освобождения. Оно пришло. Отца вынесли из вагона попутчики. Мы с мамой, приехавшие на станцию на лошади, просили людей перенести отца и положить на телегу (была уже весна). Отец был неузнаваем: расплывшееся от опухоли лицо, бревна-ноги. Он очень болел все время до самой смерти. А душа? Растоптанная и попранная...

Дали небольшую техническую работу – заведующий плановым отделом в райисполкоме. Работа незначительная, смешная. Что он мог делать? Не было партийного билета, не могло быть и соответствующего уважения. Сидел! Отец старался сохранить ровное, спокойное состояние. Он старался войти в новое русло жизни с присущим ему жизнелюбием, доброжелательностью и, даже весельем жить, общаться с людьми. Он снова в работе. Организует субботники. Сельчане озеленяют центр села, сажают деревья. Были организованы детские площадки, вечерами собиралась молодежь, играли в волейбол. В бору тоже организовали площадку для отдыха: летний кинотеатр, эстрада, танцевальная площадка для молодежи, скамейки для отдыха. Отец всегда старался, придумывал что-нибудь.

От его задумок отмахивались, считали его «планы» смешными. А он с трудом передвигался, с палочкой ходил на совещания. Всегда ровный в общении, доброжелателен, вежлив, улыбчив.

Он был и остался романтиком, несмотря на ту огромную несправедливость. Я никогда не видела его злым, недовольным, озлобленным. Всегда добр, внимателен, заботлив.

Вериги тюрьмы были сняты только в 1959 году. Решением Верховного суда приговор Челябинского суда отменен «за отсутствием состава преступления». За три года до смерти отцу вернули партийный билет.

Иван Николаевич Павленин умер в 1964 году. Земля, воистину, стала ему пухом. Он жил, воевал и работал ради нее.

* * *

Живут в селе моем одни старушки,
А стариков давно в помине нет,
И старятся старушки, как избушки,
И с мудростью глядят на этот свет.
Ведь прожито и пройдено немало,
И жизнь, порой, тяжелая текла,
И корки хлеба им не доставало,
Работа очень трудною была,
Хлеба растили, на себе пахали,
Тянули бабьей долею колхоз,
И никогда почти не отдыхали,
А сколько в лихолетье было слез.
...Прошли года. Иные дни настали,
И радоваться надо, не грустить.
Они же, бедные, от жизни той устали,
Но научились радоваться жить.
И пусть прожито-пройдено немало -
Нам надо им вниманье уделить,
И добротой, сердечностью, заботой
Давно старушек надо окружить!

* * *

Помню зимние вечера:
Мы сидим все на печке с бабушкой,
И она опять, как вчера,
Поет песнь про младую Галюшку.
Завывает метель в трубе,
Сказку вновь расскажет нам бабушка
Или что-нибудь о себе,
Иль стихи свои про забавушку.

ПАНОВА
Надежда Александровна

Родилась 21 сентября 1955 г. в с. Спицыно Шатровского района. 32 года была директором Спицынского Дома культуры. За успехи в работе в 2004 году получила звание “Заслуженный работник культуры России”. В настоящее время – председатель Совета ветеранов Спицынской администрации. Неоднократно печаталась на страницах местной газеты «Сельская Новь», а в 2016 году вышел ее сборник стихов «Искры памяти моей».

Помню: ветер гудит в трубе,
Завывает там очень громко,
На печи нам тепло-светло,
Не страшна любая поземка.
И опять вот с утра пурга,
Снова ветер подул вдруг с севера.
Входит бабушка со двора -
Феофания наша Матвеевна.
Напечет она снова блинов,
Повалиху опять поджарит нам,
Любим мы ее толокно
И любое другое варево.
Да, проплыли года, как река...
Бабы Фаны давно нет с нами.
А судьба - она так добра –
И бабули теперь мы сами.

Жизнь прекрасна, она светла,
Если помним мы детство с вами.

ПЕРМЯКОВ
Александр Николаевич

Родился в Катайске. Стихи начал писать в школьном возрасте. Выпустил два сборника стихов “Пламень пурги” и “Таинственный ветер”. Член литературного клуба “Катайск” при редакции газеты “Знамя”. Победитель шестого этапа конкурса “Под желтым абажуром вечеровала муза” (г. Курган).

МАТЕРИ

Твоих волос завьюженная снежность
Сыновьих глаз согрета теплотой.
К руке родной, заботливой и нежной
Я прикасаюсь трепетной рукой.

Давно уж нет твоих ровесниц многих
И повзрослели внуки, ну и пусть.
В глазах твоих открытых и глубоких
Навек застыла ласковая грусть.

Ну, что сказать? Десятков восемь с лишком...
Но пусть подольше длится радость дней.
В кругу людей родных и самых близких
Ты новый в жизни встретишь юбилей.

И в сумерках порою вспоминаешь
Ту юность, опаленную войной.
И ты сама пока не представляешь,
Что все нужнее и дороже с каждым днем.

ПЕРУНОВ
Сергей Александрович

Член Союза писателей с 2016 года.
Город Шадринск.

БАБА МАША

В переулке домик ветхий,
предназначенный под снос.
Рядом клён с засохшей веткой,
садик (дурбенью зарос).

Сколько лет, никто не знает
(и не надо никому),
баба Маша проживает
одинок в том дому.

Солнце светит, месяц брезжит, -
баба Маша у окна.
За прохожих, за проезжих
молча молится она?

Или просто так, от скуки
всё глядит, глядит в окно?
Ждёт кого ль? Да, верно, внуки
позабыли уж давно.

Каждый день, шагая мимо,
вижу я её в окне.
Словно свет неугасимый,
кроткий образ дорог мне.

Колья сгнившие в ограде.
Клён под дождиком поник.
За стеклом - в простом окладе -
бабы Маши светлый лик.

В НЕНАСТНУЮ НОЧЬ

Ночь ненастная. Метель.
Сыплет снег сырой и рыхлый.
Ветер ставни рвёт с петель,
то взъярится, то вдруг стихнет.
- «Колобродит, ночь-полночь,
тоже нет ему покою.
Уходил бы, ветер, прочь,
на покосы за рекою.
Там бы снегу наметал,
чтоб сумёты - как зароды...
Чтобы палочку в журнал, -
трудодень себе заробить...
Мы здоровья своего
не жалели, вечны будто!
Нонче так уж никого
не заставишь спину гнуть-то...
Ни колхоза, ни села,
махом всё куда-то делось.
Толи выюга замела,
как в старинной песне пелось?»

...Ветер думы все смешал,
не уснуть никак старухе:
взбаламучена душа
да нещадно ломит руки.

ШУТНИК

Анекдотчик, затейник, шутник,
от него без ума все медсёстры,
вновь с утра балагурит старик
(два инфаркта всего перенёс-то).

Безотцовщина в годы войны,
служба – от Колымы до Байкала,
бесконечный простор целины, -
есть что вспомнить, судьба побросала.

Сроду он не терялся нигде,
и в палате – как вождь на параде.
А приспичит когда по нужде:
- Утку! С яблоками, в маринаде!

ОДНА

Скрипнет ставенка легонько,
мышка в голбце прошуршит.
- Спаси, Боже! – на иконку
снова бабушка глядит.

Молвит гостю молодому:
- Знать-то я совсем стара,
еле-как хожу по дому,
никуда уж со двора.

А бывало, на гулянке
песню девичью спою,
только Ванина тальянка
зазвенит – не устою.

Ноне что – забот не много,
вот управлюсь, и в окно
всё гляжу, а на дороге –
снег метёт, всегда одно.

Дед-от помер, лет уж десять
одинёшенька-одна.
Зажилась я что-то здесь я,
верно, Богу не нужна.

Промокнет слезу запоном,
пропадёт печаль-тоска:
- Надо жить, милоч, запомни,
хоть и жисть-то не сладка.

ЗА СНЕЖНОЙ ДАЛЬЮ

Цепочку, как молитвенные чётки,
перебирают ходики в простенке.
Какой там год на численнике*? Чётко
не разгляжу за паутиной сна.
Но чую, что в печи пекутся гренки,
и бабушка ждёт внука у окна.

Опять сидит за рукодельем, горбясь
(теплей и мягче варежек не знал я!),
А котик – цап-царап клубок и – в голбец.
«Ах, пакостник, вот я тя голиком!» -

И улыбнулась. И за снежной далью
яснее виден стал мне старый дом.

Наш пятистенок, и в садке рябина,
и над заплотом на шесте скворечник,
и лавочка, где мы сидеть любили,
и жестяная на углу звезда,
я даже слышу петухов заречных,
но на снегу не вижу ни следа.

В заулке время намело сугробы
в сенной зарод добротный вышиною.
Эх, прогresti тропинку хорошо бы,
да затерялось дедово пехло**.
И оттого мне и во сне – виною
неискупимой сердце обожгло.

Но некому уже меня утешить,
шершавую и тёплую ладонью
пригладив непослушные вихры.
Как будто бы стучат часы всё те же,
но молока не попросить спросонья
и той счастливой не вернуть поры.

Цепочку, как молитвенные чётки,
перебирают ходики в простенке.
Какой там год на численнике? Чётко
за пеленою сна не разгляжу...
А бабушка зачем-то вышла в сенки.
А я клубок потерянный держу.

*Численник – отрывной календарь.

**Пехло – широкая деревянная лопата для уборки снега.

ПОНАМАРЕНКО
Надежда Васильевна

Всю жизнь проработала в сфере образования. Последние 20 лет трудилась на Крайнем Севере в г. Лабытнаги. Сейчас проживает на своей малой родине в г. Катайске. Начала писать стихи и прозу в зрелом возрасте.

ТОНИНА ЖИВИЦА

Приходилось ли вам слышать выражение «красный бор»? Наверное, так говорят потому, что могучие стволы сосен отливают на солнце тонко-красной пленкой, которая переливается и золотится. Стоит многовековой лес, и каждая его пядь хранит свою историю.

Вот по такому лесу с названием «Казна» (казенный, государственный) шла тринадцатилетняя девочка. Она подходила с ведром то к одной, то к другой сосне, наполняя емкость густой ароматной смолой. Звали эту «хозяйку леса» Перевозкина Тоня. Эта худенькая девочка была жительницей деревни Чимеево Курганской области. Шла Великая Отечественная война. Тоня с первых ее дней пошла работать, оказывать помощь фронту. В деревне остались одни старики, женщины и дети.

В лесу Тоня работала с раннего утра до позднего вечера. Нужно было обязательно выполнить норму. За один день надо было обойти несколько сотен сосен. Трудилась девочка наравне со взрослыми, и спрашивали как со взрослой. С работой она справлялась. Больше всех собирала такой нужной фронту живицы. Ей объявили благодарность и выписали 20 метров ситца на семью (мать и шестеро малышей).

Тонину живицу бочками отправляли на фронт. Сейчас это слово

редко употребляется в речи. Живица – это смола, которая выделяется соснами. Надрез, сделанный на стволе, заживляет рану в дереве, не дает проникать внутрь микробам. Живица сохраняет жизнь. Зная эти свойства, ее использовали в медицине. Во время войны не хватало лекарств, особенно антибиотиков. Живица была незаменимым средством для заживления ран. Также из нее вырабатывали скипидар, камфору, канифоль, которую использовали в производстве мыла. Она была необходима и в судостроении, и в резиновой промышленности, где шла на изготовление покрышек. Канифоль в качестве добавки входила в состав бездымного пороха, который использовался в огнестрельном оружии. Так девочка помогала фронту.

Она все собирала и собирала такую нужную фронту живицу, пока не произошел с ней в лесу случай. В тот день она, как всегда, продвигалась по лесу привычным маршрутом. Вдруг прямо на нее вышел огромный лось. Девочка от испуга прижалась спиной к стволу и молча наблюдала за могучим обитателем леса с большими рогами. Потом лось повернулся и ушел. После это встречи она сильно заболела, бредила... Ее перевели на ферму.

Антонина Константиновна Копылова сейчас на заслуженном отдыхе, ей 88 лет, живет в Катайске. Рядом с ней живут ее сыновья – Владимир и Сергей, а дочь Нина трудится в ХМАО учителем музыки. Любят свою бабушку 8 внуков и 8 правнуков.

Антонина Константиновна – веселая, жизнерадостная, хорошая играет на балалайке и так задорно задорно исполняет частушки под нее. Их она знает множество и может петь до бесконечности.

Вот так и живет труженица тыла Антонина Константиновна. Видимо, этот оптимизм и жизненную силу передал ей хвойный лес с живицей в те далекие годы. Ведь недаром о живице говорят – сохраняет жизнь.

ПОПКОВА
Лидия Николаевна

Родилась 2 декабря 1948 года в селе Каргаполье в семье служащих. Окончила Чашинский технологический техникума молочной промышленности, в 1982 году - Шадринский государственный педагогический институт, факультет русского языка и литературы. Работала в редакции Каргапольской районной газеты «Сельская правда», трудилась в пресс-службе Администрации Каргапольского района. Член районного творческого объединения «Светлые поляны». Выпустила 8 поэтических сборников и книгу «Надеждина судьба». С августа 2011 года Лидия Попкова является членом Российского союза профессиональных литераторов.

С ЛЮБОВЬЮ К МАТЕРИ

Осень поздняя и сединой снежинки
Вновь ложатся на виски мои.
И сегодня я опять с грустинкой
Вспоминаю мать, былые дни.
Мама! Это слово дорогое
Не устану вечно повторять,
Самая любимая, родная -
Мне сегодня вспомнилась опять.
Дом, хозяйство, вечные заботы,
Нас, детей, умела приласкать,
Не боялась никакой работы
И во всём могла примером стать.
Светлой добротой глаза светились,
Говорила ласково со мной.

Мне твои советы пригодились
В жизни так порою непростой.
Руки твои тёплые и нежные
Помню через много-много лет,
Я люблю их, как тогда, по-прежнему,
Нет их ласковой, роднее нет.
А когда из дома уезжала,
Ты меня с молитвой всякий раз
Молча за калитку провожала
И слезинки смахивала с глаз.
Писем написать я не спешила,
Лишь звонила иногда тебе,
Ты же о себе не говорила,
Спрашивала больше обо мне.
Добрым словом, делом и советом
Помогала от души всегда.
Путеводным озаряют светом
Те советы и через года.
И какой бы трудность не бывала,
Задаю себе вопрос сама:
«Что бы мама мне на то сказала?
И какой совет дала бы мне она?»
Мамы нет, след замели метели,
И сама я мать уже давно,
Только память сохранить сумела,
Всё, что было матерью дано.

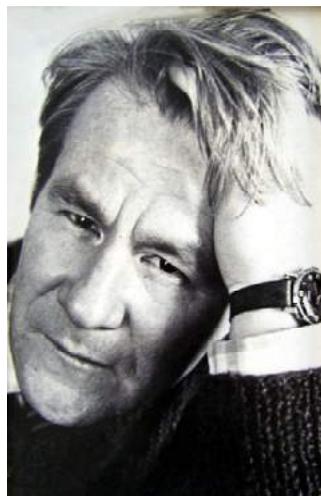
ПОТАНИН
Виктор Федорович

Уроженец села Утятское Притобольного района. В 1958 году окончил историко-филологический факультет Курганского педагогического института. С 1958 года по 1967 год работал литературным сотрудником, ответственным секретарём в областной газете «Молодой ленинец». Член Союза журналистов СССР.

В 1959 году участвовал в работе Всесоюзного совещания молодых прозаиков в Москве. По рекомендации этого совещания поступил учиться в Литературный институт имени А. М. Горького при Союзе писателей СССР, окончил его в 1967 году.

В 1963 году вышел его первый сборник рассказов «Журавли прилетели». В 1966 году был принят в Союз писателей СССР. Сегодня на его творческом счету более 50 книг тиражом в 7 миллионов экземпляров.

В.Ф. Потанин — член Правления Союза писателей России, секретарь Союза писателей России, член Приемной коллегии Союза писателей России, член Высшего Творческого и Координационного Советов Союза писателей России.

МОИ ПРОРОКИ
(из дневника писателя)

- Почему я жива до сих пор? Почему Бог не прибрал? И зачем я живу так долго, зачем? Как бы хорошо закрыть глаза навсегда, чтобы не видеть этих бесконечных унижений, чтобы не слышать этого слова “совок”, чтоб... Но не продолжаю - иначе остановится сердце. Ведь все эти плевки прямо в наше поколение, прямо в меня...

(Из давнего разговора с матерью)

Дорогой читатель! Позволь так обратиться к тебе, мой знакомый друг. И не сердись, прошу, на мое старомодное, провинциальное обращение. Я и сам чувствую, что от него несет нафталином, но как выразиться иначе - не знаю и не приучен. Ведь мне уже перевалило за семьдесят - и этим все сказано. Я ведь, как и многие из вас, дитя своего времени, к тому же еще дитя сельских учителей. С таким прошлым я и пришел в литературу. И потому многие мои повести и рассказы посвящены этим людям - моим любимым учителям, моим наставникам и пророкам. В каждой книге моей, на каждой странице - этот учительский смысл... Впрочем, не буду об этом. Зачем везде и всюду искать какие-то подтексты и смыслы. Ведь лучшие наши минуты все-таки те, когда в душе - полное бездумье и тишина.

И потому вспомни сейчас, как ты возвращался однажды домой тихими осенними полями. Как ты шел тогда и ни о чем не думал, наслаждаясь полным покоем и тишиной. А потом стало темнеть прямо у тебя на глазах. Осенью быстро темнеет. И вот уже почти не видно дороги, и сразу же сжались нервы, пришло беспокойство. Но вдруг впереди, за березовым колочком, мелькнул костерок. Маленький костерок, чуть заметный. И беспокойства как ни бывало. И вот ты уже вглядываешься без устали, оторваться не можешь от этого огонька. А в груди поднимается уже что-то бесконечно родное, щемящее, - и ты чуть не плачешь и почти уже счастлив, но отчего? И какой тут смысл?..

А то вспомни, как тихо, таинственно горит свеча на инокостасе, зажженная твоей рукой в память о всех погибших, умерших и убиенных, а за церковным окошком метет метель над родным селом, и снег летит ослепительно белый, дрожащий, как будто во сне. Но нет, нет, это не во сне, это в жизни, - и так же дрожит, колеблется от дыхания твоя свеча. И в этом дрожании, в этом таинственном и непрочном - наверное, тоже какой-то смысл? Но какой?..

О Господи, как, порой, хочется ответить на эти вопросы.

И, чтобы сосредоточиться, я закрываю глаза. И сразу же слышу ее голос, до боли знакомый, родной голосок. Вы уже догада-

лись, вы поняли? Да, это мама. И я продолжаю с ней очень важный для себя разговор. Точнее, говорит она, а я только перебиваю вопросами, а потом снова она:

- Ну зачем я живу так долго, зачем?...

- Но почему ты терзаешься?

- Я не терзаюсь, я просто чувствую, вижу, что мы - старичье - кому-то надоели, мешаем. И потому нам говорят, что мы - старые козлы, моралисты, и всем нам место на свалке. Да, да, это правда. Ведь все эти господа либералы давно заменили душу на рынок.

- Зачем ты так жестоко о них? Я же с тобой серьезно.

- А если серьезно, сын, то все уже было. И я отлично помню, как начинался НЭП... Помню, и как его схоронили. Как потом начались аресты. А потом мы совсем забыли про совесть - и грянула катастрофа.

- Что ты имеешь ввиду?

- Тридцать седьмой год. И виноват, я думаю, не только Сталин. Ведь каков народ - таковы и пророки...

- Но народ надо воспитывать.

- Конечно, сын, надо! И мы, учителя, это делали. И в войну срок первого года и после... Писатель Василь Быков сказал как-то, что войну выиграла не солдаты и полководцы, а сельские учителя. А сейчас в России снова тревожно. И помочь могли бы учителя, но их не туда толкают наши доморощенные либералы. Я их давно зову - гайдаристы...

- Куда же они толкают?

- Это грустная история, сын. Ты же сам видишь и слышишь, как самые большие чиновники почти хором вещают, что современный учитель обязан научить любить деньги, акции, бизнес. Ведь об этом почти все фильмы и книги. А слово "доллар" - какое-то священное слово...

- Но это же крайности, разве не так?

- А на крайности и равняется середина. Так и рождается захудаленькая философия, где на одном полюсе - господин, а на другом

полюсе - нищий. Все это пахивает обыкновенной колонией, такого еще не бывало в России...

- Что же делать?

- Нужна мораль, нужно сильное государство. А можно переставить местами - вначале - сильное государство. Людское согласие в таком случае возникает как бы само собой, стихийно, как из волн древнегреческая богиня... Но, чтобы это случилось, нужны учителя и наставники. Очень умные, честные, бескорыстные.

Она замолкает и грустно покачивает головой.

Помолчим и мы с тобой, дорогой читатель. Ведь поколение, к которому принадлежит моя мать, предано нынче повальному осуждению. И в каких только грехах его не обвиняют: и не за те идеалы боролись, не в той партии состояли, не в тех университетах учились. Но давайте скажем честно, признаемся, - в этих обвинениях проглядывает или чистая демагогия, или самое откровенное желание бросить тень сразу на несколько поколений людей, выросших при советской власти. Хотя и не во власти здесь дело. В конце концов, после октябрьских дней семнадцатого года прошло уже почти сто лет. И разве отвечают дети за отцов, а внуки за дедов? И разве расстрелы тридцатых годов или брежневский застой были чем-то дорогим и желанным для этих людей?.. Ведь думать так - значит, сойти с ума или впасть в цинизм...

А теперь вспомним о главном: сила нашего народа всегда была в том, что он ставил перед собой великие духовные цели. И добивался их, хотя и большой ценой. Но эту цену ведь платил не кто-то со стороны - какой-нибудь щедрый дядюшка из Техаса. Нет! Эту цену платили снова наши отцы и деды - наше старшее поколение. Да, цена была велика, было велико напряжение. А сейчас мы упрекаем этих людей за то, что они не думали о таких понятиях, как комфорт, достаток, деньги, богатство. Эти слова в их душе начисто вытесняли другие - любовь к ближнему и самопожертвование, великая стойкость характера и терпение. В России были закрыты храмы, но народ все равно жил по-христиански, достойно. И эти честь и достоинство и были тем объединяющим стержнем,

который нынче опять в дефиците.

Впрочем, еще недавно, в молодости мне казалось, что в обществе все движется по какому-то кругу, то есть, ничего до конца не исчезает и не теряется. А если сказать совсем просто, то наступает какой-то новый момент и все вновь повторяется, только в новых условиях... Повторяются люди, события и даже целые поколения...

Так я думал когда-то, но сейчас я в это не верю. Наверное, виновата моя рано поседевшая голова, мои внутренние мучения. И потому все прежде розовое и голубое превратилось в другие краски... А может быть, в этом виновато и знание, что никогда-никогда в наших земных катаклизмах уже не появится вновь ни древняя Эллада, ни Спарта... Не повторится и то поколение, к которому принадлежит моя мать и отец - рядовые сельские учителя, и десятки, тысячи, на них похожих. И потому мне сегодня так горько, что от таких людей часто мы отворачиваемся, обвиняя их во всех смертных грехах и в несуществующих преступлениях.

Но только ли государство здесь виновато? Но тогда кто же?..

И, чтобы разобраться во всех этих вопросах, я поворачиваю сейчас свою лодку как бы против течения. Я хочу поклониться в пояс этим людям и сказать, что без них Россия наша будет неполной, без них невозможно понять наш сегодняшний день и день будущий. А если сказать совсем точно, то люди эти - наш золотой запас, от которого мы почему-то пытаемся отказаться, побыстрее избавиться. Или смешнее того, что хотим их запрятать подальше или обозвать как-нибудь посмешней, пообидней. Вот так, например, - это, мол, отпетые консерваторы, это династия шариковых... Ну, как после этих слов иметь дело с такими - еще, мол, запачкаешься, а то и снизишь свой рейтинг.

Иногда мне в голову заходит одна странная мысль - а возможно ли было такое, к примеру, в Америке или в благословенной Европе, чтобы десятки миллионов людей, к тому же самых старых по возрасту, были бы запечатаны в некую духовную резервацию? Кому была бы польза от этого, какой смысл подобных ограниче-

ний? А самое главное - как назвать такое общество, которое для родителей своих придумывает разного рода непотребные прозвища, отрекаясь тем самым от них или почти отрекаясь. Конечно, странно это, необъяснимо. И нет в этом ни логики, ни морали. Ведь любому студенту ясно, что общество - это же единый живой организм с разветвленной кровеносной системой. А мы, люди, всего лишь нервные клетки. Оттого и непосвященным трудно сказать, где в этом организме главная клеточка, а где - второстепенная. Наверное, никто с этим не будет спорить. А потому я не завидую тем людям, которые берут на себя роль счетчика Гейгера, и этот счетчик должен уловить, в каком человеке бьется демократическая жилка, в каком - наоборот, присутствует социалистическое начало.

И все же подобное разделение у нас существует. А раз оно началось, то одних надо поддерживать и возвеличивать, а других же - унижать. Горько, конечно, что среди последних оказались многие из моей дальней и ближней родни и потому я имею, наверное, право на свое мнение.

Впрочем, я не философ и не прорицатель, мое оружие - слово, литературное слово. А настоящая литература всегда начиналась с любви к человеку, с доверия. И потому в моем монологе много будет объяснений в любви и прямых признаний.

И мое первое признание в том, что “отпетые консерваторы” - самые лучшие из нас. Потому что они - ветераны. Но все-таки, с чем их сравнить, с кем рядом поставить? Поэт бы сказал, что такие люди - как родниковый колодец. Чем больше черпаешь из него, тем глубже он, тем больше у него силы. А может, он сравнил бы их с древним могучим дубом. Все прошло над ним: и бури, и грозы, а он стоит и стоит себе, как символ вечной жизни, вечной весны. Помните: точно перед таким дубом замер однажды Андрей Болконский. Он вглядывался в его могучую крону и мечтал, и надеялся...

А впрочем, хватит глаголов. И вообще мне кажется, что такие люди даже выше всяких сравнений. Ну на кого, к примеру, походи-

ла моя мать Потанина Анна Тимофеевна - сельская учительница из моего родного села Утятского? Она проработала в одной школе свыше сорока лет. И все эти годы от нее шел неугасимый свет жизни, и свет этот разливал вокруг чистоту и благородство. Но тогда как объяснить мне ее слова, то ее состояние:

- Почему я не умерла раньше? Почему Бог не прибрал? Как хорошо было бы умереть, чтоб не видеть этих постоянных унижений...

Вы слышите, - унижений?! И я согласен с ней. Я ее понимал. Ведь сельский учитель и поныне - как бы существо третьего сорта. Факты? Их море. Представьте, к примеру, приемную главы любой районной администрации. Там всегда много людей. И вот сидят рядом на стульях предприниматель, фермер, врач местной больницы и учитель из какой-нибудь отдаленной деревни. И кто первым войдет в "высокую" дверь? Конечно, предприниматель, а за ним - фермер, а потом, может быть, врач. Ну, а учитель? На него, как правило, времени у начальства не будет. Хорошо, если еще глава района обладает общей культурой. Тогда он соизволит извиниться перед учителем. Но такое - редкость. Чаще же и руки не подаст...

А вспомните, как к учителю относились в прошлом веке. Каким быть учителю в деревне - думал весь сход. На хорошего учителя все село собирало деньги. Больше того, сход доплачивал ему. Ну а теперь? Давайте вспомним нищенские учительские зарплаты. И потому в голове у меня опять мамин голос:

- Почему я не умерла раньше? И не защищай, сын, этих гайдаристов. Они без сердца...

Какие горькие слова. И такие же глаза - уставшие и потухшие, без желаний. А ведь я знал ее другой. Энергичной и веселой, нужной каждому человеку из нашей деревни. Но особенно нам, ее ученикам... И вот сейчас вижу ее руки. Она пишет на доске мелом: "Родина-Мать всегда с нами", "Жизнь - книга с чистыми страницами", "Моя учительница как мама", "Хлеб - это звучит гордо", "Самый дорогой человек на селе"... Это - темы творческих сочи-

нений. Наша учительница обращалась прямо к детскому сердцу. Чуть ли не на каждой неделе мы писали на уроках сочинения - короткие исповеди, мальчишечьи клятвы. Мать учила нас по своей особой системе - она никогда не давала заданий на дом, а все, буквально все успевала закрепить на уроке. Она хотела сохранить наше детство, чтобы мы больше бывали в лесу, на природе, больше читали книг и больше бы размышляли. Говорят, что так или почти так работал великий Константин Дмитриевич Ушинский. Но мы об этом не знали. Зато мы знали другое: нашу учительницу часто ругали строгие люди из районного отдела образования и даже пытались отстранить от занятий. И я их сильно не осуждаю. Ведь педагогика - наука давняя, строгая, она любит точность. Так думают многие, и все же - не все. И среди последних была моя мать. И потому в душе моей гордость...

И вот теперь я хочу отвлечься. Я хочу сделать еще одно признание, потому опять волнуюсь. Я хочу признаться в том, что лучше педагога, чем моя мать, я так пока и не встретил. А ведь я учился в трех школах и двух институтах. И один из них - педагогический, где преподают всегда самые опытные, корифеи... И я знаю, почему так случилось. Даже самые хорошие мастера работают всегда спокойно, логично, сказать точнее, - ритмично. Пришел к девяти утра, а ушел в шесть - и так ежедневно. А сейчас еще примешиваются вопросы - а правильно ли мне заплатили? Может быть, мне из обычной школы перебраться в гимназию, где зарплата чуть-чуть побольше. Но, если честно, то я за подобное никого не осуждаю. Избави Бог, впадать в какое-то менторство, я не имею на это право. Единственное, что меня беспокоит, а иногда прости удручает, что из денег мы стали делать некий культ, даже религию, и под обаянием этой религии стали попадать даже уважаемые педагоги. Недавно один опытный педагог с большим стажем признался мне, что он уже второй год не ведет в школе литературный кружок, потому что за это не платят. Перестал он давать и творческие задания на дом, потому что за дополнительную проверку нет доплаты... У меня много и других подобных фактов,

но я не продолжаю. Хочу только заметить, что этот процесс разрастается и скоро он захлестнет нас, как половодье. Помните библейское: “И объяли меня воды до души моей...” И если это случится, то наше общество медленно, но верно начнет превращаться в общество мелких торгашей и спекулянтов со своими неповторимыми убеждениями и со своей моралью, в которой не останется места для энтузиазма и самопожертвования, для любви и милосердия. Но к счастью, не все еще приветствуют такие взгляды. Для многих людей труд все еще остался - вечным праздником, наслаждением. И пусть таким уже часто не двадцать лет и даже не тридцать, а уже шестьдесят и даже побольше...

И вот я снова вижу наш класс, вижу наших мальчишек. Они сидят в лесу, на поляне. Да-да, по весне мы часто занимались в лесу, уроки были среди природы. Но вы чувствуете, я снова немного нервничаю, потому что боюсь, что мне не поверят. А ведь так и было: цвела сосна в канун Троицы, пахло близкими пашнями, а на поляне - наш седьмой класс. И учительница рассказывала нам о Гоголе и Некрасове читала стихи и отрывки, а потом мы сами читали стихи и фантазировали о деревьях, о птицах, об облаках и звездах - и все это было вместе, рядом - и стихи, и солнце, и деревья, и небо, и грачи над соснами. И наше смятенное сердце - рядом с ее большим сердцем. И как же мы любили тогда нашу учительницу! И как же нам хотелось, чтобы эти уроки в лесу никогда не кончались... Никогда-никогда! И она это знала и понимала, потому в следующий теплый весенний день у нас все повторялось - и наши стихи и беседы... Но педагогично ли это? Опять говорили, что нет, а мама не спала ночами, все думала, как угодить РОНО и не потерять нашу любовь. Но эти две вещи не совмещались, и мама страдала. Страдала она молча, как все сильные люди...

Но откуда у них силы, откуда? Ведь длинна была жизнь и вся в заботах, в работе. И почему этот путь не согнул таких людей, не отчаял, к тому ж они часто были самые первые, первопроходцы. И в педагогике, и на хлебном поле, и в медицине... Вот и снова эти

вопросы не дают мне покоя.

А теперь прервемся, мой дорогой читатель. Надеюсь, я не утомил тебя таким старинным чопорным обращением. А если не утомил, то давай снова вернемся на ту поляну в лесу, где собрался наш седьмой класс... Давай и зададимся вопросом - а зачем это нужно было учительнице? Может быть, ей за это больше платили? Может, пообещали какую-нибудь медаль или орден, а может быть, посулили что-то ее семье?.. Не, конечно, ничего не пообещали и не наградили. Даже наоборот - жестоко приструнили эту учительницу строгие люди из РОНО. Приструнили и сказали, что так работать непедagogично, что нужно вести уроки по правилам. И вообще, мол, педагогика - наука древняя, точная, со своими канонами. Но моя мать им возражала: "Нет, дорогие инспекторы, вы абсолютно не правы! У педагогического дела - тысячи вариантов, тысячи бликов и озарений. Да, тысячи! А может и больше. Их, наверное, столько же, сколько вокруг человеческих судеб, характеров..." И мать отстояла свое мнение и доказала. Она тогда не сломилась, а выстояла и победила. Даже получила звание - заслуженная учительница России. Жаль одного, что признание пришло на закате дня. Но нет, нет, я снова неточен. Для таких людей нет заката и нет угасания. Для них солнце никогда не заходит, для них жизнь - всегда утро, всегда начало их бесконечных дел и надежд. А раз утро - значит, забудем глаголы прошедшего времени. Давай те вернем себя в настоящее. Давайте даже заглянем вперед...

А я вспомню сейчас, что среди учеников моей матери есть и городские люди - инженеры, врачи, строители. И когда мать приезжала в Курган и направлялась по центральной улице, ее все время останавливали прохожие. Она вглядывалась в их лица и вдруг узнавала: "Так это же наши, утятские!" И говорили они с ней вначале об одном - о работе. Говорили с радостью и часто преувеличивали свои успехи, достоинства. Что это - поза, рисовка? А может, мальчишество? Нет! Это гордость трудового человека перед своей любимой учительницей, один вид которой сразу воскре-

сил и детство, и родную сельскую улицу, и весеннее половодье, и клин диких гусей над озером, и ту поляну в лесу, где проходили наши уроки. Но в этой гордости было и другое: “Смотрите, я вырос! Смотрите, теперь меня уважают!”

Человек вырос, получил уважение... А началось все с той далекой полянки, где этот человек записал в тетрадку сочинение о родной улице, о родном отце - фронтовике, о чудесной сельской природе. Да, он вырос и получил уважение, но истоки этого уважения все-таки там, в нашей деревенской, простенькой с виду школе, там, где звучало слово любимой учительницы. И это слово никогда не старело. Никогда!..

Но почему все-таки так изменилась мать? Почему в глазах у нее постоянная боль и недоумение, - что же вы, мол, с нами сделали, с ветеранами? Почему постоянно высмеиваете, издеваетесь?.. Неужели только потому, что мы работали в те годы, когда командовал обществом “Моральный кодекс строителя коммунизма”? Или потому, что наша юность совпала с эпохой Сталина, а наше детство - с трагическим тридцать седьмым годом?

Да, много вопросов в этих глазах, а еще больше печали и боли. Но, говорят, что время отвечает на любые вопросы и лечит любую боль. Все это правда, но все равно такая правда не утешает, потому что эти люди - наши ветераны - подошли сегодня к своей последней возрастной черте. Они напоминают, наверное, тот весенний лед, который мгновенно тает, исчезает прямо у нас на глазах. И мы оглянуться не успеем, как он совсем исчезнет. Вот тогда, видимо, мы и вспомним про них добрым словом, а заодно и покаемся в своем тяжком грехе - мало, мол, ценили их и мало уважали. В конце концов, это родители наши...

Да, родители наши! И вот на этом слове я остановлюсь, успокою дыхание. А заодно и спрошу себя - а может, и сам я впадаю в грех - я их защищаю, а они меня не просили. К тому же защищаю их неуклюже, потому что не могу сдерживать нервов. Ох, эти нервы, нервы! Но ведь эмоции нынче не в моде. Мы же с вами решили, что входим в рынок и туда же тянем за собой культуру и

народное образование... И тянем так сильно, что уже изнурили себя, а заодно и душу свою. К тому же, согласитесь, это занятие не из легких. Конечно же, не из легких, если нравственность нынче пытаются разменять на коммерцию. Хорошо еще, что у нашей нравственности крепкие корни и такая же крепкая память. А память всегда толкает нас к прошлому, заставляя оглянуться на пережитое...

Да, оглянуться, задуматься. Сознаюсь, такое часто происходит со мной в последнее время. И помогает в этом бессонница. Лежишь с открытыми глазами и перебираешь как четки, прожитые годы. И поднимается в памяти далекое, сокровенное. А недавно вспомнился и первый юбилей моей учительницы истории Ивановой Варвары Степановны. В тот день ей исполнилось пятьдесят. В ее доме собралось много народа. Приехал и я из Кургана, студент-первокурсник пединститута. Помню, разговор за столом начался о возрасте. Кто-то стал утешать хозяйку бойким, уверенным голоском:

- Пятьдесят лет - это ерунда. Только-только все начинается...

- Ну почему же? - возразила хозяйка. И сразу же заговорила о другом - о самом заветном и наболевшем. - Вот прожил человек долгую жизнь и оставил после себя добро: и детей воспитал, и сад посадил, и дороги провел, и сыновьям построил по дому... А ведь был в деревне только плотником и только одно умел - хорошо топориком тюкать... Но вот подросли его дети и по другой ударились линии - стали механизаторами и агрономами, попали на стройку. А у этих детей - снова дети. И вот теперь примечайте: этим внукам-то уже труднее будет представить работу деда. Как он топориком своим тюкал...

- Что же делать?

- Вот угадай-ка, студент! - Она смотрит на меня хитровато, глаза улыбаются. И я тоже улыбаюсь, потому что знаю отгадку...

Задумала моя учительница Варвара Степановна создать сельский музей. На одном из собраний так и заявила народу: музей, мол, не роскошь, а большая необходимость. Нужно, чтобы внуки

наши знали, как мы жили, боролись, как воевали, какие песни пели, как выращивали хлеб, как воспитывали детей. И как в войну победили, как одолели разруху...

И взялась за работу. В сельских домах нашлись и старинные книги, и разная утварь. Разыскали даже героев Порт-Артура и портреты первых земских учителей. С особой любовью оформили стенд ветеранов Великой Отечественной, отразили и современный день. Нашлись и добрые помощники: кто-то принес выдавшую виды солдатскую фляжку, другой разыскал пробитую пулями гимнастерку, а давний мой друг Илья Лукич Галактионов принес в музей даже свой дневник жизни, озаглавленный "Моя жизнь с рождения и по сие время" Так вот, однажды мне пришлось дописывать этот дневник вместе с Ильей...

Однажды... Какое это легкое и мимолетное слово, точно пух с тополей, точно крылья весенней птицы. Только тень по небу - и вот уже нет ничего. Так и время летит - всего лишь вдох-выдох, всего лишь... И вот уже уехала от нас Варвара Степановна Иванова. Она еще успела увидеть, как музей перевели в новое светлое помещение - теперь бы развернуть новые стенды, увеличить экскурсии, но за это отвечали уже новые люди, другие хозяева. А старой хозяйке музея по семейным причинам пришлось переехать в Курган.

Этот переезд и стал роковым для музея. Варвара Степановна оказалась неповторимой. Из музея ушла душа, остановилось дыхание. И вот уже метнулись письма во все концы с просьбой о помощи. Пришлось и автору этих строк участвовать в спасении музея. Помню, как обращались мы во многие районные, областные инстанции. Просили мы и молодых учителей возглавить совет музея, обновить его экспонаты, возобновить экскурсии. Но они отклонили эту просьбу. Отклонили по той причине, что очень заняты в школе и во внеклассной работе, да и домашнее хозяйство, мол, разве забросишь?... И при этом смотрели на меня с каким-то непонятным упреком и говорили: хорошо было вашей матери с Варварой Степановной пахать с утра и до вечера. Ведь

их ничего не отвлекало. Они же не знали другого, кроме своих учительских обязанностей. У них и коровы-то даже не было, и ни гусенка, ни поросенка... В общем, фанатики они были, ну, если хотите, герои. И последнее слово произносилось с каким-то особенным придыханием, за которым было нетрудно услышать иронию, осуждение...

А ведь они и на самом деле - герои. Но если бы я назвал их так публично, то они бы жестоко обиделись, потому что ни о каком героизме никогда не думали. Да что тут! Просто эти люди не могли жить иначе. Просто такая жизнь для них была как бы запрограммирована с рождения. Так же, как течение у рек, синева у неба, зеленый цвет у растений... Да и разве замечает человек, как он дышит. Разве понимает птица, какая сила поднимает ее на крыльях.

И все-таки у тех героях, о которых я говорю, были свои предшественники, свои истоки. И среди них - знаменитые люди России: земские врачи, учителя, народники. Но если уже быть совсем точным, то я убежден - их корни запряты еще дальше, поглубже. Помните, у Пушкина: "Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье, не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремленье..." Это о декабристах, но разве только о них? Помните, у Чернышевского: "Таких людей мало, но они в ней - теин в чаю, букет в благородном вине: от них ее сила и аромат". Эти слова, конечно же, о Рахметове, но и не только... Эти слова из века минувшего перешагнули в век нынешний. Они стали как бы эталоном, эпиграфом к судьбам большим и значительным. К судьбам трудным и даже трагичным...

Но, может быть, я тоскую об исключительном, идеальном? Но почему же тогда это идеальное мы видели в самые тяжелые военные годы? И было оно - и в моем родном Утятском, и в моей родной школе, и в моих школьных тетрадках... Все эти вопросы для очень долгих ответов.

Я же продолжаю о музее. Мы остановились на том, что этот культурный очаг остался без хозяев, точнее - без хозяйки. И му-

зей стал погибать. Но он погибал медленно, не торопясь, и напоминал крепкого, сильного человека, которого подтачивает болезнь. У этой болезни был и диагноз - равнодушие и коммерциализация культуры. Но равнодушие - это понятно даже ребенку, а вот второе - понятие из новых. И оно заключается в том, что музею, чтобы жить, развиваться, нужно было самому зарабатывать деньги. Это значит - вести коммерческую деятельность, разворачивать какую-то куплю-продажу. Но это смешно и нелепо, ведь речь идет о сельском народном музее. Конечно, все это смешно и непродуктивно, но если больного не лечат, то он умирает. Так и случилось - наш музей вскоре умер, а его экспонаты стали разбирать по домам...

Да, есть такие дни, такие минуты - сразу после теплой снежной метели - когда природа точно сияет. Еще вчера кружил мокрый снег, хмурилось небо, и птицы печально кричали, а сегодня уже - настоящий праздник и на земле, и на небе. И даже бор наш утятский стоит, точно умытый: каждая сосенка плывет перед глазами отдельно. И крыши домов тоже выглядят по-молодому и точно бы протерты тряпкой. И дорога тоже блестит и сияет от наледи. А солнце, какое солнце! Разве его выразишь, разве опишешь! И все вокруг радуется, приветствует солнце, этот синий небесный свет - эту надежду. Потому и громко гогочут гуси, мычат телята. И на нас, грешных, в такие минуты тоже находит какое-то оцепенение, задумчивость, а часто и беспричинная радость. Да, да, радость, волнение, и нам уже начинает казаться, что мы в мире не одиноки, что есть, есть еще где-то под небом такая же жизнь, такие же люди. И что в самом нашем рождении есть еще другой, непостижимый, тайный смысл, и этот смысл никому неподвластен. Но все равно от этого - успокоение и надежда на новые дни...

И вот сейчас какой-нибудь строгий мой оппонент нахмурит сурово брови и спросит - ну а какой же здесь смысл? Какие выводы вы делаете, товарищ писатель, какие итоги?.. Ну что на это ответить. Да и надо ли отвечать. Зачем везде и всюду искать какие-то подтексты и смыслы. Я уже говорил об этом вначале, теперь

повторюсь. Просто я хотел этим людям сделать последний поклон, признаться в любви. Только признаться - и все... Но если кто-то из вас решится на то же самое - я буду бесконечно взволнован. Я буду даже счастлив, честное слово...

А теперь давай вспомним, мой терпеливый читатель, как в самом начале мы заговорили о свече в храме, зажженной твоей рукой. Она ведь, свеча эта, все еще горит там, горит и не потухает, призывая к себе всех заблудших, озябших в наше холодное, ненастное время. И к этой свече идут и идут люди. Ты чувствуешь, видишь, что их с каждым годом все больше и больше, и скоро никому уже не сдержать этот могучий людской поток.

Да, вы правильно поняли меня - эти люди на пути к храму. И мы с вами давайте тоже присоединимся в нем, давайте покрепче прижмемся друг к другу плечами. Ведь на этом пути нужны будут все - и старые, и молодые, и правые, и виноватые, и те, кому перевалило за семьдесят, и те, которые еще только-только оторвались от колыбели. И вот ради этих, последних, мы и должны укрепить свое сердце, свою мораль, свое государство, еще теснее сплотиться друг с другом, как уже не раз с нами бывало во время тяжелых российских ненастий. В конце концов, все злые ветры не вечны, и все ручьи неминуемо сольются в реки, а те выйдут к большой воде, к океану... И ради этого стоит жить.

ПУШКАРЕВА
Наталья Александровна

Член Союза писателей России,
город Курган

* * *

Вы хоть раз ощущали, как мертвые просят молитвы,
Ранним утром, когда на земле еще очень темно,
Как свои имена произносят в молитвенном ритме
И с тоскою глядят в заметное за ночь окно?

Я спешу к образам, помогаю свече разгореться,
Открываю псалтирь так, как батюшки делать велят.
И их светлые лица всплывают из дальнего детства,
И их темные тени в священном пространстве скользят.

Мой помянник давно переполнился их именами.
Я их знаю всю жизнь - лет, наверное, с трех-четырех:
Парасковья, Устинья, Филипп, Евдокия, Татьяна...
И вздыхает свеча, и задумчиво слушает Бог.

Вот и легче теперь, и молитвенный час на исходе.
Просыпается солнце, светлеют в углу образа.
И я вижу, как те, кто со мною молился, уходят,
Растворяясь в рассвете, обратно к себе в небеса.

Я недвижно стою, я боюсь их воздушность нарушить.
Эта легкость и мне сообщается кем-то сейчас.
Это значит, что мы помогаем очистить им души,
И они в вышине тоже молятся тихо за нас.

Потому-то в беззвучии спящей под снегом деревни,
Когда слово живое ушедшего может согреть,
Не забудьте о том, что и нам скоро выпадет время
В занесенные окна с безмолвной надеждой смотреть.

ЗАПОЗДАЛОЕ

Я очень редко говорила с дедом.
Гораздо реже, чем бы он хотел.
Я не сочла беседу важным делом
Даже тогда, когда он заболел.

А он всё ждал, смотрел без укоризны,
Не требовал, не ныл и не ворчал.
Считал недели ушедшей жизни.
Потом минуты. И опять молчал.

Мы всё спешим, всё что-то не успели,
Куда-то всё боимся опоздать.
А человек, прикованный к постели,
Нас, с нашей точки зренья, должен ждать.

Мы слабость в окружающих не любим,
Пока бессилье не приходит к нам.
Мне жаль, что я не отношусь к тем людям,
Что боль других читают по глазам.

Унынья груз мы тащим в наказанье,
С годами начиная понимать,
Что самое большое опозданье –
Увидеть опустевшую кровать.

Я очень мало говорила с дедом.
Гораздо меньше, чем бы я могла...
Теперь хожу к могиле с первым снегом,
Ношу ему ненужные слова.

*Матери священников
Лидии Ивановне Лобовой,
маме моего духовника*

Я вижу словно сотканных из света,
Седых старушек в выцветших платках.
То матери священников, от века
Качающие Церковь на руках.

От них тепло, как от свечей пасхальных,
Их сердце верой чистою горит.
И Матерь мира с тихой печалью
На них с икон намоленных глядит.

Они плывут по ангельской дорожке,
Их лики светлы, и шаги легки.
Мне кажется, что вот еще немножко, –
И души оторвутся от земли.

Зачем им взлеты горделивых башен,
К чему им пыль палат земных царей?
Они стоят молитвенно на страже
Своих служащих Правде сыновей.

Как велика их внутренняя сила,
Как неподдельна Божья благодать!
Хотела бы и я такого сына
Во славу Церкви Русской воспитать.

Мне не прорваться к этой выси новой,
Когда святые с ними говорят.
О матери, поставившие Слово
Превыше званий, денег и наград!

И каждый раз, когда под небом грозным
На Крест восходит новый иерей, –
Я чувствую, как трескаются гвозди,
Врезаясь в руки этих матерей.

* * *

Мы в заботах по горло и выше,
То вон там неполадки, то тут.
А в селе, замеченном по крыши,
Нас усталые матери ждут.

Одиноко глядят на дорогу
Через ветхий, изношенный тын:
Не приедет ли дочь на подмогу?
Не придет ли единственный сын?

А у нас не приехать причина –
Вызвал шеф, болен брат, встречен друг...
А у них – за морщиной морщина,
За недугами – новый недуг.

И ложится на тонкие пряди,
Как на нити замерзнувших рек,
Беспощадно, упрямо, рядами
Несгоняемый веснами снег.

Мы по их караваям скучаем,
По засоленным в зиму грибам.
И однажды мы все ж приезжаем,
Но уже не к грибам, а к гробам.

И тогда мы себе в утешенье
На могилах сажаем аир.
Но не служит он там украшением
Дорогих материнских могил.

А над ними алеют рассветы,
И звенит соловьиная трель...
Заклинаю вас, взрослые дети:
Навещайте живых матерей!

Бабкиным
Петру Кузьмичу и Лидии Венедиктовне

Сквозь прошлое в искорках радужных,
Сквозь дымку исчезнувших лет
Мне видится милая бабушка,
Мне чудится ласковый дед.

Они то как дождь, то как солнышко,
Порой то хваля, то браня,
Меня собирали по зернышку
И были мне, словно броня.

У них я училась, как надобно
К колодцу приладить ведро.
От них услышала, что надо бы
Дарить людям только добро.

Мир детский, фантазией наполненный...
Надолго запомнилось мне,
Как с бабушкой мы в тихой комнате
Читали стихи о войне.

И стены дрожали беленые,
Когда мне казалось, что тут
Шли танки мазутно-зеленые,
И сыпался майский салют.

А дед мой слыл мастером знающим:
Клал печи и ставил стога,
Гармошку любил и меня еще
Учил щекотать ей бока.

С тех пор горки сделались кручами,
Ушли беззаботные дни.
И стало понятно, что лучшее
В меня заложили они.

Прижавшись ко мраморным камешкам,
Я тихо шепчу им вослед:
«Прости меня, милая бабушка!
Прости меня, ласковый дед!»

Я СЛУШАЮ МАМУ

Я стала звонить своей маме чуть чаще,
Мне это казалось доселе излишним.
Я долго искала везде свое счастье,
Оно ж оказалось и проще, и ближе.
Мы с ней говорить стали чаще подолгу,
И, пусть она этого даже не знает,
Я диск телефона кручу не по долгу,
А лишь потому, что так сердце желает.
Мы с ней разговаривать стали о многом,
Мы с ней разговаривать стали о разном:
О добром и гнусном, о светлом и темном,
Веселом и грустном, заботном и праздном.
Мы с ней перестали стесняться друг друга,
Что вот, мол, осудит, да вот, мол, обидит.
Мне мама – как лучшая в мире подруга,
И мама во мне собеседницу видит.
Так что же случилось, и как же так вышло,
Что мы породнились так крепко душевно?
Наверно, я стала и старше, и выше,
И в чем-то на маму похожа, наверно.
Быть может, успехи ее повторяю,
Быть может, ее повторяю ошибки.
Но знаю я, что ничего не теряю,
Пока светят мне ее взгляд и улыбка.
Хотелось бы свет этот впитывать вечно.
Но это, к несчастью, совсем невозможно.
Поэтому каждый свободный свой вечер
Я слушаю маму, пока это можно.

*Моим дедушке и бабушке –
Петру Кузьмичу и Лидии Венедиктовне*

Я смотрю на своих стариков –
Удивительно добрые лица!
В их морщинах – печати годов,
Что успели уже накопиться.

В их глазах – свет надежд и тревог,
Свет мечты, что лелеют все время:
Чтобы дети, шагнув за порог,
Возвращались домой поскорее.

Их навеки поставленный дом
Снова ожил от множества звуков:
На крылечке парным молоком
Угощают проказников-внуков.

Все как раньше – дрова на полу,
Две бадейки с водой у порога,
И икона в переднем углу
С ликом доброго мудрого Бога.

Так же ходики мерно стучат,
Провожая ленивое время,
Фотоснимки на стенах молчат,
Да скрипят потемневшие двери.

И такая щемящая тишь
Перемешана с нежною грустью,
Что в подполье пугливая мышь
Не решится сухариком хрустнуть.

Снова жарко натоплена печь,
И в сенях пахнет луком и хлебом...
Я хочу под навесом прилечь
И укрыться безоблачным небом.

И, как в детстве, увидеть во сне
Развеселого милого гнома...
Что я счастье ищу на земле?
Ведь оно начинается дома.

РАЕВА
Татьяна Ивановна

Родилась в г. Далматово. Закончила школу с золотой медалью, была победительницей олимпиад по физике и математике. Закончила Катайский педагогический институт в 1973 году. В 1981-м закончила художественно-графическое отделение Нижнетагильского пединститута.

Имеет опыт преподавательской деятельности в детской художественной школе, педучилище, вузе.

МНЕ ВЫПАЛО РЕДКОЕ СЧАСТЬЕ

Мой отец Канюков Иван Георгиевич был замечательным человеком. Год рождения - 1921.

Он был ярким представителем поколения, которое победило в войне, обладал исключительными человеческими качествами. Таких, как мой отец, осталось в живых считанные единицы, поэтому я обязана рассказать о нём.

Семнадцатилетним, в 1938 году, он угодил в тюрьму по доносу, написанному председателем сельсовета. Его обвинили в краже чернильного прибора. Самое поразительное в этом факте то, что автором доноса был его отец, то есть мой дедушка. Можно по-разному отнестись к этому поступку, но я оправдываю его, так как считаю, что этим дед спас своего сына от мобилизации накануне приближающейся войны. Оправданием ему служит то, что в 1956 году дедушка умер от фронтальной контузии.

Когда срок заключения закончился, война ещё продолжалась, но Ивану Канюкову дали бронь, так как он единственный из всех работников завода, производящего продукцию для фронта (тюрьма

была при заводе), разобрался в сложных американских станках и был незаменимым их наладчиком и механиком.

Незаурядные его способности проявлялись во всём, он был человеком «без горизонта». О широте его интересов говорит то, что он выписывал журналы «Вокруг света», «Наука и жизнь», «Техника молодёжи», «За рулём» и другие. Сложнейшие кроссворды папа «добивал», не напрягаясь, поражая меня знаниями техники, природы, астрономии, географии и вообще самых немыслимых

вещей. И это всего лишь при его школе-семилетке и художественном училище. Мы как-то с отцом считали его профессии, в которых он был первоклассным специалистом. Насчитали около полусотни и бросили: надоело считать.

Как-то папа прочитал в «Науке и жизни» статью по филологии, объясняющую выражение «Не видно ни зги». Какой-нибудь ограниченный человек даже не взглянул бы на учёную статью, а папа не только прочитал, но и не согласился с объяснением выражения и возмутился: «Так, если «зга» - колечко, на которое вешается колокольчик, то его и в хорошую погоду не видно, оно маленькое, как это не понять, а ещё академик?». И он написал этому академику письмо со своей версией трактовки выражения. Отцу от академика пришёл очень вежливый и уважительный ответ на письмо.

Уважать моего отца было за что. Он был абсолютно бесстрашным и мужественным человеком. Не было ничего, чего бы он испугался. Однажды он работал в саду и услышал звук мотора своего мотоцикла: кто-то завёл, что бы угнать. Прямо с забора

папа прыгнул на спину угонщика – молодого, здорового мужика, причём на ходу мотоцикла. Как-то у меня сломался дверной замок, возникла необходимость спуститься по верёвке с балкона пятого этажа на четвёртый. Мой двоюродный брат только взглянул вниз и категорически отказался, а папа проделал эту операцию легко.

Испугавшись за него, я высказала ему свои волнения. На это он мне сказал: «Так это же ерунда. Я в войну на заводе залез на трубу высотой не меньше пятого этажа, причём на ней не было скобок, а только круговые стяжки. Обмотал ноги петлёй из верёвки, добрался до конца трубы, устранил неполадки и слез». Насколько это было трудно сделать, можно понять по награде – в период войны она была царской. Ивану Канюкову дали за ремонт трубы 2 булки хлеба и три дня выходных. Отсыпался отец только один день, потом вышел на работу, а хлеб поделил с товарищами.

Летний, жаркий день. Вдруг все люди на пляже всполошились: увидели тонущего человека. Единственный, кто бросился в воду, был мой отец. Только он подплыл к тонущему мужчине, тот вцепился в него и стал топить. Отец рассказывал: «Я его от себя оторву, он под воду уходит, я его достану, он опять на меня». Так было, видимо, не один раз. И, пока тонущий мужчина не нахлебался, не отключился, спасатель ничего не мог с ним сделать.

Потом отец стал толкать его к берегу: «Толкну его вперёд и, пока он под воду уходит, я немного подплыву». Добрались до мелководья, а там мужики забрели в воду, подхватили бедолагу и начали откачивать. «А я домой пошёл – накупался», - со свойственным ему юмором вспоминал отец. Отец был очень скромным человеком, и о его героическом поступке я узнала случайно, через несколько лет.

Четырнадцатилетним подростком всего несколько минут подержал в руках и посмотрел фотоаппарат. Его родителям купить такую дорогую вещь не было никакой возможности, тогда Ваня склеил фотоаппарат из картона (!), что-то смастерил и пять лет фото-

графировал им. У нас в семье до сих пор хранятся фотографии, сделанные этим устройством. Мой отец был фотографом экстра-класса. Способности к изобразительному искусству у отца были такие, что, если бы он учился рисовать, стал бы отличным художником.

Феноменальное мастерство моего отца проявилось и в том, что он был уникальным специалистом по ружьям. Оказывается, мастеров, способных сделать приклад «по человеку», гравировать, воронить, ремонтировать ружья, считают поштучно. К Канюкову ехали люди из Свердловской, Пермской, Омской области, был даже заказ из Москвы на ремонт уникального, старинного немецкого ружья «Зауэр». Мой отец мог сделать всё, что можно сделать руками, и каждое его изделие потом хоть в музее выставляй.

Немудрёная вещь – тяпка. Папа сделал их две штуки. Наклон лезвия у них был так гениально вымерен, что работать ими было удобно и легко. Соседи взяли одну и не вернули её, объяснив: «Иван, ты ещё тяпку сделаешь, а эту нам оставь. После твоей другую тяпку в руки брать не хочется».

Сейчас я сознательно стараюсь быть похожей на отца. Особенно мне нравилось в нём его основное качество: никогда не делать людям ничего плохого, только добро.

В трудные минуты я говорю себе: «Я всё смогу, я выдержу, я дочь Ивана Канюкова». Для меня эти слова – лучший допинг. Мне выпало редкое счастье иметь замечательного отца.

РАХИМОВ
Урал Нигаматович

Родился 6 июля в 1951 году в многодетной семье в селе Сафакулево. В 1969 году закончил школу и после окончания Куртамышского сельхотехникума вся его трудовая деятельность прошла в районном цехе связи линейным монтером, станционным электромехаником линейного оборудования.

КОНИ, МОИ КОНИ...

Посвящается моему отцу Нигамату

Пенсионный возраст - самое время для размышлений. Строить планы на будущее как бы уже не имеет смысла, гораздо лучше жить днём сегодняшним, а вот вспоминать прошлое полезно и интересно, причём, так и хочется написать книгу. Особо увлекают меня воспоминания связанные с лошадьми, которые так или иначе сопровождали нашу семью всю сознательную жизнь. Со временем понял, что лошадка, запряжённая в сани или телегу, поневоле разделит судьбу ямщика или просто человека с кнутом, куда бы дорога его не завела. Первое моё воспоминание о поездке на санях сохранилось в памяти ярким лучиком, который не угас до сих пор. Дедушка, возвращаясь из поездки, заехал к нам попутно на своей лошадке, запряжённой в старые самодельные сани. Сугробы в ту зиму были особенно велики, во всяком случае, детям так кажется всегда. Лошадка, понукаемая дедом, рысила к дому. На раскате сани занесло, и меня, как пушинку, по инерции забросило в сугроб. Пропажу дедушка обнаружил только во дворе. Возвращаться было недалёко, и вскоре я снова был в санях.

После возвращения с фронта мой отец, будучи армейским связистом, устроился в районный узел связи, желая работать по специальности. Однако предприятию требовался работник умеющий обращаться с лошадьми, а не технический специалист. Пришлось согласиться, тем самым подписав себе “приговор” на четверть века: быть при лошадках в качестве конюха, кучера или экспедитора. Трудностей было немало, но где их не бывает, тем более, что выбора другого просто не было, да и платили за труд на подобных должностях везде одинаково низко. Узел связи на то время занимался почтовыми услугами, развитием и эксплуатацией телефонов и радио. Со временем электросвязь выделили в отдельную организацию, но почте оставили телеграф и коммутатор с телефонистками. Однако возить почту из города Щучья не переставали, какая бы власть ни была. Возили даже тогда, когда ликвидировали Сафакулевский район.

Узел связи имел свой конный двор, находился он вблизи Прудка, возле кирпичного здания ветлечебницы и подсобного двора местного сельпо. Позднее на том месте построили вместительный гараж для автомобилей Райпо, а ветстанцию переоборудовали под холодильник того же Райпо. Все постройки конного двора деревянного типа, собственно конюшня, подсобка и небольшая территория были огорожены плетёным забором. На ночь в конюшне собиралось всё поголовье лошадей. Лет с семи-восьми и старше помню, что на почте были жеребцы по кличке Грозный, Гнедой, Пегий и кобылицы – Ласточка и Серко. Грозный был крупным и статным конём, короткошерстный, темно-коричневого окраса со звёздочкой на лбу и крутого нрава. Имел, как и остальные жеребцы Племенное свидетельство с соответствующими записями. Признавал он только отца и даже особым пофыркиванием приветствовал его появление. Запрячь в повозку Грозного для нас, детей, было проблемой, он всегда старался ухватить зубами за что попало, и обязательно лягал при удобном случае. Остальные лошади тоже имели свои повадки, но были покладисты и не требо-

вали особой осторожности при обращении с ними, хотя остерегаться этих животных надо всегда! Известно, что дети рано или поздно будут общаться в кругу интересов родителей, тем более, что животные как магнит притягивают к себе детские души, а уж прокатиться верхом или на телеге - первая необходимость. Любая лошадь, существо живое, требует повседневного ухода и внимания. Вот здесь даже детские руки никогда лишними

не бывают. Рабочая лошадь трудится на протяжении всей своей жизни, срок этот от десяти-пятнадцати лет и больше. За то время мы, дети бессменного конюха-возчика, доставщика корреспонденции нашего отца Нигаматьяна, выросли, находясь в постоянном общении с этими умными и красивыми животными.

Отец, Нигаматьян Рахимьянович, или попросту - Нигамат, с утра пораньше отправлялся в город Щучье за почтой и к обеду возвращался в контору связи. Далее на других лошадках сопровождающие развозили корреспонденцию по населённым пунктам района по специальным маршрутам: от конторы связи села Сафакулево через населённые пункты Фёдоровка, Даньково, Сухоборка до узла связи города Щучье, 33 километра. Даже такому жеребцу, как Грозный, стоило немало усилий преодолеть это расстояние и с грузом возвратиться обратно. Понятно, если не задать ему на ночь овса, травы или сена и вовремя не напоить, то на другой день к обеду он в родное село вернуться не успеет. Сейчас новому поко-

лению расскажи всю подноготную доставки почты гужевым транспортом, то это трудно представить: как могли наши предки такое успеть, находясь на открытом ветрам жёстком облучке повозки, зачастую и по бездорожью. Не легче было и на доставке почты в отделения связи. Отец особенно «уважал» маршрут на Аджитарово через Киреевку, Карасёво, Мансурово и обратно. Кругом хорошие знакомые или родственники. На свежем воздухе по естественным причинам разгорается аппетит, да и натрясёт за дорогу в ходке, будь здоров, а по зимнику даже и в тулупе намёрзнешься. Сердобольные люди отогреть с морозца старого знакомого у самовара считали за честь. Чего греха таить, перед чаем лучше согреваешься, пропустив стаканчик винца, а ещё лучше, если два. Дорога быстрее проходит, когда едешь навеселе, забываются тяготы повседневного труда. Случалось, и засыпать в ходке. Кобылица Ласточка, не чувствуя понукания возчика, возвращалась к дому и ржанием подавала сигнал хозяйке о своём прибытии. Вообще лошадь умное животное. Об этом как бы все знают, но большинство чисто теоретически. Вот как у нас случалось на практике. Однажды пришлось нам с мамой вместо отца отвезти корреспонденцию в Яланское отделение связи. Доезжаем до болота на пятом километре. Дорогу преградила вода, затопившая ложок и часть колхозного поля, находящегося с правой стороны от дороги. Набравшись духу, рискнули переехать затопленный участок. В самой низине вода полностью скрывала колёса, доходя до уровня кошевы. Незабываемый экстрим для нас и для лошади.

Вообще Ласточка была самой любимой нашей лошадкой. Специально ходили с братишкой на конный двор пообщаться с животными, поиграть, подурачиться. Однажды Ласточка за мою назойливость слегка прижала меня копытом передней ноги к земле и долго держала так. Не приди в это время отец, неизвестно - стал бы я зоотехником или так бы и остался в памяти родителей ребёнком пионерского возраста. Как-то летом отец послал нас искупать Грозного и кобылиц на Прудке. Мне поручил ехать верхом на

Грозном, а братишке достались Ласточка и Серая. Купание, оказывается, по нраву не только детям, но и лошадям. Грозный с ходу вошёл в воду и принял душ. Меня, как излишнюю вещь, сбросил с себя и стал шарахаться в воде, бросаясь из стороны в сторону. Насладившись купанием, стал гонять кобылиц в воде. Те вынуждены были покинуть водоём. Кое-как удалось поймать жеребца за уздечку и снова оказаться на его спине.

Держать лошадей – целая наука. От грамотного содержания зависит благополучие и работоспособность этих животных. Круглогодично лошадь находится в экстремальных условиях. Летом их достают оводы и мошкара, зимой после долгой или скоростной езды необходимо увести за ветер и накрыть попоной. Ни в коем случае в это время не поить, нужно дать остыть.

Известно, что дёготь – первое средство от слепней. Натирают им морды лошадей и вымя кобылицам. Вообще дёготь универсальное средство в коневодстве. Им смазывают ступицы колёс, чтобы досрочно не перетерлись оси и колёсные втулки, а на зиму покрывают деревянные конструкции колёс и вывешивают в закрытом помещении. От правильного и своевременного кормления лошадей зависит их работоспособность. В общественной конюшне во всю её длину был изготовлен камэ, своего рода лоток, куда засыпали овёс. Овёс – необходимый элемент питания лошадей, и экономить на нём нельзя. Поят лошадей досыта, желательнее дважды в сутки чистой водой. К зимнему сезону всех лошадей ковали. Подковы ставил ковальщик, проживающий в селе Даньково, туда и водили коней. К лету подковы снимали, осматривали копыта, очищали их, срезали обломленные края. При необходимости обращались к ветврачу. Тавра/клейма/на почтовых лошадях не было. Но отличить свою лошадь можно по особым завиткам в форме улиток, которые есть у каждой лошади на голове или на шее. Это примерно как завиток на макушке у человека, а у некоторых их два.

Самая ответственная пора для отца наступала с началом сено-

косной компании. Обеспечить лошадей кормом – наиважнейшая задача. Пора эта длилась до самых заморозков. Благо, если травостой удался. На покос снаряжались несколько человек от организации. Косили на одной из лошадей сенокосилкой, подкашивали вручную. Известно, что здоровая лошадь съедает больше коровы в два-три раза. Прокормить зимой 5 рабочих лошадей – всё равно что держать стадо из 12-15 коров. Чтобы не чистить потом Авгиевы конюшни по методу Геракла, надо ещё каждодневно убирать за ними навоз, не говоря уже о кормлении и поении. Летом, с одной стороны, проще. Часть корма лошади добывали сами. Их выгоняли на аэродром и спутывали. Перед темнотой загоняли в загон при конюшне и что интересно - сторожа при них не было. И не было случая, чтобы лошадь или упряжь похитили.

А вот свою черную кобылу с жеребёнком отцу сохранить не удалось. В советские времена кроме коровы, участникам войны разрешалось держать в хозяйстве лошадей с приплодом. 19 января 1987 года отец с родственниками в семейном кругу отмечали юбилей. Кто-то из числа знакомых был хорошо осведомлён об этом, и конокрад, называю его своим именем, воспользовался моментом: незаметно вывел кобылу с жеребёнком из конюшни через огородные ворота. Поиски не привели к успеху. Иногородняя знахарка сказала, что лошадь находится на территории соседнего Альменевского района, но её не найти. Скорее всего, её сразу пустили на махан, ну не выступать же на ней в скачках на Сабантуте для всеобщего обозрения.

Во второй половине 50-х годов конный маршрут в Щучье заменили, стали использовать трактор “Беларусь” с тележкой. Сократилось время доставки, улучшились условия труда работников. Сразу отпала необходимость содержать излишнюю часть лошадей. Со временем конные маршруты по району отошли в прошлое. Лошадей ликвидировали. Узел связи стал пользоваться наёмным гужтранспортом, арендовав лошадей в хозяйствах района. Нужда в конюхе отпала, хотя другой работы на предприятии для отца всегда

хватало. Пора было подумать о себе. До пенсии оставалось чуть больше пяти лет, а с таким заработком пенсия получится не более 70 рублей. Без труда удалось устроиться разнорабочим в ПМК, переквалифицировавшись в строителя.

Иногда, в порыве ностальгических чувств, хочется вернуться в те добрые времена, запрячь своими руками непокорного Грозного или добропорядочную Ласточку и уехать куда подальше от мирской суеты...

САЛАМАТКО

Нина Ивановна

Учитель истории и обществознания Губернаторской Куртамышской кадетской школы-интерната. Имеет активную жизненную позицию, является внештатным корреспондентом районной газеты «Куртамышская нива». Участница Всероссийского литературного конкурса «Вечная память», посвященного 65-летию Победы советского народа над фашизмом.

ПАМЯТИ ДЕДА

Раннее утро очередного рабочего дня, и я спешно подвожу слегка отстающие именные дедовы часы. Эту семейную реликвию берегу как вечную память о ветеране Великой Отечественной войны Саламатко Григории Захаровиче, любимом деде, который своей неординарной деятельностью создал на долгие годы непревзойденный авторитет нашей семьи.

В пригородном селе Моники недалеко от Воронежа восемнадцатилетний Григорий слыл завидным женихом: высокий голубоглазый шатен из богатой кулацкой семьи, с неизменным чувством собственного достоинства. Он был надежной опорой отца Захара Игнатьевича в нелегком крестьянском труде.

Отец и сваха советовали жениться ему на девушке из зажиточной семьи соседа Ивана Глушко, но Григорий безоговорочно оставил свой выбор на длинноволосой Ганне – равной по красоте высокомерной трудолюбивой швее-полячке в Мониках не было.

Молодожены зажили на зависть всем сельчанам дружно и счастливо. Непьющий, некурящий трудолюбивый Григорий удивлял Ганну своей рачительностью, хозяйственностью и мастерством на все руки. Счастье благополучия омрачала вечерняя тишина в

новом огромной доме – детская комната оставалась невостробованной. А может, это было и к лучшему...

В январе 1936 года семья Саламатко была раскулачена и сослана в Казахстан в поселок Конезавод Кустанайской области. С небольшим узелком белья молодых раскулаченных местный председатель заселил в деревянный барак для переселенцев.

Долгое время к Григорию односельчане приглядывались, с недоверием относились к «врагу народа», но хозяйственная жилка Захарыча, его огромное трудолюбие и мужская хватка заставили уважать моего деда. Вскоре чета Саламатко выстроила дом на берегу реки Тобол, родился долгожданный сын Иван, для его будущей семьи рядом был построен небольшой домик. Большой огород, бахча, три коровы, свиньи, овцы и золотые руки хозяев сыграли огромную роль в материальном благополучии переселенцев, которые спустя несколько лет стали давать займы малоимущим семьям односельчан.

Ганна выронила ведро с молоком – Григорий молча протянул ей повестку...

Прощались молча, без слов, каждый знал, что ничто не сможет разлучить их семейный союз. Дед был скуп на слова любви, но она четко знала, что женщин, кроме неё, у него не было и никогда не будет. А горе у всех одно – война!

30 сентября 1941 года началось генеральное наступление немцев на Москву. Целью было взять город до холодов.

...Раннее ноябрьское утро 1941 года волновало и тревожило старшего сержанта Григория Саламатко. Впервые в своей жизни он оказался в столице Родины – Москве, он участник военного парада на Красной площади, а потом прямо на передовую, в бой на ненавистного врага.

... Резкая боль в правом боку и бедре, всё тело обдало жаром. Не осознав случившееся, в бешеной горячке с криком «Ура!» Григорий ещё пробежал несколько метров во главе подразделения, освобождавшего город Клин под Москвой. И вдруг в глазах по-

**На старом фото
1956 года
изображены
супруги Саламатко -
Григорий и
Ганна, а также их
внуки
Нина и Василий**

темнело, и кровь как будто хотела вырваться из носа, ушей, глаз. В голове звучало одно и то же: «Только не плен! Только не «без вести...»!

Григорий очнулся от прикосновения хо-

лодной руки: перед ним в военной форме медсестры, судорожно вздрагивая от холода и выстрелов, сидела женщина средних лет и перевязывала его окровавленную ногу.

- До брички авось дотащу, - сказала медсестра, - а там легче будет!

Превозмогая боль, Григорий поднялся, вовремя подхваченный медсестрой, матерные слова летели из уст сами собой.

- Ругайся, миленький, ругайся, шагнём раз, ещё раз, - спокойно твердила Нина, надрываясь под тяжестью тела молодого истекающего кровью сержанта.

Лошадь рванула и рысцей побежала по умолкнувшему полю боя, каждой ухабиной отдавая острой болью в кровоточащие раны.

Нина, так звали спасительницу-медсестру, слегка подстёгивала

лошадь, постоянно оглядывалась на еле дышащего солдата, почти сутки пролежавшего в огромной зеленой воронке.

Взрывы раздавались всё чаще и чаще. Григорий почувствовал сильный рывок испугавшейся лошади. В одно мгновение бричка перевернулась, но лошадь продолжала бежать, и, как в замедленном кино, Григорий видел, лёжа на земле, этого красавца-жеребца с развевающейся гривой, с гордо вскинутой головой и... взрыв, и все растворилось в сером дыме.

Ценой каких усилий удалось Нине дотащить моего деда до передовой, самому Богу известно.

Полгода Григорий лечился в госпитале. Был комиссован. Ганна пешком ночью, как только узнала от председателя, что Григорий Захарович приехал в районный военкомат, пришла встретить долгожданного мужа-героя.

Дед долго ходил с бадожком, ноющая боль давала о себе знать ежедневно. Но умелые руки не знали покоя: медленно, но основательно и по-хозяйски дед отстроил новый курятник, коровник, обновил палисад и изгородь огорода. С помощью соседей на земельном участке прямо над кручей реки Тобол сделал колодец, воду из которого брали люди с ближайших улиц, уж слишком вкусна была водица.

Через год домохозяйской жизни администрация Конезавода пригласила Григория Захаровича Саламатко возглавить самый ответственный участок совхоза – конный завод, который по заданию райвоенкомата занимался отправкой на фронт крепких, здоровых лошадей орловской породы, а в мирное время – селекционной работой по выращиванию племенных особей кустанайской породы, устойчивой к суровому климату казахстанской жары и жгучим холодным зимним ветрам. Кустанайская порода была выведена путем сложного воспроизводительного скрещивания казахских кобыл с калмыцкими, донскими, стрелецкими, орлово-ростопчинскими, англо-арабскими, а также высококровными и чистокровными верховыми жеребцами.

Целыми днями, а иногда и ночами Ганна не видела Григория. То ли от того, что на фронте конь спас ему жизнь, то ли от того, что всё дело было в его твёрдом характере – делать все всегда хорошо, но дед был фанатично влюблен в свою профессию коневода. С какой гордостью он показывал мне, малолетней внучке, которую, кстати, назвал сам в честь медсестры Нины Викторовны, которая спасла ему жизнь на огненной передовой, свою Красную конюшню – чудо архитектурного сооружения дореволюционных времен. В чистеньких, побеленных белой известью денниках стояли красавцы-лошади кустанайской породы, по своим показателям превосходящие, по словам деда, все существующие. Обычным делом было, когда деда в ночь рабочие или сторожа конюшни звали для спасения жеребчика или кобылы, которая не могла произвести на свет потомство. А дед, как настоящий цыган, мог часами разговаривать, надавливать и принимать мокрого, измученного, с белой звездочкой на лбу жеребёнка. Как малое дитя кормил больного и слабого животного из соски с бутылочкой или из ведра с помощью пальцев, засунув новорожденного мордочкой в молоко.

Когда вырастали в буквальном смысле выласканные дедовскими руками молодые подростки, красногривые жеребчики, дед обучал их первым шагам верховой езды. Мы, ученики Конезаводской восьмилетней школы, на всех переменах бегали смотреть, как дед на огромной длины вожжах водил на кручу необъезженного «мустанга», гордо вскинувшего шею, с растрёпанной гривой, в кровь искусавшего удила, не подпускавшего к себе никого. Дед, на расстоянии разговаривая с неукротимым, то подводил его к себе, сматывая короче вожжи, то отпускал, крича вдогонку одобрения и похвалы. И ведь знал, в какой момент можно сесть на новобранца-скакуна, и тогда уж Григорий Захарович на зависть всем мальчишкам школы со скоростью ветра джигитовал по тренировочному ипподрому...

Не с желанием, но все-таки приходил на пионерские сборы, рас-

сказывал о минувшей войне, о страхе, который он испытал в первые дни прибытия на передовую.

- Умереть боялись все, но пропасть без вести, сдаться, попасть в плен – ещё больше, - рассказывал дед.

Много раз слышала из его уст такой случай. При наступлении их батальона под Москвой между атаками миномётного огня они курили в воронках с Виктором из-под Одессы – не знал парень страха ни в чем. На всякую «трагедию» у него была своя «комедия». Григорий его обожал, сдружились, помогали друг другу, в бой шли плечом к плечу.

- Помню, - говорил дед, - бомбило невыносимо, весь в грязи, лежу, уткнувшись в землю лбом, и слышу:

- Гриш, кончай корриду, хватит рогами землю пахать. Передохни и, как бык, хошь на двух, хошь на четырёх ногах беги в блиндаж! Может, там спасение. Рядом, кроме нас, никого нет уже в живых...

Григорий поднял голову. Виктор лежал рядом на спине как-то странно, вытянув руки по швам:

- Автомат мой возьми, твой вон весь разворотило, да сапоги мои одень, они у меня новые.

- Ты чего, Вить?

Дальше дед всегда рассказывал со слезами на глазах: Виктор улыбался, глядя на Григория.

- Все, Гриша, моя коррида закончилась.

Когда Григорий схватил друга за плечи и начал поднимать, чтобы напоить из фляжки, кровь ручьем лилась из головы и спины...

Сколько горя перенесла тогда Россия! Не без слез вспоминал дед случай, когда его пехотный батальон форсировал линию огня, а мимо на телегах везли раненых солдат. В минуты передышки один раненый, весь в бинтах – одни глаза торчали, попросил у Григория сигарету:

- А еще, дружок, для души бы мне гармошку, жахнул бы я на ней сильнее, чем меня жахнуло.

И сыграл! Гармошку ему дед от Семеныча доставил. Играл парень, на плече из-под ремня и на пальцах кровь проступила, а как играл! Кто-то и раненой ногой в такт отстукивал. Дед говорил, что такой виртуозной игры он больше нигде и никогда не слышал.

Вот уж сила музыки... И зашагали все веселее и в бой пошли. За нами - наше родное, за нами - русские праздники и свадьбы с нашей русской гармонью!

В мирной послевоенной жизни радость праздников для поднятия настроения людей, для отдыха от серых трудовых будней дед устраивал по несколько раз в году конезаводские скачки. На них съезжались жители города Кустаная, поселков Затобольска и Заречного. Мы, дети, в эти праздники могли купить себе мороженое и всякие сладости, которые продавали в автолавках. Мне кажется, что дед заранее знал, какая лошадь займет призовое место.

Когда начиналась байга, любимец деда, красный рысак по кличке «Зевс» вместе с наездником приближался к Григорию Захаровичу, то зрители с трибун аплодисментами приветствовали и скакуна, и деда, и наездника. А казахская национальная игра «Догони!», когда юноша должен был догнать и на скаку поцеловать девушку в казахском национальном костюме! Если не догонял, то девушка догоняла его и била по спине камчой. И дед нашел такую девушку. Как все зрители удивились, что красавица-продавщица Валя, тихоня и скромница, может так бесстрашно скакать на коне, в гонке опережая джигитов. Дед обучил её верховой езде, Валя была звездой скачечного конезаводского шоу. Молдаванин-целинник Николай Болан после этого не мог удержаться от предложения ей руки и сердца.

Помню, директором совхоза в то время был высокий статный мужчина по фамилии Моторико. Мог и рюмку водки выпить с сельчанами, и на скачках был самым активным организатором. Награждал всех победителей, был бессменным ведущим всех сельских скачек и праздников, его девизом были слова: сказал-сделал. У сельчан пользовался авторитетом, а к деду относился с огром-

ным уважением. Иногда шутил:

- Ты бы хоть раз напился, Григорий! Никогда ни рюмки за столом, ты поп, что ли?

Дед, действительно, не пил, ни грамма. Однажды уговорили его пойти на свадьбу к моей двоюродной сестре, долго отказывался.

- Не сдохнут твои лошади за два дня свадьбы, - заявила ему моя тетка Феклуша.

Дед под нажимом Ганны и сына Ивана решил пойти повеселиться. Пришел вечером, слегка покачиваясь, первый раз в жизни. Нагнулся, не включая света, зачерпнуть воды из ведра и задел рукой китайский термос, который упал с полки и разбился с грохотом взорвавшейся гранаты.

Я соскочила с постели и спросонья закричала:

- Дедушка, война!

- Ага, внучка, - ответил захмелевший дед, - чтоб меня разорвало вместе с этой свадьбой, пьяного дурака.

Говорили, что в три часа ночи он всё же пришёл на конюшню, чтобы проверить, не случилось ли чего. Это было первое и последнее мероприятие деда с рюмкой водки.

Экономный, непьющий, у него в те тяжелые времена всегда были деньги. На праздники нам, внукам (мне и брату), он давал по целой зарплате простого рабочего. С нетерпением мы ждали, когда он уезжал в турне по российским городам на скачки или торги, ведь лошади нашего конезавода славились по всему Союзу. Дед часто был в Москве, привозил апельсины, что было в то время большой диковинкой. Ну и награды, само собой: именные часы до сих пор при мне.

Тяжело переживал дед травму своего любимого скакуна Зевса, который на одной из московских скачек повредил ногу. Были «богатенькие», просившие продать коня для выставки как победителя и призера многих соревнований, обладателя титулов и грантов, хорошие деньги предлагали, но дед, вырастивший Зевса, не продал друга. Привез его домой и сам вместе с ветеринаром около

года выхаживал скакуна. После травмы Зевс на международных соревнованиях не выступал, но на областных и районных долгое время был непревзойденным лидером.

А как любил дед кормить вкуснятиной нас, внуков, как радовался тому, что мы по субботам и воскресеньям приходили и ночевали у них. Любимым летним местом для слушания дедовых рассказов о войне для нас, внуков, был маленький уютный палисадник, где росли низко подстриженные карагачи, разноцветные астры, огромные ярко-красные маки. Наши друзья спешили по домам по зову своих мам и бабушек, а мы с братом в темноте наступающих сумерек упивались запахом оранжевых бархатцев и парного молока, которое дед всегда пил на ночь.

– Вот эти красные маки, - неторопливо начинал дед, - напоминают мне жизнь в тыловом подмосковном госпитале. Помню нестерпимую ноющую боль в израненной ноге и бесконечный стук уходящих и приходящих поездов, бесконечную вереницу окровавленных носилок, стонавших в бреду раненых бойцов, их все несли и несли, как будто госпиталь был безразмерным.

Очнулся Григорий Захарович в палате от истерического крика раненого молодого парня, которому ампутировали ногу. Семён, так звали соседа, отойдя от наркоза, метался и кричал: «Кто я теперь?! Зачем я теперь матери, у которой в деревне «ртов» мал мала меньше! И отца неделю назад убили!»

Дед не утешал Семена, не стыдил, не звал сестру, а как-то тихо, весомо и значимо сказал:

- У матери, говоришь, пятеро – это хорошо, парни в семье – это сила, богатство... А я у Ганны один, да все уладится...

Семён замолчал, заговорил неохотно дня через два. А в госпитале через два месяца заговорили о двух хозяйственных мужиках, которые, прыгая на костылях, стеклили разбитые окна, натягивали веревки для сушки постельного белья. Худо-бедно отремонтировали парадное полуразвалившееся крыльцо с перилами. Смастерили лавочки нужной высоты для раненых с травмами спины и ног.

- Дед, а это не дядя Семён Лопатин, твой друг, что на втором отделении живет и заведует всеми зерновыми складами?

- А кто же ещё? Он, он, - ответил, улыбаясь, дед. - После госпиталя вернулся он в свою Рязановку, пожил года два, да и приехал сюда ко мне в Казахстан. Братьев и мать в живых не застал. Они задохнулись в собственном доме: сберегая в лютый мороз тепло, они рано закрыли задвижку на печной трубе.

Дед помог Семёну с работой, вскоре и свадьбу сыграли. Жена Эмилия родила ему четырех парней. Огромный дом Семёну строили с помощью сабантуев. В Казахстане в то время фундамент, шпаровку, кладку печей, крышу – все делали с помощью знакомых и родных людей по воскресеньям. Сабантуй начинался с пяти утра и заканчивался поздним вечером. Месили огромный глиняный круг с соломой. Мы, детвора, задрав подолы юбок, тоже участвовали в изготовлении этого огромного глиняного «пирога». Потом вся смесь закидывалась на камышитовые щиты, на дранку, равномерно распределяли её, а затем штукатурили на два раза. За полночь уставших сабантуйщиков усаживали за стол. Дед Семён и Эмилия угощали, чем могли. После нескольких рюмок Эмилиной наливочки да под Семёновский баян усталость как рукой снимало.

Вот так - за простое русское «спасибо» - ветеранам, участникам военных действий строили добротные дома в Казахстане. Денег за работу попросить никому в голову не приходило.

Ветераны дружили семьями. Радости и горести делили пополам. А когда дед приезжал из Москвы, привозил всем гостинцы и покупки по заказам друзей.

Субботним вечером обязательно на своём гнедом жеребце Семен был тут как тут вместе со всей дружной семьей. Баба Ганна топила дедову фирменную баню, в которой ветераны парились до упаду: кто кого перепарит. Дед всегда сокрушался:

- Вот черт одноногий! Уж умереть-не встать, а он все веником хлещется!

Эмилия привозила любимое всеми блюдо: тушеного с луком и сметаной кролика, а Ганна пекла свои сладкие каральки и пышки, посыпанные сахаром.

Пили чай по-казахски, с молоком, и частенько дед вспоминал, что в госпитале на 8-е Марта, кроме кипяченой воды и черного хлеба, ничего не было, как он к празднику по-воронежски «в кружок» постригал всех ходячих раненых и сидячих больных. Все хотели понравиться и внешним видом оказать особое внимание главному врачу-хирургу «золотые руки» Анне Николаевне. За неимением цветов Семён спешно написал картину летнего поля с огромными красными маками. И где-то с огромным трудом достали пачку сигарет, зная единственную слабость доктора Аннушки. И она знала, что эта пачка сигарет от солдат выше всяких дифирамбов, подарков, слов – это огромный авторитет и безграничное уважение к её героическому труду женщины на фронте.

А когда Семён заиграл вальс, стоячих кавалеров не оказалось и Аннушка кружилась одна под аплодисменты раненых бойцов.

Дедовский характер унаследовал его единственный сын Иван (мой отец). Иван Григорьевич Саламатко пошел, как говорят, по стопам своего отца. Он всю жизнь проработал бригадиром животноводческих ферм и тоже любил свою профессию. Работал над созданием племенного стада красно-пестрой породы коров.

Однажды, помню, играя со своими друзьями на улице, я увидела подъехавшую к нашему двору бричку. В ней сидел мой отец, но вожжи не держал, лошадь сама привезла его к домашнему порогу.

- Нина! – крикнул он мне, - позови деда и маму.

Встал и, пошатываясь, пошел во двор. Отец никогда домой не приходил пьяным. Я поняла: что-то случилось.

Пока я бегала за дедом и мы вошли с ним в комнату, моя мать, обливаясь слезами, раздевала отца, который был весь изранен рогами огромного быка. Дед со спокойным видом подошел к сыну:

- Бить животное нельзя, разъяренного быка - тем более. Держись...

Отец даже не стонал, ни одним движением не показал, как ему больно. Ведь взбесившийся бык разогнал всех доярок, свалил с лошади пастуха, а самого отца, подъехавшего на летнюю дойку, в горячке ударившего его кнутом, повалил, катал по земле, колот рогами – спасло озеро, в котором бык не смог добить отца окончательно.

Дед не представлял себя в образе тихо и спокойно живущего пенсионера. Будучи на пенсии, он продолжал трудиться, и его Красная конюшня сейчас в поселке Заречном Кустанайской области Республики Казахстан является историческим памятником как архитектурного значения, так и местом основания особенной племенной породы лошадей – кустанайской. Учащиеся Зареченской школы осуществляют шефскую помощь по сохранению исторической реликвии п. Конезавод, переименованного в поселок Заречный.

Шли годы и, будучи на пенсии, мой дед много лет оказывал помощь в обучении детей своих сестер, которые остались без мужей после Великой Отечественной войны. Вдовы воспитывали своих детей сами. Жили сестры в селе Севастопольском – это далеко от города Кустаная, поэтому студенты - племянники и племянницы - жили у деда, обучались в институтах и училищах Кустаная. Он был им вторым отцом.

Мы, внуки, с гордостью вспоминаем те годы жизни с дедом, высоко пронесшем звание настоящего патриота, участника Великой Отечественной войны. Он был нам примером во всем, аuru уважительного отношения к нему мы ощущаем до сих пор.

- Нина, - говорил мне дед, - живи ярко, не будь как все!

Выполняя завет деда, мы с братом, так же, как и он, фанатично влюблены в свою профессию учителя, ведь учитель не такой, как все.

Брат мой Василий Иванович Саламатко более 40 лет работал директором школы, профессионального училища. Я сорок пять лет работаю в школе учителем истории, долгое время была замести-

телем директора по учебно-воспитательной работе. У нас, у внуков, дедовская фанатичная любовь к детям, к своей работе, к которой мы относимся как наш дед, со всей страстностью души и сердца.

Я благодарна судьбе, что Бог послал мне героического деда. Вообще океан народного героизма безбрежен. Мой дед не совершил подвига измеряющегося. Его жизнь – это подвиг обыкновенный, рядовой, но непременно подвиг.

Он не только в том, что дед героически защищал наше Отечество в годы войны, но и героически вынес на себе тяготы повседневной послевоенной жизни. Воспитывал в нас стойкость, порядочность, трудолюбие, семейную верность и беззаветную любовь к избранной профессии, чему мы учим сегодня своих детей и внуков.

В школьном музее Зареченской средней школы на стенде, посвященном Великой Отечественной войне, есть фотография моего деда Григория Захаровича Саламатко. На похороны деда в августе 1986 года пришло все село. Впереди колонны с венками и цветами его правнуки бережно несли на бархатной черной подушечке его награды. В их числе медали «За отвагу», «За доблестный труд в ВОВ 1941-1945 гг.», «За оборону Москвы», «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие» и много других юбилейных.

Вечная память и наша любовь защитникам Отечества, спасших нас от гитлеровской чумы. Только зная печальные страницы истории, можно не допустить повторения войны.

САЛЬНИКОВ **Николай Алексеевич**

Родился в 1958 году в селе Мартыновка Сафакулевского района. Окончил Троицкий ветеринарный институт. Трудился главным ветврачом совхоза, плотником, бетонщиком, завхозом в школе, учителем географии, обозревателем (зав.сельхозотделом) в районной газете «Трудовая слава». В настоящее время работает эпизоотологом в Сафакулевской ветстанции. Пишет романы и стихи. Выпустил книгу – «В земле империалы не тускнеют». Некоторые произведения публиковались в сборниках. В 2014 г. в книге «Из сокровенной памяти» опубликованы повесть «Храм» и роман «Дочь языческих ведуний». Проживает в селе Сафакулево.

УЕЗЖАЛА Я НА МАГАДАН

Памяти бабушки Марии Шестаковой

- ...Уезжала я на Магадан от своего родимого порога со-о-ол-нечным летним днём, как сейчас помню. Обняла меня маманька мёртвой хваткой, слезами уливается, не отпускает и я тоже стою, плачу горячими слезами. Маманьку едва оттащили, не отпускала меня, видно знала, что не увидимся больше.

- *Выходит ты, баушка Мария, и на Колыме в молодости успела побывать?...*

- Э-э-э-х, Микалай, считай - без малого пятнадцать годочков в тех краях прожила, думала - уже и не вернусь. И часто мне наша деревня снилась... дом.

Вот как будто вернулась я и бегу-бегу, а маманька меня уже у калитки ждет, руки мне протягивает... встреча-а-ает и ве-е-есело

мне так улыбаются. Шибко я не хотела из дома своего родного, на Колыму эту уезжать.

... - И все таки я не пойму, зачем же ты, баушка поехала туда, если говоришь, что не хотела?...

- Так ведь не по своей волюшке-то из нашей Сибири родной, где самые белые берёзы растут да самые душистые травы цветут, подалась я в Магаданские края. Давай-ка я лучше все по порядку расскажу, ведь раньше-то мы боялись об этом говорить, а сейчас можно.

...Было мне тогда всего «шеснадцать» годочков, а спрашивали как со взрослых. Я-то от районной МТС работала, помощником тракториста, с Шуркой Овсянниковой. Как-то раз так совпало, что мы на дальнем поле в мае месяце, зябь «подымали», а поле всего в паре километров от моей родной деревни Петровка.

Той весной страсть как много подснежников было!

Мы с Шуркой венки на косы сплели да и в трактор букетиков понаставили – краси-и-иво!!!

Говорю Шурке - мол, я ненадолго в Петровку туда-сюда сбегаю, маманьку повидею, а потом тебя подменю и - ..... побежала. Босиком, чтобы быстрее. А трава мягкая, пахнет весной, цветами, аж голова кружится, словно от вина какого.

...Маманька мне быстро кизяком баню истопила - я мазут смыла. Считай, больше месяца дома не была.

Нас, когда шла посевная или уборочная, домой не отпускали. Тут на столе уже картошка горячая, вку-у-усная!

Сейчас в магазинах такой не купишь. Самая лучшая и рассыпчатая картошка растет у нас в Курганской области.

Сидим - брат мой младший - Пашка, маманька и я..... едим. А тут - вот он, входит сам Шиншин, директор районной МТС. Па-аскудный был мужик, хуже вертухая лагерного, ей богу.

И принесла же его нелегкая - змея подколодного, не раньше и не позже на поле, где мы с Шуркой пахали. Моя б воля, так я этого директора МТС сейчас своими руками придушила!

Говорит нам Шиншин, - мол, хорошо устроились – жрете. А ты, Машка, с работы убежала – вредительство, посевную видно хочешь сорвать!

Повез меня директор за сорок километров в Щучье. Раньше там прокуратура была, но то ли я такая по жизни несчастливая - дождь полил. Дорогу развезло, колеса у ходка сползают, мы толкаем, чтобы лошади помочь.

Ну, директор и разозлился – жестокий он был. Заорал - из-за тебя мучаюсь!... Выхватил сыромятный плетеный кнут из ходка, озверел и давай меня полосовать..... подлюка. Я реву и только глаза закрываю - кнут-то с хлыстиком.

...Дали мне полтора года лагерей.

Со мной, я считаю, все же по-божески обошлись. Я вон, когда в камеру вошла, смотрю - тут женщина ревет, там - пластом валяется. У большинства ведь дети на воле-то остались. Бабы не старые еще, а им - кому пять лет дали, а кого и на больший срок осудили. А за что в лагерь на годы, сами толком понять не могут.

Я, правда, сразу на работу попросилась, ну, и меня на стройку. Вкалывали мы, конечно, как колхозные лошади, но зато и кормили знатно. Почти каждый день мясное - из требухи от быков с мясокомбината. Жи-и-ирная, требушишка. Хлеба по два -три хороших ломтя, даже белого... иногда. Сахарину с чаем давали.

Я и так-то, как коломенская верста была, а за эти полтора года еще подросла немного. Да и раздобрела, как телка -переходка, на ферме. Не поверишь, после освобождения все думали не с тюрьмы я вернулась, а с курорта. (Смеется).

Да я и сейчас еще могучая. Вон два мешка с мукой, они каждый по пятьдесят кило, а я их одна из магазина, как авоськи вытаскивала да на тачке домой прибурировала. Си-и-ильная была.

Мой Шестаков, бывало, напьется, так я его сама, на руках домой притаскивала.

... Увезли из дома весной, а вернулась на следующий год глубокой осенью. Со станции пешком сорок километров, будто на кры-

лях прилетела. Подошла к своему дому, стою как пьяная. И вдруг вижу, какая-то женщина подходит, и тяжело так. А это маманька моя. Вот как вспомню, так и реву - опухла от голода маманька-то. Их на болоте заставляли торф заготавливать, а не кормили.

... После освобождения направили меня на маслозавод работать. Фляги с молоком да обратом таскала, в леднике глыбы ледяные вырубала для охлаждения, ёмкости мыла. Опять же казеин помогала отжимать.

План по казеину был «шибко» строгий, потому как он шел на «оборонну» промышленность. Шептались, что из казеина потом клей хороший делали для самолетов.

Вроде стала жизнь потихоньку налаживаться.

Так и зима прошла. А зимы в те года были сильно снежные да холодные. Но морозы у нас, в Сибири, легче переносятся, не то что на Колыме. Потому что у нас воздух сухой, а я думаю - потому, что мы родились здесь, ведь на родине-то завсегда теплее кажется.

...Наступила весна - май месяц... опять май!

В общем, недолго мне пришлось на свободушке-то погулять... Наша заведующая Пелагея Кузякина не особо грамотная была, ну, ее в документах и “огрели” – недостача! Да тут еще план по казеину не выполнили - вредительство! Ну, и дали заведующей восемь лет, технологю Полинке Артемовой – три годочка, а я - техничка, с меня чего взять, и поначалу не стали “подтягивать”. Но когда выяснили, что я судимая, то за компанию приговорили меня на всякий случай тоже на три годика.

...На этот раз повезли почему-то не в Курган, а в Челябинск. Там настоящие уголовные «ширмачки» начали было Полинку маленько обижать, но я этим хлипким козам сразу объяснила, кто в избе хозяйка, я уже второй срок мотала.

Я к тому времени совсем раздобрела, хоть и в девках, а уже больше центнера весила. Бывало ка-а-ак махану, так две-три уголовницы вниз головой с нар и полетят.

...Кто вкалывает, у того, что ни говори, и в лагере пайка побольше, поэтому я вновь на стройку выпросилась - кирпичи да раствор подтаскивать. Мы цех на Челябинском металлургическом заводе из кирпича «подымали». Начальство план гнало и поэтому нас старались кормить хорошо, чтобы не обессиливали.

А через год мне совсем повезло – палец мне на ноге бадьей с цементным раствором раздавило. В больнице видят, я «здоровушшая» да и к тяжелому труду привычная, ну, и меня – спасибо Богородице - оставили. Еще хромала, а уже неходячих перетаскивала – кого на операцию, ... кого в морг. Полы мыла, тяжелым больным обеды по палатам развозила. После каторожной-то работы на стройке прямо как в рай попала - тепло, опять же питание . В больнице мне и справку сделали , что на стройке работать не могу.

Но все равно в родные края тянуло - к маменьке.

...Окончился срок и прилетела я к маманьке домой из заключения в конце мая. Стою, дышу - и надышаться не могу. У нас и травы-то совсем по другому пахнут. А сирени!!! Все расцветает, краси-и-иво. Ну думаю, никогда и никуда больше из дома не уеду.... но жизнь распорядилась иначе.

Су-у-удьба!!!

На третий день после освобождения я на маслозавод работать снова пошла. Меня ведь, оказывается, оттуда даже толком не уволили, да и считай, все документы там.

Прошел месяц, лето наступило. Вроде оттаивать я стала потихоньку, улыбаться научилась. С парнем хорошим познакомилась - со Степой Соболевым, он молоко к нам на маслозавод на тракторе возил. Полушалок мне подарил... сватать хотел.

В том июне в лесах у нас клубника хорошо цвела. Ну, думаю, в июле ягод собираю... Но утром прямо с работы вызвали меня срочно в райком. И тут же за ударную работу приняли в комсомол. А с комсомольским билетом подают мне «гумагу». Тебе, говорят, Мария Ивановна, выпала очень большая честь: ехать по комсомольской путевке на Колыму. А если не согласишься ... сама

понимаешь - у тебя две судимости. Я прямо вздрогнула, вот он - третий срок!

Маманька сильно плакала, не увижу, говорит, тебя больше - ты приедешь, а я уже помру. Так и случилось.

...Набрали нас, молодых девчонок, около двух тысяч, погрузили на три корабля. А когда грузили, уже когда по трапам спускались мы на палубы, чтобы было торжественнее, на причале завели нам песни. И запел, запе-е-ел нам из... как его, колокол называется, гро-о-омким на весь прямо «берег» грубый мужицкий голосище.

Хотя по правде сказать, голос-то был красивый, такой сильный, низкий... такой прямо бархатистый. Запел он нам, значит, молодым девчонкам, из колокола-то этого на прощание песню:

*Летят ... птицы,
... в дали осенней ... голубой,
... а мне другой дом не нужен,
... я остаюсь с тобой
Мне не нужна другая сторона...*

До слёз песня проняла. Стоим мы на палубах и плачем - вернёмся ли обратно-то?

Дошли до порта Ванино... не все. Один корабль на японской мине в Охотском море подорвался. По открытой воде немало еще девчонок закачало. Хоронили в мешках с грузом на ногах прямо в море.

Тяжело пришлось, когда настоящие хлеб и вода закончились. Проянки немного осталось, так ее на морской опресненной воде сварят и нам дают, без хлеба.

Подружились мы с Вероникой. Она все возле меня держалась, прямо как младшая сестренка мне стала. Беззаботная. Бывало, засмеется весело, ты говорит, у меня, Мария, как нянька.

Так-то мы почти одногодки, но она какая-то худю-ю-ющая да не приспособленная, одним словом - городская. Жалела я ее.

Часто мы с Вероникой разговаривали о своем – девичьем. Она в Ленинграде на «музыку» отучилась. Отец у нее был военный - погиб, а мать померла. Вероника с собой на Колыму аккордеон везла. А у самой у нее голос был такой звонкий! Бывало заиграет «музыку клавишами» да запоеет, так мы, девчонки, сидим и прямо плачем, дом и маманек вспоминаем.

И какой варнак такую “доходягу” на Колыму догадался послать... самого бы его заставить на вечной мерзлоте одно место поморозить!..

...Заболела Вероника. Я на себе свою овечью домотканную кофту с палец толщиной нагрелю и сестренку свою младшую укутаю, а Веронике моей кофтой два раза обмотаться. Согреется она, сердечная, и говорит так тихо - а ты-то, Маша, сама как же?... Я ей бодро: мол, чего мне, кобыле деревенской, сделается - выживу, а ты с себя кофту не сьмай... Э-эх, жиз-ня! Беда с этой Вероникой. Ведь большая уже, а прямо как ребенок. Часто сядет со мной рядышком, прижмется, как я к своей маманьке – сидим и мечта-а-аем.

Я говорю - вот заработаем деньжонок на Магадане и через годик обратно на материк - пла-а-атьев накупим!

Я тогда еще туфлями бредила, прямо снились они мне - хотела такие как у Вероники - лодочкой и чтобы обязательно как у нее - «на калбуках».

...Не успели в Ванинском порту швартовы отдать, как нас тут же распределять начали. Кого - на Индигирку, кого - на Атку, кого - на Магадан.

В то время, в основном, мужики на Колыме-то находились, и осужденных много. Помню бараки... бараки... бараки.

Там я за своего Ивана и замуж вышла... он срок отбывал. Старшенький, Юра, там у нас родился, средненький - Витя да младшенький - Леша уже здесь, на материке. Я своего Шестакова к себе в Курганскую область переманила... когда у него срок закончился. Приехали в Мартыновку... там у меня брат Пашка жил.

К тому же до Петровки по прямой всего пять километров. К маменьке я на родительские дни всегда на кладбище хожу.

У нас летом хорошо - я ягоды люблю собирать, особенно костянку, да и грибы тоже, мариновать уважаю.

- Баушка Мария, а вот со своей городской подружкой-то, с Вероникой, ты потом еще виделась на Колыме?

...Сильно я любила слушать, как Вероника музыку играла, особливо - «Амурские волны» и «На сопках Манчжурии». Сколько вот живу, никогда я больше не слышала, чтобы так задушевно музыку играли...Мы Веронику-бедняжку в Охотском море похоронили, как и других.

САФРОНОВ
Юрий Александрович

Родился 13 марта 1949 года в селе Привольное Половинского района. Образование высшее, учитель. 40 лет работал в разных школах района, а с 1987 года живет и работает в селе Воскресенском.

С 2003 года состоит в литературном объединении «Половинские родники». Первая книга «Костер души» вышла в печать в 2004 году и посвящается 80-летию Половинского района. В 2006 году вышла вторая книга «У вечного огня», она о земляках-половинцах, участниках Великой Отечественной войны. В 2009 году - третья книга «Малая родина». В этом же году был принят в Союз профессиональных литераторов. В 2012 году вышли две книги: «Герои хлебной нивы» и сборник стихов и рассказов «Сума поэта». В 2014 году, в марте, вышел сборник очерков, рассказов и стихов «Охоты радостные дни».

СЛОВО О СТАРИКАХ

Деды Вани, бабы Дуси
Теплый блеск родимых глаз.
Благодарно, с тихой грустью
Вспоминаю я о вас.

Помню мудрые уроки,
Ваши славные труды.
И о вас слагаю в строки
Слов созревшие плоды.

И за гранью лет далёких
Вижу в золоте снопов

Молодых и яснооких
Наших мудрых стариков.

Народив сынов и внуков,
Песню сложив не одну,
Это вы в трудах и муках
На руках несли страну.

Пронесли достойно, тихо
И легли в полях, среди нив,
И добра хлебнув, и лиха,
Подвиг жизни совершив.

Ну, а нам, идущим следом,
Лишь осталось в благодать,
Их трудов плоды отведав,
Подвиг этот продолжать!

Февраль 2016
Воскресенское, Половинский район

САФРОНОВА
Маргарита Валентиновна

Родилась 11 июня 1971 года в г. Шумиха. В настоящее время проживает в с. Большая Рига. Поэзией увлеклась в раннем возрасте, лет в 5 уже пыталась рифмовать строки. Первые стихи были посвящены природе и любимой собаке Чангу. Впервые опубликовалась в местной газете «Знамя труда». В 11 лет тяжело заболела, получила инвалидность. Увлечение литературой помогло найти своё место в жизни, обрести уверенность и жить активно.

Автор двух сборников стихов - “Сирени белые объятя” и “И холод мысли, и сердечный жар”. Публиковалась в коллективных сборниках: “К любви строкою прикоснуться”, “Не спеши Россию хоронить”, “Давайте беречь любовь”, в литературных журналах «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Тобол», «Сибирский край» (Курган), «Град Тобольск», газетах «Вечерняя Москва», «Новый мир», «Православная газета» и многих других.

ИВАН И ПЕТР

Моим дедам посвящаю

Иван и Петр, и пламя алых звезд
На мраморе седых мемориалов.
Иван и Петр, и гул военных гроз,
И отсветы вдали сплошных пожаров.
Из Ржева и с Урала два пути,
Два воина, знакомых мне по фото.
Они сумели Родину спасти,
Спасать себя - не главная забота.

Иван погиб, сражаясь под Москвой, -
Пехота устояла в час кровавый.
Под Прагой Петр последний принял бой, -
Шли наши танки за победной славой.

Родные, пехотинец и танкист,
В огне войны не знали друг о друге,
Но судьбы их детей пересеклись
И в мирной жизни родились их внуки.

САМАЯ КРАСИВАЯ

Посвящается мамочке

За все, за все благодарю,
Моя родная, милая.
Свою любовь тебе дарю.
Ты самая красивая!

Ты берегла меня от бед,
Учила жить по совести,
Твой нежный материнский свет
Спасает от жестокости.

Обнимешь теплою рукой,
В глаза посмотришь ласково,
И сразу - на душе покой,
И верится в прекрасное.

Живи, родная, не старей,
Но и в глубокой зрелости
Лишь ярче свет любви твоей
И материнской верности!

СКРИПОВ **Лев Васильевич**

Родился 2 января 1939 года в с.Ново-Кочердык (сейчас Целинное) Усть-Уйского района (ныне Целинный). В 1967 году закончил историко-филологический факультет КГПИ. Служил в милиции, награжден знаком Почета МВД.

Выйдя в отставку, работал в школе учителем русского языка и литературы. Пишет очерки о людях Кетовского района.

Член Кетовского литературного объединения «Тобол».

КРЕСТЬЯНСКИЕ КОРНИ

Стояла невыносимая жара. Всепроникающая пыль хрустела на зубах, заставляя сидевшего на завалинке дома десятилетнего подростка все чаще сплевывать густую слюну на землю. Наконец, он не выдержал, подошел к кадучке с водой, зачерпнул жестяным ковшиком теплую жидкость, прополоскал рот, остатки воды вылил на вихрастую голову и вновь уселся на завалину. Надо было думать, как жить дальше. Мальчика звали Петькой Левановым. Был он единственным сыном малоземельного крестьянина деревни Голосово Ковровского уезда Владимирской губернии - Якова, которого в прошлом году призвал Господь Бог к себе, оставив Петьку вдвоем с матерью Татьяной на голодное существование. Шел 1875-й год.

В центральных губерниях России в это время преобладали в основном полусередняцкие и бедняцкие хозяйства, не производившие товарной продукции. Это явление было названо «оскуде-

нием центра». Его катастрофическим следствием был массовый голод в неурожайные годы. Началось переселение из центра в Зауралье и Сибирь.

Иван Ермаков, родной брат Петькиной матери, имея небольшой надел земли, подрабатывал шитьем головных уборов. К нему и пошел грустный племянник: « Дядя Ваня, научи меня шапки шить, возьми в подмастерья!» Мальчик оказался не по возрасту смысленным и уже к 12-ти годам мог самостоятельно шить головные уборы любого фасона. Однажды дядя Иван получил заказ на изготовление шляпы для важного господина и сказал: «Вот что, Петро... Сделаешь шляпу, и если она понравится барину - все вырученные деньги будут твои!» Это было признание учителя в сдаче экзамена юным мастером. С этих пор жить стало легче. Дядя же, Иван Ермаков, с семьей в поисках лучшей жизни уезжает за Урал и поселяется в Куртамышской слободе Челябинского уезда Оренбургской губернии. Через год Секлетея, сестра Ивана, у которой в последнее время жили Левановы, получила от брата письмо из Куртамышья: «Устроились хорошо, здесь вольготно, жить легче. Погода стоит нормальная, много делового леса. Построил крестовый дом, доделываю мастерскую. Пусть Петька приезжает, будет у меня работать подмастерьем. Спрос на шапки большой». Попрощавшись с родимым краем, Левановы уезжают в Зауралье с надеждой на лучшую жизнь.

К концу 70-х годов наиболее авторитетным и богатым человеком в Куртамыше считался купец-мануфактурщик Исцелемов. Он имел двухэтажный дом. На первом этаже размещался магазин, а на втором жила семья. По поручению дяди Петя нередко забегал в исцелемовский магазин для выполнения отдельных поручений. Шустрога и сообразительного паренька заметил хозяин и пригласил для беседы: «Где учился грамоте? Где живешь? Что умеешь делать?» На все вопросы юноша, не робея, толково ответил, что очень понравилось Исцелемову. Через неделю Петр уже выполнял обязанности приказчика у мануфактурного купца. В то время

в купеческой среде ценились такие человеческие качества, как исполнительность, честность и сообразительность. Всеми этими качествами сполна обладал Петр Леванов, потому что они были семейной ценностью семьи.

В 1881-м году 16-летнего приказчика Исцелемов отпускает к известному богатому купцу Дунаеву на должность старшего приказчика, который через полгода назначает Петра доверенным лицом по ярмаркам. Забот и ответственности прибавилось: необходимо было заключать договоры на поставку мануфактуры главным образом из Иваново, Тюмени, Ирбита, Нижнего Новгорода. Устанавливая связи с местными купцами, Петр Яковлевич знакомится с семьей Полякова Александра Егоровича, купца 1-й гильдии, который жил на станции Мишкино. Здесь и встретится наш добрый молодец с красной девицей, своей суженой, дочкой Александра Егоровича. Они столкнутся неожиданно, скрываясь от начавшегося дождя под навесом сарайчика. Ойкнув, уставятся друг на друга изумленно, словно после долгой разлуки. Клава, так звали купеческую дочь, снимет с головы платок, ее каштановые волосы, оказавшись на свободе, водопадом рухнут до колен, а незнакомец, завороченный ее круглым личиком чистой белизны, не раздумывая, бросится в омут изумрудно-голубых глаз. На беду не о таком женихе мечтал отец. Лучше бы побогаче да солиднее! И нашел было такого, созвал гостей на свадьбу, но любовь оказалась сильнее - сбежали влюбленные, увез суженый свою невесту на тройке в станицу Усть-Уйскую к казакам. Здесь и под венец пошли. Больше года не признавал А.Е. Поляков брак Петра и Клавдии. Зол был, обида не давала покоя. Но время залечило душевную рану, и стал Петр Яковлевич любимым зятем в семье Поляковых. За кротость и послушание, доброту и честность. К «выходке» своего помощника купец Исцелемов отнесся снисходительно и даже благослонно, а за порядочность и добросовестную работу подарил на свадьбу молодой семье небольшой дом, лавку с мануфактурой, сказав: »Заслужил - получай! Меня не забывай!» Так поступали многие зауральские купцы, потому что

Слева направо: Леванов Петр Яковлевич, Клавдия Александровна, дети - Аня и Тася, Татьяна - мать Петра Яковлевича, Секлетя - сестра Татьяны

отличались добротой души, ценили деловую хватку, помнили добро и не держали зла.

Первое время Левановы занимались торговлей, но крестьянские корни медленно, но уверенно прорастали - захотелось возиться с землей. Скопив небольшой капитал, Петр арендовал семь десятин земли с небольшой рощицей, богатой вишней, боярышником и грибами. Мал золотник, но душу крестьянскую согрел. Вначале посеял пшеницу и рожь. Рядом выращиванием зерновых занималась семья Глебовых, у которых родится будущий курганский писатель Николай Александрович. Такие семьи были пионерами-фермерами на земле Зауралья. Благодаря им, на рубеже 19-20 веков Курганский уезд давал 1/4 сбора всей пшеницы Тобольской губернии. Используя государственную поддержку, Петр Яковлевич расширил сельскохозяйственные площади: увеличились посевы пшеницы, стали сеять горох, гречиху. Глава хозяйства хотя и не заканчивал учебного сельхоззаведения, но слыл культурным

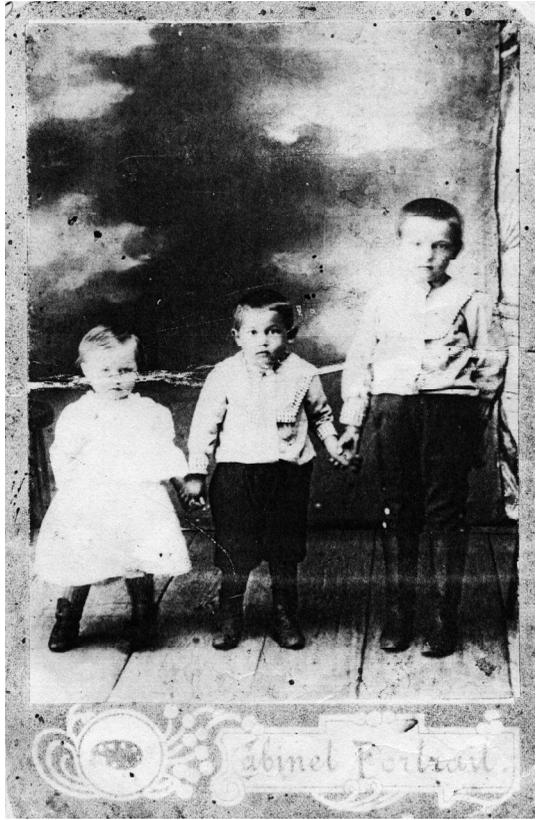
**Леванов
Петр Яковлевич**

земледельцем. В благоприятные годы урожаи пшеницы у него достигали до 200-х пудов с десятины. В конце 90-х годов у Петра возникла заманчивая идея о создании собственного элеватора, столь важного для хранения зерна. Зернохранилище воздвигли из кирпича за рекой Куртамыш. Деньги ссудили товарищи по деловому бизнесу,

зная кристально-честный характер инициатора. Новое строение имело 3 отделения: одно - для пшеницы, второе - для ржи, третье - для гороха и гречихи. С постройкой элеватора стало возможным продавать не только свои запасы зерна, но и купленное у местных крестьян. В 1900 году Левановы объединили свои земли с семьей Анатолия Полякова, брата Клавдии. Теперь у них в аренде было 500 десятин около деревни Косолапово, а благодаря Столыпинскому закону - купили в собственность 65 десятин, к ним позже добавили еще 35. К этому времени в объединенном хозяйстве имелись 2 молотилки, жатка, сенокосилка, лобогрейка и прочий сельхозинвентарь. Столыпинская реформа 1906 года способствовала созданию первых с/х артелей в Куртамышской слободе. Социальный смысл ее состоял в том, чтобы создать широкий слой мелких буржуазных собственников для экономической стабильности

**Дети
Петра Яковлевича
(слева направо):
Анна, Василий,
Александр**

общества. П.Я. Леванов, А.А.Поляков, их друзья Иван Яковлевич Токарь и брат Андрей образуют сельскохозяйственную артель и строго распределяют обязанности: И.Я. Токарь отвечает за рабочую силу, подготовку семян к посеву, его брат Андрей Яковлевич становится ответственным за тягловую силу, Поляков становится агрономом, а Леванов – будет полностью отвечать за сельхозинвентарь.

Теперь выращенное зерно и закупленное у крестьян продается не только в разные точки России, но и за границу. Началась сбываться мечта Столыпина, который в 1909 году заявил: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Хозяйство Левановых укреплялось.

К 1917 году семья имела полукаменный дом, крытый железом, каменную кладовую, 2 деревянных амбара для засыпки хлеба, добротную баньку и каменный двухэтажный магазин в компании с Поляковыми.

Октябрьская революция 1917 года открыла новую эпоху в жизни России. «Старый» мир дал трещину и оттуда, как лава из жерла вулкана, вырвался обжигающий поток человеческих чувств и желаний, нередко уродливых и страшных. Сумеет ли устоять человек на ветру социальных бурь, в бушующих противоречиями душевных стихий?! Хватит ли мужества у Левановых противостоять ударам судьбы?

Экономическая политика новой власти стала губительной для крепких хозяйств. В феврале 1918 года был принят закон о социализации земли, который давал установку на конфискацию помещичьей земли. В Зауралье, где помещичье землевладение практически отсутствовало, деревенская беднота начала наступление на «кулаков», к которым была причислена и семья Левановых. В первую экспроприацию отобрали все, что было нажито за прошлые десятилетия, но не раздробили семью - просто разместили под открытым небом: «Свобода, свобода, Эх, ах, без креста!» До зимы оставался месяц. Где жить? Тревожили дети. Их было 7. Старшему сыну, Александру - 16 лет, старшей дочери Александре - 14, Василию - 11, Анне - 9, Анастасии - 7, Анатолию - 3, Сергею - 1 год. Выход нашли: при въезде в Куртамыш у моста одиноко стояла заброшенная не то избушка, не то землянка. Там и поселились родители и двое старших детей, а остальных разместили на зиму у родственников. Имеющиеся дыры затыкали где дерном, где соломой.

Все-таки странно и непонятно устроена жизнь: живешь, к чему-то стремишься, чего-то добиваешься, никого не обижаешь, за добро добром платишь - и вдруг... раз!

Мы по улице идем, свой порядочек несем:

Не гляди, буржуй, в окошко - не то по морде надаем!

Зима 19-го выдалась на редкость злой и колючей. Александр и Александра не вынесли испытания, слегли от воспаления легких и - не встали. Вот тогда и произнес Петр Яковлевич ставшую впоследствии известной всем детям фразу: «Ты не плачь, Кланы... Так

Богу угодно!» Был он глубоко верующим человеком, незлобным, долгие годы избирался председателем церковных старост Петропавловской церкви. Но бесконечная, бездонная вера не помогла. Видно, в самом деле разгулялась в Куртамышше нечистая сила...

1919 год не стал легче. Лишенцев, изгоев общества никто не пускал на квартиру. Родственники в результате дальнейшей экспроприации тоже лишились жилья. Дети малые оказались на улице. Но тут неожиданно улыбнулась удача: уехала к больной сестре родная тетя Гайдукова, оставив квартиру Левановым. Друзья из Косолапово помогли Петру Яковлевичу устроиться продавцом в магазин, затем его пригласили на работу как опытного финансиста в Куртамышское кредитное товарищество.

В марте 1921 года В.И. Ленин провозгласил на 20-м съезде РКП(б) переход к новой экономической политике, а Бухарин позднее произнесет знаменитые слова, обращенные к крестьянам: «Обогащайтесь, развивайте свое хозяйство, не беспокойтесь, что вас прижмут!» Разрешили брать землю под посевы. У семьи Левановых появилась возможность вновь заняться земледелием. Опыт уже был, а желания жить безбедно не пропадало. С 1923 года глава семьи - член торгового товарищества на паях. В него входило 10 предпринимателей из торговцев. В 1924 году его как торговца сельский совет лишает права голоса, лишению гражданства подверглись и дети Левановых, которые учились в школе 2-й ступени А в начале 1928 года началось свертывание НЭПа под знаменем форсирования темпов экономического развития. В конце 1929 года Сталин объявил о переходе к политике «ликвидации кулачества как класса». Раскулачивание... Эта страшная страница в нашей истории вытекала из судорожно насильственной коллективизации. Раскулачивание - массовое разграбление крепких крестьянских хозяйств - не имело никакого экономического смысла», - пишет в своей книге кандидат экономических наук, преподаватель КГСХА Базаров А.А. Если в 1928 году страна производила 4,9 млн т. мяса и сала, то в 1932 – лишь 2,8 тонн. Зима 1930 г.

в Уральской области обернулась в сплошную бойню наиболее культурных работоспособных крестьянских семей. Левановы не думали, что их будут раскулачивать, потому что у них уже отбирали все, да и по положению они не попадали в разряд кулаков: имели одну лошадь с жеребенком, корову, птицу, работников не нанимали, то есть не были эксплуататорами и на классового врага не тянули.

Но своим заключением уполномоченный Курганского окротдела ОГПУ написал: «Леванов Петр в Красной армии не служил, в партизанском отряде не состоял, в открытых антисоветских выступлениях участия не принимал, злостным неплательщиком не был, но принимая во внимание, что хозяйство Леванова до революции имело явно эксплуататорский характер, считать выселение его семьи за пределы округа правомерным».

«Кулацкие семьи, - сообщается в информационной сводке Курганского областного отдела ОГПУ, - обирались до нитки, забирались даже запачканные детские пеленки». Семья Левановых в этот период состояла из 5 человек: сам хозяин, его жена, сын Анатолий 15 -ти лет, Сергей- 10, Борис - 5. Старшие дети (Василий, Анна, Анастасия) уже работали учителями. Раскулачивать к дому подъехали неожиданно, у дверей поставили конвой, из дома выводили по одному, при этом тщательно обыскивая. С этого момента никуда нельзя было отлучиться. Анатолий одел две рубашки - заставили снять. Ишь, малец, нажиться захотел! Самый маленький из семьи - Борис - второпях перепутал ботинки: один маленький, другой - большой. Переобуться не разрешили. И так проживет, вражий сын! Последнее надо снять с вас! Мальчик (в период Великой Отечественной погибнет, защищая Москву от врага) от обиды горько заплакал. Вот часть описи имущества ,изъятого у Левановых:

Наименование имущества	шт	цена (руб, коп.)
Пимов	3 пары	20
Детскова белья	6	12
Муского	6	15
Платки	1	3

<i>Рубашек нижняя</i>	3	3
<i>Юбок нижних</i>	3	1-50
<i>Юбок верхних</i>	2	4
<i>Полотенцев</i>	3	1-50
<i>Сопог детских</i>	1 пара	10
<i>Мужские щеллеты с галош.</i>	1 пара	5
<i>Женские ботинки с галош.</i>	1 пара	8
<i>Ложек металлических</i>	5 шт	0-75
<i>Вилок</i>	5	0-50
<i>Нож</i>	1	0-50
<i>Свечей стеориновые</i>	4	0-70

Выписка взята из Курганского обл.архива.

После изъятия ценностей раскулаченных отправили пешком до станции Юргамыш – 55 км. Малых детишек и стариков погрузили на телеги. Всех загрузили в вагоны и повезли неизвестно куда.

Так Петр Яковлевич, Клавдия Александровна, Анатолий, Сергей и Борис оказались на лесоповале. К ним присоединился Василий, хотя должен был ехать в Казахстан на работу учителем. Но когда приехал домой, чтобы попрощаться с родителями, его, нарушая закон, власть, не раздумывая, включила в список раскулачиваемых. И уже на Севере разобрались, что была допущена ошибка. Промахи и перегибы при поведении коллективизации продолжались повсеместно.

Несмотря на свалившуюся новую беду, Петр Яковлевич не пал духом. Мечтал вновь подняться на ноги и даже создать артель, тем более народ вокруг был подходящий - работающий, подгонять не надо.

День был солнечный, воздух чист, удивительно легко дышалось. Хорошо в такой день взять пилу, которая не просто пилит, а играет в руке, словно кузнечик стрекочет! Ему было за 60, но крестьянские корни не позволяли падать духом. Но с судьбой не поспоришь: во время валки леса при падении сосны отлетел сук и поранил губу и нос рабочего Леванова и 25-го марта 1931 года он умер от

заражения крови. В поселке, где жили лесорубы, не было ни фельдшера, ни аптечки. Перед смертью он сказал жене: «Не плачь, Кланя, так богу угодно!». Детей же благословил на честный труд для блага Матушки-Родины и молвил с последним вздохом: «Мы не враги своему народу!». Так умер мой дед – раб божий.

Семья осталась без кормильца. Клавдия Александровна, моя бабушка, тяжело заболела, переживая за детей. К счастью, нашелся смелый человек - комендант Зубарев, который, опираясь на постановление Свердловского и Курганского округов, стал объяснять вышестоящему начальству, что семья Леванова П.Я. сослана ошибочно. Разъяснили: нужно кому-то из родственников написать о семье. Заявление написал Анатолий. Четыре месяца не было ответа, а потом пришла радость: прислали документ о реабилитации семьи досрочно. А деньги на дорогу? Дети, ищите работу! Через 3 месяца бабушка, Анатолий, Сергей, Борис были в Куртамыше, зашли в сельсовет. Председателем был все тот же Голоднев, отправивший семью Левановых на Север. От такого добра не жди! Брызгая слюной, он в исступлении кричал и сквернословил: «Чтоб больше вас не видел в Куртамыше!» Но дети Левановы оказались сильнее духом этого тщедушного злобного мужичонки. Они спокойно вышли на солнце, разорвав паутину страха. Дядя Толя уехал к сестре Анастасии в Усть-Уйский район, Сергей - к брату Василию в Казахстан, мать с Борисом - к Анне (моей будущей маме) в Казак- Кочердык. Начиналась новая жизнь...

В 1997 году, отмечая 90-летие со дня рождения Василия Петровича Леванова, своего дяди, я, слегка под градусом, спросил его: «Дядя Вася, давно хотел узнать, но все не решался... Вашу семью дважды разорили, сослали на Север, вы пережили холод и голод, хуже того - страшную войну, которая унесла миллионы жизней... Как Ваше поколение не очерствело, не ожесточилось, а наоборот - сумело сохранить в себе лучшие человеческие качества: любовь и сострадание к ближнему, уважение и веру в Человека?» Дядя не смог сразу дать ответ. Уронил одну слезу, другую и зам-

кнулся. Через год он скажет: «Все не так просто. Я думаю, что ответ - в родовой закалке, у нас крестьянские корни, мы созидатели, а не разрушители».

Я родился в январе 1939 года, и жизнь моих родственников старшего поколения после войны протекала перед глазами. О том, что я отпрыск «врага народа», узнал лишь в зрелое время. Сверстники в глаза никогда не упоминали об этом, возможно потому, что моим щитом служил отец, героически погибший в 1943 г., освобождая деревню Красная Слобода Суражского района, где недавно в честь его названа улица, проходящая мимо памятника погибшим воинам, улица лейтенанта Скрипова.

Жизнь Василия Петровича, моей мамы и младшей сестры Анастасии Петровны сложилась, как под диктовку, одинаково: все закончили Куртамышскую школу 2 ступени с педагогическим уклоном, каждый проработал в сельской школе более 40 лет, обучаясь заочно, получили высшее образование. Начало их деятельности в народном образовании совпало с годами «культурной революции». Главным успехом ее стало преодоление безграмотности населения и осуществление всеобщего обязательного образования детей школьного возраста. Своим самоотверженным трудом дети Петра Леванова доказали свою преданность государству рабочих и крестьян. Они не хныкали, не роптали. Педагогическая деятельность для них стала любимым делом. За многолетний и добросовестный труд Президиум Верховного Совета СССР наградил Василия Петровича орденом «Знак Почета», а в 1957 году ему будет присвоено высокое звание Заслуженный учитель Казахской ССР и вручен знак «Отличник народного просвещения». Но главным своим достижением он считает научный труд «Трудовое воспитание школьников – составная часть политехнического обучения», с которым он выступил в Москве на педагогических чтениях при Академии народного просвещения и два жизнеутверждающих сборника стихов: «Мой край родной» и «Навстречу новому тысячелетию».

Анна Петровна Леванова (Друзьяк) – моя мама, так же, как и старший брат, награждена орденом «Знак почета», а в 1965 году

удостоена звания Заслуженный учитель школ РСФСР. До сих пор в нашей семье хранится поздравительная открытка ее учеников: «Дорогой наш юбиляр, Анна Петровна! Ваша жизнь, с юности до краев наполненная созидательным трудом, преодолением трудностей в работе и личной жизни, внушает нам большое уважение, и мы не ошибемся, если скажем, что Ваша жизнь – это интересная книга, а Ваш образ – это и есть наш любимый герой-современник. Живите долго, воспитывайте новых

героев, наша скромная и Великая сельская «учительница первая моя!»

Анастасия Петровна всю жизнь проработала учителем начальных классов. Скромная женщина-труженица, отличник народного просвещения, мама была моей первой учительницей и привила мне, «вертуну», (так было написано в характеристике) огромную любовь к книге. Это была плеяда педагогов.

Анатолий Петрович стал финансистом. Долгие годы работал старшим бухгалтером в областном управлении связи города Кургана. Все награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Кроме дяди Бори, который 17-летним пареньком погиб, защищая нашу столицу от врага, и дяди Сережи, сумевшему вынести все тяготы проклятой войны: раненым по-

23 окт. 1965 г. Гоисе Целинного Целинного РККР сс

**Указ Президиума
Верховного Совета РСФСР
О присвоении почетного звания
заслуженного учителя школы РСФСР
работникам народного образования
Курганской области**

За заслуги в области народного образования присвоить почетное звание заслуженного учителя школы РСФСР

Друзья! Анне Петровне — учительнице Целинной средней общеобразовательной трудовой политехнической школы с производственным обучением Целинного района.

Председатель Президиума
Верховного Совета РСФСР
Н. ИГНАТОВ.
Секретарь Президиума
Верховного Совета РСФСР
С. ОРЛОВ.
Москва, 12 октября 1965 года.

Дорогая Анна Петровна!
Коллектив учителей Целинной средней школы горячо поздравляет Вас с высокой наградой — присвоением Вам звания заслуженной учительницы РСФСР.
Желаем Вам отлично здоровья, долгих лет жизни и плодотворной работы в деле воспитания и обучения детей — строителей коммунизма.

65
42
49
ИН.
ОП.

Анне Петровне Д.

пасть в плен, бежать и дойти с автоматом в руках до Берлина. Грудь победителя украсили два ордена Славы, медаль «За отвагу». После войны закончил Челябинский медицинский институт, стал военным хирургом. Майор медицинской службы.

Сейчас в роду Левановых есть ученые, педагоги, врачи, финансисты, музыканты, но, к сожалению, нет хлеборобов...

Хотя надежда есть: моя дочка Анюта мечтает приобрести гектар земли, построить родовую усадьбу, выращивать овощи и хлеб. В журнале «Образ жизни - родовое поместье», который она издает, радуется ее признанию: «Друзья, я испытываю трепет перед нашими предками, они наполняют меня гордостью за наш народ и непобедимый дух».

СОКОЛОВА
Людмила Геннадьевна

Родилась 21 октября 1958 года в с. Байдары Половинского района. В 1981 году закончила Челябинский медицинский институт. Почти 30 лет проработала в Половинской ЦРБ врачом-педиатром, отоларингологом, зав. поликлиникой. Проживает в д. Санаторная Кетовского района. На пенсии, но консультирую больных в санатории «Лесники». Увлекается краеведением, генеалогией. Свою родословную составила. Имеется

несколько моих публикаций в Половинской газете «Вестник района», в газете «Новый мир».

РАССКАЗ ПРО МОЕГО ДЕДА

Мой дед - Плотников Евдоким Львович (последнее время его звали Леонтьевич, но его отец был Лев, это доказано церковными документами). Родился он 29.07.1893 г. в д. Галишово, «что на речке Юргамыш, близ станицы Утятской». Это старинная деревня, одно из первых поселений в Зауралье. И род Плотниковых тоже старинный. Исследуя его, я добралась до 1689 г., и если считать только от этого времени, то я – десятое поколение Плотниковых.

Евдоким родился в большой крестьянской семье, он был шестым ребёнком. Образование родители ему дали, закончил церковно-приходскую школу. Его рассказов о детстве я не помню. В 1915 г. во время Первой мировой войны был призван в армию, ему было 22 года, он был уже женат, и до войны у него рождалась дочь, которая, видимо, умерла. В Курганском архиве найден документ – призывной список за 1915г., он назван дополнительным и в нём перечислены дети купцов, церковнослужителей. Евдоким из крес-

тьянской семьи. Думаю, что в этот список были включены наиболее грамотные люди. В графе семейное положение перечислены: «отец - 62л., родные братья: Михаил - 39л., Павел - 37л., Иван - 31г., Андрей - 29л. Павел и Иван по мобилизации призваны в военную службу: 1-й - в 21-й Сибирский стрелковый запас, 2-й - в 44-й Сибирский стрелковый полк». Далее отмечено, что Евдоким Плотников православный, женат, имеет дочь 1 года, грамотный, по ремеслу па-

харь. В 14 графе указаны данные медицинского осмотра: рост - 2 ар. 5 и 2/8 верш., грудь - 19 и 2/8 верш., вес - 3 пуд. 21 фунт., стоит 3 подписи врачей и заключение «годен во строй». Службу он проходил в 129-ом пехотном Бессарабском полку. Этот полк в Первую мировую войну сражался на Западной Украине. Во время войны дед и получил свою медицинскую профессию. Неизвестно, проходил ли он какие-то специальные курсы подготовки или просто служба при полковом медицинском околотке, но освоил дело на практике. В 1917 г. полк перешёл на сторону красных, т. к. в нём было много людей, сочувствующих Советской власти. Евдоким Львович даже состоял в революционном комитете полка, о чём имеется справка. Несколько лет он служил при различных госпиталях, приобрёл там большой опыт медицинской работы. Одним из госпиталей был Курский 668-й эвакуогоспиталь, где дед был лекарским помощником (есть копия удостоверения). Он рассказывал, что очень много солдат умирало от тифа и зимой трупы просто складывали в штабеля во дворе госпиталя. И он, когда приходилось ночью переходить из корпуса в корпус, немного боялся этого. В сентябре 1918 г. был «освобожден от призыва по мобилиза-

ции до первого требования» (справка). Тогда он возвращался в родное село. В мае 1919 г. у них с женой Лукерьей Григорьевной рождалась дочь Таисья, которая через месяц умерла. Имеется у нас и ещё одно удостоверение, уже от 18 апреля 1919 г., на нем печать командира Челябинского отдельного конского запаса № 153 подписанное подпоручиком... Видимо довелось ему послужить и в Белой армии, но этот факт он скрывал.

Вернулся с войны в Галишово видимо весной 1920 г., тогда разбили белых в Челябинске и в Зауралье. В ноябре 1920 г. у него родился сын Константин. Но вскоре Евдоким был направлен в гражданское ведомство по борьбе с эпидемическими болезнями в Половинский район. В сентябре 1921г. началась его трудовая деятельность в Байдарском медпункте. Жена не поехала с ним и осталась в Галишово. А в Байдарах деда поселили к вдове Богдановой Домне Ивановне. Они полюбили друг друга. С первой женой дед развёлся в 1925 г. В это время у них с Домной уже родились два сына: Леонид в 1924 г. и Геннадий (мой отец) в 1925 г.

В Байдарах дед проработал 35 лет, уже имея диплом фельдшера. Думаю, что нелегко ему приходилось, ведь кроме этого села, он обслуживал и другие села и деревни: Кульнево, Платово, Марай, Ново-Байдары и Золотое, и даже Булдак (временно). Также обслуживал детский дом, который во время войны был в Байдарах. Говорят, что умел многое: принимал роды любой сложности (тогда ведь часто рожали на дому, т. к. добраться до роддома было сложно), вправлял вывихи и переломы, отлично удалял зубы, лечил инфекционные заболевания, вакцинировал. Вызвать на дом могли в любое время суток, и он всегда был готов. Транспортom была лошадь. У него был длинный тулуп, в который можно было завернуться с головы до пят. Дед заворачивался в него, садился в сани и уезжал, например, на роды, иногда на всю ночь. Жители его ценили, приезжали за помощью из других сёл и даже из Кургана. Помню, когда он уже не работал, был стареньким, то к нему всё ещё приезжали люди удалять зубы. У него дома были кое-какие

инструменты. А он уже плоховато видел и всё равно хорошо удалял. Не лечил людей народными средствами, признавал и ценил только лекарства. Восхищался антибиотиками, они в то время только появились. Дед сожалел о том, что антибиотиков не было раньше, ими можно было спасти множество людей. ФАП, а тогда его называли «больница» находился в красном кирпичном доме, оставшимся после раскулаченных (кстати, наших родственников по бабушке) с высоким крыльцом, с видом на озеро. Моя сестра рассказывает, что помнит, как они с бабушкой ходили к деду на работу, он уже работал последние дни. Ёе удивило, что халат у него с завязками сзади. «Как же он его одевает?» - думала она. Дед был тогда грустным.

Особенно трудно было работать во время Великой Отечественной войны, ведь медицинского персонала не хватало даже в районной больнице, не было медикаментов. И жили все в тревоге за исход войны, своих воевавших родных. У моего деда на фронте были три сына: Константин воевал в артиллерии, Леонид - в морской авиации и Геннадий - в ВДВ. Но все вернулись живыми. После войны сын Леонид окончил Свердловский медицинский институт и много лет работал врачом в Красноярске.

Да, ценили его люди. Оценило его труд и правительство, он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» А в 1953 г. он был награжден орденом Ленина, один из 24-х, награжденных эти орденом в Половинском
р а й о н е .

Выглядел дед так: среднего роста, худощав, светло-русые волосы, серые глаза. Был немногословен, голос глуховатый, неторопливая речь. Очень любил читать. Он прочитал все книги в Байдарской библиотеке, все новинки давали ему в первую очередь. Позднее стали выписывать журналы на дом. А дома тоже начала формироваться библиотека, в которой сейчас сотни книг. Есть даже книга 1937 года выпуска, купленная дедом: «Собрание

сочинений А.С. Пушкина», большая и толстая, с затертыми краями страниц. Дед часто читал книги вслух для бабушки и для нас. Я отлично помню, как мы садились вокруг него и слушали, слушали. Мне особенно запомнилось чтение поэмы: «Руслан и Людмила». У них с бабушкой была отдельная комната с русской печкой. Дед любил греться на лежанке. А мы с сестрой тоже забирались к нему. И он рассказывал нам сказки, наверное, одни и те же, но немного с разной интерпретацией. А ещё на печке всегда лежали сухарики и сушёные яблоки в мешочках, и можно было заодно похрустеть там.

Когда я подросла, у меня вдруг появилось страстное желание стать врачом. Я думаю, что это было не осознанное подражание, а что-то врождённое, на генетическом уровне. Я стала играть в «больницу», собирала всякие бутылочки, упаковки от таблеток и что-то ещё. Всех бинтовала и «ставила уколы». Мечтой было завладеть шприцом, который был у деда, но он был нужен ему самому. А как я обожала ходить в больницу! Запах лекарств был как что-то самое лучшее в мире, вид белого халата – как одеяние волшебника. И вообще я считала, что врачи – это необыкновенные люди. Даже подружкам объясняла: «Врачам сделают какую-то операцию, и сами они потом не болеют, не заражаются от больных». Когда стала старше, то уже стала стараться учить предметы, нужные для поступления, планировать учёбу в Челябинске. Дед очень одобрял это, даже был горд, что я хочу стать медиком. Только однажды сказал: «Учись на фармацевта – чистая работа». Знал он много и представлял, с чем придётся столкнуться, работая врачом. Но у меня были другие планы. В 1975 г. я поступила на педиатрический факультет Челябинского медицинского института.

Дед не успел узнать об этом, он умер в декабре 1974 года...

СОЛОВЬЕВА
Юлия Николаевна

Студентка 2 курса Мишкинского профессионально-педагогического колледжа.

Руководитель работы: Чеченева Любовь Филипповна, руководитель музея истории МППК

ВСТРЕЧА С ПРАДЕДУШКОЙ

О том, что в нашей семье воевали мои прабабушка и прадедушка, я знала. Но у нас не было никаких документов, фотографий или их писем. Я только знала от родных, что прадедушка работал в Мишкинском педагогическом училище, а прабабушка в Мишкинской районной больнице.

Весной этого года учащиеся девятого класса Восходской школы по маршруту профтура посетили музей истории Мишкинского профессионально-педагогического колледжа. На экспозиции «Солдаты Победы. 1941-45» меня привлекла фотография уже немолодого человека с добрым, спокойным, немного грустным взглядом. Я была поражена, прочитав ниже подпись под фотографией: «Шлейков Илья Тимофеевич». Это же мой прадед! Так произошла первая встреча с моим прадедушкой. Когда я начала учиться в колледже, руководитель музея истории МППК Л.Ф. Чеченева предложила мне воссоздать военную и трудовую биографию моих прадеда и прабабушки. Мы изучили документы музея МППК и районного историко-краеведческого музея, документы из архива военного комиссариата по Мишкинскому району, и вот что я узнала.

И.Т. Шлейков родился 2 августа 1917 г. в семье бедного крестьянина в селе Миролюбово Фатежского района Курской области.

Семья испытала много лишений. До революции и после в семье занимались хлебопашеством, работали, не покладая рук. В 1918 году умер отец. А что значила потеря единственного кормильца?! Трудно было сначала. Затем появилась возможность учиться. В 1933 году Илья закончил семилетнюю школу. В 1938 году получил диплом Белгородского политехникума. В ноябре 1939 года его призвали в ряды Красной Армии, и в армии он много учился. В мае 1940 г. он – курсант полковой школы младших командиров, а с июля 1940 г. – помощник командира взвода 743-го стрелкового полка 131-й стрелковой дивизии. Затем его направили в Омское зенитно-артиллерийское училище, которое он окончил в звании лейтенанта.

Война перечеркнула все планы, надолго увела из родного дома. С ноября 1941 г. лейтенант И. Шлейков уже в действующей армии – заместитель командира батареи 37-мм зенитных орудий в составе 136-й отдельной зенитно-артиллерийской батареи 62-й стрелковой дивизии на Юго-Западный фронте.

Затем снова учеба. Его направили в г. Самарканд слушателем в зенитно-артиллерийскую академию им. Дзержинского, где он окончил ускоренный курс – и вновь на фронт.

Воевал командиром батареи зенитных орудий, помощником начальника штаба полка на Юго-Западном, Степном, 2-м Украинском, 2-м Белорусском фронтах. С февраля до ноября 1945 года являлся заместителем начальника штаба по разведке в составе 5-го гвардейской Краснознаменной танковой армии, 2-й Белорусский фронт. И везде проявил себя как опытный командир, верный воинскому долгу и воинской присяге.

В составе Пятой Гвардейской Краснознаменной танковой армии он прошел путь от Москвы через Воронеж и Сталинград, Прохоровку и Курск, Корсунь-Шевченковский, Украину и Молдавию, Белоруссию и Прибалтику, Румынию и Венгрию, Югославию и Восточную Пруссию. Пятая армия была армией прорыва. Это основные вехи тяжелых фронтовых дорог И.Т. Шлейкова.

Его воинские звания - лейтенант, старший лейтенант (май, 1943

г.), капитан (май 1944 г.). Из представления на присвоение звания капитана:

“Старший лейтенант Шлейков И. Т. показал себя знающим свое дело командиром зенитного орудия. За период июль-август 1943 г. его батарея уничтожила 15 вражеских самолетов. Как помощник начальника штаба, работу знает, разбирается в обстановке, принимает правильные решения. Предан партии Ленина, Сталина и социалистической Родины. Достоин присвоения очередного звания «капитан». 8.02.1944 г.”.

Судьба хранила бойца – за всю войну он не был ранен. А Родина достойно оценила его военные заслуги.

Его награды:

Медаль «За отвагу» в бою под Прохоровкой Белгородской области за освобождение колхоза «Комсомолец». (21.07.1943 г.)

А потом был тот день, когда их полк под непрерывной бомбежкой немецкой авиации форсировал Днепр, освободил Киев. Наградой тому - орден Отечественной войны 1 степени. (06.09.1943г.)

И вот день, когда взломали прочную железобетонную оборону немцев – Кенигсберг – и вступили на землю Восточной Пруссии... Он с боями освобождал народы от гитлеровской чумы и дошел до стен рейхстага. Наградой стала медаль «За взятие Кенигсберга» (1945 г.) и “За победу над Германией”

Из наградного листа:

“За период боев в районе Богодухова Харьковской области с 3 по 14 августа батарея старшего лейтенанта Шлейкова И. Т. сбила 10 самолетов противника, а всего с начала боевых операций батарея сбила 15 самолетов противника. За весь период боев батарея старшего лейтенанта Шлейкова И. Т. имеет минимальные потери личного состава и техники, несмотря на то, что в боях подверглась ожесточенным бомбардировкам с воздуха, артиллерийскому и минометному обстрелу. Сам старший лейтенант Шлейков И. Т. мужественно и смело выполнял свои обязанности и личным примером воодушевлял бойцов. Достоин награды орденом «Красная звезда”.

Шлейков И.Т. демобилизован из рядов Советской армии в ноябре 1945 г.

На фронте в 1942 году Илья Тимофеевич встретился со своей любовью. Это была хрупкая, обаятельная, сильная характером девушка Рита - военврач зенитно-артиллерийского полка Латковская Маргарита Мироновна - моя прабабушка.

М.М. Латковская родилась 6 августа 1921 года в Мишкино. Ее отец Латковский Мирон Иванович в 30-

е годы был одним из первых преподавателей Мишкинского педтехникума. Маргарита Мироновна окончила Мишкинскую среднюю школу и Свердловский медицинский институт (1942 г.). С сентября 1942 года на фронте. Старший врач зенитно-артиллерийского полка, 6-я зенитно-артиллерийской дивизии, 5-я гвардейской Краснознаменной танковой армии. Принимала участие в боях под Прохоровкой на Орловско-Курской дуге и в операции форсирования Днепра. Тысячи жизней спасли её руки. В битве у с. Прохоровка в июле 1943 г. оказала помощь двумстам тяжело раненым солдатам. Военские звания: старший лейтенант (1943 г.), капитан медицинской службы (1960 г.), майор медицинской службы (1967 г.), подполковник медицинской службы (2000 г.). За свой вклад в победу над Германией Маргарита Мироновна награждена медалями «За отвагу» (1943 г.), «За победу над Германией» (1945 г.), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», орденом

Отечественной войны 1 степени (1985 г.).

После войны Илья Тимофеевич и Маргарита Мионовна приехали в Мишкино.

Вся дальнейшая деятельность Ильи Тимофеевича связана с Мишкинским педагогическим училищем. Вначале работал военным руководителем. В 1953 г. окончил Челябинский государственный педагогический институт, затем два года – преподаватель истории, а с 1963 г. по 1977 г. – заместитель директора по учебной работе Мишкинского педагогического училища.

Илья Тимофеевич был знающим, требовательным преподавателем. Не понаслышке знал историю Великой Отечественной войны, а вот говорить о ней не мог. Однажды, выступив перед учащимися МПУ, он настолько разволновался, что оказался в больнице с сердечным приступом. Вернувшись, он просил больше его к мероприятиям, связанным с воспоминаниями о войне, не привлекать.

За творческий добросовестный педагогический труд И. Т. Шлейков награжден званием «Отличник народного просвещения».

Маргарита Мионовна Латковская, моя прабабушка после войны 46 лет проработала в Мишкинской районной больнице врачом - акушером-гинекологом, заведующим отделением, заместителем

**Фото с партийной конференции
Мишкинского педагогического училища (МПУ).
Слева направо: В.С. Коршунов - выпускник 1951 г.,
затем – преподаватель истории МПУ (1953-71 г.г.),
И.Т. Шлейков - заместитель директора МПУ
по учебной работе (1963-77г.г.),
А.А. Биндюк – директор МПУ (1965-79г.г.),
А.Д. Сазонов - директор МПУ (1963-65г.г.)**

главного врача по лечебной части. С 1966 и до 1990 г. - главный врач Мишкинской центральной районной больницы. Много бессонных ночей проведено у постели больных, у операционного стола, много жизней спасли её заботливые и умелые руки. Случалось так, что на операциях не хватало крови. Маргарита Мироновна давала свою для переливания и снова становилась к операционному столу.

Из воспоминаний ветерана МПУ К.С. Войтецкой: «Маргарита

Мироновна была врач от Бога. Ее жизнь и работа были служением людям. Я испытала это на себе: первого сына я рожала очень тяжело, и Маргарита Мироновна не отходила от меня целые сутки. Поэтому я считаю себя ее должницей и прошу Господа поместить ее душу в месте светлом, месте покойном”.

Другое яркое воспоминание о Маргарите Мироновне – встреча студентов МПУ с нею, как с участницей Великой Отечественной войны. Весь ее рассказ был без излишней эмоциональности, без пафоса. Как-то тихо и просто она сказала: «На войне страшно. На войне тяжело. А я и тогда была такая же маленькая, только худенькая, тоненькая». Какое мужество, какое большое сердце было у этой женщины!

Благодаря работоспособности, целеустремлённости и организаторским способностям Маргариты Мироновны в 1970-е годы, в районе построены новые здания районной аптеки и районной больницы: 2-этажная поликлиника, 3-этажный лечебный корпус, одноэтажное отдельно стоящее здание инфекционного отделения. Как главврач она была предельно строгая, требовательная, но справедливая. На первом плане стояли интересы дела, она всегда ценила людей, преданных делу. Улучшилась оснащённость районной больницы медицинским оборудованием, санитарным транспортом, подбирались квалифицированные кадры. Больница была переведена на центральное водотеплоснабжение, канализацию. Всё это позволило вывести Мишкинскую больницу в число лучших районных больниц области. Мишкинская ЦРБ стала базой передового опыта в области.

Правительство по заслугам оценило деятельность Маргариты Мироновны. За многолетний и безупречный труд и совершенствование материально-технической базы здравоохранения Мишкинского района М.М. Латковская награждена высшей наградой Родины - орденом Ленина и удостоена звания «Заслуженный врач РСФСР».

Маргарита Мироновна и Илья Тимофеевич прожили долгую со-

вместную жизнь, вырастили двух детей.

Из воспоминаний дочери Людмилы:

«Дома папа был примерным семьянином, заботливым отцом и любящим мужем. Он не ругал меня, но стоило ему только взглянуть на меня, и я всё понимала. В его взгляде читалась строгость, решимость и справедливость.

У моей мамы бойцовский характер. Особенно не давала спуска никому в больнице. Всю себя она отдавала работе. Больше всего переживала за будущих молодых мам, за них она готова была бороться день и ночь.

Семейные праздники отмечались за большим столом всей семьёй. Любили ездить на природу с лета до глубокой осени. Родители очень любили отдыхать, вся неделя была напряженной, а выходные, по организации мамы, удавались на славу. Мама была властной женщиной, однако в семье она была обычной, домашней. За всех домочадцев она переживала всегда. Старалась уделять семье как можно больше времени».

Я сейчас я учусь на втором курсе Мишкинского профессионально-педагогического колледжа по специальности «Дошкольное об-

разование». Я часто бываю в музее, подхожу к экспозиции «Солдаты победы», и с фотографии на меня спокойным, добрым взглядом смотрит красивый немолодой человек - мой прадед Илья Тимофеевич Шлейков. И мысленно я благодарю его за всё.

*Прошло
немало лет с победы.
Солдат награды
по заслугам получил,
Рассказывал
про жизненные беды,
Детей
истории войны учил.
Я им горжусь.
Прадедушка он мой.
С ним мысленно веду беседу:
«Спасибо тебе, деда, за покой,
Спасибо за великую Победу».*

Список использованных источников:

1. Букреев, А.И. Помни войну. Детство, опаленное войной. Книга памяти./ А.И. Букреев, В.А. Есетов. - Курган, 2004.
2. 1941 – 1945г.г. Мишкинцы - солдаты Великой Победы.
3. Книга Памяти. 1941-1945. Т.14. Мишкинский и Юргамышский районы.
4. Чеченева, Л.Ф. Прокляните войну, люди Земли! Сборник материалов музея истории МППК/ Л.Ф. Чеченева. - Курган - Мишкино.: Центр «Отклик». - 2013. – 40 с.
6. Материалы из архива военного комиссариата по Мишкинскому и Юргамышскому районам.

**СПИЦЫНА (Белозёрова)
Ирина Анатольевна**

Родилась 8 января 1958 года в городе Кургане. Переняла от отца любовь к рисованию, закончила художественную школы в 1973 году. Окончила Курганский машиностроительный институт в 1980 году по специальности “инженер-экономист”. Награждена медалью «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения 2010 г.». Имеет звание “Ветеран труда”. Генеалогией занимается с 2005 года.

БЕЗ МАМЫ

Памяти моей матери Арины Трифоновны

Стала уже солнечная рама,
Лавки выше, а углы острей.
Без тебя, заботливая мама,
Сразу стало близко до дверей...

Самолет сверкал за облаками,
Жаворонок падал с высоты,
И твоими смуглыми руками
Пахли придорожные цветы.

Шел к реке я в темную низину
На чужие, дымные костры.
Ветер дул мне то в лицо, то в спину,
Гнал меня из детства до поры.

Загонял в незапертые сени,
В погреба за крынкой молока,
В пароводных трюмах на колени
Становил под тяжестью мешка.

Ветер, ветер!... Выбитые рамы,
Потолки в махорочном дыму...
Оказаться на земле без мамы
Я не пожелаю
Никому.

Это стихотворение моего дяди Тимофея Максимовича Белозёрова посвящено его матери, моей бабушке Арине Трифоновне (в девичестве Кудриной), уроженки деревни Гагарье Юргамышского района, Арина Трифоновна вышла замуж за Максима Павловича Белозёрова в деревню Камыши Куртамышского района и всю свою жизнь прожила бы там, как и все мои предки жили на одном месте, если бы... Но все по порядку.

Оказывается, желание знать, кто были твои предки - естественное желание каждого нормального человека. Для себя я сделала такое открытие только в сорок лет! Почему? Да потому, что моя мама и мой папа выросли в семьях репрессированных. О существовании своих дедушек и бабушек я узнала только после четырехлетнего изучения архивных документов. Многие мне стало понятно из разговоров с моей тетушкой Акулиной Максимовной Белозёровой о «старине», о своих родителях, о том, как они жили. А в последние годы жизни мыкались по свету...

Навело меня на мысль, что это может быть интересно многим, мнение человека, жившего давно. Об этом мы с Лидуней, моей внучкой, прочитали у Андрея Болотова (1738-1833) в книге «Жизнь и приключения Андрея Болотова, написанные им самим для своих потомков».

Почему же мне это было неизвестно, да так долго. Да просто потому, что в семье совершенно была закрыта тема о моих пред-

**Арина Трифоновна
с мужем Максимом
Павловичем.
1916 год.**

ках. По мнению моих родителей, говорить о них и знать о них было опасно! А мне и в голову не приходило об этом спросить, ведь их и не было совсем в нашей жизни! Не было ни фотографий, ни воспоминаний, ни вещей им принадлежавших. Теперь с большим трудом мне удастся узнавать что-то, касающееся нашего прошлого. Тетушке моей уже 96 (!) - и помнит она, что-то очень хорошо, а что-то

(что захотелось выбросить из памяти) не может вспомнить совсем, а она единственная осталась из поколения моих родителей.

Поэтому я и решила обратиться к архивным материалам. Из «Истории Курганской области» и из общения с Владимиром Трофимычем Серковым (наши предки жили в одной деревне) и его книгой «В потоке времени», увидела, что значительную часть русского населения Южного Урала с XVIII века составляли приверженцы старой веры, вынужденные бежать из разных частей России, спасаясь от преследований властей. Среди их потомков оказались и мои Белозёровы и Кудрины. Эти фамилии встречаются в ревизских сказках, начиная с 1710 года в Утятской слободе. Выходцами, из которой были основатели деревни Камышева (Камыши теперь), вместе с Даниилом Трубиным в 1750-х годах.

Хочется рассказать поподробнее об истории возникновения о месте рождения и жизни моих предков.

Место для поселения было выбрано довольно удачное: между-озерье, на равнинной местности по северо-западному берегу озера Клабуково. Деревня располагалась правильной широкой дугой и с запада прикрывалась озером Бубновским. Такое расположение способствовало надежной защитой от набегов кочевников, которые в то время случались нередко. На пять верст вокруг были пахотные плодородные земли. В озерах и реке Тобол (в пяти верстах на восток) водилось много рыбы. В березовых колках в изобилии росли грибы и ягоды. Деревня быстро росла и развивалась, и уже в 80-90 годах 19 века в ней насчитывалось 28 подворий и проживало 218 человек. Жили тогда большими семьями. Пашенной земли наделяли по 15 десятин на мужскую душу. Лесные участки и озера тоже отдавались в «надел». Для сенокосов поля не отводили. Косили там, где хотели.

Всеми внутренними делами ведала деревенская община, которая выбирала на общем сходе старосту. Старостой, как правило, был наиболее зажиточный и авторитетный крестьянин. Община для создания равных условий всем каждые 10 лет производила передел пашенных земель, лесных участков и озер. Решала споры, следила за очередностью рекрутских наборов, сбором податей на местные нужды. Жизнь в деревне велась спокойная, размеренная и сытая. В результате естественного прироста к 1839 году в ней уже было 66 подворий и 436 жителей. Интенсивное развитие сельского хозяйства, рост производства зерна и животноводческих продуктов дает возможность развивать и торговлю. В 1863 году волостное правление дает разрешение на отвод земли и проведение ярмарки в деревне Камышевой. Технический прогресс тоже не обходит деревню. И в 1844 году здесь уже 15 ветряных мельниц. А в 1856 году появляется и одна водяная мельница. В 1876 году из Чернавской волости выделяется Камышевская волость, и село становится административным центром. В 1895 году в обзоре экономического и сельскохозяйственного состояния Кур-

ганского округа Тобольской губернии ему дается характеристика: «В селе Камышевском проживают: мужчин - 348, женщин - 387, всего - 735 человек. В том числе православных - 682, раскольников - 54 человека. Грамотных 98 человек или 13,3% населения. В сельском училище обучаются 25 мальчиков и 4 девочки.» Дальнейшее развитие села и ускорение всеобщего хозяйственного развития приводит к строительству земской станции с постоянными средствами передвижения и перевозки почты. Создано два хлебозапасных магазина, как продовольственный запас на случай неурожая и других бедствий. В селе начинает действовать маслодельный завод купца Валькова, на котором доверенным лицом управляющего служит мой прадед Павел Михайлович Белозёров. Учитывая возрастающую потребность в строительных материалах, он строит завод по производству кирпича. Раз в год осенью открывается ярмарка.

На исходе XIX века село Камышевое стало развитым волостным административным центром, обеспечивающим управление крестьянскими общинами в одиннадцати населенных пунктах с общим числом жителей 6110 человек.

В 1928 году сделали обмер и перераспределение земли между крестьянами. Одни, засучив рукава, стали работать, у других наделы стали зарастать бурьяном. Первых Советская власть поощряла как «культурных хозяев» и даже узаконила наемный труд, но в декабре 1929 года они стали «кулаками-мироедами» и подверглись уничтожению как класса. А кто такой кулак? В Л. Тихонов, академик ВАСХНИЛ, сказал, что кулак в русском языке - это перекупщик хлеба, сельский торговец. Но кулак был не только перекупщик, но и производитель сельхозпродукции: он сеял хлеб на своем земельном наделе, кормил себя и страну. В современном понимании «кулацкие» хозяйства были фермерскими.

К 1930 году Россия поднималась из мрака разрушения. Но не избежало уничтожения крестьянство. Волна раскулачивания сметала и нэпманов, и работающих средняков-кулаков. По стране было раскулачено 1 миллион 100 тысяч семей. В эту волну и попали мои

предки по бабушкиной линии Кудрины и по дедушкиной Белозёровы. Раскулачивание разрушило продовольственный стержень общества, начался искусственно созданный голод 1930 года, а вскоре новая волна репрессий 1937 года смела с лица земли семейное гнездо моего отца, да так основательно, что и в памяти не осталось ничего.

Чтоб не утратить знания о предках, чтобы не порвалась связующая нас нить памяти и хочется мне объединить архивные материалы и рассказы о наших предшественниках и живущих теперь родственниках и близких мне людях.

Начать я хочу с моей бабушки **Арины Трифоновны (Кудриной) Белозёровой**.

Родилась моя бабушка Арина в семье староверов Кудриных в деревне Гагарье, которая до самой революции и много позже славилась крепкими устоями и традициями. И порядки людей, привыкших жить крепким хозяйством, переменить было сложно. Мне долго было непонятно, как мог решиться мой прадед Кудрин Трифон Леонтьевич в одиночку противостоять власти, «агитировать против колхозного строительства». По свидетельству архивных документов, он сопротивлялся долго, вплоть до 1930 года, пока его не раскулачили! Понятнее мне это стало после размышлений над тем, как жили Кудрины и Белозёровы. Как они живут сейчас, что главное в наших семьях до сегодняшнего дня. Свои представления о том, как надо жить, мой дед Трифон передал своей любимой дочери, и она вела

хозяйство и воспитывала детей, во всем придерживаясь принципов, заведенных ее дедами и прадедами -староверами. В семье почитали мнение старших, уважали религиозные традиции, трудолюбие, было главным достоинством Кудриных и Белозёровых. И в наши дни эти принципы живут. Среди моих родных много людей творческих специальностей. Много людей, добившихся своей цели. У одних это публичный успех и слава, у других тихое благополучие в семье, у третьих поиск своих горизонтов, который может длиться всю жизнь, но и счастье в таком поиске своих высот и духовном росте.

Очень хорошо картину того времени и образы моих дедов и бабушек рисуют воспоминания моей тетеньки Акулины Максимовны Белозёровой, которые я привожу здесь.

Из рассказов Акулины Максимовны Белозёровой

Как-то лежа на печи старшие спросили: «Мамонька, расскажи, как ты тятеньку полюбила?» И Арина Трифоновна рассказала, что как-то на Прокопьев день, когда ей было 18 лет, она поехала кататься в соседнюю деревню Камыши (сама она была из деревни Гагарье, что в 8 км.) Ехала она в легкой заграничной пролетке, сама правила и вдруг к ней запрыгивает парень молодой да ладный и берет из рук вожжи. «Так с вожжами и взял мое сердце!» А был это - Максим Павлович, ему было тогда 17 лет. Его научила Прасковья - родная сестра Максима: вот увидишь девку чернявую, которая сама правит упряжкой с вороным конем - бери сразу вожжи в руки. Умная была Прасковья Павловна, хоть и жила в другой деревне (Нарыльное), а про всех невест все знала на версту. Да и в семье Белозёровых не лыком шиты. Когда Трифон Леонтьевич, отец Арины Трифоновны, объезжал с расспросами: «Кто такие Белозёровы?» Все в деревне были единомышленны - и Павел Михайлович, глава семейства, человек уважаемый - доверенное лицо управляющего маслозаводом, честный и добрый к людям. И сын его ему под стать. Да еще и голубоглазый светловолосый красавец. Где же было устоять Арине Трифоновне перед таким! А Трифону Леонтьевичу счастье любимой дочери превыше всего

было. Так и сладили. Приданое потом две недели возили. А уж какое это было приданное (Арина Трифионовна рукодельница была известная - готовила приданое сама с двумя сестрами) вся деревня ходила смотреть и дивилась вышитыми и выбитыми нарядами, и постельными принадлежностями, и рушниками, и салфетками. Искусство мастериц пришлось по сердцу всем в деревне, видно, было за что. Да и девки кривить душой не стали бы, ведь Максим был женихом завидным и многие хотели породниться с Белозёровыми...

А жили мы в деревне Камыши. На берегу реки стоял двухэтажный дом с каменным низом и бревенчатым верхом, под железной крышей. На улицу выходили пять окон (два окна маленькой комнаты и три окна большой комнаты, еще три окна которой выходили во двор). Ограда была большая с саманницей для муки, за которой были огороды. За оградой размещался овощной огород с морковкой, луком, огурцами, помидорами. Дальше на выгоне для скота садили дыни, от которых в хорошие урожайные годы было желто. А в поле выращивали арбузы и картошку. А за двором, за большими хозяйственными воротами стояли теплые сараи для двух лошадей и дойки коров, стойла для скота и птицы (овцы, гуси, много кур). Коровы были пестрые с большими рогами, молока давали много, около 20 литров за раз. Лошади - породистые одна из них вороная, тонконогая, белолобая. У озера стояла невдалеке баня. Напарившись, из бани ныряли прямо в озеро.

Распорядок в семье был строгий. Все с утра уезжали в поле работать. Со взрослыми работать ездили старшие - Анна, Петр, Анатолий, а младших - Лидку и Генку - брали с собой, чтобы были на глазах и не пакостили дома. На хозяйстве в доме оставалась одна Лина. Она нянчила Тимку, полола огород, сеяла муку на квашню, пасла гусей - и это все одна девятилетняя девчушка. Иногда в доме жил кто-нибудь, кого лечила Арина Трифионовна. Так жила однажды женщина, которая проглотила иглу, она во всем помогала Лине по хозяйству. Однажды привели ребенка, который на рыбалке повредил глаз рыболовным крючком. Очень долго жила девоч-

«Барский» дом в деревне Камыши, дом Белозёровых очень уж похож был на этот, тоже был «красного кирпича» и тоже стоял на берегу, но до наших дней не сохранился... А живи бы в нем мои бабушка с дедом - стоял бы и сейчас.

ка, которой Арина Трифоновна вернула зрение. И кто бы ни обращался за помощью, всем Арина Трифоновна помогала. Помогала не за деньги, а за доброе слово.

О доме хочу рассказать особо. Построен он был с любовью и знанием дела - добротнo и продуманно. В дом вело высокое крыльцо. А под домом был погреб огромный и такой глубокий, что его приходилось даже реденько протапливать камышом. В нем хранили всевозможные припасы - бочки с рыбой, соленьями, мешки с изюмом, ягодами. С крыльца попадали в сени. Сени были теплые с двойными окнами. Из них сразу вход был в кухню, просторную в

три окна. Комната была еще больше в шесть окон. Со столом под бархатной скатертью и бархатным же диваном, который Трифон Леонтьевич привез для любимой дочки из-за границы. В простенках стояли огромное зеркало и цветы в кадках. Один фикус с широкими листьями, который Лине-девочке доставалось протирать довольно часто, и который докучал ей этим немало, а второй - «дырватый», большой, возможно «монстера». У другой стены стоял буфет с красивой заграничной посудой (темно-синего цвета с позолотой), который перед самым раскулачиванием Лина разбила весь, перевернув нечаянно буфет. И получила бы она от Арины Трифоновны нагоняй, не защити ее Максим Павлович словами: «Все чужим бы и так досталось», - он знал, что и их ждет та же доля, т.к. в округе все богатые родственники уже пострадали и были высланы, или лишились всего нажитого добра.

Наша семья держалась только за счет авторитета Арины Трифоновны, которая лечила всех и старых и малых - никому не отказывала. И деревня голосовала: «Белозёровых не выселять!»

Но мнение «голытьбы» ничего не значило тогда решали все партийные лидеры. И пустили по ветру всех и все. Забрали все. Только подушку у Тимки не посмели забрать, ведь был он на руках матери, а Арина Трифоновна обладала авторитетом непрекаемым. И пришлось Максим Павловичу искать работу по найму, уезжая все глубже в Сибирь. А семья два месяца жила помощью односельчан. В то голодное и беспокойное время такое отношение деревенских дорогого стоило. Но продолжаться долго так не могло, и поехали дети кто в Ачинск, кто в Омск. Старшую Анну выдали замуж в Глядянку. Акулина вышла замуж в Ачинске. Петр женился в Омске. А младших увозили с собой все дальше в Сибирь. Пока Арина Трифоновна держалась, они были все вместе и жили в Омске, а когда умерла в 1936 году (сердце не выдержало, по словам тетушки) - жизнь разметала их в разные стороны.

Со смертью матери и разорением семейного гнезда беды моих родных не закончились. Репрессии, война, голод - испытания сыпались на головы многих в то время. Есть среди моих родных и

такие, кто погиб от голода, холода и душевных переживаний в переселенческих и трудовых лагерях Сибири и Красноярского края.

Но дети Арины Трифоновны и Максима Павловича выжили все! Не родовая ли стойкость староверов, а может быть цыганская гибкость и выживаемость (цыганская кровь влилась в соки нашего дерева где-то в 7-8 поколениях наших предков) позволили им не только выстоять, но и построить свои семьи и детей воспитать не потребителями, а творцами. Среди членов нашего рода есть и художники, и композиторы, и певцы, и музыканты, есть ювелир и классные портные, есть детский поэт и писатель.

Могу только предположить каким мощным творческим потенциалом обладали Арина Трифоновна и Максим Павлович. Известно, что они и пели и танцевали отменно, владели образным и самобытным языком, а умение шить и вышивать, целительские способности - это только то, о чем запомнили их дети...

Библиография.

1. История Курганской области, Курган, 1999г.
2. Белозёров Т.М. «Волшебный посошок», стихи и рассказы. М.: Детская литература, 1976 г.
3. Серков В.Т. «В потоке времени», Курган, 2010 г.
4. Болотов А.Т. «Жизнь и приключения Андрея Болотова, написанные им самим для своих потомков»: в 3т. М.ТЕРРА, 1993 г.
5. Астафьева Л.А и Плотников СВ. «Сужденное не случайно», Юргамыш, 2008г.
6. Переписи 1710 года с сайта [http //census 1710](http://census 1710).

ЧУВАШОВА (ТИХОМИРОВА)
Марина Георгиевна
с внуком Артемом

Родилась 7 октября 1961 года в р.п. Мишкино. Школу окончила в Кургане. Профессия - библиотекарь, работала так же цеховым заводским художником. К изучению своих корней ее подтолкнула книга Н. А. Лазуко и О. А. Щетковой «От Вас беру воспоминанья, а сердце оставляю Вам...» издания 2007 г. (переиздана в 2016 г.), книга о жителях деревни Суханово Курганской области. Сейчас этой деревни уже нет, но есть энтузиасты, чьей энергией и горячим желанием сохраняется память об удивительном явлении – крестьянской культуре, которая чище и ярче иной другой. Ее предки Чувашовы из деревни Суханово. Теперь она может назвать имена около 200 потомков, проследив их историю до 1744 года.

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА В НОМИНАЦИИ “ПУБЛИЦИСТИКА”

ЧУВАШОВЫ

Мой дед Чувашов Михаил Фёдорович, годы жизни 1904-1974, родился в деревне Суханово. Помню, конечно, только послевоенное его житьё: охотник, рыбак, пасечник, работал водителем мишкинской партийной элиты: возил Ивкина, Кульбацкого. Жена его (моя бабушка) – Феоктиста Константиновна, в девичестве Кузнецова. Дед жену выбрал из введенских (село Введенское ныне Мишкинского района), из семьи пимоката. После женитьбы, примерно в 1926-27 годах, жили в Покровке, потом уехали в совхоз им. «8-го марта». Там, скорее всего, работал на тракторе, потом, до войны еще, перебрались в Мишкино. Дед был на войне, ремонтировал военную технику на полях боёв. о войне он не рассказы-

вал ничего и вообще был большой молчун.

Из переписи (Ревизской сказки) деревни Суханова, я вывела, что род наш идёт от Василия Назаровича Чувашова. По ревизии 1782 года, он жил в Суханово, возраст – 62 года. От его сыновей Ивана, Харлампия, Гурьяна и Кирьяна да от трех сыновей младшего брата Василия Назаровича – Петра Назаровича, пошли сухановские Чувашovy. В Ревизской сказке от 1810 года в деревне Сухановой Челябинского уезда (Курганской области тогда еще не существовало) указано всего 3 дома Чувашовых. 1-ым назван дом Харлампия Васильевича (сына Василия Назаровича), 2-й дом – Степана Ивановича Чувашова (внука Василия Назаровича), 3-й дом – Петра Назаровича Чувашова.

Мой предок – Харлампий Васильевич – годы жизни 1744-1822. Фамилию Чувашов в XVIII веке писали: «Чювашевь». Перед революцией – уже через букву «у». Жена его – Федора Родионовна. В метрической церковной книге села Введенского нашла запись венчания их потомка (через 3 поколения) – Дмитрия Ивановича Чувашова, 24 лет, первым браком, невеста: Гридина Агапия Афанасьевна, 19-ти лет.

Дмитрий был сухановским крестьянином, правоверным, Агапия – из единоверцев, введенская (это следует из метрической записи). Единоверцами называли крестьян, придерживающихся старых обычаев (крестились двумя перстами, поклонялись своим иконам, на службах использовали только свои старопечатные книги), фактически считались православными. Были в Суханово староверы (раскольники) одна-две семьи, они не преследовались, но притеснялись.

Дмитрий Иванович (мой прапрадед, год рождения приблизительно 1845) был зажиточный, имел мельницу, которую отдал впоследствии одному из сыновей. У него было (или выжило) три сына: Фёдор (мой прадед), Лука, Николай и три дочери: Анисья, Пелагея, Мария. Дети в те поры умирали очень часто.

Про Луку и Николая нашла интересные сведения в «Похожай-

ственной книге села Введенского за 1924-1928 гг.», находящейся в мишкинском архиве. Про Николая, например, кроме всего состава семьи за эти указанные пять лет, известно, что родился 9 мая 1882 года, национальность – великоросс, трудоспособный, малограмотный. Расписано все хозяйство: сколько посеял озимой и яровой ржи, пшеницы, овса, проса, гороха, льна, конопли, картофеля; сколько серпов и кос, плугов и борон (по одной), сколько лошадей и рогатого скота.

В 1928 году у Николая - 2 коровы, 2 лошади (редко кто решался иметь в те годы больше – если Гражданская война не отняла, то советская власть конфисковывала). Вот, вероятно, с одной-то из этих лошадей, в конце 20-х или начале 30-х отослали его на лесозаготовки в гористую местность, скорее всего челябинскую или свердловскую область. Лошадь с непривычки повредила ногу, его обвинили во вредительстве и осудили. В заключении он умер, в том же году умерла от паротита его жена, сиротами остались семеро детей.

Самый младший из четверых его сыновей – Роман Николаевич Чувашов – жив. Ему в 2015 году исполнился 91 год, живёт в Кургане. Рос в детдоме, на начало войны служил в Белоруссии. Отправлен был на западную границу, но эшелон бомбили. Романа Николаевича контузило, повредило правую руку. Дальше воевать не пришлось. Был отправлен на военный временный аэродром под Ашой, там охранял и делал всю подсобную работу. Потом работал на железной дороге, еще позднее - долго - электросварщиком. Сейчас в Кургане живут и работают его сын Юрий и внучка Татьяна. Татьяна Юрьевна преподаёт детям музыку.

Отмечу еще одного сына Николая Дмитриевича – Семёна. Жил он в Суханово, прошёл всю войну, имел награды. После войны работал охранником в Мишкино. Был обвинен в покровительстве двух парней, укравших мешок муки. В послевоенные годы последствия для воров могли быть очень серьезными, знаем из истории, что за колосок поднятый могли присудить годы тюрьмы (а в 30-е

за публично сказанное слово «голод» полагалось 3 года тюрьмы или исправительно-трудовой колонии. О каких потоках людского горя мы ничего не знаем!) Семен отсидел в Иковской тюрьме 1,5 года, по сути, за доброе сердце, за чужой грех. В тюрьме был назначен охранником. После заключения жил в Введенке. Сейчас в Челябинске живёт его дочь и четверо её детей.

У меня есть сведения обо всех семерых детях Николая Дмитриевича. Старшая из дочерей – Вера – родила дочь Фаину 21 апреля 1941 года, а 7 июля 1941 муж её уже был в плену, умер в Германии в лагере № 302 в городе Гросс-Борн-Ригерец. Вера Николаевна работала стрелочницей на Сладкинском разъезде. Я как-то ехала с Фасей вместе в электричке. Фая вспоминала: от тепловозов на станциях были высокие насыпи отработанного угля. Зимой они застывали и деревенские дети с них катались, как с горок. Притормозившие паровозы часто выпускали пары, если под этот пар попадешь – будешь весь мокрый. Ребяшня весело удирали. Фаина Георгиевна сейчас живёт в Кургане. У ней двое детей, четверо внуков.

У Надежды Николаевны Чувашовой, младшей родной сестры Веры Николаевны, дочь Нина сейчас живет в Мишкино, там же – её дочь, сын, внуки. У дочери Светланы – трое детей.

Многое о родственниках, давно ушедших из жизни, я узнала от Анны Фёдоровны Суховой (в девичестве – Чувашовой). Родная сестра моего деда Михаила, самая младшая из детей Федора Дмитриевича Чувашова. Анне Федоровне в 2015 году исполнилось 93 года, живет сейчас у сына в Тюмени.

- Какой был Федор? – спросила я.

- Фёдор – высокий, рыжеватый, - ответила Анна Фёдоровна, - строгий, деловой, мастер на все руки.

- А Лука тоже рыжий? - спрашиваю я о другом его родном брате.

Усмехнулась: «Того уже помню только седым, с бородой».

Федор женат был дважды, вторая жена моложе его на 10 лет –

**Сухова Анна Федоровна.
2015 год**

Анисья Никитична (в девичестве Косарева). Что с первой женой – неизвестно, была дочь, осталась в той семье. Анисья Никитична – мать Михаила, Екатерины, Евгении, Ульяны, Анны. Еще четверых схоронила детьми. Анисья Никитична – маленькая, чёрненькая, смуглая. Ей в артели мялкой для льна покалечило руку. Мялка – механизм из

трёх валиков с зубцами, колесо с ременным приводом, которое крутила лошадь. В механизм Анисье затянуло рукав, отрезало на руке два средних пальца, измяло плоть не доходя до локтя. На беду попала в руки практикантов-врачей, руку до локтя ампутировали. О том, что руку можно было сохранить, сказал позднее опытный хирург. «Жизнь-то мою не могли уже

**Сын
Анны Федоровны -
Владимир.
2015 год**

отнять!»)- горько сказала Анисья. И что тут скажешь? Крестьянке да без руки! Но она своей культей потом все научилась делать. Ткала, шила, доила, стряпала на колхоз. Моя мама по рассказам помнит, как бабка Анисья лепила пельмени. Сочень набрасывала на культю, чуть прижимала к груди, другой рукой защипывала. Была деревенской знахаркой. В стакан с водой бросала три уголька, смотрела и говорила – выживет ребёнок или умрет. Всегда сбывалось. Лечила «родимчик» (припадки у детей), «худую стену», «собачью старость». Это, конечно, простонародные названия каких-то заболеваний. Лечила наговорами, продергивала больного «сквозь осину», «сквозь хомут» (знахарские ритуалы).

Семья Фёдора и Анисьи из Суханово уехали в Покровку (выселку деревни Суханово) в 1922 году, когда самой младшей дочери Анне было 9 месяцев. В 1929-30 годах стали сгонять в коммуны. Забирали всё, даже дома перекачивали, оставляли ложку да кружку. У Фёдора в Покровке было две лошади, две коровы. Шесть лет прожили в коммуне. Фёдор работал кузнецом. Когда затея с коммунами лопнула, в 1934 году семья вернулась в Суханово. Анна Фёдоровна помнит, как уезжали из коммуны. За телегой со скудным скарбом на привязи шла слепая тёлочка с бельмами на оба глаза. Выделили за работу. Щемящий душу символ горькой крестьянской судьбы. Глаза тёлочке Анисья потом вылечила. Корова была хорошая, пока не обьяелась какой-то дурной травы.

В Суханово сначала жили у родного брата Луки, потом купили за 250 рублей дом раскулаченных. Анна Фёдоровна жила в Суханово до 1958 года, там же вышла замуж, 20 лет проработала в колхозе. Что такое день колхозницы? Встать в шесть утра, идти 12 километров до покоса, выкосить 40 соток травы, чтобы заработать трудодень. Затем снова 12 километров пешком до дома, приходили домой к 9 вечера, а дома дети, хозяйство. И болят сейчас, и ноют, и не дают сна натруженные руки и ноги, и голова болит, хоть светлая и небеспамятная в 93 года.

- Выходной еле выпросишь один раз в месяц, - рассказывала

Анна Фёдоровна. - А не работать – и тот скудный натурпродукт не получишь.

Первый муж Анны Фёдоровны – Леонид Григорьевич – погиб в самом конце войны 14 апреля 1945 года в городе Штеттине в Германии. Приходила похоронка. У мужа было два брата, оба погибли на войне. Мать так переживала, что сошла с ума. Глядела на три сучка в стене и начинала видеть лица сыновей. У нее ещё три дочери было, но столь велико было горе и потрясение, что не удалось пережить...

Кроме младшей Анны в семье были дочери – Евгения, Катерина и Ульяна. Ульяна умерла в 25 лет. Родена, возможно, году в 1909. Повсеместным явлением в довоенные десятилетия была принудительная отправка крестьян на лесозаготовки. Ульяну послали под городок Ашу Челябинской области. Муж был в армии, детей не было. Отправляли по разрядке, отказ был невозможен. Ульяна пришла оттуда пешком босиком, ноги тряпками обмотаны (дорога от Аши до дома – сотни километров, западная точка Челябинской области). В дороге ли простыла, больная ли ушла – неизвестно. Мать Анисья сидела у кровати больной Ульяны. Вдруг Ульяна говорит: «Мама, смотри, Богородица с младенцем в дверь входит!» Вскоре испустила дух...

Ещё вернусь на поколение назад – не внуков, а детей Дмитрия Ивановича (моего прапрадеда). За старшим из сыновей – Фёдором Дмитриевичем 1872 года рождения – Лука Дмитриевич 1876 г. р. В «Похозяйственной книге села Введенского за 1924-1928 гг.» про него написано: «Трудоспособный, малограмотный. Семья проживающих вместе – 7 человек, жена Мавра Константиновна, мать Агапия Афанасьевна, дети: Марфа 1903 г. р., Степан 1906 г. р., Николай 1909 г.р., Корнила 1914г.р.». В записи состава семьи за 1928 год Николай уже отсутствует. Умер в 19 лет от тифа. От тифа умерла мать его Мавра, но в 1928 году она была ещё в составе семьи.

Степан и Корнила – из поколения переживших войну. Оба какое-

то время жили в Челябинске. Корнила работал в милиции, потом на ЧТЗ, в войну был танкистом. Степан работал на ЧТЗ (Челябинский тракторный завод, в войну выпускали танки). Можно только предполагать, почему один воевал, а другой нет. Возможно Степан – старший, был более опытным и ценным для завода специалистом. Ушли оба брата из жизни бездетными. У меня есть фото: дед Михаил Фёдорович, дядька Степан Лукич и дядька Роман Николаевич (друг другу двоюродные братья), стоят у «Москвича», купленного Степаном. Машины «крутой» по тем временам (думаю, годы 60-е). У населения личного транспорта было гораздо меньше.

Моему внуку Тёмочке, которому сейчас 2,5 года, большому фанату всяких машинок, хочу сказать: они такие же, как ты. Памяти предков своих вырасти достойным человеком. Я писала воспоминания, а Тема играл на полу в машинки. Приладил к трактору какую-то железку и неожиданно «выдал» ломаным детским языком: «Плуг! Трактор пашет землю! Ням-ням вырастет!». Вероятно, видел по ТВ, но ребенок городской, никто никогда с ним не проговаривал эту тему...

Я храню ещё одну фотографию, где дед Михаил один стоит возле УАЗика. На такой машине он много лет до и после войны возил партийную верхушку поселка Мишкино. Ближе к пенсии смог приобрести такую же, подержанную. Для соседей был безотказен везти по грибы-ягоды. Уже на пенсии, чтобы поддерживать жизнь большой семьи, постоянно навещался на расположенную невдалеке от дома свалку железного лома. Подбирал сломанный механизм, чинил и продавал. Шестерых детей вырастили с женой Фектистой Константиновной, пятерых похоронили детьми. Роман Николаевич вспоминает: «Был у Михаила, уже немолодого, в гостях. В доме бегала маленькая дочь Люда. «Соскребышек?» - спросил дядя Рома. «Вот соскребышек-то!» - гордо сказал дед Михаил и показал на выпирающий живот жены, беременной в 46 лет последним сыном Колей («соскребышком» шутиливо называли пос-

Чувашovy
Михаил Федорович
и Феоктиста
Константиновна.
Конец 50-х годов.

ледного ребенка в многодетной семье). Деду было тогда 49 лет, 1953 год.

Я с большим опозданием, с повинной головой, хочу отдать низкий поклон крестьянскому сыну Михаилу Федоровичу и крестьянской дочери Феоктисте Константиновне, обретшим покой, но не стяжавшим награды за тяжелую судьбу и бесконечное крестьянское «тягло».

Я вспоминаю рассказ бабы Феши: «Иду я по улице и вдруг замечаю: согнуло меня к земле. Думаю: да что это я! Разогнусь, а потом замечаю, что опять меня к земле пригнуло». Этот недуг – спина крючком – сейчас встречается редко, он связан с многочисленными беременностями и тяжелым физическим трудом. В войну баба Феша работала на мишкинском элеваторе, за булку хлеба в рабочий день грузила и охраняла зерно на железной дороге. Росточком невелика. Кажется, в войну же встречалась с волками. Ехали с покоса на корове, увязались волки. Спаслись тем, что стали поджигать и бросать на дорогу пучки соломы.

Отец Феоктисты Константиновны – Кузнецов Константин Яков-

Близкие семьи Чувашовых. Слева направо: дочь Рита, внучка Ирина, дочь Светлана, муж Людмилы - Виктор, дочь Людмила, соседская девушка Люда Фортыгина. На фото нет детей - Николая, Геннадия, Татьяны.

левич, был хороший пимокат, возами отправлял в Челябинск валенки для партийной элиты. Кузнецовых в Введенке как Чувашовых в Суханово. Этим летом, совершая паломничество на историческую свою родину в село Введенское и находящееся в полутора километрах место, где была деревня Суханово, забрела в дом Чувашова Василия Антоновича. 10 поколений назад у нас был общий предок – Назар Чувашов. А в разговоре неожиданно выяснили, что жена Василия Антоновича – Екатерина Яковлевна, в девичестве Кузнецова – внучка потомственного пимоката Никифора Яковлевича, он родной брат моему другому прадеду Константину Яковлевичу Кузнецову.

**Моя прабабушка
Кузнецова
Елена Петровна**

Пимокатание – ремесло грязное. По всему двору – шерсть, летят очёски, никуда не денешься. Сыновей Константин Яковлевич с детства приобщал к ремеслу, дочери валенки расшивали узорами. Считать не умел, но своими особыми знаками вёл учёт прибывшим обозам с шерстью, которых было немало. В начале 20-х со своей большой семьёй стронулся с места и поехал в Сибирь. Переселение, без сомнения, было вынужденным, страна переживала тяжелейшее политическое и экономическое напряжение: гражданская война, продразверстки, жестокие перегибы первых лет советской власти. Вышли с поезда где-то под Мариинском (Кемеровская область). Долго сидели на вокзале (там таких вынужденных переселенцев было много: большие крестьянские семьи с детьми, с узлами пожиток). Некий предприниматель предложил Константину Яковлевичу ехать им в тайгу заготавливать кедровые шишки. Стали жить в таёжном поселении, мальчикам выдали палки-колотушки, с помощью которых, ударяя по стволам, добывались шишки. Моя баба Феша (дочка Константина Яковлевича) была тогда совсем молоденькой. Вспоминала, как слетела в тайге однажды с дерева, вековая хвойная подстилка мягко спружинила.

Потом Феша собралась «убёгом» замуж, позвал молодец из соседнего барака. Братья отворотили девушку с узелком у порога. Отец заявил, что отдаст девушку замуж только на родине. Как

только чуть окреп последний, рожденный в тайге сын Иван, семья тронулась в обратный путь. Фешу вскоре выдали замуж за моего деда Михаила, и в январе 1927 года уже родилась первая дочь Татьяна. Семья Константина Яковлевича пережила потом на родине то ли раскулачивание, то ли коммуну (родственники говорят по-разному, вероятнее и то и другое), забрали всё, вплоть до женских платков и шалей.

Фешу в Введенке вспоминают скромностью и кротостью. Я родилась, когда бабе Феше было уже 54 года, жили мы в Мишкино. Помню, как вечерком на печке, подвалившись под бочок к бабушке, слушала, почти засыпая, как рассказывала-пропевала добрейшая баба Феша сказку: «Бу-да-ву, волчок, на горе старичок, под горой волчок, отдай, старик, корову!» Помню по строчке из её зыбок: «На дорожку брошена, травушкой зарощена», «А татарин-от наш, он нам денег даст»... Спрашиваю у родственников, но никто не помнит вторую строчку этих зыбок. Еще её колыбельные: «Зыбаю-позыбаю, отец ушёл за рыбою, мать пошла пеленки мыть, дед пошёл дрова рубить», «Ай, ду-ду-ду-ду-ду-ду, потерял мужик дугу, шарил, шарил, не нашел, сам заплакал и пошёл»...

Про женщин рода Чувашовых: совсем недавно нашла потомков дочерей Дмитрия Ивановича Чувашова – Анисьи (Макаровой в замужестве) и Пелагеи (в замужестве – Симахиной), жили в Мишкино. У Анисьи потомки – в Мишкино, в Магнитогорске, в Челябинске, в Новосибирске. С мишкинскими познакомилась недавно, уже получила в копилку несколько историй, чтобы сесть и задуматься, что такое жизнь: дочь Анисьи Евдокия в зрелые годы 19 лет была парализована... У Пелагеи потомки живут в Челябинске, в Курганской и Белгородской областях. Пелагея Дмитриевна была неграмотная, замуж вышла «убёгом», детей было четверо. Её сын Дмитрий, рождённый не позднее 1904 года, был смышлёным мальчиком. Мишкинский купец, заметив в нём способности, заплатил за его обучение в Москве. Дмитрий работал инженером, умер от тифа. Дочь Пелагеи Екатерина (1912 г.р.) вместе с му-

**Бабушка Феша
с дочерью Татьяной**

жем работали учителями начальных классов в деревнях Мокроушино, Теченке, Рождественке (быть учи-

тельницей крестьянской дочери – это высокая планка!), дожила до XXI века (умерла в 2001 году), вырастила пятерых детей, у троих, по традиции, многодетные семьи. У дочери Эльвиры Николаевны, живущей сейчас в Челябинске, четверо детей, девять внуков, правнуки пошли уже. Продолжается род, не скудеет нива.

Дочери Фёдора Дмитриевича Чувашова (моего прадеда) – Екатерина, Евгения, Анна. Замечательно пели на три голоса, даже прозвище получили «сёстры Фёдоровны». Анна Федоровна, которой в 2016 году исполнится 94 года, была участницей мишкинского ансамбля, исполнявшего старинные народные песни. Я нашла магнитофонные записи и услышала изумительное старинное многоголосие.

Евгения Федоровна жила в Быдино, муж Алёша занимался странным по нашему времени задельем – был старьёвщиком. Ездил по деревням на лошади, скупал старые тряпки, кости, государство покупало. За утиль давал свистульки, булавки, гребенки. Иногда, чтобы получить – приходилось доплачивать. Потомки его живут в селе Глядянском. Внучка Алексея и Евгении Лариса прожила возле бабушки первых 17 лет своей жизни, вспоминает её тёплым словом: очень добрая, терпеливая, пока были силы, дер-

жала корову, овец, кур; в трудовые годы на тракторе работала, потом дояркой. Даже умирала – беспокоилась: на что хоронить, богатства не нажили... Дождалась из последних сил почтальоншу с пенсией, даже расписаться уже не смогла и умерла в этот же день...

Дочь Чувашова Луки Дмитриевича Марфа имела двоих детей, но они умерли рано. Фаина Георгиевна, племянница ей, вспоминает, что учась несколько классов во Введенке (приходила с разъезда Сладкое) заходила к Марфе в гости. Та жила уже одна. В доме всегда уютно, летом прохладно и в горнице большое количество комнатных цветов.

Не могу не рассказать ещё о двух Чувашовых – Дениске и Захарке, юношей 4-х и 2-х лет, моих племянниках. Живут сейчас на мишкинской земле, которую прадед их Михаил Фёдорович изъездил-исходил вдоль и поперек. Соломенные чёлки. Случись им родиться в XIX веке – бегали бы в тёплую пору лет до семи без портков, в холщовых рубашках по колено, кочергой по земле обод гоняли (была такая старинная детская забава). Сейчас на лужайке возле усадьбы своего прадеда Михаила гоняют мяч. Дай Бог всем здоровья и исторической памяти для преодоления жизненных ухабов.

Долго дремлет в семье тема военного подвига. Дедовы и отцовы медали пылились в ящиках, растаскивались мальчишками. Поиск продолжаю. Недавно пришла весть от поискового отряда: по моему запросу найдены сведения о Кузнецове Николае, родном брате моей бабушки Феши, считавшимся пропавшим без вести в годы Великой Отечественной войны. Погиб 6-го декабря 1941-го года в Московской области, село Трехсвятское, 371-я стрелковая рота. Жил в Введенке, гармонистом был на всё село. Жена Мария долго ждала с войны, надеялась, потом вышла замуж в «8-е Марта», как говорили раньше – «на четверых детей».

Не так давно узнала о судьбе младшего брата бабы Феши – Ивана, рождённого в Сибири. Воевал он с 1942 по 1946 годы, в 46-

**Братья Бабы Феши -
Георгий и Николай**

м с бендеровцами. Пришёл с войны израненый, осколки долго сидели в теле, потом стали нарываться и выходить наружу.

Как-то в послевоенные годы на введенской дороге встретил знакомую девушку: «Пойдешь за меня?» - спросил. Вечером прислал сватов и в тот же вечер дело сладили. Звали девушку Катерина Чувашова, родная сестра Чувашова Василия Антоновича (у которого гостила в Введенке). Это уже третье пересечение фамилий Кузнецовы – Чувашovy в моей родословной. И об Антоне Чувашове стоит помянуть – герой Германской и Гражданской войн. Василий Антонович хранит медаль отца «За храбрость», полученную на Германской войне.

Из последних моих семейных находок: Чувашов Федор Дмитриевич (мой прадед) имел маслобойню. Это значит, что семья была очень зажиточная: сбивать масло надо много молока, а значит много коров. Воспоминание об этом пришло от потомков дочери Федора. Около 1929 года Федора с семьей загнали в коммуну. Уже писала, что на этот момент у него 2 коровы и 2 лошади, жил с 1922 года в Покровке - выселке деревни Суханово. Есть статья мишкинского краеведа А.П. Сычева «Суханова. Покровка» (напечатана в местной газете «Искра»). Там есть такие сведения: «...в 15 избах и домах Покровки жило 15 семей крестьян... Покровцы основали, покинув деревню Суханову, новое поселение, чтобы быть ближе к своим земельным наделам». В числе жителей Покровки указан Ф.Д. Чувашов (1 сын, 2 дочери). Известно, что когда по-

Собрались родные в день 80-летия моей бабушки Феокисты Константиновны Чувашовой

ехали из Покровки в коммуну, при Федоре Дмитриевиче оставалась уже одна дочь - Анна, лет 7-ми. Старшей дочери Федора Дмитриевича – Кате в 1929 году исполнилось 23 года, должна была быть замужем, Евгении - 17.

Куда же делась маслобойка? Я думаю, кроме причины переезда Федора Дмитриевича «быть ближе к земельным наделам» была еще одна – хорошо потрепала Советская власть зажиточное его хозяй-

ство, «а леса вокруг Покровки были большие».

А куда же делась мельница Дмитрия Ивановича Чувашова (много прапрадеда), которую он отдал одному из сыновей? Отдана той же истории. Кстати, воспоминание о бывшей мельнице сохранилось среди потомков Пелагеи - его дочери. Она вышла замуж «убёгом», по этой причине была лишена наследства. Может быть, высказанное сожаление случайно сохранила память потомков...

Недавно нашла любопытный факт в книге П. Г. Найданова и А. П. Сычова «Страницы истории Мишкинского района Курганской области». Одна из первых коммун, образованная в Мишкинском районе в 1923 году носила название «Красная поляна». В 1928 году объединяла 28 семей. «Весь жизненный и бытовой уклад коммунаров вызывал интерес. На работу трактора приходили смотреть

жители соседних сел и деревень... В 1929 году крестьянские объединения возникли в соседних деревнях: Покровка и др.». Выходит, дед мой один из первопроходцев, оторвавшийся от сохи и лошади и освоивший сначала трактор, потом другую автотехнику.

3 декабря 2015 года в Администрации Челябинска мне были вручены копии официальных документов о присвоении моему деду Чувашову Михаилу Федоровичу – старшему сержанту и старшему бригадиру по ремонту боевых и колесных машин – в 1944 году медали «За отвагу» и ордена «Красной звезды». В кратком описании личных заслуг сказано: «В период боевых действий полка в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками за освобождение Советской Белоруссии и изгнание их из Польского государства бригада т. Чувашева быстро и доброкачественно ремонтировала боевые и вспомогательные машины. Сконструированные и изготовленные бригадой т. Чувашева под его личным руководством приспособления дали возможность производить капитальный ремонт автомоторов силами ремонтного взвода полка без отправки машин на рембазы фронта».

Так жили, воевали и трудились мои бабушка и дедушка, все мои далекие и близкие предки. Честь им и слава!

Одни уходили из жизни... Другие приходили на их место, чтобы приносить пользу людям и своему Отечеству. Это всегда было и будет первоочередной задачей рода Чувашовых.

* * *

Мой дед готовился ко сну...
Рубанком по доскам играясь,
Восьмидесятую весну
Разменивать не собираясь.

И силушка была пока
Годами скопленная в жилах,
И с ложкой полною рука
Еще исправно рту служила..

Но дед себе январским днем,
Шутя (шутя ль?) сбил домовину.
И бабка плакала о нем,
Уткнувшись ему носом в спину.

*Моей бабушке
Феоктисте Константиновне*

В печке огонь, на горбе у огня
Блинчики бабка печет для меня:
Первый внучок прилете погостить -
Надо его не шутя угостить.

Солоны щеки, а в горле комок.
Бабушкин дом - дорогой теремок,
Только вот стали низки потолки
Да сундуки невесомо легки.

Зелень проела карнизы насквозь,
Над рукомойником - вешалка-гвоздь,
Но на печи голубой кирпичи
Так же, как в детстве, опять горячи.

ФИЛИМОНОВ
Владимир Иванович

Родился 6 февраля 1952 года в поселке Мишкино. Окончил Сумкинскую среднюю школу и Свердловское высшее политехническое училище. Служил в армии на различных должностях. После увольнения в запас работал в охране, завхозом райисполкома, в районной газете в Белоруссии. Вернувшись в Зауралье, в военном комиссариате области выпускал газету “Служим Отечеству” под руководством Геннадия Павловича Устюжанина.

Автор нескольких сборников стихов. Член Союза писателей России.

Жить будет вечно незыблемость фраз!
Бабушка Феша, начни свой рассказ:
Как я в “войнушку” играл во дворе,
Как я уснул на пшенице в ларе,
Как губы красила синим ирга,
Как пахли летом под зиму стога,
Как было жалко бездомных собак,
Как я у деда похитил табак...

Сон навевают часы-убаюн,
Стол хлебосольный картошкой юн,
И в помидорах, как в кучке сердец,
Лихо торчит огурец-молодец.

Разиком первым, но знать навсегда
В подпол уже проступает вода.

Бабка качает косицей седой,
На фотографиях дед молодой.

Помнит хозяина ветхий забор,
В деле до обуха стерся топор,
Темные сени, кладовочки клеть...

Было где плакать и песенки петь.

*Моему деду,
Михаилу Федоровичу*

В сорок пятом, в светлом мае
После славы и побед
Дома на одном дыханье
Баня выстроил мой дед.

А потом еще кому-то
Чтоб облегчилась судьба.
Бабка плакала: “Избу-то...”
“Ничего! Дождет изба!”

В этой бане перемылась
Вся окраина села,
Пусть по-черному топилась,
Но зато нужна была.

Еще пахла древесина,
Смолью капала доска -
На полке дед зачал сына
В память павшего дружка.

Что еще бывает лучше,
Если целый и живой?

Баня! с паром вязко-жгучим
И водою ключевой.

В бане внук уже солдатом
Мылся, в отпуск приходя.
Умер дед в семидесятом,
Вспоминают - не судя.

Моей бабушке,
Анисье Яковлевне

В Сумках, селу однолетка,
Бабка Анисья жила
И говорила соседкам:
Сробила все я дела.

Если чего позабыла -
Это в свой срок помереть,
Мужа кохала-любила -
Дорого-любо смотреть.

Ох, и пожили бы вместе,
Если б вернулся живой,
Но он загинул без вести
В Первой еще мировой.

А во Вторую - сыночки,
Спят где-то праведным сном,
С тех пор я в черном платочке,
И не ходила в ином.

Сватал меня председатель,
(Плоть нелегко усмирять),

Но не велел мне Создатель
Замуж идти вдругорядь.

Так и жала-поживала,
Стаяла, словно заря,
И по шагам узнавала
Нашего свет-почтаря.

Но не пришлось поклониться
Ему за отрадную весть.
Лишь в уголке за божницей
Грамот колхозных не счесть...”

Плакала бабка конечно,
Жалясь на это житье,
Меди цыганской колечко
Грелось на пальце ее.

* * *

Наша жизнь по законам родства,
По причастности к старшим струится,
Даже смерть, коль приходит, права,
И ее отрицать не годится.

И заметив, как листья кружат
Опадая, ответственность будем -
Наша Родина там, где лежат,
Под крестом дорогие нам люди.

ПАМЯТИ ОТЦА

Среди грозы и тишины
У сердца разный стук.
Я - сын участника войны -
Свидетеля разлук.

Промчалось семь десятков лет
С победного венца.
Коль шел отец - я видел свет,
А уж потом отца.

Придя с работы тяжело,
Бывало, стан согнет
И шепчет: "Не сажавший зло -
Его и не пожнет".

Что лечат травы и цветы -
Не путала семья.
В полях России вырос ты,
И в них же вырос я.

Нас не разделят мрак и лед,
Не разольет вода,
А если так произойдет -
Будь проклят я тогда.

А кто желает затоптать
Жар Вечного огня -
Придется тем переступить
Сперва через меня.

Смотрю я прямо, без вины
Своим друзьям в глаза.
Я - сын участника войны,
И этим все сказал.

ФИЛИППОВА
Татьяна Ивановна

Родилась 14 марта 1957 года в с. Арлагуль Лебяжьевского района. В 1963 году вместе с родителями переехала на постоянное место жительства в р.п. Лебяжье. В 1974 году закончила Лебяжьевскую среднюю школу. Имеет среднее педагогическое и высшее юридическое образования. Работала учителем, а с 1980 по 1987 годы – воспитателем детского сада «Сказка». В 1987 году была избрана секретарём исполкома поселкового Совета народных депутатов. С 1996 по 2000 годы – глава посёлка. В 2001 году окончила Уральскую Академию госслужбы по специальности «юриспруденция». Последние годы работы – Курганская областная коллегия адвокатов. Сочиняет сказки для внуков. Пенсионерка. Писать для Лебяжьевской районной газеты «Вперёд» начала с декабря 2015 года, а уже в январе 2016 года была взята в штат редакции без испытательного срока. Ведёт рубрики «Мы и наши дети», «Крепка семья – сильная держава», «АПК», «ЖКХ». Авторский талант Татьяны Ивановны стал настоящим открытием для районной газеты. Страницы наполнились материалами о людях района, о секретах семейного счастья, о простых человеческих отношениях.

Редактор газеты «Вперед» А.Г. Иванова

ДОМ ИЗ ДЕТСТВА

В селе Арлагуль Лебяжьевского района на берегу реки Камышенка, на взгорке, как раз напротив моста, стоит старый деревянный дом с четырьмя окнами на мост. Это дом моего детства. И пусть сейчас он покрыт шифером, а не тёсом, как тогда, и вместо

тына под окнами стоит штакетник, он неотрывно связан с теми далёкими беззаботными и босоногими годами – дом моих бабушки и бабушки по маминной линии, Владимира Тимофеевича и Устиньи Артамоновны Шмаковых. И хотя снаружи он смотрится большим под четырёхскатной крышей, внутри были только кухня и комната. Большая русская печь с лежанкой занимала полкухни. Под потолком – полати, любимое наше (внуков) место. «В людях и на усторонье», – говаривала бабушка. Почти всю жизнь они жили и работали в родном селе. Когда стали немощными, мои родители забрали их к себе, и последние несколько лет бабушка и бабушка жили с нами в Лебяжье.

Родились они оба в конце 19-го века: бабушка - в 1894 году, дедушка - в 1896-м. В юности обоим довелось побатрачить. Дедушка кормил свиней у помещика Рожанского. Бабушка - горничной в услужении у «крестьянского барина» (кто он такой, с годами забылось). Но оба вспоминали, что к ним, работникам, отношение со стороны хозяев было хорошее, человеческое. Там, где работал дедушка, по праздникам в людской накрывали столы с угощениями, давали всем по денежке. А если барин отправлял бабушку вечером с поручением в контору, то, зная, что она побаивается, давал в сопровождение конюха.

Когда волна Октябрьской революции в начале 20-х докатилась до наших мест, в жизни села произошли перемены. На собраниях тут тоже бушевали страсти. Бабушка вспоминала, что больше всех глотку драли «голоштанники», то есть те, у кого за душой ничего не было, им и терять было нечего. «Ленивые они были, - говорила она, - они и в колхозе потом работали спустя рукава, либо рвались в начальники». Вступали крестьяне в колхоз с опаской - дело новое, неизвестное. Нежелающих вступать раскулачивали и выселяли из села. В число таких попала семья бабушкиной старшей сестры, хотя раскулачивать-то там было нечего – жили бедно, может, поэтому и не хотели вступать в колхоз. Всю семью посадили на телегу вместе с нехитрым скарбом и отправили в другие края. Позднее они вернулись в родное село.

Дедушка с бабушкой, вступая в колхоз, свели со двора корову и лошадь, доставшуюся в приданое бабушке. Она вспоминала, что зимой общий скот кормить стало нечем, и некоторых коров и лошадей, истощавших, уже лежачих, хозяева забирали обратно, подвязывали их верёвками в своих хлевах под живот на весу и докармливали, если было чем. Так родилась частушка: “Кто за гриву, кто за хвост – растащили весь колхоз”. Но постепенно дело пошло на лад, колхоз набрал силу. Бабушка только до конца дней своих жалела разорённую белокаменную церковь. Ей, жившей под Богом и с Богом в душе, было непонятно отрешение от веры. Она сохранила икону своей матери и перед сном обязательно молилась.

Росли Володя Шмаков и Устя Епанчинцева на одной улице, и не заметить друг друга было нельзя. Оба были работящими, поэтому семья получилась крепкая. Когда образовался колхоз, дедушка был сначала разнорабочим на колхозных лесозаготовках, строительстве дороги до райцентра. Самостоятельно овладев грамотой, узнав письмо и счёт, стал работать кладовщиком и очень аккуратно вёл амбарные книги. В 1942-м его забрали в трудовую армию и отправили в Челябинск на тракторный завод. Оттуда как плотника – на восстановление Харькова, только что освободившегося из-под немецкого ига. И только в 1946 году дедушке помог вернуться в родное село сын Михаил, майор Красной Армии. После войны дед опять работал в колхозе кладовщиком. В 50-е годы - бригадиром полеводческой бригады. Колхоз в то время стал миллионером, а возглавлял его мой будущий отец и будущий зять дедушки, И.А. Киверин. Дедушку, как отличного работника, хотели направить на ВДНХ в Москву, где его должны были представить к награде. Но съездить не пришлось. Кандидатуру не утвердили в райкоме партии - дедушка был беспартийным.

Он умел многое делать своими руками. Сколько себя помню – никогда не сидел без дела. Уже будучи на пенсии, шорничал, бондарничал – ладил сбрую для колхозных лошадей, конные телеги, бочки, кадки. Делал нехитрую мебель (стулья, табуреты, посудные шкафчики) и даже клепал алюминиевые ложки. Мастерил в

“плетенухе” – надворной постройке, изготовленной из плетня, обмазанного с обеих сторон глиной вперемешку с коровьим навозом. Сверху она закрывалась пластами дёрна вместе с травой. Нам с братом там, наверху, нравилось играть в «солдатики». Дедушка, правда, ругался за это, сгонял нас. Оно и понятно: переживал – а ну как упадём. Бывать же в самой плетенухе нам доводилось не часто – дед оберегал от наших нашествий свою мастерскую, где по стенам висели разные инструменты, лошадиные уздечки, хомуты. Позднее в этой “плетенухе” появилась печь, чтобы можно было заниматься ремеслом и зимой. Иногда дед там же и отдыхал на тёплой лежанке.

Рядом с “плетенухой” был навес над погребом. Под навесом стоял старый мотоцикл, вернее - рама от него. Это в память о младшем сыне Александре, рано умершем от ревматизма сердца и оставившем после себя маленького Сашу. Он вырос у деда с бабушкой, так как его мама вышла замуж второй раз, и там пошли свои дети. А ещё раньше пришлось растить сироту Тамару, отец которой (старший сын дедушки и бабушки, Иван) погиб в первые же дни войны, а вскоре от чахотки умерла и мать. Вот так распорядилась война, что свою первую внучку бабушка и дедушка растили как младшую дочь, а та называла их мамой и тятьей.

В просторном дворе всегда стояла телега. Летом дед в любое время мог привести лошадь с колхозной конюшни (а по-местному – конюховки) и поехать в лес или поле: набрать чащи для растопки или накосить сена для коровы. Иногда он брал нас с собой, и мы всю дорогу «пели» горлом – на тряской телеге голос дрожал, и нас это забавляло.

На ближайшем озере дед ловил рыбу, для чего сам вязал сети. Сам же потом чистил её, сушил, а зимой варил ароматную уху. Умел собирать грибы и варить из них «груздянку». Любил стряпать пельмени, предварительно мелко изрубив мясо железной сечкой в деревянном корытце (мясорубку он не признавал). Часто зимними вечерами он пёк печёнки в круглой горничной печке, к ним тоненькими пластиками нарезал мороженое солёное сало,

чистил луковку – вот тебе и ужин. И если дедушка управлялся во дворе и по хозяйству, то на бабушке был дом и наша орава (а нас, внуков, было трое, иногда к нам присоединялись двое-трое горожан). Подоить однорогую корову Зорьку, собрать яйца в курятнике, прополоть в огороде, приготовить обед и накормить нас, постирать в корыте (стиральной машины у бабушки отродясь не бывало), – мало ли у хозяйки работы.

Почти каждый день у неё была квашня. Стряпала она отменно. До сих пор помню вкус её хлеба. Булки были круглыми, пышными, с румяной корочкой. За краюху такой булки между нами всегда был спор – каждому хотелось именно её.

В кладовке, куда нам вход был запрещён строго-настрога, хранилась сладкая стряпня: булочки с маком, ягодные пирожки, сметанные и заварные каральки, хворост, который мы называли «цветочками». Там же под потолком в букетиках хранились головки мака – любимое наше лакомство. Нас не баловали каждый день стряпушками. Все эти запасы хранились на случай: «Вдруг гость какой завернёт, а у нас и к чаю подать нечего». Но, несмотря на запрет, кто-нибудь из нас тайком проникал в кладовку, и тогда у нас был праздник. Не помню случая, чтобы нас за это наказывали. Съели и съели. Поворчав для порядка, бабушка заводила новую квашню, и свежая стряпня снова отправлялась в кладовку.

Запомнились и бабушкины оладьи в виде шариков, выпекались они в специальной, с ямочками, сковороде. И знаменитые блины, тонкие, с дырочками. Почему знаменитые? Многие хозяйки просили бабушку напечь таких блинов по случаю похорон близких, чтобы не ударить лицом в грязь перед собравшимися. Ещё запомнился бабушкин «гоголь-моголь», которым она нас потчевала: сырые яйца взбивались в алюминиевой миске, туда крошился хлеб, и мы все вместе налегали на эту смесь, только ложки брякали. Быстро и сытно. Наевшись, выпивали по кружке молока и бежали на улицу или на реку. Иногда эта речка «уходила» – прорывала дамбу за деревней. Воды в ней почти не оставалось, и мы прямо руками ловили скользких гольянов, складывая их в большой алю-

**На фото:
Устинья Артамоновна
и Владимир Тимофеевич
Шмаковы
с внуком Сашей**

миниевый чайник или первое, что попадало под руку. Этих гольянов бабушка жарила с яйцами на большой сковороде.

Управлялась она и в огороде, где мы, наверное, больше бедокурили, чем помогали. Ровные грядки с морковкой, горохом, капустой и прочей зеленью тянулись длинными рядами. Возле бани был колодец, откуда дедушка каждое утро начерпывал кадку воды для полива. Вода была студёная, и её доставали заранее, чтобы согрелась за день.

В небольшом саду росли яблони, груши, малина, которую нам разрешали есть с куста после того, как бабушка оберёт основную ягоду. Малина стояла высокая, и мне, маленькой, снизу было хорошо видны спелые ягоды, укрывшиеся от бабушкиного взора. Каждый год запасалась она и лесной ягодой, в основном, клубникой, которая, как и малина, потом сушилась, и зимой они шли на кисели и в стряпню. Меня бабушка иногда брала с собой в лес, и на обратном пути мы обязательно заходили в колхозный сад, где садовник Щербин потчевал нас свежим мёдом. Запашистый, янтарный, он тянулся за ложкой сначала толстой, а потом тонкой струйкой, и я рисовала его по тарелке. А морковные парёнки из

русской печки нам казались слаще ирисок в зимние каникулы.

При всём том бабушка была большая рукодельница: умела вязать, прясть, ткать, шить и вышивать. В горнице под иконой и на угловом столике были вышитые салфетки, на большом столе – филейная скатерть, на полу – пёстрые дорожки (половики), на кроватях – яркие лоскутные одеяла, служившие и покрывалом. Всё сделано руками бабушки. Шила мужу и троим сыновьям рубашки, себе и маме, единственной дочери, – платья, кофты и юбки. Шила и на заказ. Летом было не до рукоделия, а вот долгими зимними вечерами она с удовольствием мастерила что-нибудь. И меня в своё время научила вязать спицами. Играя в куклы, я уже сама вязала для них шарфики и коврики. Став старше и научившись шить, я как-то выпросила у неё самотканый настольник себе на костюм.

Вспоминая своё военное детство, моя мама всегда удивлялась: «И когда она всё успевала?» А удивляться было чему. Оставшись без мужа (дедушку был в трудармии), бабушка работала в колхозе разнорабочей. Приходилось и молотить, и косить, и грести. Однажды ночью сломался комбайн в поле (а они были не самоходные, их таскали тракторами), и рабочих отпустили домой. Женщины, в том числе и моя бабушка, решили взять по горсти зерна на кашу детям. Кто в карман положил, кто в фартук завернул. И вдруг председатель на коне. Посмотрел строго и, ничего не сказав, отпустил. Всю оставшуюся ночь бабушка ждала, что придут за ней из сельсовета: подсудное дело – воровать пшеницу. Но обошлось. Сжалился над ними председатель, не стал никому докладывать. Понимал, что у каждой дети и, если женщин заберут, он останется без рабочих рук.

В своей печке она пекла хлеба для колхоза, варила обеды механизаторам. За муку, выдаваемую на выпечку, отчитывалась до грамма, оставляя себе лишь горсть отсеянных отрубей – всё подспорье для семьи. К ним примешивалась сушёная лебеда, и пеклись лепёшки. Умудрялась бабушка ездить к дедушке в Челябинск, который опухал с голоду, и возить ему продукты (сахари,

картошку, сало) и замороженный табак, который потом бабушка выменивал на хлеб, отказываясь от курева. Дома она не попустилась коровой, огородом, как некоторые в деревне, успевала и в лес сбегать. Без запасов не жили. Она ещё выручала продуктами родственников и соседей: кому картошки даст, кому капусты квашеной, кому молока.

– Бывало, подружки по весне наберут мороженой картошки в поле, – рассказывает мама, – и жарят из неё лепёшки на горячей печной плите, а я дома потом реву – прошу у мамы таких же, хотя в подполе всегда была своя картошка.

Её бабушка садила не только в огороде, но и в поле (колхоз давал наделы). Как-то поздним осенним вечером возвращались бабушка и мама с этого поля – картошку копали весь день. Мешки везли на телеге, в которую впрягли корову. Видят: на крыльце у дома, освещённые лунным светом, спят маленькие Саша и Тамара, а рядом – гармошка (Саша учился играть на ней). Бабушка, увидев эту картину, сначала расплакалась от отчаяния, что дети весь день брошены одни (а было в ту пору младшему сыну Саше лет 7-8 и года 2-3 Тамаре). Сыты ли, голодны ли? А потом засмеялась: «Точно Ванька-храмко с Василисой» – был на деревне хромой гармонист Иван, и стоило ему взять гармошку в руки, как его жена Василиса запевала.

Учиться в школе бабушке не довелось, она умела только расписываться при получении пенсии. После войны сторожила колхозные амбары, работала нянечкой в яслях. После выхода на пенсию занималась домашними делами. В доме всегда были чистота и порядок, вспоминает мама. В 46-м, когда дядя Миша привёз бабушку домой из Харькова, то оставил бабушке несколько бинтов (он был военным медиком). Так моя мама из этих бинтов по решению бабушки шила занавески на окна, чтобы было нарядно. Да и я помню, что горница закрывалась от нас двухстворчатой дверью, чтобы мы, сорванцы, лишний раз не забежали в неё. Летом окна горницы закрывались ставнями от жары и мух, и как хорошо было вечером ложиться в прохладную постель.

В дни, когда съезжалась родня, мы с полатай, как с галёрки, свесив головы, наблюдали за всем действием, происходящим внизу. Обычно в горнице накрывался стол, из табуретов и досок ладилась импровизированные лавки и покрывались половиками. На столе появлялись рыбные пироги, квашеная капуста, солёные огурцы, если дело было зимой. Летом – понятное дело – свежая зелень. Дедушка семенил в дежурный магазин за мостом – купить бутылочку к столу. В большом чугушке на плите варились пельмени. За столом становилось шумно, весело, взрослые шутили, пели. Петь дедушка любил, и голос у него был хороший. Одной из любимых застольных песен у него была «Славное море – священный Байкал». Немного наклонив голову набок, закрыв глаза, дедушка запевал, остальные дружно подхватывали. И дух захватывало от проникновенности слов песни и голосов. Песни перемежались воспоминаниями всяких забавных случаев из жизни собравшихся.

Мы же были в ожидании: когда на стол понесут сладкое? Наконец, дедушка разжигал во дворе ведёрный самовар, а бабушка, неся к чаю выпечку, не забывала наделить всех нас булочками, «цветочками», карамельками, взявшимися из ниоткуда. С некоторых конфет обёртки не снимались от времени, и мы жевали их вместе с бумагой.

Бабушку и дедушку в селе уважали, считали за честь пригласить в свою компанию. Звали не иначе, как Володя и Устенъка. Были они честными, отзывчивыми на чужую беду, приветливыми. Их дом всегда был открыт для односельчан. Помню, один из соседей, обращаясь к деду с какой-нибудь просьбой, всегда приговаривал: «Что ж, Володя, либо добивай, либо выручай». Зажиточными они не были, но домашнее хозяйство вели умело. В предвоенные годы у сыновей были часы, гармошка, велосипед, а позже – мотоцикл. Одеты хорошо – “москвички”, модные в то время вельветки, ботинки, – женихи завидные. Не каждый в деревне мог такое себе позволить.

За заработанные трудовни колхоз по осени рассчитывался с кол-

хозниками пшеницей. Её ссыпали в специальный ларь в “плетенухе”. Рано поутру, часа в три-четыре, дедушка нагружал подводу мешками с пшеницей и вёз на базар в Курган продавать. И, возвращаясь, он не спешил в шинок, а по наказу бабушки покупал одежду или обувь, отрезы ситца, штапеля, из которых шились всем обновы.

Воспоминания из детства хранят картинку: у калитки стоит моя бабушка, в штапельной тёмной юбке и ситцевой кофточке, поверх этого – фартук. Кожаные тапочки на босу ногу. Седые волосы под платком сплетены в две косички и забраны на затылке. Стоит в ожидании, из-под руки вглядываясь в сторону моста – не идёт ли кто с рейсового автобуса? Помню и дедушку – в самошитой рубаше, брюках, заправленных в сапоги. Загорелое лицо и загорелые же крепкие, жилистые руки. На каникулы в деревню мы ездили всегда с охотой, с нетерпением ожидая, когда же родители нас туда отправят. Нам там было хорошо, комфортно, как сейчас говорят. Не помню, чтобы кто-то из них читал нам книжки или рассказывал сказки (разве только что-то бабушка вспоминала из своей жизни). Может, это просто забылось. А может, потому, что им было некогда этим заниматься. Но мы чувствовали их любовь через заботу о нас.

ЧЕРЕПАНОВА Лариса Юрьевна

Родилась в 1970 году. Окончила исторический факультет Курганского государственного университета. Руководитель школьного музея, преподаватель курса мировой художественной литературы. Руководитель поэтической творческой мастерской «Радуга поэзии» при Юргамышской районной библиотеке. Является инициатором открытия мемориальной доски памяти видному военному деятелю генерал-лейтенанту Черепанову А.И. на малой родине выдающегося земляка. Выпустила 4 поэтических сборника, 7 поэтических сборников совместно с авторами Зауралья, 2 краеведческих книг «Музей – культурно-исторический памятник родного края», «Подвиг в наследие» (о ветеранах войны). Призер и победитель областных и районных литературных конкурсов.

БЕРЕГИТЕ СВОИХ МАТЕРЕЙ

Мы порой удивляемся сами,
Как торопят нас дни и года,
И печально вслед смотрят нам мамы,
Обижаем мы их иногда.

Наши мамы с улыбкой ответят,
Слов обиды не кинут назад,
«Шарф надень, - скажут тихо, - там ветер».
И застынет слеза на глазах.

Мы порой огорчаем и раним,
Но когда на пороге беда,

Мы кричим: «Больно, мамочка, мама!»,
Знаем, вылечит боль без следа.

И когда наши дети случайно
Бросят слово обидное нам,
Вот тогда мы пойдем и печально
Вам шепнем: «Ты прости меня, мам».

Мы порой не находим покоя
И стоим у закрытых дверей...
Мама - это же имя святое,
Берегите своих матерей.

* * *

Закатав рукава повыше,
Дочь подбрасывал высоко.
Улыбалась нам мама: «Потише...»
А на сердце легко-легко.

Помню, как катал на машине,
На коленях я, за рулем.
А потом по грибы решили
И поехали мы вдвоем.

Помню, как меня утром ранним
Улыбаясь, Ларою звал,
И кормил меня кашей манной,
«Утро красит...» - мне напевал.

Папа, папка нарек мне имя,
Подрастай, говорил, поскорей...
Почему-то отцы ждут сына,
Но вот любят они дочерей.

ПАМЯТЬ

Как принять боль ухода отца?!
В сердце холод, как от свинца.
От заката и до рассвета,
Длится сон одного поэта.

Сон плутает в пещерах страха,
Где же, папка, твоя рука?!
Сон летит, непокорная птаха,
Явь приносит издалека.

Солнце, ветер, веселая речка,
И с гитарой на берегу
Самый сильный и лучший, конечно,
Папка мой! Я к нему бегу.

Он подхватит меня и в небо
Так подкинет до самых звезд...
Как вернуться обратно мне бы
И поймать бы в ладошки гроздь...

И гитара твоя играет,
И звучит с оптимизмом аккорд,
И пока мой отец не знает,
Сколько выпадет мне невзгод.

Память, ты разрушитель покоя?!
Созидатель вернувшейся боли?!
Сон. Рука. Родной силуэт...
Память – сила, вот мой ответ.

* * *

Может, не кормил он кашей манной,
Может, не купал он дочку в ванной.
За ошибки вовсе не корил,
Сказки на ночь мне не говорил,
Только мне сказала как-то мама:
«Больше жизни он тебя любил».

Вспоминая, как в семидесятом,
Когда маму увезли в роддом,
В сапогах больших своих солдатских
Он бежал по улице бегом.

Как же долго длилась эта ночка
На шестое с пятого, в число.
Пять утра. И... появилась дочка!
И отца немного занесло...

Опрокинув за здоровье чарку,
В сапожищах утром по росе
Он бежал и говорил, что Ларка
Родилась, чтоб знали люди все!

Ах, малютка, с карими глазами
На него похожая точь в точь.
В Пушкин день как будто сдал экзамен
С результатом – маленькая дочь!

И взлетали птицы в поднебесье,
Почему-то всхлипывал отец,
Под гитару напевая песни,
Был он просто счастлив, наконец.

ТЕПЛЫЙ ДОМ

*Памяти моей бабушки, ветерана труда,
труженицы тыла П.Н. Колесниковой (Черепановой).*

Собирались вместе правнуки и внуки
В теплом доме, где большая печь,
Не было в том доме ни тоски, ни скуки,
Согревала бабушкина речь.

Бабушка хлопочет, сладко пахнет сдобой,
Над трубой беленой плавает дымок.
В разговоре душу отводили, чтобы
С новой силой выйти за порог.

С ласковой улыбкой: «Ешьте на здоровье»,
Вынимает с жару пироги.
На сундук садится бабушка Прасковья,
Шепчет тихо: «Бог вас береги».

Как зеницу ока (мы были твоим светом),
Каждого из нас ты берегла.
Но как же одиноко было в доме этом,
Если оставалась ты одна.

Вроде бы недавно, в дату юбилея,
Пела тихо песню за столом.
А сейчас мы плачем, горько сожалая,
Тебя нет, и стал пустынен дом.

Повторяю имя русское простое,
Как истоки чистые реки,
Наша баба Паня, бабушка Прасковья,
Родненькая наша, нас за все прости.

БАБУШКАМ

У дома на завалинке
Позабыты сказки,
Смотрит внучек маленький,
Потирает глазки.

Где же твоя бабушка?
Внучек нам сказал:
“Испекла оладушки
И ушла в спортзал”.

Бабушка-лебедушка,
Как ты хороша!
Оттого у дедушки
И поет душа!

Сядет с нами рядышком,
Скажет мне: «Привет!»
Молодая бабушка,
Тридцать восемь лет.

Бабушка-красавица,
Дедушка под стать,
Не спешите стариться,
Вам правнуков качать.

Соберемся вместе мы,
Бабушка споет,
Колыбельной песнею,
Счастье в дом войдет.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Старый дом возле тихой реки,
Деревянные стены-бока.
Дорогие мои старики -
Шлю поклон вам издалека.

Вот сидит на скамейке отец,
Маму белый платок молодит.
Жизнь прожили без блеска колец,
Но в большой и взаимной любви.

Мое детство промчалось легко,
Первый шаг за родимый порог.
Будет счастье твое далеко,
Если в сердце свой дом не сберег.

Там, где пахнет парным молоком,
Вьются голуби возле трубы.
И шершавым своим языком
Жизнь листает страницы судьбы.

Там где яблони цвет под окном,
Теплый дождь согревает твой след.
Твое сердце – родительский дом,
И души путеводный свет.

**ЧЕРНИЦЫН
Олег Анатольевич**

Родился 18 августа 1956 года в г. Нижний Тагил. После школы с 1973 по 1975 год работал на Уральском вагоностроительном заводе по специальности “слесарь-сборщик”. Окончил Уральский политехнический институт. Служил в армии. С 1979 году по 1989 год работал в комсомоле. С 1989 по 1991 год служил в органах внутренних дел. В 1991 уволился в связи с переходом на работу в малое предприятие “Резерв”.

С 1996 по 2005 - коммерческий директор предприятия ООО «Ави-тек-Плюс», далее - советник по коммерции.

Проживает в Екатеринбурге.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Участникам Великой Отечественной посвящается...

С каждым годом, а их за плечами Александра Ивановича было уже более семидесяти, его зимы становились всё длиннее и тоскливее. С детства привыкшие к физическому труду руки требовали работы тяжёлой, мужской. Рано лишившись опеки родителей, мальчишкой с краюхой хлеба за пазухой он ушёл из родной деревни в город в люди и, чтобы добыть себе пропитание, приходилось брать-ся за любую работу. А какие дела могут быть у глубокого пенсионера зимой в городской “двушке”? Всё побелено-покрашено. Обслуживал Александр Иванович себя сам: это на предмет постирать, сходить в магазин или обед приготовить. Дети – взрослые, давно самостоятельные и состоявшиеся люди. Прадедом недавно стал. Правнучку обожал и часто навещал её. С трепетом носил

на руках, всматривался в маленькое, ещё не сформировавшееся личико и искал что-то от себя и покойной жены. А уходя, целовал в белокурую головку, с благоговением крестил, чуть слышно шепча: “Господи! Спаси и сохрани чадо безвинное!”

И чем ближе приближалась весна, тем маетнее становилось Александру Ивановичу. Душа просилась вон из мегаполиса на природу, в деревню, где его ждал по случаю приобретённый небольшой домик. Его бывшие хозяева давно скончались, а их дети съехали в город, и брошенный дом выживал, как мог, уже не надеясь на свою вторую жизнь. А пойдя по деревне – сколько ещё таких забвенных избёнок насчитаешь: покосившихся, с заколоченными крест-накрест окнами, провалившимися крышами...

А ведь знатная была когда-то она – деревня эта: тутошний совхоз один из передовых в области был! Коровушки надои высокие давали, и по заготовке мяса всегда в лидерах! Но лихие 90-е перестроечные годы с их хаосом, упадком в экономике и безденежьем, как итог масштабных перемен в экономической и политической структурах страны, основательно подкосили это благополучное хозяйство, как и тысячи его собратьев. Отечественное мясо заменили американские пресловутые «ножки Буша», натуральное молоко – сухие молочные смеси из Германии. Мясомолочную ферму, некогда дававшую работу этому селу, закрыли как убыточную, и её полуразрушенные строения (не без помощи местного населения – кто оконные рамы стащил, кто стропила, а кто кирпич «позаимствовал») стояли как памятник ушедшему в Лета социалистическому коллективному хозяйствованию. Далее – более. После ликвидации фермы и остальное хозяйство развалилось как картонный домик. Кормовые поля заросли сорняком; сельхозтехнику сокрушали на металлолом, и её жалкие останки были обречены ржаветь на семи ветрах.

Бедная-бедная деревня! Сколько же раз глумились над тобой, насильовали тебя?! Не понаслышке знаешь ты о раскулачивании и продразвёрстке, коллективизации и крестьянских бунтах! Сколько командовали тобой: что и когда сеять и когда убирать. Сколько

вреда нанесли тебе лжеучёные и горе-правители!

И что бы ожидало облюбленную Александром Ивановичем деревушку на сей раз, если бы не близость промышленного города и не здешние живописные места? Часть её населения нашла работу в мегаполисе, кто-то на стройках и в сфере обслуживания коттеджных посёлков, растущих, как грибы, на некогда плодородных совхозных полях. Саму же деревню также постепенно оккупировали состоятельные горожане, и перекраивалась она по их лекалам. Многие дома, оберегавшие не одно поколение селян и дарящие им кров и тепло, с их неповторимыми русскими печами и резными оконными чудо-наличниками, сенцами и сеновалами, палисадниками с кучерявой рябиной или благоухающей сиренью, тесными, но уютными баньками приобретались «городскими» просто-напросто под снос, чтобы на их месте возвести двух-, трёх-, а то и четырёхэтажные изваяния, зачастую уродливо-кичливые, угнетающего вида, больше напоминающие тюрьму или психиатрическое заведение. Строгие стены красного кирпича, зарешётчатые окна и трёхметровые глухие заборы скрывали владельцев этих архитектурных «шедевров» не только от постороннего глаза, но и от той самой природы, к которой они так стремились.

Конечно же, Александр Иванович проводывал свой деревенский дом зимой. Не нахулиганил ли злой человек, снежок покидать да и здешним старушкам, подружкам своим, гостинцев привезти. А уж те, давно овдовевшие, были несказанно рады городскому гостю. И даже негласно соревновались меж собой за внимание своего кавалера: кто блинов с горкой напечёт, кто румяный пирог с картошечкой и грибочками приготовит, кто щи суточные изладит по-деревенски: в чугунке да в печи! А уж стопочку поднести – это, как говорится, святое дело! И всё бы на этом, так нет – эти божьи одуванчики ещё глазки строить ему умудрялись! Знали, как приветят Иваныча, так тот по теплу и помощь окажет. А дел на селе невпроворот: дров нарубить, крышу подлатать, забор поправить, огород вскопать, навоз раскидать. Да мало ли ещё чего? А про коровушек уж и не заикались. Она, конечно же, кормилица, но

кто сено заготовит, на пастбище её, милую, выгонит? Поэтому от силы несколько старушек держали курей, а на большее уж и не замахивались.

Руки у Александра Ивановича золотые, мастеровые: чем только в своей нелёгкой жизни не пришлось заниматься. Он и по плотницкому делу мастер, и по слесарному, и в огороде знаток. Свой дом без посторонней помощи перекроил, а сколько ему за его труды односельчане здоровья пожелали – на сотни лет, не меньше! Бывало, стоит избёнка поди ещё при царском режиме рубленая, цвета чёрного, венцы нижние – труха, кособокая, а поколдует над ней Александр Иванович, и глядь – терем!

И вот в какой-то год позвал меня мой старый друг и коллега по работе Владимир, он же сын Александра Ивановича, съездить к отцу в эту деревню. Мол, два великих дела сделаем. Во-первых, поможем огород под картошку вскопать. Весна в тот год выдалась ранней и дружной: земля рано оттаяла и просила ухода. Хоть и бодрился старик, гоголем ходил, но годы брали своё, как ни крути! Во-вторых, Иваныча с Днём Победы поздравить. По телефону не поздравить: их на деревню если штук пять насчитаешь, и то хорошо! А сотовой связи в то время ещё и в помине не было.

С войной у Александра Ивановича свой личный счёт: с первого чёрного её дня до счастливого последнего прошагал он по её кровавым полям. И под родным небушком, и под чужим довелось. А где-то (и кто бы знал - сколько?) ползком по-пластунски: служил-то он в полковой разведке. Вот и приходилось к фрицам “в гости ходить” то за “языком”, то за разведанными, то в засаду. Но зато в поверженном Берлине стоял простой русский солдат по имени Александр в полный свой рост, развернув во всю ширь молодецкую грудь: “Всё, отвоевался, отползался! Победа! Знай наших, гады!”

В общем, как сговорились, так и сделали. Заранее определились с Владимиром по электричке, чтобы часов в девять утра уже быть на месте. Распределили, кто и что прикупит из съестно-

го. Электричка оказалась полупустой. Оно и понятно: народ 9-го Мая поближе к праздничному столу, к телевизору. Без труда выбрали удобные для сна места (разговоры можно было отложить на день), чтобы добрать ещё минут сорок утреннего сна.

Владимир тут же закивал головой, поддавшись убаюкиванию покачивающегося вагона и размеренному перестуку его колёс. Я тоже намеревался вздремнуть, но вдруг наплывшие воспоминания помешали этому.

Когда я впервые осознал 9 мая как Великий День, как дату Великого праздника? Когда понял его значение и величие? С некоторым волнением я окунулся в глубину своих лет. Неведомый кинемеханик остановил прокрученный назад фильм о моей уже достаточно долгой жизни на её первом десятке лет. К моему удивлению и восторгу я чётко, словно это были воспоминания о вчерашнем дне, увидел себя мальчишкой неполных девяти лет и ясный солнечный, как на заказ, день 9 мая 1965 года. Да, абсолютно верно, это было двадцатилетие Победы! Казалось, все жители города вышли на его улицы. Это был город счастливых лиц! Незнакомые люди запросто поздравляли друг друга. Из уличных колоколов-громкоговорителей гремела музыка. И, конечно же, ветераны: нарядные (многие специально пошили новые пиджаки, а то и костюмы (!), что для того времени было шиком, единственные в их жизни...), радостные, с букетами цветов, хмельные от наркомовских ста граммов и всеобщего внимания. Как много их было тогда!.. Помню, как завораживал перезвон их наград, как слепил глаза золотой блеск орденов и медалей, отражающих лучи казалось бы такого же счастливого весеннего солнца, когда мы, пацаны, жмурясь и открыв рты от восторга, смотрели снизу вверх на героев-фронтовиков!

- Дяденька! А это что за медаль?

- Дяденька! А за что вам её дали?

Мы стайками окружали ветеранов и, дав волю мальчишеской любознательности, засыпали их вопросами.

- Да не медаль это, а орден! – нарочито важно опережал ветера-

на кто-то из старших ребят, показывая свою осведомлённость. – И награды не дают, ими награждают!

Ветераны, приобняв нас, радушно и с охотой удовлетворяли наше любопытство, стараясь доходчиво объяснить, за что получена та или иная награда, и как она называется.

- Дяденька! А подарите медальку! – какие мы были непосредственные и наивные...

Многое в то 9 мая 65-го года было впервые. Не ведали мы, мальчишки, что на груди ветеранов в их иконостасе боевых наград появилась тогда ещё первая юбилейная медаль “Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”. На Красной площади в Москве был проведён парад - впервые после Парада Победы 24 июня 1945 года. И ещё - 9 мая было объявлено нерабочим днём и всенародным праздником!

Это были весомые для страны события, встреченные народом с большим воодушевлением. Гордость за страну, осознание её силы и значения на планете Земля невидимой, но крепкой нитью связывало воедино всех нас, тогдашний народ великого Советского Союза.

В тот 1965 год произошло ещё одно событие, потрясшее меня и оставившее в моей впечатлительной детской душе глубокую зарубку, зарубку на память – это фильм “Обыкновенный фашизм” Михаила Ромма. Фильм страшный и жестокий своей правдой, который смотрели заводами, колхозами, воинскими частями, школами, семьями. Смотрели без ограничения по возрасту...

Почему же в наши дни не показывают этот фильм хотя бы 9 мая? Хотя бы один раз в два-три года? Это в далёких шестидесятих телевизор имелся не в каждой семье, и практиковался коллективный выход в кинотеатр. Но сейчас?.. Чтобы ещё раз отдать дань замученным и павшим, чтобы знали и помнили!.. И в первую очередь – сегодняшняя молодёжь, опутанная сетями интернета и зачастую ставшая его одурманенной безвольной жертвой, похищенная из реальной жизни и выбравшая жизнь виртуальную, с её сомнительными ценностями и удовольствиями...

Помню, как на просмотре этого фильма замирало моё сердце и холодело в груди от вида груды голых измождённых тел замученных узников концлагерей. До сих пор перед глазами стоит страшная картина ненасытных жерл газовых печей, дымящихся труб крематория и длинной вереницы едва живых людей, безвинно приговорённых к смерти психопатом-маньяком по имени Адольф Гитлер. В очереди за избавлением от нечеловеческих мук?..

Помню тишину в зале кинотеатра, когда сотни людей, прикованных взглядами к полотну экрана, затаив дыхание, всматривались в каждый кадр жуткой кинохроники, вслушивались в каждое слово автора фильма-разоблачения.

Помню, как через время и расстояние *на меня* смотрели дети: дети лагеря смерти – сквозь колючую проволоку, оторванные от матерей, в полосатых ветхих робах, с выколотыми номерами на тонких, как плети, ручонках. Смотрели молча голодными, но ещё на что-то надеявшимися огромными глазами, ввалившимися в чёрную бездну десниц...

И ещё мне вспомнился разрывающий сердце случай, произошедший в нашем городе, о котором я слышал от своих родителей. При просмотре «Обыкновенного фашизма» в одном из детей, узников концлагеря, женщина узнала своего ребенка, потерянного ей во время войны. Была истерика, обморок, скорая помощь. Просмотр остановили. Чем закончилась эта жуткая история, я не знаю...

Вагон пустел с каждой остановкой. Праздный народ подхватывал свои увесистые котомки и рюкзаки и дружно высыпал на перрон, предвкушая, кто коллективный труд с лопатой и граблями, а кто - активный отдых. Засиделись люди зимой в городе, вот и радостно на природу семьёй выбраться, косточки размять.

Приближалась и наша станция, а так хотелось ехать и ехать, отдавшись воспоминаниям и воле машиниста. Первая попытка разбудить разоспавшегося Владимира оказалась провальной: сладкая утренняя дрёма, пригревшее сквозь окно солнышко и моно-

тонный перестук колёс сделали своё дело – пришлось применить рукоприкладство и бесцеремонно растормошить его.

- Ох, и придавило меня! – сладко потягиваясь и протирая заспанные глаза, довольно протянул мой друг. – Давно я так не проваливался!

- Сейчас тебя Иваныч быстро в чувство приведёт. Уж, наверное, и лопатку тебе по-родственному побольше приготовил.

- И юмор у них – безобразный, - пропел Владимир строчку из Высоцкого, вспоминая им при определённых ситуациях.

Но обмен шутками пришлось прекратить, мы прибыли на нужную нам станцию.

Чтобы добраться до дома Александра Ивановича, нужно было подняться в горку по деревянному настилу шириной в метр-полтора, тянувшемуся вдоль грунтовой проезжей дороги. Прохожие встречались редко, день ещё не задался, но при этом я с восторгом первооткрывателя выявил интересную закономерность. При встрече с нами дачники-горожане нарочно опускали глаза и шустро проскальзывали мимо, порой, чуть не сталкивая нас с дорожки. Местные же, деревенские, старушки или ребятишки, увидев незнакомых им людей, приостанавливались загодя, настороженно осматривая меня и Владимира. Видимо пытаюсь угадать, кто мы, зачем мы тут и к кому направляемся. Поравнявшись же, учтиво уступали дорогу, нараспев здороваясь и поздравляя с праздником.

Дом Александра Ивановича стоял в конце улицы. Тыл дома поджимала стена мачтового соснового леса, откуда доносилась морзянка невидимого трудяги-дятла. С фасада же открывался вид, достойный кисти пейзажиста. По уклону горы, словно мозаикой, рассыпаны разноцветные крыши домов и квадраты с зимы необработанных приусадебных участков. Но центральной частью этого полотна был пруд. Правая его сторона, сужаясь, подбиралась к деревне, левая же растянулась на многие километры и скрывалась где-то в набирающей зелень тайге. На противоположной стороне пруда раскинулся небольшой поселок, над которым воз-

вышался храм или, правильнее сказать, то, что от него осталось. Но даже обезглавленный и заброшенный он выглядел гордо, и в этом угадывались его тайная торжественность и непокорность. Храм отражался в зеркале водной глади и будто загипнотизировал меня. “Досталось же тебе! Хватил лиха, как и тысячи твоих больших и меньших собратьев! Чем же ты был десятки последних лет? Клубом? Складом стройматериалов? Местом мальчишеских игр в войнушку или распивочной местных пьянчужек?.. Реставрировать бы тебя, купола позолотить. Вот сказочная красота была бы!” – подумалось мне тогда. Наверное, об этом же подумал и Владимир, также как и я, замороженный великолепием открывшегося вида.

- Правильно мыслите! Такая красотища пропадает! Мне бы материалов да помощников с десяток, я бы эту церквушку, голубу мою, за пару месяцев поднял. Стояла бы, как невестушка, и людей своей красотой радовала!

Я вздрогнул от неожиданности – за нашими спинами стоял Александр Иванович. Щурясь, он всматривался вдаль, как художник или скульптор, изучающий и впитывающий в себя мельчайшие нюансы предмета своего интереса перед тем, как перенести его на ещё пустой холст или оживить ещё мёртвый камень.

- Александр Иванович! Мы вас и не слышали! Как вы так незаметно?!– искренне удивились мы его внезапному появлению.

- А вот так! Зря я что ли всю войну прослужил в разведке!

Мы крепко обнялись, расцеловались, поздравив ветерана с праздником.

- Ну, заходите-заходите, вы тут не гости – свои, располагайтесь, отдыхайте!

С первого взгляда ощущалась рука мастера, рука хозяина. Свежевыкрашенный палисадник из резного штакетника приветливо расположился перед домом. Забор вокруг усадьбы выглядел совершенно образцово. Сам же дом требовал отдельного внимания. Этому дому хотелось улыбнуться: такой он был ладный и весёлый. Всё в нём было сработано собственноручно Александром

Ивановичем, добросовестно и с любовью. Высокий завалинок выложен диким камнем. Стены дома обиты вагонкой и пущенные под лак. Крашенные голубым двери и оконные рамы в обрамлении искусно вырезанных наличников с хитрым авторским узором и рисованными кистями красной рябины. Пушкинский золотой петушок украшал конёк вновь перекрытой крыши.

- И всё сам-сам! Меня не допускал, гвоздя забить не дал! – шутя, пожаловался Владимир мне, специально погромче, тем самым делая хозяйину дома комплимент.

- Да... Старый-то дом на ладан дышал, когда я его присмотрел, - пояснил Александр Иванович. – Но ничего, потихоньку-полегоньку - и ожил дом, задышал!

- Ну что, пап, командуй, «пока желанием горим, пока сердца для чести живы...», - Владимир взял на плечо прислонённую к веранде лопату и с готовностью посмотрел на отца.

- Так я же уже сказал вам – располагайтесь и отдыхайте! Сейчас по бутерброднику-другому с дороги и в баньку! А потом отобедаем и праздник отметим!

- ?

Мы недоумённо переглянулись с Владимиром.

- Так мы же помочь тебе приехали! Сам же говорил, что огород под картошку вскопать надо!

- Да вскопал я его уже, вскопал! Вчера днём начал, а сегодня поднялся с солнышком – оно-то прямёхонько из-за пруда встаёт и мне в спальню светит – и добил это дело! Чего я вас ждать-то буду? Да и не один я копал, подружки мне помогли!

Ничего не понимая, мы в две пары удивлённых глаз смотрели на нашего заговорщика.

- Какие подружки? Бабульки твои деревенские что ли? И зачем ты их напрягал, ведь знал, что мы приедем?

- Да нет, не бабульки. Эти помоложе будут...

- ?

- Да вот они – на веранде отдыхают! - и Александр Иванович указал на веранду.

Мы с Владимиром переглянулись, не скрывая своего недоумения, так как на веранде никого не было.

-?

- Да вот они – у двери стоят!

И тут мы увидели две опустошённые двухсотпятидесятиграммовые ёмкости из-под водки, именуемые в народе “чекушками”, “мерзавчиками” или «четвертинками».

Нельзя сказать, что с одобрением, но уж точно с открытым удивлением и плохо скрываемым восхищением: в семьдесят с лишним лет в одиночку за два подхода лопатой вскопать около трёх соток слежавшейся после зимы земли, употребив пол-литра спиртного! – молча смотрели мы на абсолютно трезвого на вид и бодрого пенсионера-энтузиаста...

- А чего ж времечко золотое терять! – оправдываясь, пояснил он. – Да и не упахался я! Ведь я как - поработаю немного и поздравлюсь. И так потихоньку да помаленьку... Вот сначала одна подружка пришла помочь и поздравить, потом вторая...

- Ну, батя, ты даёшь! – только и вымолвил обескураженный Владимир.

- Так ещё не вечер. После баньки ещё поздравимся...

Я попытался представить, чтобы случилось со мной после такого объёма проделанной работы и принятого спиртного. И уже только от этого мне стало не по себе...

- Нет, пап, шутишь, наверное, как всегда! Не верю! Пошли на огород!

Александр Иванович, предчувствуя своё торжество, бодро пошagal впереди, увлекая нас за собой. Зайдя за дом, мы с Владимиром остановились в полной растерянности. Не шутил на этот раз ветеран: перед нами лежал внушительный по размерам квадрат вскопанной земли, где уже бойко хозяйничали юркие пичуги, добывая потревоженных жучков и червей.

- Вот так-то, сынки! Подвижное-то оно в подвижном! Отдохну с вами маленько и соседкам ещё подсоблю!

Да уж... Вот оно деревенское начало! “Богатыри – не мы!” -

подумал я тогда, позволив себе несколько исказить известное лермонтовское изречение.

Владимир попытался пожуричь отца за такой трудовой героизм, но был тут же категорически остановлен им:

- Так, разговорчики в строю! Быстро, перекус - и в баню - ждалась уже, голуба моя!

Баню Александр Иванович срубил тоже сам, как и положено на деревне – небольшую, уютную, сложенную “в лапу” на мох из тёсаных брёвнышек один к одному, с печкой-каменкой.

От Владимира я знал, что Александр Иванович слыл знатным парильщиком. Парился по два, а то и три раза в неделю и основательно, до десяти заходов!

- Александр Иванович! А при какой температуре паритесь? – поинтересовался я у «профи», и тут же был удостоен такого уничтожающего взгляда, что пожалел о вопросе.

- Это у вас, городских изнеженных, термометры да гигрометры! А у нас, деревенских, топят, пока уши трубочкой не свернутся. У нас всё по-простому, без вычурности. Вот был я давеча у одного тутошнего дачника-нுவориша, просил он совета у меня по бане, что и как? Да вон его гамазина стоит у пруда! Вы проходили мимо, когда поднимались.

Действительно, нельзя было не заметить четырёхэтажный дом-новодел красного кирпича без каких-то архитектурных фантазий. Дом фасадом выходил на пруд, на противоположном берегу которого стоял облюбованный нами храм, который даже в полуразрушенном плачевном состоянии давал фору в изящности и красоте безвкусному современному творению. Вот уж поистине: «И в рубище почтенна добродетель!»

- Так вот баня у этого деятеля, – продолжил Александр Иванович, – поболее моего дома будет: с баром, бильярдной и ... библиотекой! Это вдруг Александра Сергеевича почитать с жару захочется или со Львом Николаевичем партейку разыграть. Но главное, парилка там – человек на двадцать, хоть взвод на помывку

заводи!

- И что посоветовали?

- Что посоветовал?.. Посоветовал бульдозер подогнать и снести это горе-зодчество к чертям собачьим! Обиделся паренёк на меня. Сейчас стороной обходит, чтобы, значит, не здороваться.

Александр Иванович усмехнулся по-доброму и посмотрел в сторону дома-гиганта.

- Надо будет зайти помириться. Мне, конечно, его денег не жалко: по приходу и расход! Но то, что баньку души лишил, идею извратил – нехорошо!

И что, казалось бы, старику так огорчаться? Его дело стороннее! А вот как переживает, словно живое существо покалечили!

- А это дело оставь, захочется – после бани примете. - Александр Иванович указал на несколько банок с пивом в руках Владимира. – В моей баньке только чаёк в почёте, край - квасок! Выбирайте, кому что по душе будет: чабрец, зверобой, душица, мята. А здесь сбор травяной или, по-вашему, по-современному, микс, значит.

Александр Иванович с любовью продемонстрировал подписанные им баночки, рядом стоящие с пузатым самоваром на резной полке, также вышедшей из-под его мастерской руки. Нельзя было не заметить продуманность устройства небольшого предбанника: полки, небольшой стол, скамейки были подвешены к стенам и поднимались или опускались при необходимости.

- Ну, молодежь, заходи по одному, проверю вас, кто сколько стоит!

Раздевшись, Александр Иванович взял два пахучих берёзовых веника и угрожающе потряс ими перед нами:

- Ну, кто смелый?!

Я невольно поразился телу этого лишь по годам пожилого человека с юношески рельефной мускулатурой, без лишнего грамма жира и с прошлогодним загаром.

- Александр Иванович! Да вас для глянцевого журналов снимать можно! – пытался пошутить я с нескрываемым восхищением. –

И как вам это удастся?

- А мой рецепт простой: «Поменьше мучного, побольше ночного!» – ловко отшутился Иваныч.

- ?!

Мы с Владимиром многозначительно переглянулись. Вот уж действительно: «Сказка ложь, да в ней намёк! Добрым молодцам урок»

Уже на третьем заходе в парилку казалось, что душа покинула меня, оставив моё брненное тело на верхнем полке этой деревенской бани. Зато Александр Иванович без устали поддавал пару, нахлестывал нас фирменными веничками и приговаривал:

- Мелюзга пузатая! Мужское племя позорите! За что вас только девки любят?!

- Пощади, Иваныч! Инквизитор! – умолял я нашего банщика, пытаюсь сползти с полка и скрыться от экзекуции.

- Терпи, казак, атаманом будешь! Всю хворобу, всю дурь из вас выбью! – добравшись до своего любимого занятия Александр Иванович колдовал надо мной веничками, о самоличной заготовке которых он предварительно прочитал нам настоящую лекцию, где и когда их следует резать, как сушить и запаривать. Ловко загребая пар откуда-то из-под потолка парилки, он гонял его веничками вдоль уже не принадлежащего мне тела, искусно обволакивая его волнами горячего воздуха. Затем проминал спину через их раскалённую листву, словно промокал покидающую меня хворь и другую нечисть, втирая в очищенное тело волшебный эликсир берёзовых рощ.

- Свободен, сачок! Зови следующего! - Александр Иванович с отяжкой от души одарил меня напоследок похудевшим веником по мягкому месту.

- Тебя на ковёр требуют! – на выдохе, пулей пролетая через предбанник, я передал команду Владимиру. Вырвавшись на свободу, зачерпнул ведром холодной воды, загодя приготовленной в стоящей у бани бочке. И, прокричав куда-то в небо: “Господи,

благослови!”, я обречённо опрокинул его на себя... Сердце моё на секунду остановилось, дыхание перехватило. Глубокий вдох, и душа вновь вернулась в очищенное тело!

Владимир не потянул третий «поход» в парилку, за что был обруган отцом слабаком и филоном. Грузный телом, в маму, Владимир вполне довольствовался двумя заходами в отцовское “чистилице”. Он степенно баловал себя ароматнейшим чайком и упивался негой, уютно укутавшись в махровый халат. Я же, медленно спускаясь с седьмого неба, с удовольствием присоединился к нему. Чай продолжил начатое в парилке колдовство, разгоняя по телу неопишемое блаженство и восстанавливая силы, оставленные на полке.

Сольный заход Иваныча в парилку длился минут 15-20. Любил он это дело и относился к нему также добросовестно, как и ко всему другому, за что брался. Чего мы только с Владимиром не слышали сквозь взрывы воды, подбрасываемой им на раскалённые камни печи и хлёткие шлепки веников! И куплеты о гордом “Варяге”, не сдающемся врагу, и про пионеров, которые дети рабочих, и про хана Булата, чья сакля бедна. И ещё множество при сказок и поговорок между сотнями «Ах!», «Ух!» и «Ох!» Многое, кроме сквернословия, которого Александр Иванович не употреблял сам и не терпел от окружающих.

На половине моего третьего стакана чая дверь парилки распахнулась, и вместе с волной жара и ароматом распаренных веников оттуда вывалился наш бравый ветеран - счастливейший из счастливых! Очищенные его лёгкие, как кузнечные меха, жадно поглощали литры свежего воздуха. Горящее тело, густо покрытое берёзовой листвой, испаряло клубы пара.

- Пацаны – штаны на лямках! Учитесь, как настоящие мужики парятся, пока я живой! – приласкал он нас, походя, видя наше нескрываемое восхищение им.

Выпорхнув из бани, он трижды перекрестился и, прошептав что-то, вылил на себя три ведра ледяной воды. Казалось бы, что раскалённое тело должно треснуть и расколоться на мелкие кусочки,

как фарфоровая статуэтка, но оно с честью выдержало это испытание, вобрав живительную силу огня, пара и воды. Наперёд скажу, что таких знатных парильщиков в своей жизни я более не встречал...

Стол, по нашим городским понятиям, был накрыт Александром Ивановичем изысканно и споро. Как заправский фокусник, он в мгновение ока украсил его деревенскими деликатесами, конечно же, собственного производства. Даже при жизни ныне покойной жены домашними заготовками занимался он лично, видя в этом наслаждение и некое искусство.

- Вовка! Кыш от стола! – любящий во всём порядок и организованность, прикрикнул Александр Иванович на сына.

Но было уже поздно, симпатичный огурчик с хрустом исчез во рту Владимира. А стол, действительно, зачаровывал и манил. Солёные огурчики один к одному, в пупырышках, будто продрогли, дожидаясь в подполе своего выхода в свет, хрустели так, что казалось, это было слышно на соседнем дворе. В одной компании с ними красовались ядрёные маринованные помидорчики, в любую секунду готовые взорваться своим соком. Калиброванные грузочки, рыжики и маслята соперничали своей красотой и словно шептали: “Выбери меня! Выбери меня!”. Но безусловной королевой стола была сваренная в чугушке картошечка, белоснежная и рассыпчатая... Так что привезённые нами сырокопченая колбаса, янтарный балычок, шпроты и икра были чужаками среди этого местного деревенского сообщества.

- Пап, а как у вас здесь выборы губернатора прошли? За кого пенсионеры голосовали? – Владимир «дохрумывал» второй сташенный огурчик, пока Александр Иванович завершал сервировку стола.

- Да как прошли? Организованно, с музыкой и песнями. – Александр Иванович намеренно сделал ударение на «я». – Мы ведь, старики, ещё при Иосифе Виссарионовиче приучены всем народом голосовать. Как тогда говорили: “Единым блоком коммунист-

тов и беспартийных”. И нынче проголосовали дружно. Сговорились с нашими старушенциями и голосовали за нынешнего губернатора, дай Бог ему здоровья!

- Почему ж за него, а не за других кандидатов?

- А он на гармошке хорошо играет! Давеча по телевизору показывали.

- ?

Да уж, точно сказано Фёдором Ивановичем Тютчевым: “Умом Россию не понять! Аршином общим не измерить...”

Накрыв на стол, Александр Иванович удалился из комнаты и вернулся через минуту-другую. На его пиджаке сияло с десяток орденов и медалей, чей блеск отражался в счастливых глазах ветерана. Мы с Владимиром, как замороженные, смотрели на него и любовались героем-фронтовиком. Какой же красивый он был, вдруг помолодевший, подтянутый, праздничный! Видя наш нескрываемый восторг, Александр Иванович позволил себе чуть попозировать, превратив это в шутку: «Я не тщеславный, но тщеславие мне не чуждо!..»

Дав себя сфотографировать, Иваныч объявил о закрытии торжественной фотосессии и набросил пиджак на спинку стула.

- Ну что, сынки, спасибо, что приехали старику помочь и с праздником поздравить! – Александр Иванович налил по первой из запотевшей, обжигающей холодом бутылки. – День сегодня святой. Сколько же, вдуматься, людей наших без вины погибли на фронтах, в концлагерях и в тылу?! Сердце разрывается!.. Сколько семей резануло по живому?! Как просмотрели, как допустили?! Помирать буду – не пойму и не прощу! Всё вынес, всё выдюжил народ наш великий, победитель и освободитель! За него давайте и выпьем! С праздником! С нашим великим праздником!..

Выпили стоя, поздравив и расцеловав ветерана.

- Ешьте, ребятки, ешьте! Всё своё, без нитратов разных и пестицидов! Ведь у нас разведчиков поесть – дело не последнее! Это в пехоте перед атакой есть не полагается.

-?

- Да потому, что какому бедолаге полный желудок пуля прошьёт, или осколок вспорет, гибель неминуемая! Или там же на поле боя погрёшь, или в операционной – так это ещё, если тебя девчужка-санитарка найдёт, или бойцы-товарищи дотащат. А мы, разведка, сытыми под завязку на задание уходили. Кто знает, когда ещё подзаправиться удастся?

Со мной на эту тему случай был. Возвращаемся мы с задания вымотанные, но довольные. Поручение выполнили, да ещё с первого раза, а это не всегда получается! А тут фрицы нас обнаружили и давай минами сыпать. От всей души окучивали! Страшное это дело, ребяташки! Летит она, окаянная, завывает, а где шлёпнется, одному чёрту известно. И вот слышу – летит! Печёнкой почувствовал: моя... конец! Внутри всё так и опустилось! И только хотел глаза закрыть, смертушку свою встретить, как словно земля передо мной расступилась – воронка! Огромная такая, глубокая, от бомбы, видимо, авиация работала. Я кубарем туда, а товарищ мой, тёзка - Александр, не успел...

Александр Иванович на минуту замолчал, перевёл дыхание и продолжил рассказ.

- Когда пришёл в себя: отдышался я, глаза протёр, уши продул. Затащил, значит, я Сашка в воронку, а у него живот распорот осколком от мины, и кишки по земле, а из кишок... Скалитесь Сашок от боли, стонет, слёзы ручьём и внутренности руками опять в живот запихивает... А потом вдруг улыбнулся и процедил чуть слышно сквозь зубы: «Я добро своё не кину!». Это как та бабка с бельём у Михалкова в «Дяде Стёпе». Так с улыбкой и представился, родимый. Обнял я его, поцеловал по-братски, перекрестил, сам перекрестился и к нашим, донесение нужно было передать срочно, хоть кровь из носу! Ох, сколько же я товарищей своих боевых вот так, закрывши им глаза, оставил на той стороне, а сколько сам в землю проводил!..

Часы-ходики отсчитывали секунды весны, заполняя комнату своим перестуком, даря ощущение домашнего спокойствия и уюта. В открытое окно задувал шальной ветерок, несущий ароматы ближнего леса и бойкий пересвист беспокойных пичуг. Мы с Владимиром молча и с искренним сопереживанием смотрели на Александра Ивановича, поникшего под бременем тяжёлых воспоминаний. Сквозь набежавшие слёзы он всматривался куда-то в окно, будто там вот-вот должны показаться лица дорогих ему погибших фронтовых друзей...

Выпили по второй, стоя, не чокаясь, за погибших.

- Александр Иванович, а как вы в разведку попали? – поинтересовался я.

- Вот так и попал: не думал, не гадал. Я ведь в пехоте воевать начал: “Эй, пехота! Прошёл сто вёрст и ещё охота!”. Да... А случилось это в аккурат после моего первого боя. Вызвали меня к командиру батальона. Я ещё после боя толком не отошёл, а тут такое дело! У меня мысли разные: что к чему, зачем, за что? А как комбат мне руку пожал, так у меня сразу и отлегло на душе. «Ты, – и по имени-отчеству меня, молодого, – говорят, бился смело, физподготовку хорошую имеешь и приёмами владеешь. Так что собирайся и дуй в подразделение разведчиков, там уже в курсе». А я действительно перед войной самбо увлекался, и силушкой меня Бог не обидел. Гирей и сейчас перекрещусь. Вот так и стал разведчиком. Без малого четыре года в разведке повоевать пришлось, под самую завязку. Сколько раз на задание с товарищами ходили и не сосчитать уже: и за языком, и дислокацию фрицев изучить, и сколько у него чего из техники имеется, и, бывало, в глубоком тылу у немцев гостили. Туда-то потихоньку, «на цыпочках», а обратно и с боями вырываться приходилось. Со стороны кажется, что разведка – элита. Сходил на задание, туда-сюда, и награду получай! А на деле-то не так выходит! К концу войны наша разведрота более чем на две трети обновилась! Бывало, уходит группа в пять-шесть человек, а возвращаются двое-трое, а то и один... А случилось, что и все погибали... Сколько же това-

ришей моих дорогих смерть приняли, чтобы она, костлявая, меня не тронула?!

А ну, ребята, давайте по третьей! Как говорится: “Без троицы и изба не строится!”. А тут такое дело – праздник великий, всенародный! Потому, как всем досталось, всем лиха хватило: и в тылу, и на фронте, и генералам, и нашему брату-солдату! За народ наш советский, за народ наш великий и поднимем по полной!

Встав, ещё раз поздравили друг друга, дружно и с чувством опустошили стопки.

- Александр Иванович! - накоротко закусив, обратился я к отставному солдату. - Вот сколько фильмов смотрел документальных и художественных, книг о войне прочитал и никак не могу представить, как это пойти на таран, закрыть собой амбразуру ДЗОТа, в здравом уме подняться в атаку под пули, на верную смерть? Ведь, если откровенно, это же противоестественно для нормального человека с его природным чувством самосохранения?! Что это - бесстрашие, запредельная ненависть, принуждение? Что?..

Александр Иванович одарил меня глубоким тяжёлым взглядом, таким, что мне стало не по себе, и я пожалел о заданном вопросе. Он как будто осунулся, морщины на лбу и вокруг глаз стали чётче, желваки играли от напряжения. Долгой же нам показалась минута его раздумий!..

- Трудный вопрос, ребяташки мои дорогие, очень трудный! И не просто ответить на него с кондачка. И чтобы честно, не как с трибуны пионерского слёта: без пафоса и высоких слов о любви к Родине! Я ведь в штыковую только один раз и ходил, до разведки. Высотку мы брали. Но и этого раза на всю жизнь хватило. Я из того боя до сих пор не вернулся...

Конечно же, страшное это дело - из окопа выскочить! Руки-ноги не твои, словно ватные. Виски, того и жди, что разорвутся. Мандраж. Сердце, как бешеное, колотится! Не наркомовские бы стограмм, совсем туго было бы!.. Наверное, под стволами заградот-

рядов веселее в атаку идти! - губы Александра Ивановича сжались в горькой усмешке. - Но, слава Богу, мне не довелось испытать такую «радость». Хотя они уже с июля 41-го формировались...

Так вот, как сейчас помню, взводный наш, младший лейтенант, по окопу мечется, волнуется! Молодой, года на два старше меня был. Только окончил ускоренные курсы младшего комсостава, и бой этот у него также первый. Сам, родимый, бледнющий, губу прикусывает, глаза стеклянные. И всё на свои часы смотрит – время начала атаки не проспять! А дело это серьёзное – трибунал за задержку! «Вы уж, - говорит нам, солдатам, - простите меня, если что. И не подведите меня, пожалуйста...». И смех, и грех, право! Даже я, юнец не обстрелянный, и то сквозь дрожь свою подлюю в рукав улыбнулся. И так захотелось мне подойти к нему, обнять, расцеловать по-братски!.. А кто-то из бойцов, который уже пороху понюхал – повоевал, и говорит ему не по уставу, конечно, по-человечески, душевно: «Не дрейфь, лейтенант, не подведём, дружно поднимемся! Сам не подкачай! А прощать-не прощать после боя решим!»

Не подкачал взводный! Как время подошло, глаза закрыл, прошептал что-то, пистолет из кобуры и вон из окопа! “В атаку-у-у!” – первым из нас пошёл, красиво...

Тут в головушке моей перевернулось всё: день ли, ночь? Лезу на бруствер, а тело к земле-матушке так и тянет: упал бы здесь же и лежал всю жизнь! Всё о чём замполит наставлял перед боем, советы бойцов бывалых, кто ты и зачем здесь, всё из головы выветрилось! А слева-справа народ из окопа высыпает, штыки к винтовкам примыкает. И лейтенант наш впереди уже, рука с пистолетом вверх и кричит на весь белый свет: «За Родину! За Сталина!» Агитплакат во время войны был, так точь-в-точь с нашего взводного срисованный!

Знали бы вы, ребяташки, как тошно и стыдно мне стало за трусость свою! Когда всего лишь на долю секунды я представил себя после боя в кругу судящих меня товарищей, которым я и не товарищ более, а трус и предатель! И правильное их решение по зако-

нам военного времени – расстрелять Сашку-подлеца к чёртовой матери!

И вот отталкиваюсь я, значит, но встать в полный рост – никак! Но, главное, переборол себя, сделал первый шаг! Так и бежал поначалу полубоком, полусогнутый! В глазах всё как застыло: вырванные взрывами земляные столбы, почерневшее небо, чьи-то спины, лейтенант. В голове звон, треск – то с одной стороны снаряд рванёт, то с другой! А впереди с высоты, вспышки, вспышки, вспышки! Это немчура пулемётным да автоматным огнём нас встречает, как косой косит! Пули свистят, век такого пересвиста не забудешь! То слева слышу, стайкой шальной пролетели, то справа очередь, аж ветерком щёку приласкала! А то прямо перед тобой землю вспашут! Бегу, ошалевший, и жду: «Ну, где же ты, моя окаянная? Куда угодишь? В лицо? В грудь?». Бегу и жмурюсь – страшно!.. И как меж двух пружин: одна вперёд толкает всё сильнее и сильнее, а другая в грудь давит, ходу не даёт! Но отпускает, отпускает помаленьку, слабеет... А потом вдруг в тебе как переворачивается что-то! Заглатываешь воздух полной грудью, вздохлёт, а он горький от пороха, на зубах скрипит! И цепь, которой ты был прикован к своему окопчику, рвётся, как тонкая нить! Голова становится ясная, ты встаёшь в полный рост и...

Я слушал рассказ ветерана, его исповедь, и на секунду представил себя рядом с ним... Меня передёрнуло, волна озноба пробежала по спине. Владимир, нахмурившись, сжимал пальцы рук и, судя по всему, переживал то же самое. Александр же Иванович смотрел куда-то мимо нас, и казалось, рассказывал всё это не нам, а самому себе. Может быть впервые, а может в сотый раз, не таясь своих человеческих чувств и не стыдясь за себя... Налив в свою стопку водки на глоток, выпил, не закусывая, и о чём-то глубоко задумался. Прошло какое-то время, прежде чем он вновь вернулся к нам и продолжил рассказ, будто и не прерывал его.

- ...и кричишь! Бежишь и кричишь, упрямо уставившись в одну из огненных точек, плюющую в тебя металлом! И даже не кри-

чишь, а орёшь! На всю вселенную! Во всю глотку! Так, что всё нутро твоё того и гляди выскочит наружу: “Ура! Ура-а-а!!!”. И такая, ребятушки, злоба охватывает тебя, такая ненависть к этой немчуре проклятой! Какого хрена припёрлись сюда?! Кто звал?! На мою страну руку поганую подняли! На Родину мою! Чтобы я в свои двадцать неполных годков, не пожив толком, девчонок не целовавший, смерть от вас принял, ироды окаянные?! Чёрта вам лысого! Щас мы вам покажем, кто тут хозяин, мать-перемать вашу!

И уже не бежишь, а рвёшься вперёд! Обречённый на верную смерть, но сделавший этот выбор осознанно: выбор между «вперёд!» или «назад!». Рвёшься, как замороженный! И уже не прячешься за спины товарищей и собственный крик, а бежишь молча, до хруста сжав зубы! Через воронки, через тела солдат наших павших! И взрывы тебе – не взрывы, пули – не пули, смерть – не смерть! Сливаешься с этим неземным хаосом и уже не осознаёшь, *кто ты, что это и почему это?* Почему лейтенант встал, как вкопанный? Будто наткнулся на невидимую стену и сползал по ней, ломая ногти! Почему Тарас Сушко, здоровяк и весельчак из Полтавы, рухнул на колени? Почему кричал он, и куда подевались его руки? Одно было в моей голове: «Только бы добежать до этого чёртового окопа! Только бы добежать! А там, держитесь, гады!»

Наш рассказчик перевёл дыхание и вытер со лба выступившую испарину.

- Слава Богу, дотянулся я всё-таки до их окопа! *Их окопа на нашей земле!* Долог же был путь до него, ох, как долог! Сколько нашей кровушки пролилось на пути к той высотке, ребятушки мои дорогие!..

И вот они - фрицы! Зверьё в человеческом облики! Я-то их вблизи впервые видел. И вдруг – стоп! Будто в стену прозрачную врезался, как взводный мой, и сквозь неё в меня целится кто-то. Время, сынки мои, остановилось, кровь в жилушках застыла! «Всё! - пронеслось в голове. – Уж это точно конец!». А фашистюга тот

автомат к груди подобрал, на меня навёл и смотрит глаза в глаза через прицел. Он-то в окопе, а я наверху ещё. То ли рассматривал меня, то ли ещё что, только эта секунда мне вечностью показалась! А потом вдруг вздрогнул он, глаза закатил и осел. Срезал его старшина наш. Финскую прошёл и на этой войне не в одну атаку хаживал. Ох, и окрестил же он меня тогда по нашей российской матушке! Коротко, но с душой! До сих пор свечку за него ставлю!

А потом опять всё, как в угаре. Только и помню – крики, мат, кровь... Но страха уже не было, как рукой сняло! Только злоба звериная! С нашими-то винтовками в окопе никуда – штыку простор нужен! Так мы, кто штык отомкнул, кто сапёрную лопатку долой с ремня, а у кого ножи были, наши или финки трофейные – и вперёд! Вспомнить, ребяташки, страшно, как сотни здоровых мужиков рубили, резали, душили друг друга... Только каски звенели, да кости трещали!.. Тут-то силушка и довоенные тренировки мне и пригодились! Вот такие и были у меня боевые “крестины”. Вот и решайте сами – как *оно* на самом деле выходит...

Все молчали. Мы с Владимиром смотрели на Александра Ивановича и, наверное, думали об одном и том же: «Из какого металла отлиты *эти* люди? Какую нечеловеческую силищу, физическую и духовную, надо иметь, чтобы пройти *всё это*? А смог бы я?..»

Александр Иванович словно прочёл наши мысли и продолжил:

- А коли, сынки мои, у нас с вами разговор по душам получился, скажу вам ещё что. Если бы не Господь, – ветеран перекрестился на иконы в углу комнаты, - не дошёл бы я до Берлина! Я же с молитвой вставал, ел-пил с ней и на задания уходил. И крестным знаменем себя осенял: то тайно, шинелькой укрывшись, а то и прямо в строю, незаметно, хоть пупок, но перекрещу! Был у меня поначалу и крестик. Носить его не носил, но хранил, сколько мог. Но как попал в разведку, изъяли его отцы-командиры. Во-первых, какие могли быть крестики в *Красной* армии! Во-вторых, мы ведь

на ту сторону «чистыми» ходили: без документов и наград, без фотографий и писем из дома. Зато сейчас он всегда при мне, защитник мой!

Александр Иванович трепетно поцеловал свой простенький настенный оловянный крестик. Затем, усмехнувшись, продолжил.

- Жизнь-то - она штука хитрая! Бывало, возвращаешься с задания, поспешишь, обнаружишь себя, ну, фриц и давай из миномётов окучивать – провожать, значит. Жуть! Тут уж, партийный-беспартийный, валимся вповалку - и давай Бога вспоминать! В крик! Кстати, я недавно шутку меткую по этому поводу слышал, что атеизм – он ведь до первой тряски в самолёте! Вот ведь, братцы, какой коленкор получается!..

Наполнив стопки, мы с Владимиром встали.

- За вас, Александр Иванович! За подвиг ваш, за Победу! До гробовой доски вам обязаны!

Александр Иванович встал по стойке смирно, в глазах блеснула искра, плечи развернулись, тело напряглось и казалось, будет команда – вновь пойдёт в бой бывший разведчик!

- Спасибо, родные! Не за меня – за солдатушек наших, за народ наш советский давайте поднимем! За тех, кто смерть за нас принял и до светлых дней этих не дожил!..

Долго мы ещё сидели за нашим праздничным столом: хорошо, по-семейному. О здоровье говорили, о проблемах деревенских да городских, и, как водится, о государственных делах посудачили. Ведь как там без нас разберутся – что и как? И ещё бы говорили и говорили, если бы не ранний подъём и не радушный приём: то Владимир, то я закивали носами, проваливаясь в сон, что не ускользнуло от отцовского глаза.

- А сейчас, сынки, давайте-ка поспите! Это после баньки да стопочки самое милое дело!

Не сразу удалось уснуть мне. Не отпускал рассказ ветерана. Вот

мы с Владимиром рядом с ним, молодым, в глинистом сыром окопе. Вместе, крича и задыхаясь, бежим под вражеским огнём. «Ура-а-а!». А вот впереди и безымянный лейтенант: не бежит – летит впереди нас, словно архангел! И Тарас Сушко рядом с ним... И опять «Ура-а-а!». Вражеский окоп. Немцы огромные, каски с рогами! Схватка жестокая, беспощадная... Дед мой, фронтовик, Фёдор Артемьевич, и тоже молодой! А он-то как здесь? Прикрывает меня короткими очередями... Всё! Тишина! Победа?! Победа!..

Полуденная дрёма окончательно овладела мной. И я уснул, по-детски совершенно счастливый: мы с Володькой, Александр Иванович, лейтенант, Тарас Сушко, мой дед и все-все наши остались живы и невредимы! Слава тебе, Господи! Слава вам, дорогие мои старики!

ШАБАНОВА
Валентина Викторовна

1948 года рождения. Проживает в с. Кирово Мишкинского района. В 1966 году окончила Кировскую среднюю школу, затем Омский сельскохозяйственный институт. Работала в школе преподавателем, затем районным агрохимиком в Тюменской области. В 1980 году возвращается на родину в Курганскую область. До 2003 года работала в лесном хозяйстве с. Кирово. Награждена медалями за безупречную работу. В настоящее время на пенсии.

СУДЬБА СЕМЬИ - СУДЬБА СТРАНЫ

История моей страны и история жизни родителей неразрывно связаны. Потрясения в стране в начале XX века повлияли на судьбы народов, населяющих ее. Моя мать, в девичестве Сидорова Екатерина Александровна, родилась 7 декабря 1924 года в деревне Кабанье Шадринского района. Наречена была в честь зимней святой Екатерины, хотя в дальнейшем, когда уже действовали законы, ограничивающие прием на работу по возрасту, дата рождения изменилась на 18 июля 1922 года. Ее мать, моя бабушка Анна Ионовна, была выдана замуж в 1916 году. Революция и Гражданская война внесли коррективы в семейную жизнь молодых: мужа убили вдалеке от родных мест, а молодая вдова, прожив 2 года в семье свекрови, вернулась в родительский дом, где кроме нее были два брата и сестра. Хозяйство было крепким, прадеда раскулачили, сослали на Сахалин. Но бабушку не тронули. Она стала жить одна. Молодая, красивая вдова обращала на себя внимание, и любовь не замедлила прийти. Возлюбленный был не по нраву братьям, и открыто жить им не дали. Родилась дочь Екатерина,

моя мать, и отцу приходилось украдкой навещать их. Братья все же подкараулили его в один из таких визитов и убили.

Дважды овдовев, она работала в колхозе огородницей, растила дочку. На заре Советской власти сельское хозяйство страны набирало мощь, страна кормилась за счет собственных ресурсов, люди работали с полной отдачей сил. Дед, живший на Сахалине, оказывал материальную помощь дочери и внучке.

Уборочная страда 1929 года была роковой для Анны с дочкой. Бригада женщин убирала свеклу: ножами обрезали ботву, кидая в одну сторону, а корнеплоды - в другую. Анна в обеденный перерыв решила отдохнуть на куче ботвы, которая приятно холодила тело, разгоряченное работой. Уже к вечеру она почувствовала себя больной: скоротечное воспаление легких и в течение недели она «сгорела». Похоронили ее по христианскому обычаю. Единственная малолетняя дочка осталась одна.

Сестра мамы, Татьяна Ионовна, вышла замуж рано, в 16 лет. К двадцати у нее с мужем росли двое ребятишек, но, несмотря на бедность, они не бросают сироту, берут ее в свою семью. Тяжелое материальное положение заставляет семью уехать на север, в Мурманскую область на Кольский полуостров озеро Имандра. Муж работал на лесозаготовках, жена – занималась домом. Там у них родилось еще двое детей: в семье теперь было три сына, дочь и приемная девочка, т.е. - лишний рот. Уклад жизни несколько отличался от жизни в Зауралье. Ярки остались воспоминанья о сборе ягод: собирали не руками, а совочками. Разнообразии северных ягод велико: брусника, клюква, голубика, княженика. Любимое занятие детей – рыбалка. Рыба – большое подспорье на столе. Русские внесли свой вклад в жизнь коренных народов. Так лопари никогда не мылись в бане. Побывав там один раз, они полюбили это занятие.

Впереди была Великая Отечественная война, перед которой начались частые нарушения Государственной границы со стороны Финляндии. Боясь за свою жизнь, семья вернулась на родину,

в село Шаламово Мишкинского района. Добавив два года к возрасту сироты, ее устроили работать на маслозавод в д. Плотниково, а затем в с. Кирово. С 14 лет Катя начала самостоятельную жизнь: снимала квартиру и работала, чтобы прокормить себя. После войны она вышла замуж тоже за сироту, но не одинокого. У него были брат и сестра.

Предки со стороны отца - выходцы из Вятской губернии. Жизнь в Вятской губернии была суровой и бедной, занимались в основном земледелием. Наиболее смелые уезжали в поисках лучшей доли. Мой прадед, Савелий Иванович Ильиных в начале XX века переселился в Зауралье.

У него было семь детей: Мария, Афанасий, Дмитрий, Алексей, Андрей, Надежда, Абрам.

Сын, Алексей Савельевич, завел семью в деревне Большое Окунево Мишкинского района. Женой его стала Евлампия Никитична. Оба родились в конце XIX века. По тем временам дед был грамотным: окончил две ступени школы (7 классов). Семья, как и все односельчане, жила за счет собственного хозяйства. Исповедовали старообрядчество.

Служил в царской армии – был военным фельдшером - поэтому в деревне он продолжил медицинскую практику. А еще Алексей Савельевич любил портняжить и хорошо рисовал. Часто в дом приходили гости, зажигали «молнию» (керосиновую лампу) и пели. Любимая песня «Скакал казак через долину». В 1930 году деду было предложено работать в селе Воскресенском (ныне Кирово), но нужно было переезжать, бросать все нажитое, построенное своими руками. Решили остаться в Окунево. В один из зимних дней Алексею Савельевичу пришлось по вызову проехать дальнюю дорогу на лошади. Приехал домой, почувствовал, что простыл, и вскоре умер.

Отец Евлампии - Никита Фадеевич жил в деревне Корчажка. В 1929 году был раскулачен, хотя вступил в коммуны. Его прозвище «Никита богатый» Имел 7 лошадей и инвентарь. Был сослан на

север и вскоре умер. Евлампия Никитична одна стала вести хозяйство. Хлеб пекли сами, в доме не стало муки, и она поехала на мельницу молоть зерно. Это была сильная женщина, сама поднимала мешки с зерном. Разделась в зимнюю погоду, простыла. Ее болезнь была недолгой – вскоре и она умерла. Дети: девочка Полина - 4 года, сын Виктор - 7 лет, сын Семен 9 лет - остались сиротами.

К тому времени дети Савелия Ивановича: двое умерли, трое уехали в город, а Абрама раскулачили и отправили в Тюменскую область. Там он умер.

Так что старших поместили сначала на квартиры, потом в интернат. А дочка осталась в родительском доме, куда приехал дальний родственник с женой и дочкой. Работал заведующим фермой. Случилось так, что в речке утонуло 4 теленка. Времена были суровые, боясь ответственности, Василий с семьей бежал в Иркутскую область, скрывшись от расправы. И вновь Полина осталась одна в доме. Тогда колхоз нанял женщину, которая ухаживала за ней. Жила в доме 4 года. По воспоминаниям Полины, «это был кромешный ад». Братья в это время учились в школе и жили на квартирах. «Выписали в колхозе 2 кг хлеба, так не стал сразу все есть, а спрятал в сарай, долго потом ходил, отламывал по кусочку, старался растянуть на долгий срок», - вспоминает средний брат.

О хлебе насущном дети заботились сами. Однажды Виктор с другом пошли пасти коров и сестренку с собой взяли. Решили подкормиться на гороховом поле, а его охраняли. Нарвали гороха, обернули вокруг Полины, а сверху надели бушлат. Она одна пошла домой. Сторож увидел воришку и верхом на лошади рванул за ней. А был тот сторож слепой на один глаз. Ребятишки знали об этом. Девочка решила бежать в ту сторону, которую глаз не видит, и спряталась в ложбинке. Глупышка была! Сторож догнал ее, «погладил» хлыстом, но горох не отобрал. Жили сестра с братом там, где приютят. Старший брат к тому времени поступил в техникум, но долго не проучился, бросил учебу и вернулся назад. Его

**Мама Ильиных
(Сидорова)
Екатерина
Александровна,
отец Ильиных
Виктор Алексеевич,
дети Валентина,
Любовь, Владимир,
1958 год.**

направили работать в Маяк, сестру он взял к себе. Завели они корову, жизнь

стала сытнее. Но корова быстро надоела: много редела. Тогда они ее продали, а на вырученные деньги купили Семену гитару, а Виктору – гармонь (он к тому времени закончил учебу). Братьев как грамотных людей направили работать в Туманово учителями.

Жили дружно, помогали друг другу. Как-то сестренке понадобились очень уж деньги, и она решила не есть, а «брать деньгами». Братья посмеялись над ней, но денег дали. Многие в то время из наших краев уезжали работать в Магнитогорск. Семен был одним из них. А младшие переехали в Кирово: Виктор устроился работать счетоводом в райтоп, и Полина училась в 5 классе. Сначала жили где придется: в доме собиралось до 10 человек. Потом брату дали комнату, через стенку от конторы. Зажили они как порядочные люди, заботясь друг о друге. Как-то попала в глаз соринка брату, все всполошились, а сестренка в обморок упала. Обожала она своих братьев, дороже у нее никого на свете не было.

Пришло время, старший брат Семен пошел в армию. Чтобы ему легче служилось, братья заключили договор, по которому Виктор обязывался ежемесячно высылать 15 рублей, а когда младший будет в армии, то Семен в свою очередь должен тоже высылать 15 рублей брату. Датирован тот документ 20 февраля 1941 года (он сохранился в семейном архиве). И таких договоров было мно-

го и все по поддержке друг друга. Вскоре началась Великая Отечественная война. Одна родственница предложила Полину взять к себе, а не отправлять в детский дом. Сестра с братом перебрались к Анастасии Ивановне Косолаповой. Она жила со своей мамой Прасковьей Фадеевой. Виктор ушел на войну, а сестренка так и не попала в детский дом, прожив всю войну у родственников, получая пенсию за братьев, ушедших на фронт. Очень тепло отзывалась всю жизнь Полина об этих удивительно добрых людях.

Закончилась война. У сирот было огромное счастье. Все выжили и встретились! Это была награда за жизнь сиротскую. Виктор вернулся в родные края, хотя его звали родственники в Иркутск. Очень уж любил свою малую родину – «прекрасный уголок мира». Свою судьбу он нашел здесь, в Кирово. Вернувшись с войны, жил с сестренкой, а затем женился. Полина уже окончила школу и работала корректором в типографии, затем уехала в Челябинск, закончила там пединститут, проработала всю жизнь в школе.

Старшего брата судьба забросила далеко, в Баку, где он работал на мебельной фабрике, в 70-х переехал в город Курган.

Выжили эти ребята, благодаря взаимовыручке. Какое-то время один из братьев жил в Иркутске, отправляя посылки на родину своим родным. Он поддерживал близких ему людей. Полина всегда с трепетом отзывается о своих братьях. Они были ее опорой и гордостью всю жизнь.

Дети всегда разделяют судьбу своей страны. Я благодарна судьбе, прожив с родителями долгие годы. В детстве мне часто хотелось иметь бабушку, как у других детей. И когда говорят, что русские люди – это Ивановы, родства не помнящие, не верьте этому. Сейчас главное успеть записать историю своей семьи, пока еще живы те, кто помнит. Записать и передать. Своим внукам, правнукам. И все же продолжает беспокоить вопрос: кто же вы, мои прадеды, прабабушка? А прапра...?

Ну что ж! Время еще есть.

ШЕШУКОВА

Людмила Витальевна

Родилась в Кургане в большой дружной семье железнодорожников. Здесь же окончила школу и поступила в Курганский педагогический институт. Играла в институтской сборной по баскетболу, пела-плясала в агитбригаде, писала стихи и заметки в газету. После окончания физмата института пришла в школу, проработав в ней 43 года учителем математики.

Любит стихи Пушкина и Татьяничейвой, Есенина и Ошанина. А больше всего любит жизнь. Утверждает, что ее стихи несовершенны, но они от души.

МОЯ МАМОЧКА

Да, как сейчас я помню свое детство:
Кроватку деревянную и песни,
Дом от которых весел был и тесен,
И маму, что дала мне то в наследство.

Они с отцом играли, пели.
Нас к сцене приучали тоже,
Чтоб мы на них были похожи
И сделать музыкантами хотели.

Но их мечты война оборвала
И отняла у нас отца родного,
У нашей мамы мужа дорогого,
И трудные заботы ей дала.

Поднять троих — голодных, непослушных.
Одеть, обуть, самой не знать и сна,
Отдать им все должна была она,
Чтоб вырастить умелых, сильных, нужных.
И вырастила — низкий ей поклон!

И отдала нам доброту в наследство,
И честное, отзывчивое сердце,
И верность — все, чем полон был
наш дом.

И дом наш полон был друзей
Все ели пироги ее и плюшки,
Горячие картовные ватрушки
И все мы были в радость ей!

Она нас на курорт возила,
В Одессу, к морю, раков есть.
Самой же некогда присесть
Летит в Москву, где служит сын
любимый.

Вернулся сын — вновь некогда вздохнуть.
Одних надо учить, других женить,
А детям невдомек, что маму надо
читать,
Разъехались — у каждого свой путь.

Но некогда скучать: любимый сын
женился,
Тут дочь меньшая замуж собралась.

Она в село к ней еле добралась,
А дома внучка появилась - Юрий
отличился.

Внучат растила, детям помогала,
Теплом сердечным их отогревала,
За день умается, без ног совсем -
И замертво уснет, отдавши силы все.

Внучата подросли все трое
И в доме радость, нету горя.
А тут уж сватают ее,
то русый, то брюнет,
Но ей до женихов и дела нет.

Немного отдохнула — правнук первый!
О, радость! С головой в дела.
Всю ласку и любовь внучонку отдала.
И прихворнула — не сдержали нервы.

Но только весть услышала, что где-то
Родилась правнучка и в ней нужда -
Она не думая сказала: «Да!»
И укатила, взяв с собой таблетки.

И пусть это все никогда не вернется,
Но мама для нас живой остается,
Чтоб высохли слезы — она нам
поможет,
Страданья уменьшит и силы умножит.

ШНЫРЁВА
Елена Павловна

Родилась в с. Частоозерье 19 декабря 1965 года. После окончания средней школы поступила в Курганское культурно-просветительное училище на библиотечное отделение. После его окончания вернулась в родное село и уже более 30 лет работает библиотекарем отдела обслуживания межпоселенческой центральной библиотеки. Активная участница художественной самодеятельности.

Воспоминания о Таисии Ивановне Шешуковой
из села Частоозерье

Известие о Великой Отечественной войне моя бабушка Таисия Ивановна Шешукова встретила на рабочем месте, в Частоозерской конторе связи, где она работала телеграфисткой. Она первой услышала речь Сталина, забыв про наушники, в которых тревожно металась звуки морзянки. Её сковали простые и страшные слова о начале войны. Кодовые телеграммы шли одна за другой. Ключа шифра она не знала, но адресата помнила хорошо – военкомат, милиция. После телеграмм появились толпы людей, вереницы подвод и машин. Мужчины уходили на фронт. Аппарат приносил и другие телеграммы. Фронт требовал лошадей, хлеб, мясо. Скоро в село потоком стали прибывать беженцы. Кое-как устроившись, шли на телеграф отослать депеши в поисках потерянных или оставленных в спешке родных и знакомых. Днём телеграф был загружен до отказа. Летели «молнии», срочные для райкома и исполкома, военкомат и милицию. Частенько часов до двух ночи бабушка работала на телеграфе. Дома, некоторое время управится по хозяйству, с детьми – и снопом на кровать. Не успеет заснуть по-настоящему, стучат: «Таисия, срочно к аппарату вызывают».

Не жизнь, а мучение. Зато ей триста граммов хлеба полагалось. А хлеб-то, сожмёшь в кулаке, а в руке мокрый чёрный комок остаётся. Это на двоих детей, мать и себя. Почти непрерывная работа и недоедание высушивали организм в буквальном смысле этого слова. Как-то от голода бабушка Тая чуть не свалилась прямо на работе. Спасибо добрым людям, довели до дома. В Брестской области погиб её старший брат Георгий Иванович Тетюшев. Всего одно письмо написал солдат домой.

Победа пришла к моей бабушке Таисии Ивановне в виде весёлого посвиста в наушниках. Враг капитулировал! - радостно пела морзьянка. Теперь телеграф отстукивал телеграммы бодрые и радостные. Район вставал на ноги, жизнь в селе налаживалась. Много испытаний за годы войны довелось пережить моей бабушке Таисии Ивановне Шешуковой. Всего двух месяцев не дожила бабушка Тая до своего 90-летнего юбилея. До сих пор помню её ласковые руки, добрый и внимательный взгляд из-за толстой оправы очков, о вкусных оладушках и наваристом, ароматном супе из чугунка, сваренном в русской печи, о хорошей рассказчице и рукодельнице-мастерице. И хоть давно бабушки нет с нами, но как реликвии хранятся в нашей семье филейки и скатерти, связанные бабушкиными руками, наградной лист о присвоении ей звания «младший инспектор связи III ранга» и полученный ею в ноябре 1949 года. Моя бабушка - Таисия Ивановна, не была на войне, но её жизнь была направлена на то, чтобы служить своему народу в тяжёлые военные годы, растить детей и внуков, оставить добрый след в памяти односельчан.

ОБРЕТАЮ КОРНИ

Незнание своей родословной
до седьмого колена –
признак сиротства.
(Народная мудрость)

Повествование позволю себе начать в стиле русской народной сказки. Жили-были в селе Марайском старик со старухой. Звали их Никифор и Наталья. Родились они на одном году: 1898-ом. И было у них четверо детей. Старший из них – «взором ясный, речию краснейший, телом быстрейший». Сгинул он в ту проклятую войну, 19-ти лет от роду. Сестра его на два года моложе, трудилась в тылу в больнице, потом всю жизнь – воспитателем в детских яслях. И младшие двое

– трудолюбивые да характером покладистые. Не сказать, что счастливая доля досталась старикам, но детьми они были довольны, не обойдены их лаской и вниманием. А уж как внукам-то радовались! То и прожили они долгую жизнь и умерли в один год, 1980-й.

Никифор Евгеньевич и Наталья Федотовна Шумковы – это мои дорогие дедушка и бабушка. Они не дальние предки, они живы в памяти, я храню и перечитываю их письма почти полувековой дав-

ШУМКОВА
Людмила Александровна

1951 года рождения. Родом из села Мостовское Варгашинского района. Образование высшее педагогическое. До института трудовую закалку получила на Курганском машиностроительном заводе по профессии “токарь-револьверщик”. Проработала учителем математики 34 года. 25 лет сотрудничает с районной газетой, где ее «громко» называют селько-ром.

ности, в них краткие эпизоды прошлой жизни, их чувства и чаяния, их печали и радости. Как они любили меня, как этого теперь не хватает! И только воспоминания, как вытирала бабушка мои детские слёзы, погладив и прижав к себе, как сказывала сказки, со мной навсегда. Жаль, что не попросить уже у неё прощения за ошибки моего юношеского максимализма, а она бы простила. И поклон делаю только при уходе за могилками.

В дедушкиных письмах умиляют одинаково тёплые начало и конец письма по всем правилам эпистолярного жанра.

«Здравствуйте, дорогие и многоуважаемые дочь Галина и зять Александр. С горячим приветом к вам ваши папка и мама Шумковы. Ещё спешим сообщить вам, что мы получили от вас долгожданное письмо и за что вас сердечно благодарим. Из письма узнали, что вы в настоящее время живы и здоровы, чему мы очень рады. А также мы шлём поклоны Борису и Татьяне. Ещё вам передаёт почтение Фёкла Федотовна с мужем Алексеем Тарасовичем». И только после такого вступления идут семейные новости. А в конце обязательно так: «С тем и до свидания. Целуем вас. Остаёмся живы-здоровы, чего и вам желаем. Берегите себя. Известные ваши родители Шумковы».

Образование у дедушки было три класса церковно-приходской школы, а бабушка ни дня не обучалась в школе, называла себя самоучкой. Эта невеликая грамота не мешала им писать интересные письма, читать с увлечением «Роман-газеты» и книги из библиотеки. Я вспоминаю в бабушкиных руках трилогию «Хождение по мукам» Алексея Толстого или роман Эмиля Золя «Дамское счастье». Также увлечённо они делились прочитанным. Почтительное отношение к литературе подтверждает и тот факт, что с первой своей пенсии дедушка купил мне не игрушки и не сладости, а две книжки, они сохранились до сих пор.

Когда-то давно я задалась вопросом: а кто же из нашего рода жил до них? И только выйдя на пенсию и имея много свободного времени, я обратилась к архивам – искать дорогу к своим истокам. Я руководствовалась воспоминаниями дедушки и бабушки при их жизни, но главные источники имён моих предков – Курганский и Тобольский архивы. Это чудо – увидеть родные имена и фамилии на пожелтевших от времени страницах старинных церковных книг!

Перед нами снимок Марайской Богоявленской церкви. Именно эта церковь фиксировала браки моих предков, рождение их детей. И именно здесь слушали мои предки милые сердцу перезвоны колоколов, приобщались к церковным таинствам, молились за лучшую долю своим детям. Тогда церковь была составной частью государства и записи актов гражданского состояния велись в православных храмах. Паспортов, вероятно, не было, факт прописки и дату рождения можно было определить только по церковным записям в метрических книгах да по ревизским сказкам. С первой же попытки мне удалось установить дедушкиных родителей, они значились в акте от 30 января 1917 года бракосочетания дедушки с бабушкой, которое совершалось, как написано - «с благословения родителей жениха и родителей невесты», и далее – их фамилии. И так крупница за крупницей я шла в глубь веков в поисках следующих поколений. Эта работа затягивает и восторгает, хотя

Марайская Богоявленская церковь Варгашинского района

требует терпения и кропотливости. Теперь я знаю предков, которых не знали даже дедушка с бабушкой, вот бы они удивились результатам моих поисков: ведь я дошла до предков 8 колена, рождённых в начале XVIII века, ещё до основания Марайской слободы (она основана в 1756 году). Самые глубинные мои корни – это Карякин Антип Галактионович, 1723 г.р. и его жена Акулина Архиповна, 1724 г.р. Все мои предки оказались из села Марайского (ныне село Мостовское Варгашинского района) и близлежащих деревень: Барнаула, Нюхалово, Заложного, Рямово, села Мостового (ныне Малое Мостовое Мокроусовского района). Найденные фамилии: Шумковы, Верходановы, Карякины, Бояркины, Захаровы, Литвиновы. Все они – крестьяне из государственных – люди физической мозольной работы, рано встававшие и поздно ложившиеся спать. Первые из них 260 лет назад расселились на просторах зауральского мало обжитого ещё края. Края, полного тогда

опасностей: набеги кочевников, грабежи, поджоги, угоны в плен, засухи и недороды, болезни и даже эпидемии. Оказавшись наедине с природой, они находили смелость, упорство и силы строить жилища, колодцы, мельницы, дороги и мосты, разрабатывать сохой земли – как могли, осваивали территорию, оставляя после себя плодородные пашни, расчищенные леса, выстроенные сёла и деревни. Кроме земледелия и животноводства, люди занимались различными ремёслами. Были среди них охотники, рыболовы, бондари, кузнецы, чеботари и пимокаты, кожевники и шорники, гончары, портные и т.д. Чисто женскими занятиями были переработка льна и шерсти, уход за домашней птицей и огородом. Все эти исторические факты я теперь вспоминаю применительно к моим предкам. Поразительно – когда только они успевали всё это делать!

Семьи все были многодетные. По одной из записей представляю сцену...

В доме Степана Бояркина оживление, гости заходят. Соседки интересуются:

- Что это у них за событие?
- Да Федосья ребёночка принесла.
- И кто же?
- Сынок, Тимошкой думают назвать, в честь деда.
- Молодые ещё, а деток полный дом.
- Да им ещё по 38 всего-то.
- Этот который по счёту?
- Шестой будет.

И это был не последний ребёнок в семье. В 43 году они родили ещё Настасью.

По переписи 1897 года в семье Шумковых из Нюхалово вижу другую картину. В 1889 году на радость молодым родителям родилась дочка Глафира, через 3 года - сын Яким. И вскоре случилась беда: безвременная кончина их матери. И остался Евгений с двумя детьми на руках. Но по записям в Брачных обысках узнаю, что нашлась добрая девушка 19 лет из деревни Заложной Ирина

Захарова, она пошла замуж на двоих детей и через год родился у них мой дедушка Никифор. Этот брак со второй женой дал четырёх потомков.

А однажды овдовел бабушкин дед Моисей, имея тоже двоих детей, в том числе будущего бабушкиного отца Федота. Во втором браке семейство Моисея и Марьяны выросло ещё по два потомка. Многодетной стала и семья бабушки Натальи, у неё было 7 братьев и сестёр, правда, двое умерли в раннем возрасте. По Ревизским сказкам 1816 года Верходанова Мария Афанасьевна (прабабушка Федота) в 36 лет числится вдовой, одна пестует троих детей: Маремьяну двенадцати лет, Дмитрия восьми лет и Ефима семи лет. По более поздним переписям видно, что замуж она больше не выходила и проживала с семьями сыновей.

Ещё много разных историй просматриваются по архивным документам.

Если в Курганский архив я езжу и работаю в читальном зале, то Ревизские сказки по Курганскому округу есть в интернете в свободном доступе на сайте Тобольского архива. Молодым это не удивительно, а меня поражает – до чего дошла техника! Не выходя из дома, имею возможность находить имена предков, состав их семей с указанием возраста каждого члена, копировать файлы с именами моих родных в их первоизданном, а не в переписанном виде.

По найденным материалам я делаю посемейную и поколенную росписи, составляю схемы родословного дерева. И теперь не такими уж далёкими кажутся мне найденные поколения нашего рода.

Прошлое в чём-то определяет наш путь, как-то свыше правит нами, оно в нашей крови, в наших генах. Оно стабильно и фундаментально, его нельзя изменить, остаётся только хранить. Не представляется сейчас возможным хранить облик далёких родных, черты их характера, привычки, но этот недостаток заменяет воображение.

Спасибо судьбе, что я жила почти всю жизнь на родине пред-

ков. На этой вот земле и они жили, трудились и здесь покоятся. Надеюсь, что тоже внесла вклад в лучшую долю следующих поколений. Я рада, что моим предкам не суждено затеряться вместе с могилками на Марайском погосте, хотя бы их имена воскресли в памяти потомков. Не попали они в число забытых, не исчезли на ветрах и кострах времени.

Источники:

1. Курганский областной архив, Фонд №113 слободы Марайской Боговяленской церкви:

Духовные росписи 1794-1915 г.г.;

Метрические книги 1804-1862 г.г.;

Брачные обыски 1805-1918 г.г.

2. Тобольский государственный архив:

Всеобщая перепись 1897 года, Фонд 417, опись 2, по Курганскому уезду, дело 1625 по Марайской слободе, дело 1622 по д. Барнаул, дело 1625 по д. Заложной, дело 1633 по д. Ньюхаловой, дело 1635 по д. Рямовой;

Ревизские сказки за 1795, 1812, 1816, 1834, 1850 годы по Марайской волости и Мостовской волости Курганского уезда. Фонд И154, дела 246, 319, 387, 511, 732, 734

3. Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период). Курган, 1995

ШУРКО

Нина Ивановна

Родилась 7 марта 2003 года. Учится в 6 классе Мехонской средней общеобразовательной школе Шатровского района.

Руководитель: Кокотева Наталья Геннадьевна, учитель русского языка и литературы МКОУ «Мехонская СОШ».

ТРИ ИВАНА

На уроках исторического краеведения мы познакомились с наукой генеалогией, собирали сведения о своих предках и рисовали генеалогическое древо.

Побеседовав с мамой, папой, бабушками и дедушками, я составила древо нашей семьи, отобразив на нем ближайших родственников пяти поколений.

Особо в древе можно выделить предков, участвовавших в Великой Отечественной войне. Это Суковатицын Илья Тихонович, Кашин Иван Александрович, Марканов Иван Павлович, Шурко Иван Михайлович. Все они вернулись с войны живыми. О Илье Тихоновиче, моем прапрадеде по материнской линии, мы собирали сведения, готовясь к акции «Бессмертный полк». А вот о трех Иванах я не знала ничего.

Шурко Иван Михайлович, мой прадед, отец моего дедушки Шурко Алексея Ивановича, родился 21 июня 1923 года в Кировоградской области на Украине. Его семья, мать Степанида, отец Михаил Иванович переехали в 1926 году в Половинский район современной Курганской области, в деревню Чулошное.

21 июня 1941 года Ивану Михайловичу исполнилось 18 лет, а на

КАШИН
Иван Александрович

следующий день началась война. Его призвали служить Половинским райвоенкоматом. В Чебаркуле закончил курсы старшин. Службу нес в мотострелковой дивизии. Освобождал Варшаву, дошел до Берлина. Дважды был ранен. Награжден орденами «Отечественной войны» II степени, «Красной Звезды», медалями «За освобождение Варшавы», «За отвагу», «За взятие Берлина».

После войны закончил курсы агрономов, работал в колхозе. Награжден медалями «За освоение целины», «Участнику Всесоюзной сельскохозяйственной выставки». Позже работал в селе Половинном кладовщиком в дорожном участке до выхода на пенсию. Дважды был женат, воспитал двух дочерей (Зою, Любовь) и трех сыновей (Владимира, Алексея, Виктора). Умер в 1994 году в возрасте 71 года.

Кашин Иван Александрович, мой прапрадед, отец моей прабабушки по материнской линии Суковатицыной Евгении Ивановны, родился 10 января 1915 года в деревне Сладчанка. До войны женился на Кузнецовой Татьяне Степановне, родилось двое детей: Евгения (моя прабабушка) в 1936 году и Николай в 1939 году. Мальчик через три года заболел и умер. В 1942 году Татьяна Степановна родила сына, когда Иван Александрович уже был на войне. Мальчика снова назвали Колей.

Иван Александрович служил на Ленинградском фронте. К со-

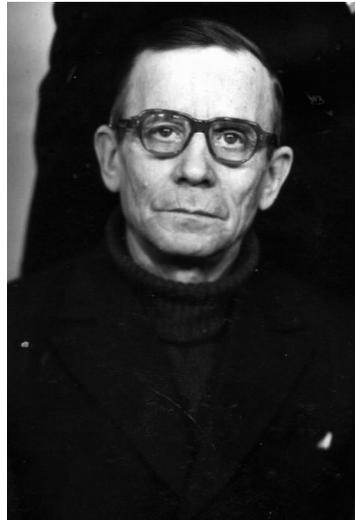
жалению, подробностей никто не знает. Когда дети просили рассказать о войне, он не хотел ничего говорить и плакал. Только однажды вспоминал, как освобождали город Великие Луки Псковской области. Тогда немцы согнали жителей города в церковь, закрыли все окна и двери и хотели поджечь. Освобожденные люди обнимали и целовали своих спасителей. Не сохранилось и наград прапрадедушки. Но в семейном фотоархиве сохранилась фотография с надписью на обороте: «На добрую память Родителям от зятя И.А. Фотографировался 5.1.1945 года г. Калушин». Оказалось, Калушин – город в Польше. Следовательно, Иван Александрович воевал за освобождение этой страны.

После войны он работал в колхозе «Урал» трактористом, позже был заместителем председателя колхоза. Вскоре после войны родились дочь Галина (в 1947 г.) и сын Александр (в 1949 г.). Все его дети выросли порядочными людьми, имеют свои семьи. Умер Иван Александрович в возрасте 56 лет после тяжелой болезни.

Марканов Иван Павлович, мой прадед, отец моего дедушки по материнской линии Марканова Александра Ивановича, родился 28 февраля 1923 года в селе Манадыши-1 Мордовской АССР. Закончил 4 класса. Работал в колхозе за трудодни.

Ушел на войну в 1942 году. Воевал на Ленинградском фронте в пехоте. Был ранен несколько раз. Имел награды, которые остались на родине у родителей.

После войны служил на аэродроме, но подробности о месте службы неизвестны. После возвращения на родину в 1948 году снова стал работать в колхозе, хотел уехать, но не отдавали паспорт. В 1951 году

уехал на Урал, в город Краснотурьинск и прожил там до конца жизни. Женился на Ивашкиной Вере Андреевне, уроженке Липецкой области, которая также приехала на Урал в поисках работы. В 1956 году родился сын Александр.

Иван Павлович работал шахтером 20 лет, добывал в шахте медную руду. Про войну вспоминать не любил. Однажды рассказывал, что ели мясо погибших лошадей. Еще рассказывал, что во время боев немцы обстреливали настолько сильно, что приходилось отстреливаться из окопа, прячась за телами погибших товарищей. Умер прадедушка в 2004 году.

Великая Отечественная война прошла по судьбам и моей семье: мои прадеды воевали на фронте и внесли достойный вклад в Победу нашего народа.

Свою работу я назвала «Три Ивана». И не только потому, что все мои прадеды - тезки. Всех их объединяет то, что они долгие четыре года боролись за освобождение нашей Родины от врага,

вернулись домой к своим родным живые и невредимые. Несмотря на все испытания, три Ивана нашли в себе силы жить дальше и работать на благо своего Отечества, восстанавливая страну от разрухи. Они обзавелись семьями, вырастили и воспитали достойных детей.

Я горжусь своими родственниками, жившими до меня и оставившими след в истории моей страны!

ШУРКО
Иван Михайлович

ШУРКО
Илья Иванович

Родился 27 июля 1999 года в городе Кургане.

С 2006 года обучается в Мехонской средней школе Шатровского района. В 2015 году получил аттестат об основном общем образовании «С отличием». Сейчас продолжает учебу в 10 классе в социально-гуманитарной профильной группе.

ВСЯ ЖИЗНЬ ЕЕ - ПРИМЕР ДЛ ПОДРАЖАНИЯ

Человеческая жизнь – вещь очень интересная... Все в ней есть – и горести, и радости, большие взлеты и стремительные падения. Тем более интересны нам жизни других людей, особенно наших кровных предков. Их судьбы, как зеркала эпох, отражают в себе все стороны современного им бытия. Окунешься в те истории, и столько чувств начинает раздирать сердце. С одной стороны, восхищаешься поступками, которые совершали твои бабушки и дедушки, просто понять не можешь, как такое вообще возможно. А с другой стороны, видишь себя во все том же зеркале – твои предшественники так же любили, так же мечтали и строили планы на будущее. В этом и есть связь поколений – в чувствах, скрытых под пеплом времени. Сегодня я хочу рассказать вам о своей прабабушке, Суковатицыной Евгении Ивановне.

Евгения Ивановна родилась в 1936 году в деревне Сладчанка Шатровского района (на тот момент Челябинская область). Женя была первым ребенком из четырех в семье. Её родители, Иван Александрович и Татьяна Степановна Кашины, были простыми крестьянами. Так вышло, что детство моей прабабушки пришлось

на военные годы. Отец, как и все мужчины в окрестности, ушел на фронт.

Евгения Ивановна рассказывает: «Есть было нечего, хлеба не было. Весной собирали на полях мерзлую картошку, потом сушили. Собирали кобыляк, боярку в лесу. Носить было нечего, одежду сами делали, сами ее украшали вышивкой. Вышивали при свече в бане. Материалы для работы трудно было достать. Разводили овец. В войну вязали юбки, штаны, носки для фронта. Мы в куклы играли, а нас заставляли вязать. В одной избе собиралось много женщин. Каждая семья на поле выращивала лён. Сами его убирали, сушили в специальных «мётных» банях, мяли, ткали из льна ткань. Разводили гусей».

И даже в эти суровые времена находилось время для учебы. Прабабушка училась в Сладчанке и в Спицыно, закончила 7 классов.

Послевоенные годы оказались ничуть не легче. Нужно было поднимать страну из тяжелой разрухи. Евгении Ивановне пришлось уже в 16 лет уехать из дома в город. Два года она трудилась на металло-прокатной фабрике в Шадринске рабочим. Хрупким девушкам доверяли самую тяжелую работу на выпуске проката.

Кроме того, их отправляли на изготовление кирпичей и шлакоблоков. К слову, первые шадринские «многоэтажки» стоят именно на этих блоках. По возвращении домой прабабушка пришла работать в колхоз «Урал», которому отдаст больше 35 лет жизни. Несколько лет Евгения Ивановна была дояркой на ферме. Труд был полностью ручной и очень изнурительный. У каж-

СУХОВАТИЦЫН
Илья Тихонович, 1977 год

дой доярки было по тринадцать коров. Поднос корма, уборка навоза, доение – все вручную.

В 1956 году Евгения Ивановна вышла замуж за моего прадедушку – Суковатицына Николая Ильича. Через два года у них родилась дочь Надежда. Хочется сказать, что эта пара все отведенные им свыше 48 лет прожила в

согласии и понимании. Не было больших ссор и раздоров, они искренне любили друг друга, были настоящими людьми труда – работали вместе в одной бригаде колхоза, содержали домашнее хозяйство.

Евгения Ивановна работала и пчеловодом, окончив курсы в Кургане, и поваром в полевой столовой, и птичницей. Но большая часть ее трудовой деятельности, а именно девятнадцать лет, пришлось на работу учетчиком второй тракторной бригады родного колхоза. Сажень, счеты и большие амбарные книги – вот нехитрый набор для поддержания порядка в учетной части огромной бригады. Евгению Ивановну уважали все мужчины, с которыми она работала – от ее точных подсчетов напрямую зависела их заработная плата, и ни разу учетчица не подвела работников. В 1991 году, на сломе эпох, прабабушка вышла на заслуженный отдых.

Однако и на пенсии Евгения Ивановна не сидит сложа руки. Несмотря на преклонный возраст, выращивает цветы, содержит в порядке огород, вышивает крестом картины и вяжет. Прабабушка всегда в курсе последних новостей, с ней есть о чем поговорить. Пройдя такой нелегкий жизненный путь, она сохраняет бодрость духа, умеет радоваться успехам внуков и правнуков...

Вот такая она, жизнь моей прабабушки, Суковатицыной Евгении Ивановны. Вся – как один большой подвиг, который можно считать примером для подражания.

* * *

За березовым колком,
За разливом раки
Целый день без умолку
Трактор в поле гудит.

Над деревней стемнеет
Так, хоть выколи глаз, –
Гул мотора сильнее
Слышен в хате у нас.

Я лежу на полатях,
За дерновой стеной,
Рядом – сестры и братья
Спят вповалку со мной.

И сквозь стены и окна
Слышу я в полусне,
Как плывёт издалёка
Гул мотора ко мне.

Вот он, тонкий и звонкий,
Как жужжанье осы:
Значит, трактор в загонке
В том конце полосы.

А из сумрака ночи –
Новых звуков наплыв,
Словно где-то клокочут,
Закипая, котлы.

А потом слышу вскоре
Звон щеколд и колец,

ЯГАН
Иван Павлович

Ветеран Великой Отечественной войны. Автор полутора десятков книг. Заслуженный работник культуры РСФСР Почетный гражданин города Кургана. Член Союза писателей России с 1966 года.

В сенках топот и шорох -
Входит в хату отец.

Сядет, чем-то доволен,
Не сказав ничего.
Густо трактором, полем
Пахнут руки его.

* * *

– Ну, разоспался!
Вставай, сынок! –
Утром разбудит мать.
Проснусь и слышу:
Где-то, далек,
Трактор гудит опять.

Навяжет мне мать в узелок еды
И скажет: – Отцу снеси!
И я, на траве оставляя следы,
Иду по лугам колесить.

Хитро подмигнет:
– Доедай! Я сыт... –
По горлу рукой проведет.

Сидим в зубчатой тени колеса,
Устроившись хорошо.
Небо над нами, как паруса.
Поле – корабль большой.

Тучки ни с места, а мы весь час
Плывем в голубую даль.
И дышит тропическим зноем на нас
Нагретого трактора сталь...

РАЗГОВОР С МАМОЙ

Я завтра брошу все дела и тотчас
Наведаюсь в Байдановку мою.
Там над одними из сотни бугорочков
Я за деревней долго простою.
Здесь, над могилой маминой – березы,
В зенит восходит солнце каждый день,
Летят к ней песни нашего колхоза
И песни всех окрестных деревень.
Здесь слышен смех внучат ее беспечных,
Когда бредут они в простор полей.
Весь мир огромный памятником вечным
Встал за дела обычные над ней...

– Ну, здравствуй, мама! Это я – Ванюшка.
К тебе я снова в гости, на часок.
Пришел, как прежде, – успокоить душу,
В которой столько вызрело тревог.

Припомнить то, как ты жила когда-то...
Кончались в доме скудные харчи.
К тому в нагрузку, что звалась солдаткой, –
Шесть едоков сидело на печи.

Одна опора – старший сын твой, Петька.
Хотя его еще зовут – «пацан»,
Но любо было на него смотреть, как
Водил он трактор, заменив отца.
Сейчас зима, и Петька в МТСе,
Под воскресенье явится домой.
Но что такое? В среду вдруг невесел
Пришел домой и ходит сам не свой.
Стал у окна, глядит сквозь занавеску,
Потом баском нетвердым протянул:
– Ты знаешь, мама, мне пришла повестка
Уеду завтра. К папе. На войну...
Ты встрепенулась:
– Что-то рано больно?
И села, чуя новую беду.
А он в ответ:
– Я ж, мама, добровольно.
Мы так решили. Не один иду.

Ты не спала тревожной этой ночью,
Все на дорогу стряпала Петру.
И вот – «Последний нынешний денечек...»
Уже поют ребята поутру.
Уже копытят снег упрямо лошади,
Кипит в глазах твоих слеза чиста.
Но не упала ты в сугроб на площади,
Хотя, наверно, легче было б так.

А ты стояла, онемев от горести,
И веря и не веря в сотый раз.
А ветер бил седеющие волосы
И леденил слезиночки у глаз...

А как все дальше было?
Помнишь, мама?
Ты шла домой, хватаясь за плетень.
Последнюю картошину с ростками
Ты в погребе достала в этот день.
Сварила суп и раздала нам ложки.
И мы, косясь в тарелку с наших мест,
Старались не вылавливать картошку:
Пусть, мол, братишка маленький поест.

А ты молчишь.
Без хлеба, через силу
Ешь луковицу с солью пополам.
И слезы градом по щекам катились –
Наверно, горькой луковка была...

ВСТРЕЧА

Я помню день, пришедший так нескоро.
Он шел, весь в славе, в радостях, в слезах.
И в честь его над низенькой конторой
Вдруг вспыхнул яркий и огромный флаг.

О, День Победы!
Крестятся старушки,
Гадалки сыплют карты всех мастей.
А вдовы тихо падают в подушки,
В избу собрав задумчивых детей.

А я тогда учился радость прятать.
И счастье есть, и все же трудно с ним...
Мальчишки! Тети! Мы ж не виноваты...
Мы вам поможем, мы вам все дадим!

Придет отец, он принесет подарки –
Я все их вам до одного раздам... ..
Мы ждем отца. И дни тем летом жарким
Семье казались равными годам.

А вот и осень кличут в небе птицы,
Летя к теплу, за высь безвестных гор.
Двумя мешками веяной пшеницы
Явилась осень в безоградный двор.

Придет зима суровая без спросу,
Ворвется лешим в улицы буран...
Пока тепло – мать за деревней косит
На топливо уже сухой бурьян.

Сестренки в поле. Бабушка – за стиркой.
Я, примостившись тихо у окна,
Сижусь на лавке и латаю дырку
На вышеупомянутых штанах.

Ура! Я раньше бабушки заметил:
Во двор солдат хозяином вошел.
Его таким я помню по портрету.
В руках шинель да желтый вещмешок.

Все прожитое помнится легко мне,
И все запомню – буду жив пока,
Лишь одного – хоть ты убей – не вспомню,
Как очутился на его руках.

Через минуту серым полем прямо,
Вспузырив рубашонку на спине,
Тараня ветер, мчусь с той вестью к маме,
Сбиваю ноги на сухой стерне,

Перехожу на рысь и вижу:
Мама
(Наверно, сердце чуяло её)
Взяла платочек белый из кармана
И уронила на землю косьё...

Тебе сейчас бы взвиться чайкой легкой,
Лететь туда, где радость – с океан,
Но ты, смеясь, раскинула веревку
И принялась накладывать бурьян.

Свела концы и, затянув потуже,
Взяла вязанку на плечи легко.
Идем домой варить для гостя ужин.
А «гость» идет навстречу прямиком.

Идет все той же и не той походкой.
Сошлись...
Я слышал: дрогнула земля.
К ногам упала рыжая пилотка,
За ней – вязанка, горечью пыля.

И вот он, исходивший пол-Европы,
Насквозь пропахший гарью от войны,
Шагает полем по заросшим тропам,
Вязанку сняв со слабых плеч жены.

И лишь теперь, за все четыре года,
Она опять почувствовала вдруг
Восторг и немощь перед этой гордой
Мужскою силой работающих рук.

* * *

Холода...
К кому мне прислониться?
Все пути к тебе перемело.
Мама, мама, почему мне снится
Рук твоих ушедшее тепло?

Жду и жду: а вот беда растает,
Боль уйдет из сердца моего.
Я большой, но так мне не хватает
Глаз твоих и слова твоего.

Я изведал радость и утраты,
Но они меня не сбили с ног.
Всё ж хочу услышать, как когда-то
Ты мне скажешь: «Ничего, сынок...»

Приходи неслышно легкой тучкой,
Хоть минуту рядом постоим.
Мама, мама, у тебя есть внучка,
Щебетунья с именем твоим. ...

Только долог сон твой беспробудный.
Над тобой в степи ветра трубят.
Мама, мама, слышишь, как мне трудно?
Как мне горько, мама, без тебя!..

1975 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово Владимира БАБИНА.....	3
Вступительное слово Владимира ФИЛИМОНОВА.....	4
АКСЕНОВ Николай Алексеевич.....	5
АКШИНЦЕВА Оксана Анатольевна.....	13
АЛЕКСАНДРОВА Валентина Сергеевна.....	18
АРАНОВСКАЯ Надежда Федоровна.....	24
БАБИНОВА Любовь Александровна.....	35
БАЛАШЕНКО Николай Иванович.....	46
БЕЛОКРЫЛОВ Михаил Владимирович.....	49
БИКСУРИНА Залия Рафаиловна.....	51
БОЧКАРЕВА Светлана Владимировна.....	55
БУЧНАЯ Татьяна Дмитриевна.....	60
БЫКОВ Виктор Андрианович.....	66
ВАЛЕЕВА Танзиля Фаатовна.....	71
ВЕРТКОВ Михаил Григорьевич.....	75
ВОЛОКИТИН Александр Иванович.....	76
ГАЛУШКИН Александр Алексеевич.....	80
ГОРЧЕНЁВА Марина Викторовна.....	88
ДЕГТЯРЁВА Ольга Викторовна.....	90
ДЕМИДЕНКОВА Татьяна Анатольевна.....	95
ДОМОЖИРОВ Александр Яковлевич.....	97
ЕФРЕМОВА Надежда Викторовна.....	99
ЗАТЕЕВА Дарья Евгеньевна.....	102
ЗАХАРОВА Наталья Героевна.....	104
ДАНИЛОВА Ольга Геннадьевна.....	113
ЗАЯЦ Елена Васильевна.....	129
ИСТОМИНА Надежда Яковлевна.....	143
КАЛИНИНА Надежда Андреевна.....	149
КАЛУГИНА Нина Ивановна.....	153
КАРАСЁВ Александр Анатольевич.....	155
КАРЛЫКОВА Ольга Юрьевна.....	157
КИЛАНОВА Тамара Петровна.....	164
КИСЕЛЁВА Галина Николаевна.....	175
КОЛЕСНИКОВ Владислав Кузьмич.....	179
КОМАРСКИХ Нина Александровна.....	183
КОНДРАТЬЕВА Светлана Васильевна.....	191

КОНОВАЛОВ Леонид Александрович.....	201
КОСТЕНКО Александра Алексеевна.....	207
КУДЕЛЬКИНА Надежда Леонидовна.....	212
КУДЮРОВ Александр Владимирович (Челябинск).....	214
ЛУНТОВА Лариса Афанасьевна.....	221
МАЛОЗЁМОВА Любовь Петровна.....	223
МАЛОЗЁМОВ Андрей Анатольевич.....	226
МАНАКОВА Ольга Павловна.....	231
МАСЛЯЕВ Владимир Борисович.....	234
МАШНИКОВ Михаил Александрович.....	245
МИХАЩЕНКО Мария Дмитриевна.....	254
МОРГУНОВ Александр Владимирович.....	260
МУРЗИНА Надежда Леонидовна.....	262
ПАВЛЕНИНА Валентина Ивановна.....	266
ПАНОВА Надежда Александровна.....	279
ПЕРМЯКОВ Александр Николаевич.....	281
ПЕРУНОВ Сергей Александрович.....	282
ПОНАМАРЕНКО Надежда Васильевна.....	287
ПОПКОВА Лидия Николаевна.....	289
ПОТАНИН Виктор Федорович.....	291
ПУШКАРЁВА Наталья Александровна.....	307
РАЕВА Татьяна Ивановна.....	316
РАХИМОВ Урал Нигиматович.....	320
САЛАМАТКО Нина Ивановна.....	327
САЛЬНИКОВ Николай Алексеевич.....	340
САФРОНОВ Юрий Александрович.....	348
САФРОНОВА Маргарита Валентиновна.....	350
СКРИПОВ Лев Васильевич (Челябинск).....	352
СОКОЛОВА Людмила Геннадьевна.....	366
СОЛОВЬЁВА Юлия Николаевна.....	371
СПИЦЫНА Ирина Анатольевна.....	380
ЧУВАШОВА (Тихомирова) Марина Георгиевна.....	391
ФИЛИМОНОВ Владимир Иванович.....	409
ФИЛИППОВА Татьяна Ивановна.....	414
ЧЕРЕПАНОВА Лариса Юрьевна.....	424
ЧЕРНИЦЫН Олег Анатольевич (Екатеринбург).....	431
ШАБАНОВА Валентина Викторовна.....	457
ШЕШУКОВА Людмила Витальевна.....	463
ШНЫРЁВА Елена Павловна.....	466
ШУМКОВА Людмила Александровна.....	469
ШУРКО Нина Ивановна.....	475
ШУРКО Илья Иванович.....	479
ЯГАН Иван Павлович.....	482

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**ПО ИТОГАМ ОБЛАСТНОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА**

**ДОРОГИЕ
МОИ
СТАРИКИ**

Компьютерная верстка - Владимир Филимонов